АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

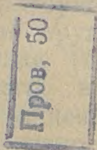
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

АКАД. Б. Д. ГРЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1940

П. Н. ШАРОВА

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

I

Переселенческая политика царизма отражает стремление крепостников-помещиков путем колонизации и захватов новых территорий сохранить за собой политическую и экономическую власть, давая возможность капитализму развиваться вширь и тем самым ослабляя остроту противоречия между растущей промышленностью и крепостническим строем страны.

Ленин очень четко определил это стремление крепостников-помещиков. Он писал: «Развитие капитализма вглубь в старой, издавна заселенной, территории задерживается вследствие колонизации окраин. Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь... Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение».[1]

Вместе с тем Ленин указывал, что вновь колонизуемые пространства создают возможность уйти на новые земли и для крестьянства. Это был иной поток переселенчества, который носил безусловно прогрессивный характер. Успех крестьянского переселения и его результаты зависели только от революции. Ленин связывал успех этого дела именно с аграрной революцией, с уничтожением самодержавия, с уничтожением класса крепостников-помещиков.

В истории переселенческого движения и переселенческой политики царизма можно установить ряд этапов. Царская Россия, которая в конце XIX — начале XX вв., на ряду с западноевропейскими странами, вступила в эпоху империализма, переживала очень глубокие противоречия между развитым промышленным и финансовым капитализмом и глубокими остатками крепостничества, сильно тормозившими капиталистическое развитие страны.

Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905 года закончилась поражением. Аграрный вопрос, являвшийся, по выражению Ленина, «гвоздем» русской буржуазно-демократической революции, остался неразрешенным. Сущность аграрного вопроса по-прежнему сводилась к устранению крепостнических пережитков в

---

[1] В. Ленин. Соч., III, стр. 465.

деревне. И после революции 1905 г. 30 тысяч помещиков продолжали владеть 70 млн. десятин земли, тогда как около 10 миллионов крестьянских дворов имели столько же земли. На этом фоне и происходила крестьянская борьба за землю. Еще ярче и острее развернулась после революции классовая борьба за один из двух возможных путей развития сельского хозяйства — прусский или американский.

Царское правительство поняло, что для удержания власти мало одних репрессий, карательных экспедиций, расстрелов и т. п. Оно поняло, что без ломки средневековых форм землевладения нельзя очистить дорогу для хозяйственного развития России. Тогда царское правительство, решив создать себе прочную опору в деревне в лице кулачества, прибегло к крупному маневру. Столыпин разработал ряд аграрных преобразований, чтобы направить развитие капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути. Эту задачу намечено было выполнить при помощи трех основных рычагов: закона (от 9 ноября 1906 г.) о выделении крестьян из общин на хутора и отруба, «крестьянских» банков и переселения крестьян из центральной России на окраины.

В «новой» аграрной политике царизма выселение возможно большего количества крестьянских масс из районов «земельной тесноты» центральной России заняло видное место, как один из способов разрешения аграрного вопроса и ослабления революционного напора крестьянства на помещичьи земли.

После того как сибирские земли были в значительной степени расхищены, взоры царского правительства устремились на земли Средней Азии. Как объект для колонизации Средняя Азия стала привлекать внимание царизма в связи с обострением англо-русских отношений во время русско-японской войны и в связи с захватническими целями царизма в Персии (ныне Иран). Министерство внутренних дел неоднократно указывало на то, что вся южная граница среднеазиатских владений представляет боевой фронт; этот фронт должен опираться на твердую базу, которая может быть создана только путем успешной колонизации края. Вместе с тем Средняя Азия привлекала внимание царизма как источник сырья и рынок сбыта.

Занимая огромную территорию в 1 731 090 кв. верст, Средняя Азия в силу своеобразных географических условий (резко континентальный климат, пустыни, острый недостаток влаги) не обладала обширными массивами подготовленной для сельского хозяйства земли.

Северная часть Средней Азии была населена кочевниками-скотоводами. Именно эти кочевые районы царизм избрал для систематического грабежа и расхищения земель. Население южной части Средней Азии было оседлое и занималось, главным образом, хлопководством. Эти районы царское правительство превращало в придаток к текстильной промышленности метрополии.

Выполняя требования и желания крепостников-помещиков и империалистической буржуазии, Николай II еще в 1904 г. на всеподданнейшем отчете ген.-майора Арандоренко о состоянии Ферганской области, против указания на крайне важное значение для колонизации области оросительных работ в долине реки Кугарты в Наманганском и Андижанском уездах, сделал пометку: «Несмотря на войну, обратить на это внимание».[1] А на отчете ген.-лейтенанта Ионова о состоянии Семиреченской области против указания на то, что для успешного хода русской колонизации настоятельно необходимо позаботиться о поземельном устройстве Семиреченского ка-

[1] УЦГАЛ, ф. П. У., 1904 г., д. № 51, л. 33.

зачьего войска и об определении количества земель, которое может быть изъято из пользования кочевников, Николай II написал: «Надо настойчиво двигать колонизацию этого края». [1]

В связи с этим вице-директор департамента земледелия кн. Масальский разработал в 1904 г. программу, где выдвигались три основные задачи: «1) Всемерное развитие хлопководства до таких пределов, чтобы наши бумагопрядильни были обеспечены хлопком внутреннего производства; 2) предпринять поощрительные и некоторые другие меры для развития в некоторых районах широкого орошения новых земель; 3) организовать переселение из внутренних губерний на вновь орошенные земли Туркестана, причем должны быть согласованы интересы хлопководства с интересами политическими. требующими образования на окраинах районов с русским населением». [2] В связи с этим министерство земледелия и государственных имуществ разработало план изъятия земли у коренного населения Средней Азии.

Русско-японская война и назревшие революционные события в центральной России заставили царское правительство временно отсрочить осуществление этого плана ограбления земель кочевников Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей. В 1905 г. Туркестанский край не был включен в число районов, заселяемых на основании закона от 6 июня 1904 г., и формально считался закрытым для переселения.

Однако после подавления революции 1905 г. царское правительство начало действовать значительно смелее. На очередь дня был поставлен вопрос об открытии Туркестана для переселения крестьян из центральной России и о форсировании переселенческого движения в этот край. В своем циркуляре туркестанскому ген.-губернатору от 15 марта 1907 г. кн. Васильчиков настойчиво подчеркивал, что «ни в коем случае нельзя допускать уменьшения размеров переселенческого движения, ни стеснять его вообще какими-либо искусственными мерами, а, напротив, необходимо итти ему навстречу». [3]

С целью форсировать переселенческое движение, Переселенческое управление было передано в 1906 г. из министерства внутренних дел в ведение Главного управления земледелия и землеустройства. Места предполагаемого водворения переселенцев были разделены на районы. В Средней Азии были созданы два переселенческих района — Семиреченский и Сыр-Дарьинский. Законом от 14 февраля 1905 г. в Семиречье была организована особая переселенческая партия, во главе ее был поставлен чиновник особых поручений Переселенческого управления, а в помощь ему был дан штат служащих в 115 чел., по своей численности превышавший весь состав местной администрации. Для ведения переселенческого дела в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях в 1905 г. была учреждена особая статистическая партия, а в 1906 г. из этих областей был образован Сыр-Дарьинский переселенческий район.

Реорганизованное Переселенческое управление всячески рекламировало среди крестьян идею переселения. В одном только 1907 г. было выпущено 130 тысяч книжек об условиях водворения в различных переселенческих районах и 400 тысяч экземпляров разъяснений о порядке переселения.

---

[1] Там же.
[2] Там же, л. 35.
[3] Там же, 1906 г., д. № 74, ч. I, л. 20.

II

Мероприятия царского правительства, имевшие целью выселить из центральной России побольше «беспокойных» элементов и покрепче прибрать к рукам свои колонии, возымели соответствующее действие. В период оголтелой столыпинской реакции переселенческое движение достигло небывалых размеров. Вот данные о переселении крестьян в Сибирь:

Годы:	Число переселенцев (в тыс.)
1906	141
1907	427
1908	665
1909	619[1]

Приведем данные Челябинского пункта о числе прошедших через Урал русских переселенцев: в 1905 г. прошло 29 475 переселенцев и ходоков, в 1906 г. — 200 749, в 1907 г. — 661 307, в 1908 г. — 716 599.[2]

По далеко не полным данным Семиреченского областного правления и канцелярии туркестанского ген.-губернатора «в Семиреченской области в 1902 г. насчитывалось около 16 тысяч, в 1907 г. 24 700 и в 1908 г. 30 тысяч самовольных переселенцев».[3] К 1910 г. их число достигло 65 тысяч чел. По данным Ташкентского переселенческого пункта, в 1906 г. (за август — декабрь) прибыло 572 переселенца, в 1907 г. — 5407, в 1908 г. — 8127, а в 1909 г. — 5140.[4]

Данные по Средней Азии показывают громадный подъем волны «самовольного» переселенческого движения (официально Средняя Азия считалась закрытой для переселенцев) в период реакции. Гонимые «земельной теснотой», крестьяне тысячами устремлялись в Среднюю Азию в поисках земли и лучшей жизни. В период столыпинщины переселенцы в Среднюю Азию устремлялись главным образом в степные и кочевые районы Семиреченской области; незначительный процент переселенцев направлялся в Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую, Ферганскую и Закаспийскую области. «На выселившихся в 1908—1909 гг. из центра России в Азиатскую Россию примерно из четверти миллиона переселенцев в Закаспийскую область попала всего 121 семья».[5]

Переселенцы, направлявшиеся в Среднюю Азию, в громадном большинстве (86.3%) являлись выходцами из южной и средней черноземной полосы Европейской России — из Полтавской, Черниговской, Харьковской, Киевской, Екатеринославской губерний, области Войска Донского, Воронежской, Курской, Саратовской, Самарской, Пензенской и Оренбургской губерний, т. е. из тех районов, где крестьяне были наиболее ограблены помещиками после «освобождения» 1861 года.

По имущественному положению переселенцы представляли собой разоряющихся середняков и бедноту. Данные обследования 116 русских поселков в Туркестанском крае, основанных в 1906—1909 гг., показывают, что больше половины переселенцев составляли крестьяне, имевшие у себя на родине от 2 до 5 десятин посева; 23.3% падает

[1] В. Ленин. Соч., XVI, стр. 273
[2] «Вопросы колонизации», № 6 за 1910 г., стр. 104—105.
[3] Пален. Переселенческое дело в Туркестане, стр. 17, СПб., 1910.
[4] ЦАУ Узб. ССР, ф. УЗ и ГИ Турк. края, д. № 6620, 1910 г., л. 57.
[5] «Вопросы колонизации», № 7 за 1910 г., стр. 117.

на бедняцкие слои крестьянства. 36.7% всех обследованных крестьянских семейств прибыли в край без всякого имущества, 60.9% без денег. По данным паленовской ревизии Сыр-Дарьинской переселенческой организации, в 1906—1909 гг. 124 семейства переселенцев привезли с собой до 50 руб., 33 семейства — от 50 до 100 руб., 88 семейств — от 100 до 300 руб., 5 семейств — свыше 300 руб. «Не имело денег 752 семьи. В трех обследованных селениях Ташкентского уезда оказалось 43% семейств, явившихся на новые места совершенно без всякого имущества».[1] Эти данные достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что направлявшиеся в Среднюю Азию переселенцы были или совершенно нищими, или же обладали самыми ничтожными средствами для существования.

Вся эта гонимая голодом и нуждой масса разоряющихся или уже разорившихся крестьян претерпевала в пути и на новых местах поселения неимоверные страдания и мытарства. Переселенцы обычно перевозились в вагонах-теплушках, т. е. в обыкновенных товарных вагонах с железной или чугунной печью. В большинстве теплушек печи и трубы были неисправны, крыша протекала, не было постоянных сходней и т. д. Вот как рисует условия перевозки один очевидец, агроном Полтавской губернии земской управы Соколовский: «На ст. Бахмач были поданы теплушки с неполным количеством досок для нар, с неисправными печами, без клозетных приспособлений. Отсутствие последних ведет к страшному загрязнению вагонов испражнениями детей, что при скученности переселенцев неизбежно отражается на здоровье, особенно детворы».[2]

Другой очевидец, переселенческий агент Полтавской губернской земской управы Тарасенко писал: «Переселенческие поезда задерживаются на узловых станциях по 10—12 часов и идут не по расписанию, а с опозданием на 3—4 часа. В поезде оказалась роженица, которая разрешилась от беременности в пути; за отсутствием санитарного вагона, роженицу пришлось везти в теплушке от ст. Бахмач до Сызрани».[3] В актах, составленных земским переселенческим агентом Оленчик-Гнененко, записано: «В осмотренном поезде № 25 12/VII 1909 г. оказалось: теплушки, идущие в Балашев, совершенно не оборудованы. Нет досок, лестниц, окон и рам, фонарей, печей, метел и ведер».[4]

В вагоны переселенцы набивались так плотно (от 30 до 40 чел.), что иногда оказывались затоптанными и задушенными маленькие дети. Кроме людей переселенческие вагоны всегда были переполнены «ручным» багажом — сундуками, корытами, мешками с сухарями; рядом с детскими люльками находили приют собаки, кошки, даже куры в корзинах.

По ночам переселенцы сначала сидели на досках, на которых нельзя было улечься, но усталость брала свое, и весь грязный пол усеивался людьми. Этой грязи и духоты не мог выдержать даже здоровый человек. Всю ночь раздавался плач детей. Если в вагонах для скота на быков и лошадей полагалась известная площадь, если при перевозке заботились, чтобы скот был напоен и накормлен, то по отношению к переселенцам никаких норм не соблюдалось. На протяжении всего пути переселенцы не получали не только горячей пищи, но даже кипятка. Переселенческий агент Воронежской губернской земской управы писал: «На ст. Анновка кипятку не было, на ст. Родничек разрушен кипятильник и в жалком виде стоит без

[1] Пален. Указ. соч., стр. 285.
[2] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 240, 1906 г., л. 136.
[3] Там же, л. 137.
[4] Там же, д. № 10, 1909—1910 гг., л. 105.

куба; на ст. Кардвиль тоже кипятильник без куба, и дежурный по станции ответил, что кипяток приготовляется только для воинских частей; на ст. Хреновая кипятильник закрыт и также без куба, на вопрос мой о выдаче кипятку переселенцам, начальник станции заявил, что недавно у них уворован куб, а другой еще не поставлен, и он не имеет никакого распоряжения о приготовлении кипятку переселенцам». [1]

Ко всем этим путевым невзгодам нужно прибавить бесконечную борьбу с поездной прислугой из-за ремонта печей и труб, из-за свечей, взяточничество железнодорожных чиновников (за предоставление места в теплушках и т. п.), прикрытое всевозможными незаконными поборами на «Красный Крест» и т. д. Тот же переселенческий агент Воронежской губернской земской управы в своих отчетах писал: «Когда две семьи переселенцев погрузились в теплушки, начальник станции потребовал от них за такое одолжение благодарности, они сняли шапки и кланялись, выражали ему этим свою благодарность, но он сказал, что так не благодарят..., переглянувшись между собой, они поняли, в чем дело, и дали ему по 3 руб. Глядя на начальника станции, и весовщик в свою очередь потребовал от них «троячки» — одна семья дала, а другая ограничилась поднесением только полбутылки водки; не удовлетворившись этим подарком, он перед самым отходом поезда забрал у них еще курку». [2]

Еще более удручающая обстановка была на переселенческих остановочных пунктах. На трактах Арысь — Верный и Семипалатинск — Верный, чрезвычайно трудных для передвижения в климатическом и топографическом отношениях, не было подготовлено решительно никаких средств передвижения, и переселенцы двигались, кто как мог. Не было здесь также оборудованных мест для привалов, где переселенцы после многодневных изнурительных переходов могли бы найти отдых и необходимое питание. На Ташкентском переселенческом пункте единственный барак, отведенный для переселенцев, был занят, и вновь прибывающие переселенцы размещались под навесом на соседнем участке, совершенно необорудованном и запущенном. Даже сами представители власти в мрачных красках описывали злоключения переселенцев. Вот что писал, например, в своем «не подлежащем оглашению» письме (от 25 января 1909 г. за № 498) Степной ген.-губернатор министру путей сообщения:

«Переселенцы являются к местам назначения в большинстве случаев совершенно материально необеспеченными, полуодетыми, плохо питающимися, загрязнившиеся и истомленные продолжительностью пути... Антисанитарное состояние ж.-д. станций края и пароходных пристаней в Омске прямо поразительно... Почти стихийное переселенческое движение по путям сообщения предъявляет к последним свои особые требования, тем более настоятельные и вопиющие, что пути эти совершенно не приспособлены к переселенческому движению. Все станции в местах массовых высадок переселенцев абсолютно не отвечают минимальным требованиям удобства. А переселенцы вынуждены здесь оставаться по нескольку дней. Они особенно нуждаются в станционно-пассажирских помещениях, а их нет, нет кухонь, приготовленных для переселенцев, нет клозетов, и переселенцы остаются подолгу вне главнейших условий нормального существования — крова и возможности иметь горячую пищу, а массовое скоп-

---

[1] УЦГАЛ, ф. П. У., № 47, 1912 г., л. 3.
[2] Там же, л. 112.

ление их и отсутствие специальных для них отхожих мест превращает в нечто невозможное занимаемую ими площадь»[1].

Что же ожидало измученных, голодных и нищих переселенцев, когда они наконец добирались до цели своего тяжкого пути? Как уже было указано, основной поток переселенцев шел в Семиреченскую область, которая издавна считалась одним из лучших районов для переселения. К 1 августа 1908 г. в Семиреченской области насчитывалось 52 189 «самовольных» переселенцев, а в Сыр-Дарьинском переселенческом районе — более 2000 семей «самовольных» переселенцев, не имевших земельных наделов. Это привело к тому, что переселенческий вопрос в Средней Азии, особенно в Семиречье, приобретал все большую остроту. В Семиречье столкнулись интересы трех групп населения: казаков, оседающих и кочующих казахов и русских переселенцев; все они претендовали на определенные участки земли. Огромная масса скопившихся «самовольных» переселенцев все настойчивее требовала создания колонизационного земельного фонда.

Вопрос этот очень остро встал перед Переселенческим управлением. В 1907 г. при министерстве внутренних дел под председательством тайного советника Лыкошина было образовано междуведомственное совещание для проведения землеустройства казахов. Совещание пришло к заключению, что переселенческое движение есть процесс стихийный, не поддающийся ни административным, ни законодательным запретам и приостановить его нельзя. Поэтому совещание сочло необходимым максимально развить деятельность временных партий по созданию переселенческих участков. Совещание нашло также возможным без всякого предварительного статистического и агрономического обследования установить нормы земельного надела кочевых и полуоседлых казахов и в соответствии с этими «нормами» обеспечить их землей, на «излишних» же землях устроить переселенцев. Совещание разработало специальную статью о землях, не подлежащих изъятию, которая гласила:

«Не подлежат изъятию из пользования киргиз:

а) земли, занятые зимними жилищами киргиз с хозяйственными при них постройками и огородами; б) водные сооружения: колодцы, пруды, орошенные арыками площади и проч.; в) искусственные насаждения: сады, защитные рощи и т. д.; г) обрабатываемые земли, не сдаваемые в аренду: огороды, пашни и т. п.; д) кладбища, продолжающие служить местом погребения, и отдельные могилы особо чтимых умерших; е) караванные и скотопрогонные дороги и площади, служащие для выпаса содержимого в карантинах скота».[2]

Таким образом, согласно этой статье, у кочующих казахов можно было отобрать всю землю, оставив в их распоряжении только земли, занятые зимними жилищами, колодцами, искусственными насаждениями, которые, кстати сказать, встречались редко, кладбища, караванные и скотопрогонные дороги, необходимые как для передвижения переселенцев, так и для государственных целей.

Переселенческие организации, выполняя волю правительства крепостников-помещиков, стремились во что бы то ни стало указать наибольшую площадь «свободной» земли, пригодной для заселения русскими переселенцами. Заместитель главного начальника Переселенческого управления Чиркин после поездки в 1908 г. в Среднюю Азию разработал план создания там колонизационного фонда для

[1] Там же, № 10, 1909 г., лл. 63—64.
[2] ЦАУ Узб. ССР, ф. УЗ и ГИ Турк. края, д. № 6593, 1907 г., л. 37.

переселенцев. План этот заключался в том, что туземное население должно «сначала перейти от современного пространства к несколько стесненному землепользованию, затем переходит к еще более стесненному и, наконец, наступает предельный момент, когда будет проводиться землеустройство киргиз с самой большей колонизационной емкостью и с меньшей нормой надела».[1] По мнению Чиркина, такой план постепенного сужения казахского землепользования будет наиболее выгодным и наименее тяжелым, поскольку при таком порядке население, как заверяет Чиркин, будет иметь возможность постепенно к нему приспособляться. Эта волчья политика грабежа казахов методами голого насилия на языке переселенческих заправил называлась полным соблюдением условий наименьшего стеснения казахов, наилучшим ограждением их интересов.

Очень яркую картину оголтелого произвола рисует ревизия Палена, которая, помимо воли ревизоров, вскрыла ряд вопиющих фактов грабежа и разорения туземного населения. Из материалов этой ревизии видно, как переселенческие организации совершенно произвольно, не считаясь с действительными потребностями, устанавливали для казахов нормы землепользования и на основе их решали вопрос об излишках земли, находящихся в пользовании местного населения.

Не считаясь с нуждами и интересами населения, переселенческие организации приступили к проектированию и созданию переселенческих участков. Работа эта производилась людьми, которые никакого представления о Средней Азии не имели. Так, например, Велецкий — заведующий переселенческим делом в Семиречье, Арцишевский — заведующий переселенческой партией, Скрыплев — статистик, Юферов — агроном, никогда не занимались переселенческим делом и впервые попали в Среднюю Азию. В придачу к этой невежественной четверке понабрали из разных партий всех, от кого хотели избавиться в центре, и сделали из них землемеров, агрономов, статистиков. Все они приехали из кабинетов Переселенческого управления Петербурга и с шумом и треском начали вершить переселенческие дела. Они бесцеремонно забирали земли там, где их легче было взять, причем аппетиты их устремились на земли распаханные и орошенные, представлявшие все удобства для водворения переселенцев.

Эти чиновники делили все земли на две категории — годные и негодные. При этом в общую площадь годной земли включались громадные пространства болотистых, никуда не годных камышевых зарослей, предгорий, заросших колючим кустарником, каменистые, не годные к орошению степи, овраги и т. д. Все это делалось без всяких оговорок, лишь бы «доказать», что в пользовании казахов имеются громадные излишки земли. Для переселенческих же участков эти чиновники стремились запроектировать, во-первых, площади пахотной и сенокосной земли, уже орошенные казахами, а, во-вторых, участки у предгорий, которые первыми получают воду, приносимую горными потоками.

В протоколе заседания комиссии по образованию переселенческих участков (от 18 октября 1908 г.) отмечена непригодность планов волостей и участков для установления размеров и качества входящих в них угодий; отмечена также путаница в учете землепользования казахов. Так, в Тайторинской волости значится всего 55 619 дес. удобных земель, из них предположено к отводу под участок 4956 и остается в пользовании казахов 58 383 дес.; выходит, что создание участка не уменьшает, а увеличивает запас удобных земель казахов

[1] Чиркин. Переселенческое дело в Семиречье, стр. 31, СПб., 1908.

этой волости. О большинстве запроектированных участков было сказано, что они находятся в богарном районе, но никаких данных о том, что на этих участках возможен посев без искусственного орошения, не было.

Из переписки губернаторов мы можем получить ряд интересных данных, характеризующих работу переселенческих чиновников. Военный губернатор Семиреченской области Покотилло в своем письме (от 2 декабря 1907 г.) туркестанскому генерал-губернатору Гродекову сообщал: «Принявши в августе 1907 г. управление Семиреченской области, я застал там самым трудным вопросом — переселенческое дело: свыше 20 тыс. самовольных переселенцев, преимущественно бродяг, ждут отвода им земельных участков к весне 1908 г. Переселенческая партия, работая в области уже два года, истративши много денег, до сих пор еще не вступила на путь закона... Вся их работа идет «на глаз»: земли свободной в Семиреченской обл. много, поселений мало, переселенцев устроить надо, а киргизам остается еще много земли. Вот те легковесные данные, на которых основан отвод переселенческих участков в области. Отводятся под участки орошенные, лучшие киргизские земли с усадьбами и пашнями... В общем результате всех этих незаконных и легкомысленных предприятий может быть следующее: а) киргизы, находящиеся и ныне в панике, увидевши в действительности, что их выселяют из насиженных родных гнезд, начнут бунтовать; б) десятки тысяч новых переселенцев, которых устроить таким скороспелым способом уже не удастся, явятся в области грозной толпой голодных обездоленных людей; в) казаки почувствуют горькую обиду, когда земли, подлежащие отводу их станицам, пойдут в руки переселенцев. Последствия будут роковые».[1]

Примерно в то же время (20 декабря 1907 г.) пишпекский уездный начальник писал: «Все почти население Сарыбагишевской волости делает здесь свои посевы, так как единственная удобная земля для хлебопашества — на запроектированных участках: доказательством этому служит то, что запроектированные под участки земли сплошь запахиваются собственными силами киргизов, очень много зимовок и насаждений. Если бы эту массу населения пришлось выдворять с этих мест неизвестно куда (на землю, оставляемую по норме), то я думаю, что исполнитель сего жестокого приговора пришел бы в ужас от горя и плача изгнанников — где же та земля, на которую их будут водворять».[2]

Однако все это очень мало смущало чиновников Переселенческого управления. Они очень просто и легко разрешали вопрос о водворении на другие места сселяемых с проектируемых участков казахов. «Сселяемых такого-то аула, — командовали они, — потеснить в такой-то, этого аула потеснить в такой-то». Такая практика приводила к массовому изъятию земель у казахов, к массовому смещению и разорению очагов оседлости, к серьезнейшему потрясению хозяйства смещаемого с обработанных земель местного населения.

Но переселенческие власти не удовлетворялись ограблением казахов «по закону» и сплошь да рядом нарушали даже драконовский закон о порядке изъятия «излишков» земли у местного населения. В рапорте управляющего Туркестанской палаты за 1908 г. было отмечено, что «во многих волостях смещаются для проектирования переселенческих участков не только кибитки, но даже мечети,

[1] Пален. Указ. соч., стр. 131—132; УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 74, ч. 1, 1907 г., лл. 247—248.

[2] Пален. Указ. соч., стр. 46—47.

каменные строения, фруктовые сады. В Кенсуйской волости предположено снести из 1742 кибиток 692, сносу подлежит одна мечеть, 5 мельниц, 36 кирпичных и 170 деревянных строений. В Джетысуйской волости из 2283 кибиток 1114 подлежит снести, а также 5 мечетей, 1 школу, 20 мельниц, 187 жилых помещений и около 170 тыс. фруктовых и нефруктовых деревьев».[1]

Переселенческие чиновники предполагали разрушить свыше 5100 очагов оседлости, где насчитывалось более 30 тыс. населения, с целью получения 250 тыс. десятин земли. В действительности же на месте разрушенных очагов оседлости было устроено не более 2 тысяч переселенческих хозяйств. Необходимо также отметить, что производители работ по личному произволу забирали под переселенческие участки в одних волостях почти все земли, в других — лишь ничтожную часть. Например, в Сарыбагишевской волости Пишпекского уезда предназначено было к изъятию 23 180 десятин земли, а в Кочкарской волости того же уезда — всего 2570. Здесь, очевидно, без взятки не обошлось. Переселенческое управление стремилось затушевать этот необузданный грабеж земли у казахов и киргизов, создавая видимость, будто за отбираемую землю выплачивается денежное вознаграждение; для этой цели ассигнованы соответствующие суммы. Но деньги не попадали в руки действительных владельцев земли и в значительной части присваивались начальствующими лицами.

Итак, правительство Столыпина создавало колонизационный фонд и переселенческие участки не за счет расширения культурной территории; оно использовало то, что было создано в крае трудами казахов и киргизов, экспроприируя военно-феодальными методами трудящиеся массы Средней Азии.

Казахи посылали жалобы в Государственную думу, туркестанскому генерал-губернатору и Столыпину. В телеграмме к депутату Государственной думы Булату они писали, что «копальский уездный начальник потребовал нас в Абакумовский выселок и заявил, что мы в количестве 424 кибитковладельцев в 24 часа должны покинуть наши насиженные прадедовские земли, так как наши земли по решению земельной комиссии отошли в пользу казаков Абакумовского выселка. В случае отказа покинуть земли будет пущено в ход, согласно распоряжения Семиреченского военного губернатора, холодное и огнестрельное оружие».[2] Казахи Тургенской волости (Верненского уезда) в своем прошении от 24 июля 1908 г. туркестанскому генерал-губернатору писали, что «после отобрания... лучших сенокосов и пахотных земель и большей части воды для казаков и переселенцев, мы и так сократили скотоводство и перешли к земледелию, а теперь же, с отбором остальной пашни и остальной воды, мы должны погибать. Назначьте комиссию для проверки произвольной игры переселенческих чиновников качеством земли и количеством воды. При такой игре они везде найдут и сделают излишки того и другого, сколько им нужно, и при которой будут отбирать от нас все годные угодья, оставляя нам лишь негодные и обрекая тем самым на хроническое прогрессивное вымирание».[3]

Казахи аулов 1—3—4—7 в телеграмме Столыпину (от 7 февраля 1907 г.) жалуются, что «комиссия переселенческой организации постановила отобрать у киргиз самые лучшие земли для переселенцев. Киргизы забитые боятся слово сказать, крестьянские началь-

[1] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 37, ч. 1, 1908 г., л. 305.
[2] Там же, д. № 267, ч. 1, 1906 г., л. 261.
[3] Там же, д. № 37, ч. 1, 1908 г., л. 291.

ники держат в своих руках местные киргизские власти. Работа этой партии ведет киргиз к разорению. Ваше высокопревосходительство, избавьте нас от таких врагов, желающих силой отнять у нас землю, в противном случае киргизы не будут терпеть и дремать, а будут защищать себя от этих врагов».[1]

Все эти жалобы оставались гласом вопиющего в пустыне. Наоборот, правительство еще более усилило военно-феодальные методы угнетения туземного населения. Вместо ответа казахам Столыпин на другой же день прислал телеграмму Тургайскому ген.-губернатору, в которой приказывал ему: «Благоволите им сообщить, что всякое их сопротивление работам переселенческих партий будет подавлено военной силой».[2]

Итак, казахам предлагалось либо безропотно умирать с голоду, либо быть расстрелянными. Нечего говорить о том, насколько этот произвол царских властей обострил положение в Средней Азии.

Водворение переселенцев на новых местах происходило в условиях такого же хаоса и произвола. Как мы уже указывали, переселенческие организации не были готовы к наплыву переселенцев. Прибывшим часто заявляли об отсутствии участков и о необходимости следовать дальше. Но переселенцы, наслышанные об изобилии свободной земли в Средней Азии, не придавали этим заявлениям никакого значения, выгружались на переселенческих пунктах и настойчиво требовали водворения. Придя к заключению, что «начальство мало о них заботится», переселенцы разбрелись в различные стороны и сами разыскивали свободные земли.

Руководитель переселенческого дела в Семиреченском районе Велецкий в своих донесениях в Петербург центральной власти дает яркую картину сложившейся обстановки в период переселенческой горячки в Средней Азии. 21 сентября 1906 г. в отношении за № 872 к главному начальнику Переселенческого управления Глинке Велецкий совершенно конфиденциально писал о том, что «в гор. Верном проживает много неприписных переселенцев. Среди них все время поддерживается сильнейшее возбуждение, в силу которого они могут быть способны на самые резкие действия, вроде «аграрных беспорядков». Эта неспокойная, большей частью голодная, безработная и бесприютная толпа... предприняла самовольный поход на киргиз с целью насильственного захвата у них земли, вооруженные кто винтовками, кто топорами... Возвратившись в город, вся эта толпа, более 200 человек, явилась ко мне в Переселенческое управление и, ведя себя самым бурным образом, стала требовать безотлагательного удовлетворения. Положение мое было бесконечно хуже губернаторского».[3]

В своих отношениях от 27 июня и 9 ноября 1907 г. Велецкий сообщал Главному переселенческому управлению, что «под влиянием какой-то закулисной агитации, быть может, отчасти и политической, так как безземельные переселенцы являются вообще легко воспламеняющимся элементом, на пасхальной неделе разыгрались самые до сих пор острые в переселенческом деле эпизоды: неустроенные переселенцы, потерявшие надежду на устройство, явились 26 апреля 1907 г. в Переселенческое управление буйной толпой (300 чел.), настоятельно требовали от меня «земли» или «денег», подкрепляя эти требования такими аргументами, в виде угроз «разгромить», «побить» и даже убить меня и других переселенческих чиновников. Нисколько

[1] МАР, ф. Д. П., О. О. № 79, ч. 1, 1907 г., л. 2.
[2] Там же, л. 3.
[3] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 277, 1906 г., л. 65.

не преувеличивая действительного положения дел, можно было опасаться самой ужасной катастрофы в виде дикой, безумной расправы со всеми переселенческими чиновниками».[1]

Движение не прекращалось. «30 апреля, — писал Велецкий, — явившаяся в Переселенческое управление толпа достигла 500—600 человек, находилась в крайне возбужденном состоянии и держала себя по отношению ко мне и другим переселенческим чиновникам самым невозможным образом, угрожая всяческими насилиями, в целях вымогательства «земли» и «денег».[2]

Переселенческие чиновники, бессильные что-либо предпринять, стали допускать водворение переселенцев на необмежеванных участках. Переселенцы были настолько возбуждены, что отказать им в водворении было крайне опасно. По существу делом водворения управляли уже не водворяющие, а водворяемые. Раздача ценных среднеазиатских земель производилась совершенно произвольно. К этому нужно добавить, что среди переселенческих чиновников пышным цветом процветало взяточничество. В результате отобранные у казахов земли передавались не безземельным переселенцам, а захватывались в значительной части кулацкими элементами, которые имели возможность подкупить переселенческих чиновников. Эти земли захватывались также ремесленниками, приказчиками, служащими казенных и частных учреждений, железнодорожными кондукторами, дворянами и другими. «Из 64 семей, водворенных и причисленных к обществу селения Мищенково, проживает на месте всего лишь 37 семей... Из числа водворенных Т. Рудин служит приказчиком в Ташкентском магазине Пугасова и в поселок еще не являлся, несмотря на то, что получил 225 руб. ссуды. А. Курочкин, получивший 275 руб. ссуды, построил себе на своем участке дом стоимостью около 1000 руб., но сам проживает в городе, где содержит винный погреб, а хозяйство на руках наемного работника. И. Бычков, бывший сторож канцелярии генерал-губернатора ссуды получил 225 руб., дом построил в 1000 руб., сам в поселке не проживает. Ф. Извеков точно так же не живет в поселке, состоя сторожем в Сыр-Дарьинском областном правлении и т. д.».[3]

В Самаркандско-Ферганском подрайоне, население которого страдало от малярии, водворение проходило в еще более обостренных условиях. С большим наплывом переселенцев стали наблюдаться самовольные захваты земель местного населения, причем виновниками таких захватов были не только вновь прибывшие переселенцы, но и богачи-старожилы.

Общий ход водворения переселенцев в Средней Азии характеризуется следующими данными. Семиреченская переселенческая организация за период 1906—1908 гг. водворила в Пишпекском подрайоне 2546 человек, в Чуйском — 1245, в Парынском — 17, в Пржевальском — 1106.[4]

По данным заведующего Сыр-Дарьинским районом, в Ташкентском уезде водворено 76 семей, 163 души м. п., в Перовском — 24 семьи, 59 душ м. п., в Ходжентском — 150 семей, 424 души м. п., в Андижанском — 637 семей, 1861 душа м. п., в Чимкентском — 520 семей, 1452 души м. п.

Водворенные на участки переселенцы жили на первых порах в землянках или шалашах, в антисанитарных условиях. Лишь по-

[1] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 87, 1906 г., лл. 207, 230.
[2] Там же, л. 207.
[3] Пален. Указ. соч., стр. 229.
[4] Там же, стр. 91.

многие имели возможность приняться за постройку хаты. Большинство переселенцев в результате недоедания и бытовых неурядиц, заболевало тифом, малярией, куриной слепотой. Смертность среди детей была ужасающая.

Так выглядела «новая жизнь» на «привольных землях», к которым так жадно тянулись разоренные крестьяне центральной России.

Чтобы хоть как-нибудь наладить новое хозяйство, крестьяне стремились получить ссуду. Как мы уже указывали, среди прибывавших в Среднюю Азию переселенцев около половины составляли нуждающиеся, не имевшие ни имущества, ни средств.

На всех переселенческих пунктах наблюдалась одна и та же картина. У конторы стояла толпа переселенцев, томившихся в ожидании своей очереди подойти к окну и выпросить ссуду.

По закону ссуды выдавались только нуждающимся, причем размер их определялся действительной потребностью. Заведующие переселенческими пунктами обязаны были тщательно ознакомиться с положением переселенцев. Это не выполнялось и обследование материального положения получавших ссуды обычно не производилось. Переселенческие чиновники, никогда раньше не сталкивавшиеся с крестьянами и совершенно не знакомые с краем, не в состоянии были вести это дело.

Чтобы выпросить мелкую подачку в 5, 10, 15 рублей, нуждавшиеся переселенцы вынуждены были приходить к переселенческим чиновникам за несколько десятков верст, теряя на это более недели; нередко вся ссуда уходила на издержки в пути. Никто из переселенцев точно не знал, на какую сумму он может рассчитывать, все зависело от «усмотрения» переселенческого чиновника.

Правительство ассигновало для выдачи ссуд переселенцам Семиречья в 1906 г. — 12 500 руб., в 1907 г. — 99 тыс. руб., в 1908 г. — 60 500 руб., всего 172 тыс. руб. Переселенцам Сыр-Дарьинского переселенческого района было ассигновано: в 1906 г. — 13 417 р. 11 к., в 1907 г. — 29 676 р. 61 к., в 1908 г. — 50 482 р. 30 к. — всего 93 576 р. 02 к.[1]

Самая большая ссуда на обзаведение домашним хозяйством не превышала 200 руб. на семью, за очень редким исключением; средняя равнялась 115 руб., а иногда 40 руб.; наименьшая выражалась в 5 рублях. Но ассигнуемые правительством деньги на ссуды переселенцам меньше всего попадали по назначению и расплывались по карманам переселенческих чиновников. Паленовская ревизия и архивные документы дают яркую картину систематических злоупотреблений в этой области со стороны ставленников царизма.

Например, зав. Ташкентским переселенческим подрайоном Кильчевский в своих отчетах преувеличивал расходы по ссудам в два и даже в три раза. Так, по одному списку Ново-Николаевского и Казанского поселков (Ташкентский уезд) значилось, что некоторые крестьяне-переселенцы получили ссуды в размере 313, 358, 396 и даже 449 руб.; при опросе же переселенцев чиновниками паленовской ревизии выяснилось, что ни один домохозяин не получил больше 225 руб. Оказывается, при выдаче ссуд в канцелярии заведующего подрайоном переселенцев заставляли расписываться на квитанциях без указания на них размера выдаваемой ссуды.

В своих трудах о ревизии Туркестана Пален умалчивает о многих вопиющих злоупотреблениях Кильчевского и других чиновников. Мы узнаем об этом из других источников. Так, из материалов, храня-

[1] Там же, стр. 93, 233.

щихся в архивах Узбекистана и Ленинграда, мы узнаем, что при внезапной ревизии Кильчевский представил подложные расписки крестьян на получение ссуды. Тогда же Кильчевский представил расписку некоего Караханова в получении 800 руб. за купленный у него кирпич в количестве 40 тыс. штук; при проверке же кирпича оказалось 14 тыс. штук. Кильчевский уверял, что он израсходовал 600 руб. на ботаническую экспедицию, но смог представить оправдательные документы лишь на 126 руб. — за седла, да на 30 руб. за прокат в течение 5 дней лошадей для обучения каких-то барышен верховой езде. К этому еще нужно прибавить следующее сообщение временного заведующего Сыр-Дарьинским переселенческим районом Понятовского (от 24 января 1909 г.): «За ново-николаевцами значится по счетам почти вдвое большая сумма против той, которую они получили в действительности. Из показаний крестьян этого селения выяснилось, что злоупотребления Кильчевского по выдаче пособий заключались в следующем: часть крестьян Ново-Николаевки были водворены на земли Комарова, тестя Кильчевского. С Комаровым поселившиеся вступили в переговоры о продаже им земли. Все дело переговоров было поручено крестьянами Кильчевскому. При заключении запродажной записи Кильчевский выдал из ссудного кредита Комарову 600 руб. в задаток и отобрал от переселенцев расписки в получении 600 руб. Потом Комаров отказал крестьянам в продаже земли. Тогда Кильчевский потребовал от крестьян новых расписок на 40 руб. с каждого, якобы за аренду земли Комарову. В случае отказа Кильчевский грозил совершенно отстранить крестьян от получения земли. Из боязни остаться совсем без земли, крестьяне выдали требуемые расписки, после чего были переведены Кильчевским в Красноводопадский питомник и выданы пособия по 165 р. Когда началась сенаторская ревизия, Кильчевский ездил к этим переселенцам и просил их сказать, что они получили пособие по 261 р.»[1]

Злоупотребления допускали и другие переселенческие чиновники (Арцишевский, Шкапский, Оношенко и др.). Разложение ставленников царизма в Туркестане зашло так далеко, положение в крае с каждым днем настолько обострялось, что создалась угроза весьма тяжелых последствий для царизма. Пришлось назначить ревизию деятельности чиновников в Туркестанском крае. Ревизором был назначен сенатор Пален, который и должен был «очистить» среднеазиатские канцелярии от взяточников и казнокрадов всех мастей. Как ни стремились ревизоры выгородить царских чиновников, затушевать их разложение, все же крупица правды проскальзывала наружу, что заставило сильно забеспокоиться представителей центральной власти.

Главное управление земледелия и землеустройства и Переселенческое управление срочно командировали в Туркестан известного уже нам Чиркина, который должен был умерить пыл чинов паленовской ревизии. 5 августа 1908 г. Чиркин сообщил из Семиречья, что он ознакомился с делами по изъятию земель местного населения и пришел к заключению, что изъятия произведены с формальной стороны правильно и осторожно, в смысле обеспечения интересов казахов и киргизов; участки же сами по себе превосходные. В тот же день переселенческий чиновник Логинов доложил Чиркину, что участник паленовской ревизии Савич обнаружил в Пишпеке неправильность в выдаче ссуд и признал незаконным изъятие земель и снос зимовок и что он хочет сделать представление сенатору о предании

[1] ЦАУ Узб. ССР, ф. УЗ и ГИ Турк. края, д. № 6595, 1909 г., л. 68.

суду переселенческих чиновников. Чтобы замять скандал, Чиркин оказал давление на Савича и уговорил его отказаться от своих намерений.

Когда до Главноуправляющего земледелием и землеустройством дошли сведения о злоупотреблениях подведомственных ему чиновников, он назначил для восстановления «чести мундира» свою ревизию. Ее проводили те самые переселенческие чиновники, которые были уличены паленовской ревизией в злоупотреблениях. Неудивительно, что эта «проверочная ревизия» пришла к заключению, что паленовская ревизия ошиблась. Как ни пытался Савич доказать, что эти ревизоры представляли заведомо ложные отчеты и сведения и этим ввели в заблуждение Кривошеина, его и слушать не хотели. Перепалка между Главным управлением земледелия и землеустройства и сенаторской ревизией Палена продолжалась до 1910 года.

Паленовская ревизия показала, что характерными чертами всего строя управления краем являются архаические порядки, разнузданность царских властей, полное игнорирование интересов местного населения, что привело край к полному упадку. Как ни старался Пален смягчить картину разнузданного произвола царских властей в Туркестане, в трудах ревизии все же просачивались данные, говорившие не в пользу царской бюрократии, и именно поэтому совет министров постановил, что труды эти не подлежат огласке. Все значение этой ревизии было сведено к нулю, а весь ее огромный труд, одно печатание которого стоило около 30 тыс. руб., был сдан в архив. Комедия с паленовской ревизией еще раз наглядно показала всю гнилость царизма и неспособность его управлять Российской империей.

В Туркестане все осталось по-старому. Вся царская администрация — от приставов до генерал-губернатора — вкупе с переселенческими чиновниками еще наглее стала распоряжаться судьбами народов Средней Азии.

Насквозь гнилая система царизма, хаос в переселенческом деле, произвол в создании колонизационного фонда и водворении переселенцев — все это вместе взятое создавало благоприятную почву для разжигания вражды между переселенцами и трудящимися массами местного населения. Массовое разорение и ограбление со стороны царских чиновников озлобляло казахов против русских. Это враждебное отношение еще усугублялось тем, что основная масса переселенцев-бедняков, оставленная приспешниками царизма без земли, была вынуждена к самовольным захватам земель у тех же разоряемых царизмом казахов.

В условиях земельной неразберихи у кулаков-переселенцев разгорелись аппетиты. Так, кулаки-переселенцы поселка Покровского, владея и без того большими участками земли, производили систематические налеты на казахские земли. На чрезвычайном сходе они постановили выезжать в поле для распашки казахских земель всем скопом с оружием в руках, чтобы в случае сопротивления со стороны казахов дать им надлежащий отпор. Покровцы обнаглели даже до того, что самолично распахивали землю в соседних волостях других уездов. Примеру покровцев последовали и кугартские переселенцы — кулаки. Закончив весенний сев и пользуясь отсутствием казахов, ушедших в горы со скотом на летние пастбища, они стали строить себе жилища на казахских поливных землях, а в некоторых местах даже захватили зимовки казахов и разрушили их постройки, причем лесной материал частью использовали для своих построек, а частью для топлива.

Борьба между кулаками-переселенцами и казахами нередко приводила к кровавым столкновениям. Однажды кулаки-переселенцы, воспользовавшись как поводом исчезновением одной переселенки, угнали у казахов 120 лошадей. Когда для переговоров по этому делу к переселенцам приехали уполномоченные от казахов, все они были избиты, а один убит. Не удовлетворившись этим, кулаки разгромили четыре казахских аула. Особенно наживались кулаки-переселенцы на потравах, взыскивая за них втройне; во многих поселках богачи прямо промышляли этим.

Озлобленные и доведенные до отчаяния казахи организовывали вооруженные отряды, похищавшие скот у переселенцев. Это было на руку царским чиновникам, так как давало им лишнее «основание» экспроприировать земли у казахов. Ясно, что царская администрация не только не подавляла этих вспышек озлобления со стороны казахов, но еще всячески разжигала рознь между казахами и переселенцами. Кстати, царское начальство не брезгало теми доходами, которыми «делились» с ними вооруженные казахи. Вот, например, что сообщала «Сибирская жизнь»:[1] «Глава шайки имел книгу росписей (и одет лучше всех) на продажу скота и даже печать. Полученные деньги делят на две части: одну оставляют себе, а другую оставляют уездному начальнику. Воспользовавшись отношением киргиз и крестьянских уездных начальников, вооруженные шайки чувствуют себя в полной безопасности, выдают расписки на продажу краденого скота, скрепляют свои операции печатью, грозят убийствами, разорением. Приходит мысль, уж не по вдохновлению ли самого начальника выделилась эта шайка, наводящая ужас на окрестное население».

Волчья политика реакционного правительства Столыпина, политика натравливания одной нации на другую, политика угнетения, унижения и оскорбления нерусских народов расцвела в Средней Азии махровым цветом. Один из приспешников самодержавия Гинс после своей поездки в Семиречье писал:

«Русские крестьяне значительно превосходят киргизов по культурности и часто относятся к последним с презрением. Это презрение доходит иногда до полного отрицания в киргизах человеческой личности. Бывают на этой почве случаи бесчеловечной и бессмысленной жестокости; крестьяне безжалостно убивают киргизов и не чувствуют угрызений совести. Чаще всего дело происходит так: русские крестьяне возьмут в аренду киргизские земли, построят дома и отказываются уходить по окончании срока аренды. Приезжают киргизы, начинается свалка, и дело кончается кровопролитием, причем либо вовсе не имеющие ружей, либо вооруженные старинными самопалами, киргизы оказываются в таких случаях более слабой стороной. Бывает и хуже. Мужик работает в саду, видит, что через забор тянется к яблоне киргиз, берет ружье и убивает киргиза наповал. Прибегают соседи: «Что такое?». «А вот убил собаку», и даже не тронется с места, чтобы подобрать убитого».[2]

В условиях этой политики грабежа и террора переселенческий вопрос не мог быть разрешен.

За период 1906—1909 гг. у казахов были экспроприированы громадные площади земель, снесены жилища, отчуждены древесные насаждения и оросительные каналы. Но переселенцев было водворено очень мало. За эти же годы в Семиречье из 65 тысяч самовольных переселенцев водворено только 5113 чел., в Сыр-Дарьинском

[1] Номер от 30/XI 1909 г.
[2] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 22, 1912 г., л. 165.

районе — из 2 тысяч семейств — только 826. Переселенческие участки, как мы уже указывали, проектировались без предварительного исследования их пригодности для водворения. В результате — посевы переселенцев часто гибли от засухи, опустошались саранчей. Число неустроенных переселенцев непрерывно росло, их ряды пополнялись озлобленными и возбужденными людьми, которые представляли грозную для царских властей силу. К 1909 г. в Аулиэатинском и Чимкентском уездах число неустроенных переселенческих семейств приблизилось к общему числу крестьянских дворов старых поселков, а в Фергане оно даже значительно превысило число старых крестьянских дворов. Приток неустроенных переселенцев очень усилился в 1907 и 1908 гг. Часть безземельных переселенцев устроилась батраками у старожилов, другая часть арендовала земли у богатых казахов. Остальные же переселенцы — бедняки вынуждены были ходить с протянутой рукой или просто гибли от голода, множество неустроенных переселенцев рассеивалось неизвестно куда.

Опираясь на официальные данные, депутат Государственной думы Войлошников от имени социал-демократической фракции подвел следующий итог переселенческой политике за 1906—1908 гг.: «В течение трех лет — 1906, 1907 и 1908 гг. за Урал было переброшено 1 552 439 душ обоего пола, наполовину нищих, завлеченных правительственной рекламой в неведомые края, обреченных на произвол судьбы. Из них устроилось, как пишет переселенческое управление— 564 041 чел., вернулось обратно 284 984 душ обоего пола. Таким образом, известно по сведениям переселенческого управления о 849 025 чел. Куда же девались остальные? Где же те 703 414 чел.? Г. г., правительство отлично знает об их горькой участи, но оно об них не скажет: часть из них приписалась к старожильческим деревням, часть пополнила ряды сибирского пролетариата и ходит с протянутой рукой. Но громадной части правительство устроило дорогие похороны, и вот почему правительство умалчивает о них».[1] Перед лицом подобных фактов даже представители крупного капитала — октябристы вынуждены были признать «дефекты переселенческого дела».

Приведенные данные бесспорно показывают, что борьба царизма с аграрным кризисом 1905 г. посредством переселений вызвала отсрочку кризиса лишь на самое короткое время. Разредить атмосферу крепостникам-помещикам и контрреволюционной буржуазии удалось всего на каких-нибудь четыре года (1906—1909 гг.), но куплено это было ценою несравненно большего обострения нового кризиса, охватывавшего уже неизмеримо более широкую арену.

III

Период 1910—1914 гг. с его новым революционным подъемом — значительным усилением стачечного движения и крестьянских волнений отмечен одновременно громадным ростом обратного движения переселенцев и кризисом всей переселенческой политики царизма.

Огромные массы неустроенных переселенцев, выносливости и терпению которых приходилось только удивляться, прожив весь свой скарб, бежали с новых «обетованных» мест куда глаза глядят, с единственной целью избавиться от того «рая», который им уготовили господа колонизаторы в Туркестанском крае и других окраинах. Волна обратного движения переселенцев в Россию быстро возрастала.

[1] Стенографический отчет III Государственной думы, 3 сессия, часть 3, заседание 73, стр. 75.

Об этом наглядно свидетельствуют следующие данные:

Годы	Число переселенцев (в тыс.)	% обратных переселений
1908	665	6
1909	619	13
1910	316	36
1911[1]	183	60[2]

Если взять отдельно Среднюю Азию, то получается еще более разительная картина:

В 1909 г. прибыло 7535 чел., убыло 21%
В 1910 г. (данные за август—декабрь)
прибыло 1087 чел., убыло 107%
В 1911 г. » 5093 » » 81%[3]

Эти данные показывают, что по сравнению с другими переселенческими районами обратное переселение из Средней Азии шло еще сильнее.

Невероятный рост обратных переселений означал несомненно обострение кризиса в России и на ее окраинах. В Россию возвращалась беднота, все потерявшая и озлобленная до крайней степени.

«Возвращается элемент такого пошиба», — писал бывший чиновник лесного ведомства Комаров, — «которому в будущем предстоит сыграть страшную роль. Возвращается не тот, что всю свою жизнь был батраком и уже отвык от того, что ему, как сказочному Антею, давало невероятную, гигантскую силу. Возвращается недавний хозяин, тот, кто никогда и помыслить не мог о том, что он и земля могут существовать раздельно. И этот человек, справедливо объятый кровной обидой за то, что его не сумели устроить, а сумели лишь разорить и из бывшего хозяина и хлебороба превратить не только его, но и всех домашних, в никчемных людей — этот человек ужасен для всякого государственного строя, каков бы он ни был».[4]

Учитывая сложившуюся обстановку, царское правительство выдвинуло «новый курс» в переселенческой политике. При обсуждении сметы Переселенческого управления в Государственной думе (1909 г.) главноуправляющий земледелием и землеустройством Кривошеин заявил, что «главнейшей задачей должно быть не выселение крестьянских масс из центральной России, а заселение окраин русскими людьми» и что центр тяжести переселенческого дела переносится на качественную его сторону. Кривошеин выдвинул два основных лозунга: «Переселение как самодовлеющая государственно важная задача, а не как средство для разрешения земельного вопроса в центральных губерниях» и «Зауралье не в качестве штрафной колонии, но района богатейших экономических, культурных и политических ценностей». Учитывая интересы крупнейших тузов текстильной промышленности, Кривошеин считал необходимым выделить несколько миллионов десятин земли в Голодной Степи Туркестана и Муганской степи Закавказья, приступить к их орошению, а затем и к заселению «крепким русским элементом». Заселение окраин, т. е. создание на

[1] Данные за 11 месяцев.
[2] В. Ленин. Соч., XVI, стр. 373.
[3] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 17, 1910 г., л. 28; ЦАУ Узб. ССР, ф. УЗ и ГИ Турк. края, д. № 6620, 1910 г., л. 57.
[4] В. Ленин. Соч., XVI, стр. 376.

самых границах Азиатской России политически и экономически крепкого оплота, составляло одну из главнейших задач Кривошеина. 22 ноября 1910 г. Николай писал Столыпину: «Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устройство переселенцев в Сибири — вот два краеугольных вопроса, над которыми правительство должно неусыпно работать».[1]

Таков был «новый курс» реакционного правительства. Усиление границ Азиатской России, главным образом, Средней Азии и Дальнего Востока становилось по политическим соображениям центральным пунктом переселенческой политики царизма. В Средней Азии правительство стремилось укрепить Семиречье — границу с Китаем и Закаспийскую область — границу с Персией.

Велецкий писал: «Авангард русского движения в Китай и задачи торговой политики России требуют с одной стороны укрепления Семиречья, с другой — поощрительной политики правительства к неуклонному проникновению и укреплению в Западном Китае русских интересов и влияний, по крайней мере, до тех территориальных пределов, какие были указаны русским оружием в Кульджинский поход 1871 г.»[2] Дряницын в своих заметках о колонизации Туркмении отмечал, что «значение Закаспийской области явствует из самого факта ее возникновения. Может быть, оно не было никогда так велико, как в последнее время. Сильный русскими людьми передовой оплот России в Средней Азии еще должен сыграть свою историческую роль и нельзя медлить приложить все силы к его (Закаспийского края. — *П. Ш.)* процветанию».[3]

Царские приспешники не стеснялись проявлять свои грабительские тенденции в отношении Китая и Персии. Стремление царского правительства наложить свою лапу на Китай, Персию и другие страны Востока объясняется еще и тем, что революция 1905 г. оказала мощное влияние на народы Востока и пробудила широчайшие массы Персии, Турции, Китая и Индии к политической жизни, к революционной борьбе против феодализма, тесно переплетенного с международным империализмом. В течение небольшого срока (1908—1911 гг.) турецкая, персидская и китайская революции следуют одна за другой. Создание новых порядков на громадном протяжении русской границы сильно затрудняло политику черносотенного царизма и облегчало подъем революции в России и на ее окраинах. Реакционное царское правительство из боязни революционной борьбы у себя дома взяло на себя роль жандарма по отношению к революциям в Азии. «Предстоит, — писал Ленин, — новое избиение персидских революционеров войсками Николая Кровавого... и повторение в Азии того, что сделала Россия в Европе в 1849 г., когда Николай I посылал войска против венгерской революции... Тогда России приходилось играть роль европейского жандарма... Теперь в с е крупнейшие державы Европы... п о м о г а ю т России играть роль азиатского жандарма».[4] Вот почему царизм стремился усилить туркестанские пограничные линии, эти сторожевые посты царской деспотии.

После расхищения земли в Сибири самодержавие, крепостники-помещики и контрреволюционная буржуазия устремили свои взоры на Среднюю Азию. Первым шагом по пути «усиленного» развертывания переселенческого и колонизационного дела в Средней Азии

[1] «Красный архив», № 5, 1924 г., стр. 25.
[2] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 3, ч. 4, 1913 г., л. 62.
[3] Дряницын. Заметки по колонизации Туркмении («Вопросы колонизации», № 12, 1913 г., стр. 179).
[4] В. Ленин. Соч., XII, стр. 362.

было смещение главного начальника края Мищенко и назначение на его место Самсонова, «верного» слуги царизма и крепостников-помещиков. Следующим шагом были поездки Столыпина и Кривошеина в августе 1910 г. в Сибирь и в 1912 г. поездка Кривошеина в Туркестан. Поездки эти проходили с большим треском и носили чрезвычайно торжественный характер; на всем пути министров встречали депутации приветствиями и хлебом-солью. В ответ на приветствия из уст министров текли сладкие речи и милые обещания: «Все будет сделано, все будет устроено». Кривошеин метеором пролетел по Средней Азии и в одну неделю «изучил» всю проблему хлопководства. Знакомство с хлопковым хозяйством происходило из окна салон-вагона, да путем бесед с хлопковыми тузами, которые всевозможными гнусными способами выжимали последние соки из крестьян—хлопководов.

После такого «тщательного» изучения переселенческого дела на месте Столыпин и Кривошеин представили всеподданнейшие доклады и составили записки, исполненные обычного казенного оптимизма и славословия «успехам» политики царского правительства. «Общее мое впечатление более чем утешительное,—писал Столыпин 26 сентября 1910 г. Николаю II.—Сибирь растет сказочно, в безводных степях, которые два года тому назад признавались негодными для заселения, в несколько последних месяцев выросли не только поселки, но почти города»,[1] и т. д., и т. п. В записке Столыпин указывает, что «у сибирских переселенцев даже «на глаз» больше земли, больше скота, больше хлеба, больше инвентаря, чем у среднего крестьянина в Евр. России». Кривошеин тоже отмечает «богатство отдельных русских поселков Туркестана, где средний годовой бюджет переселенческого хозяйства достигает 1½ тыс. руб., и сияющие над окрестными полями золотые кресты православной церкви не могут не радовать взгляда; они свидетельствуют, что русские люди могут прочно укрепляться и в этом крае».[2]

Нечего и говорить о том, что в своих записках Столыпин и Кривошеин хранят гробовое молчание о громадном росте обратных переселений. Они ни словом не упоминают об отчаянном положении и полном разорении громадных масс неустроенных переселенцев и полностью игнорируют нужды и интересы местного населения. В своей записке Кривошеин пишет: «Предприняв поездку, ограничил свою задачу одной целью, присмотреться к условиям возможности расширения туркестанского хлопка. Вопрос этот является центральным, в нем не одна, а 3 основных грани. Если на одной из этих граней ярче освещена перед русским общественным мнением стоит надпись «хлопок», то на другой начертано «орошение» а на третьей, пока еще затемненной, но быть может важнейшей—«русское заселение».[3] Кривошеин, конечно, совершенно игнорирует четвертую «грань», на которой написано: «Права, нужды и интересы местного населения». В своих записках Столыпин и Кривошеин стараются скрыть все ужасные последствия оголтелой переселенческой политики царского правительства. Все их напыщенные фразы представляют собой сплошную фальшь, лицемерие и наглейшую ложь. Это были отчаянные попытки черносотенного правительства скрыть от общественного мнения неприглядную правду.

---

[1] Из переписки Столыпина с Николаем Романовым 1910 г. «Красный архив», XXX, 1928 г., стр. 83.

[2] Кривошеин. Записка Главноуправляющего земледелием и землеустройством о поездке в Турк. край, стр. 45. СПб., 1912.

[3] Там же, стр. 4.

Однако ни Столыпин, ни Кривошеин не могли отделаться от тревоги и страха перед той грозной силой, которая уже собиралась против них. Столыпин писал: «Утешительное настоящее не должно заслонять от нас осложнений в будущем, а осложнения эти сами себе готовим... Бессознательно и бесформенно создается громадная грубо демократическая страна, которая скоро задавит Россию европейскую».[1] Для предотвращения этого удара в записках обоих министров яркой нитью проводится мысль о необходимости форсирования частной собственности, насаждения хуторской и отрубной системы хозяйства, проявления заботы о «крепком» мужике, о создании в его лице опоры на окраинах. Кривошеин подчеркивал, что «среди зажиточного мусульманского населения русские переселенцы не могут явиться хозяевами бедными, захудалыми и приниженными. Политическое преобладание в Туркестане русской народности должно быть закреплено и хозяйственной ее силой. Нельзя не признать, что сарт-рабочий на земле русского переселенца-хозяина явление более приятное и желательное, чем обратное: русский батрак у сарта».[2]

Так был сформулирован «новый курс» в переселенческой политике. К разрешению этого вопроса царское правительство привлекло и «православную» церковь. Известный протоиерей Восторгов, получив командировку в Сибирь для ознакомления с ходом сооружения храмов и монастырей в переселенческих селениях, не ограничился этой скромной миссией, а попутно «потрудился» над «разрешением» аграрного вопроса. Восторгов посетил Семиреченскую область и нашел, что этот край должен усиленно насаждаться выходцами из внутренних губерний. Немедленно (3 июля 1910 г.) он шлет телеграмму Столыпину, без меры расхваливая прелести Семиречья. «Но беда в том, — отмечает Восторгов, — что в крае живут инородцы, и местная уездная администрация нередко склонна тормозить дело колонизации. Настроение киргиз совершенно спокойное, хотя изредка и встречается среди них оппозиционное настроение против землеотводных работ для нужд колонизации, но оно ничтожно, и если имеет место, то исключительно под влиянием зловредной агитации непрошенных и ложных защитников каких-то киргизских прав, совершенно не считающихся с действительными правами русских, как представителями господствующего народа в великом русском государстве».[3]

Напрасно Восторгов уверяет, что «настроение киргиз совершенно спокойное». Приведенные выше документальные данные о кровавых столкновениях казахов с русскими переселенцами на почве земельных отношений со всей очевидностью показывают всю лживость этого заявления.

Священник Трегубов, отмечая в Государственной думе заслуги духовенства в переселенческом деле, заявил, что «духовенство являлось ходатаем от крестьян — переселенцев и много потерпело от местной администрации». «Но я с радостью должен заявить, — восклицает Трегубов, — что это время миновало, и с назначением туркестанским ген.-губернатором Самсонова и военным губернатором Семиречья Фольбаума обстоятельства изменились к лучшему». Это должно было означать, что после того как вмешались в дело «патриоты», ограбление казахов, «насаждение» русских переселенцев и русской «культуры» пойдет еще энергичнее и решительнее.

«Патриоты» нашли возможным в 1910 г. официально открыть Семиречье для русских переселенцев. 19 декабря 1910 г. был также

[1] «Красный архив», XXX, 1928 г., стр. 83.
[2] Кривошеин. Указ. соч., стр. 55.
[3] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 3, ч. 4, 1910 г., л. 98.

высочайше утвержден одобренный Государственной думой и Государственным советом закон о дополнении ст. 270 Туркестанского положения. Закон этот уполномочивал Главное управление земледелия и землеустройства изымать из пользования кочевников Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областей «излишние» земли для обращения их под переселенческие участки и на иные государственные надобности. Этим законом правительство и Государственная дума только поощряли беспощадный грабеж казахских земель со стороны Переселенческого управления.

Новый туркестанский генерал-губернатор Самсонов с благословения реакционного правительства и Думы начал энергично готовить всех своих подчиненных к «великим событиям» — к наглому грабежу земель у местного трудового населения. 4 апреля 1910 г. он рассылает циркуляр военным губернаторам, в котором заостряет их внимание на предполагаемых мероприятиях правительства по «устройству» переселенцев и изъятию земли у казахов. 19 июня 1910 г. Самсонов издает приказ, в котором он призывает всю местную администрацию и чинов переселенческих организаций к совместной и дружной работе. «Первым условием правильного развития переселения в край, — гласил приказ, — является широкая осведомленность киргизского населения о предстоящих мероприятиях правительства. Необходимо добиться, чтобы каждый киргиз твердо понимал, что им придется потесниться, так как вопрос об изъятии излишних для них земель твердо решен правительством. Вторым условием является дружная работа местной администрации и чинов переселенческого управления. Третьим условием является энергичная и закономерная деятельность чинов переселенческого управления по их специальностям» и т. д. В этом же приказе Самсонов объявляет искреннюю благодарность Велецкому и всем чинам Переселенческого управления за «прекрасную» организацию работ по устройству переселенцев. Мы уже указывали, как «отличились» Велецкий и переселенческие чиновники при проведении экспроприации казахских земель. Надо думать, что Самсонов приносил благодарность именно за эту «прекрасную» организацию ограбления казахов. Одновременно, очевидно опасаясь плодов «прекрасной» работы местных властей, Самсонов поставил перед Кривошеиным вопрос о приглашении в Туркестан донских и кубанских казаков для подавления возможных выступлений местного населения.

Посмотрим теперь, как повлиял «новый курс» на ход переселенческого движения в Среднюю Азию. Мы уже отметили громадный рост обратного движения переселенцев в 1910 и 1911 гг. На ряду с этим мы должны отметить еще одну характернейшую черту периода 1910—1914 гг. С 1911 г. наблюдается рост, правда ничтожный, числа переселенцев и значительный рост числа ходоков. По данным А. А. Кауфмана, число переселенцев возросло «с 190 тысяч (1911 г.) до 196 с половиной тысяч в 1912 г. Число же ходоков возросло сильно: с 36 тысяч (1911 г.) до 58 тысяч (1912 г.)»[1] По данным Переселенческого управления, число переселенцев возросло с 236.5 тыс. душ в 1911 г. до 259 тыс. душ в 1912 г. Число вернувшихся на родину семейных переселенцев сократилось с 68 619 душ в 1911 г. до 32 736 душ в 1912 г.[2] По данным челябинской регистрации сибирского пере-

---

[1] А. Кауфман. Что говорит переселенческая статистика. [«Речь» № 117 (2429) от 14/V 1913 г.]; В. Ленин. Соч., XVI, стр. 387.

[2] Перес. упр. Переселение и землеустройство за Уралом 1912 г., стр. 5, СПб., 1913.

селения, число переселенцев возросло «с 161 519 душ в 1911 г. до 176 528 душ в 1912 г. и до 219 976 душ в 1913 г.»[1]

Данные Ташкентского переселенческого пункта о движении переселенцев в Среднюю Азию рисуют следующую картину:

в 1909 г. прибыло	7535	чел.,	убыло	21 %,
« 1910 » (данные только за август—декабрь)	1087	»	»	107%
1911 г. прибыло	5093	»	»	81%
1913 » »	6718	»	»	99%[2]

Первая колонка цифр также показывает рост числа переселенцев. Однако колоссальные цифры обратного отлива переселенцев говорят, что рост переселенческого движения не давал ничего положительного, а являлся лишь симптомом углубления кризиса новой аграрной политики.

Если до 1910 г. главными очагами выхода переселенцев являлись украинские и средне-черноземные губернии, дававшие от $^3/_4$ до $^4/_5$ всего числа переселенцев, то в 1911 г., в связи с неурожаем и голодом в Поволжье, начинается новая волна бегства голодных крестьян из Поволжья. Это говорит о том, что «новая» аграрная политика разоряла одну полосу России за другой.

И теперь, как и раньше, переселенцам приходилось претерпевать в пути жестокие лишения и издевательства. Чтобы попасть на Среднеазиатские земли, крестьянин должен был сначала пережить все ужасы передвижения по Сибирской железной дороге до Омска, оттуда ему предстоял путь по Иртышу до Семипалатинска, затем — несколько сот километров на лошадях или же по Ташкентской железной дороге до ст. Арысь, а со ст. Арысь — от 500 до 1000 километров самыми первобытными способами передвижения. К этому нужно добавить отсутствие мест для привала, где переселенцы могли бы найти отдых и необходимое питание.

Несмотря на все эти лишения, крестьянские массы центральной России, доведенные до отчаяния, толпами устремлялись на окраины в поисках земли и хлеба. В телеграмме Восторгова к Столыпину отмечено, что самовольных переселенцев в Семиреченской области было зарегистрировано в 1910 г. свыше 75 тысяч. По справке Переселенческого управления, общее число переселенцев, проживавших в 1911 г. в Семиреченской области в ожидании устройства, составляло 40 тысяч. В записке Кривошеина о поездке в Туркестанский край указано, что за все время господства русских в Средней Азии, т. е. за полвека «в коренных областях (Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской) Туркестана было устроено всего только 6.5 тыс. хозяйств, а неустроенных переселенцев в 1912 г. насчитывалось 8 тыс. хозяйств». В записке Велецкого о положении переселенческого дела в Семиречье в 1913 г. указано, что «к началу 1913 г. неустроенных переселенцев зарегистрировано 5153 семейств, 16 665 душ».

Таким образом, в Средней Азии скоплялась колоссальная масса крестьян-переселенцев, жаждущих немедленно получить земельные участки. Самсонов поставил своей задачей «обеспечить» всех нуждающихся переселенцев землей за счет беднейшего местного

---

[1] Ямзин и Вощинин. Учение о колонизации и переселениях, стр. 31.

[2] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 17, ч. 5, 1910 г., л. 28; ЦАУ Узб. ССР, УЗ и ГИ Турк. края, д. № 6620, 1910 г., л. 57, и д. № 407, 1913 г., л. 262.

населения. Переселенческие чиновники, при поддержке и поощрении Самсонова, распоясались во-всю.

«На границе с Китаем в Лепсинском, Копальском, Джаркентском и Пржевальском уездах Семиреченской области, — писал некий Скалозубов в газете «Речь» в 1910 г., — именуемые кочевники давно занимаются земледелием на орошенных их собственными трудами землях. Спокойное до сего киргизское население сильно взволновано в настоящее время мероприятиями переселенческого ведомства, открывшего решительный поход на хозяйство киргиз. Так как в этих районах богарных земель мало и на них устраивать переселенцев рискованно, использовать же для искусственного орошения многоводные реки Или и Чу ведомство не в силах, то оно своеобразно решило задачу колонизации — экспроприирует орошенные киргизами земли и образует на них переселенческие участки, киргиз же просто сгоняет с их мест. Так, например, были согнаны со своих мест киргизы Баскан Саркандской волости Копальского уезда. В 1909 году из Джаркентского уезда около 700 кибиток киргиз должны были покинуть свою родину и перейти границу Китая».[1]

Киргизы Баскан-Саркандской волости жаловались председателю Государственной думы, что «Копальский уездный начальник 26 марта 1910 г. предписал волостному управителю объявить киргизам Баскана, что киргизская аемля Баскана, как свободная, отведена под переселенческие участки. На Баскане, признанном переселенческими чиновниками свободными, проживает 920 кибиток, из них у 720 отбираются зимовки и земли. Все они имели и постройки, занимались хлебопашеством, сеяли клевер, и есть оросительные каналы, возведенные трудами киргизов. Таким образом, 720 кибиток, благодаря мероприятиям Переселенческого управления, предназначены к разорению и неминуемой гибели».[2]

Начальник Чимкентского уезда Колосовский 26 июня 1911 г. писал «совершенно секретно» военному губернатору Сыр-Дарьинской области Галкину: «Имея в виду важность момента, наступившего в жизни Чимкентского уезда, когда правительство решило в полной мере воспользоваться ст. 270 Туркестанского Положения, в целях колонизации края русскими элементами, останавливаю ваше внимание на некоторых ненормальностях. Поражает своей странностью факт, что Переселенческое управление, приступая к колонизации Чимкентского уезда, начало свои работы с южной части, где в течение последних лет ни они сами, ни администрация, ни вольное переселение не могли найти свободных земель для водворения и где давно уже существуют занятные споры из-за землепользования различных туземных обществ. Самая работа изыскательских переселенческих партий ведется довольно странно. Производители работ, нанеся на план через командируемых топографов изображение своего участка и считая его заранее полностью пригодным для жилья, независимо от существующего искусственного орошения, с которым они совершенно не считаются, не определяя даже границ его на планах, делят свой участок целиком на произвольные фигуры, игнорируя, как правило, не только культурные площади, принадлежащие туземцам, но и их зимовки. А так как последние в совершенном виде, как более готовые, являются и наиболее пригодными для проектируемых поселений, то переселенческие чиновники, отбирая их от киргиз, взамен отводят с легким сердцем свободные земли без всякого орошения и доселе

[1] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 13, ч. 4, 1910 г., л. 28.
[2] Там же, л. 3.

необитаемые за невозможностью проживания на них. Затем все участки самолично чиновники тотчас же отводят в натуре посредством постановки особых знаков на местности. При означенных условиях нисколько не удивительно, что, по заявлению производителя работ Тресвятского, им «найдено» в отведенном ему районе 44% «свободных» земель, могущих быть отведенными для колонизационных целей. Если означенный, сам по себе невероятный, факт верен, то, казалось бы, не только затраченные на это дело огромные казенные капиталы надо признать выброшенными на ветер, так как земли Туркестанского края без определения степени их орошения, не имеют решительно никакой ценности, но и совершенно не надо быть пророком, чтобы предсказать с точностью, что при первой попытке осуществления настоящего проекта чинов изыскательной партии переселение киргизских аулов на другое место и водворение там русских крестьян обратится в своего рода Сарагоссу, сопровождаемую обильным кровопролитием».[1]

Газета «Русское Слово» 21 декабря 1912 г. напечатала телеграмму о том, что «производитель работ Тресвятский во время изъятия у киргизов Чимкентского уезда земельных излишков, избивал их нагайками, заставляя под угрозой револьвера подписать акты о таких излишках.

Результатом такого насильственного изъятия земли явилось то, что киргизы массами откочевывают в пределы Китая».

Зав. Сыр-Дарьинским переселенческим районом Сахаров немедленно написал опровержение, в котором указывал, что ни от кого никаких жалоб на Тресвятского он не получал, а заявление об откочевывании казахов в Китай не соответствует действительности — казахи об этом даже и не помышляли. В действительности же Тресвятский на совещании топографов в Чимкенте публично признался в избиении казахов, ссылаясь при этом на «вспыльчивость своего характера». Благин, осмелившийся подать рапорт Сахарову о возмутительных действиях Тресвятского, был уволен Сахаровым после появления телеграммы в «Русском Слове», хотя до того времени считался хорошим служащим.

При изъятии «излишков» земли и организации переселенческих участков переселенческие чиновники совершенно не знакомились с местностью. Работы эти производились на основе совершенно негодных выдуманных планов, представлявших сплошное издевательство над здравым смыслом и стоявших в полном противоречии с природными, хозяйственными и географическими условиями края. Начальник Перовского уезда на заседании временной комиссии 1913 г. по рассмотрению изъятых у казахов «излишних» земель в особом мнении к протоколам указывал, что «даже при поверхностном рассмотрении карты, составленной чиновниками Переселенческого района, бросается в глаза несоответствие ее с картой Военно-топографического отдела и действительностью. По карте, составленной чинами Переселенческого района, показано, что железнодорожная станция Берказен находится на повороте у самой луки р. Сыр-Дарьи, тогда как по карте Военно-топографического отдела и в натуре она находится верстах в 4-х от этой луки, ниже по течению р. Сыр-Дарьи. Течение речек в северо-западной части Каратаусских гор по карте переселенческих чиновников показано в обратную сторону».[2] В результате такой работы переселенческих чиновников многие участки оказывались непригодными, и переселенцы, получавшие эти участки, разорялись в конец.

---

[1] Там же, д. № 3, ч. 5. 1911 г., лл 86—87.
[2] ЦАУ Узб. ССР. ф. УЗ и ГИ Турк. края, д. № 421, 1913 г., л. 94.

Сгоняя казахскую бедноту с насиженных мест, правительство и местные власти ревниво охраняли земли и покой манапов, баев, и других представителей туземной аристократии, обеспечивая им возможность широкой эксплоатации бедноты. Ряд баев и манапов за «верную службу» получили даже отобранные у казахской бедноты земли. Так, манапа Шабдан Джантаева (Семиреченская область) правительство наградило орденами. В порядке высочайшего соизволения Джантаев получил в 1910 г. в пожизненное пользование 400 десятин земли. В 1913 г. участок в 90 десятин был отведен в вечное потомственное владение казахскому дворянину из рода султанов Кенисарину. В 1914 г. богатый манап Юлдашев получил в аренду на 36 лет по 25 коп. с десятины Баранчинский участок в 4400 десятин земли, Джедыкульский участок в 1600 десятин и Джаркудский участок в 2 553.64 десятины с правом выкупа этих земель.

Земли широко раздавались духовенству. Для «прояснения умов» переселенцев в Средней Азии стали усиленно насаждаться православные церкви и монастыри, которым прирезались большие земельные участки. В 1911 г., например, отведено было Иверско-Серафимовскому женскому монастырю в Верненском уезде 765.16 десятин земли, отобранной от казахов. Как и в предшествующие годы, земли захватывали переселенческие чиновники и близко стоявшие к ним лица, не имевшие никакого отношения к сельскому хозяйству.

Самодержавие стремилось создать себе опору в Средней Азии из кулацких и других эксплоататорских элементов. В Сборнике законов и распоряжений указывалось, что «на орошаемые системой Романовского канала казенные участки в Голодной Степи Ходжентского уезда Самаркандской области будут допущены переселенцы, свыкшиеся с особенностями Туркестана, или лица, переселяющиеся из Европейской России, при наличии достаточных средств, имеющих имущества не менее, чем 1000 рублей. Приступить, на ряду с переселением, к колонизации наших окраин, т. е. насаждению в них более состоятельных и сильных хозяйств, нежели обычные крестьяне великорусского типа»[1]. Таким путем все лучшие и пригодные для ведения хозяйства земли захватывались всякого рода приспешниками царизма и кулацкими элементами.

В 1913 г. почти одновременно с открытием Романовского канала начался захват орошенных земель. Предполагалось оросить Романовским каналом 45 тыс. десятин земли, но в 1913 г. можно было использовать только 1500 десятин. Эти земли были захвачены в течение $1\frac{1}{2}$ месяцев — с 5 октября до 16 ноября 1913 г. Основным захватчиком, как указывает переселенческое управление, явились русские кулаки, прожившие уже несколько лет в Средней Азии. Немалая часть этих земель досталась и чинам местного управления земледелия. Заведующий переселением указывал, что «землю хочет получить всякий, даже и не думая ею заниматься лично, а имея в виду ее эксплоатировать путем сдачи в аренду. В особенности это стремление к земельной спекуляции проявилось, когда началось заселение Голодной Степи, превратившееся для многих как бы в азартную игру; получить здесь участок, сдать его сейчас же в аренду и положить сразу же почти тысячу рублей в карман арендной платы без всякого труда стало делом столь привлекательным, что к земле устремились всевозможные элементы, не только неспособные работать на этой ценной земле, но превращающие ее в бесплодную пустыню».[2] Основная же масса

[1] Вощинин. Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений, стр. 123, 1915 г.

[2] ЦАУ Узб. ССР, ф. УЗ и ГИ Турк. края, д. № 20311, л. 9.

разоренных крестьян-переселенцев была оставлена без внимания. Заведующий Чимкентским переселенческим подрайоном Кульчицкий в 1912 г. в докладе Переселенческому управлению писал, что «ради того, чтобы «сесть на землю», самовольные переселенцы готовы подписать себе смертный приговор, а потом поднимают стоны на антихозяйственные угодия. Например, поселок Домбра-Шалды, который было бы справедливее назвать ссылкой, но не заселением».[1]

Следующая таблица показывает, как шло в 1910—1913 гг. водворение основной массы переселенцев.

В Сыр-Дарьинском переселенческом районе					В Семиреченском переселенческом районе				
1910 г. водворено . .	107	душ	м.	п.	3569 семейств	11 005	душ	м.	п.
1911 » » . .	1 542	»	»	»	4335 »	13 695	»	»	»
1912 » » . .	10 374	»	»	»	4006 »	12 637	»	»	»
1913 » » . .	5 818	»	»	»	2403 »	7 729	»	»	»

Таблица, основанная на годичных отчетах Переселенческого управления о землеустройстве за Уралом, показывает, что в этот период наблюдается наибольший наплыв и водворение русских переселенцев в Средней Азии. Отчеты Переселенческого управления исполнены казенного славословия и благодушия. Они стремились показать «громадную деятельность» в области организации переселенческого и колонизационного дела. В действительности же все обстояло совсем не так. Самодержавие тормозило и даже разрушало производительные силы Средней Азии. Об этом свидетельствует водная панама в Голодной степи.

Эта степь была когда-то сплошь орошена и заселена, но затем покинута населением, которое оставило после себя сеть больших и малых каналов. Об орошении или, вернее, восстановлении оросительной системы Голодной степи царское правительство начало «заботиться» вскоре же после захвата Туркестанского края. Тотчас же возникли фантастические проекты, невозможность осуществления которых для всех была очевидна. Первый канал, проложенный самым примитивным способом, построил вел. кн. Николай Константинович, назвавший свое детище каналом Николая I. Этот канал протяжением в 83 версты обошелся в 240 тыс. руб. и должен был орошать 750 десятин земли. Постройка канала закончилась в 1895 г., и тотчас же стали возникать различные компании по получению казенных земель для орошения. Одновременно был разработан проект по постройке большого Романовского канала, который должен был оросить 45 тыс. десятин земли. Когда проект был утвержден, к этому делу присосалась целая шайка хищников во главе с Массальским, Максимовым, Успенским и Толмачевым, которые разворовывали отпускавшиеся на постройку миллионы рублей.

Постройка Романовского канала обошлась в 7½ миллионов руб. вместо предполагавшихся 2½ миллионов руб., но когда канал был открыт, выяснилось, что он может орошать не 45 тыс. десятин, а всего лишь 1500, для орошения же остальной земли требовалось произвести дополнительные расходы.

Сами переселенческие чиновники пришли в ужас от результатов своей работы, так как она привела к разрушению производительных сил края. Вощинин, который раболепствовал перед самодержавной властью и всеми силами старался представить все в розовом свете, не мог скрыть ошеломляющего впечатления, которое на него

[1] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 3, ч. 5, 1912 г., л. 10.

произвели при объезде русские поселки в Туркестанском крае в 1913 г. Он описывает, как прекрасные сады, созданные многолетними трудами местного населения, варварски разрушались и распахивались под посев овса и пшеницы. Разрушалось также столь ценное в условиях Средней Азии лесное хозяйство.

Одной из характерных черт «нового курса» в переселенческом вопросе являлось дальнейшее разжигание национальной розни между русскими и местным населением. Массовое ограбление и разорение озлобляло казахов против русских. Их терпение начинало истощаться, появилась угроза отпора с их стороны. Чтобы подавить всякое выражение недовольства со стороны местного населения, царские власти под предлогом борьбы с хищными зверями и птицами начали усиленно вооружать переселенцев. Была разрешена продажа винтовок наиболее «благонадежным элементам».

Приведенные нами факты вскрывают всю глубину кризиса «новой» аграрной политики и переселенческой политики царизма в Средней Азии. Разорение и нищета охватывали все новые и новые районы как в центральной России, так и в Средней Азии. Разоренные и голодные массы крестьянства, бежавшие в Среднюю Азию из южных губерний и Поволжья, стали возвращаться обратно на родину еще более разоренными и озлобленными. Переселенческая политика, проводимая руками крепостников, была не в состоянии вывести крестьян из нищеты и кабалы помещиков. В этом все больше и больше убеждались сами крестьяне. «В Туркестане, населенном по 3,0 человека на 1 кв. версту, — писал Ленин, полемизируя с А. А. Кауфманом, — «необъятные пространства остаются ненаселенными»... «Почва многих из «голодных пустынь» Туркестана — знаменитый средне-азиатский лесс, отличающийся при достаточном орошении высоким плодородием»...

Эти многие миллионы десятин и в Туркестане и во многих других местах России «ожидают» не только орошения и всякого рода мелиораций, они «ожидают» также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве».[1]

IV

Кризис переселенческого движения, уже ясно наметившийся в период 1910—1914 гг., резко обострился в годы империалистической войны. Сильно сократились кредиты на переселенческое дело. Много начатых работ, выполнение которых обычно растягивалось на два — три года, так и остались незаконченными. Наспех проведенные дороги, на которые затратили немало денег, разрушались, колодцы обваливались, участки теряли свои межи. Разложение переселенческого аппарата, и до этого работавшего очень плохо, пошло теперь с молниеносной быстротой. Попрежнему топографы составляли самые фантастические карты и планы, на основе которых переселенческие чиновники организовывали участки и водворяли переселенцев. В результате вновь образованные поселки оказывались без воды, заносились песками, а среди переселенцев начались массовые заболевания малярией. Переселенцам Ново-Николаевского поселка, например, приходилось ездить за водой за 4 километра, в самом же поселке была грязная вода, от которой развивались болезни. В поселке Чиялисай вода в колодцах, вырытых переселенцами, оказалась совершенно не-

---

[1] В. Ленин. Соч., XI, стр. 359—360.

годной для питья и явилась одной из причин эпидемии малярии. Поселок при ст. Аральское море, расположенный на берегу моря в пустынной местности, совершенно был лишен пресной воды, и переселенцы ездили за водой на подводах по сыпучим пескам на железнодорожную станцию, платя по 20 коп. за бочку воды; нередко всю пресную воду забирали паровозы и для переселенцев ничего не оставалось. Земли пос. Росляково были залиты силевыми водами, занесены песком и оказались совершенно непригодными для земледелия. Священник сел. Надеждинского Ходжентского уезда писал: «Во вверенном мне приходе имеется селение с громким и звучащим названием «Обетованное», но какой злой и жестокой иронией веет от этого названия без воды, без кустика зелени и всякого намека на растительнссть, среди белеющихся солонцев. В пыли, в сухую погоду, и по колени в липкой грязи в дождливое время ютятся землянные избушки, едва-едва выделяясь из окружающей жалкой и неприглядной местности».[1]

В 1914—1916 гг. переселенческое движение в Средней Азии резко падает, процент же обратного переселения попрежнему очень высок. По данным Ташкентского врачебно-остановочного пункта, в Туркестанский край

в	1914 г.	прибыло	5104	чел.,	убыло	5043	чел.
»	1915 »	»	85	»	»	220	»
»	1916 »	»	69	»	»	60	» [2]

Эти данные очень ярко иллюстрируют крах переселенческой политики царизма в Средней Азии, который вынуждены были признать даже ставленники царизма. Заведующий водворением переселенцев в Верненском подрайоне писал: «Это (обратное бегство переселенцев. — *П. Ш.*) объясняется: 1) ненормальными условиями образования всех вообще участков и 2) погоней производителей работ за количеством долей на участке, а не за качеством их. Не принималось в расчет, как и чем будет обеспечен поселок в будущем, особенно в водном отношении. Подробные сельскохозяйственные обследования и съемки совершенно отсутствовали, поэтому ни в одном проекте не было подробной и точной классификации угодий. Большинство участков все еще перестраиваются и не приняли устойчивой формы».[3]

Заведующий медицинской частью Сыр-Дарьинского района писал 29 января 1915 г. Успенскому, что «переселенцы заболевают малярией в первый же год своего пребывания и преимущественно к тому времени, когда поспевает урожай, а так как заболевают все члены семьи одновременно, то даже некому убирать хлеб. В это время многие переселенцы в отчаянии оставляют свои посевы неубранными и возвращаются на родину».[4]

На ряду с этим продолжалось энергичное ограбление казахов и хищническое разбазаривание природных богатств края. В 1915 г. для русских помещиков, чиновников и кулаков было отобрано у казахов 1800 тыс. десятин земли. Полицмейстер гор. Верного получил в начале войны 10 тыс. десятин земли, отобранной у казахов.

После водной панамы в Голодной Степи здесь возникла земельная панама. В годы войны правительство все с большей настойчивостью стало проводить награждение особо отличившихся участников

---

[1] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 20, ч. 5, 1915 г., л. 220.
[2] ЦАУ Узб. ССР, ф. П. У. Сыр-Дарьинского района, д. № 508, 1914 г., л. 158 и д. № 2017, 1916 г., л. 6.
[3] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 41 б., 1915 г., л. 24.
[4] ЦАУ Узб. ССР, ф. П. У. Сыр-Дарьинского района, д. № 699, 1915 г., л. 4.

войны — раненых и георгиевских кавалеров орошаемой землей в Голодной Степи. Новые владельцы сдавали землю в аренду, а сами жили на стороне. Арендаторы хищнически эксплоатировали прекрасные орошенные земли: арыки не чистились, земли засолонялись, и им грозило превращение в бесплодные пустыни.

Не церемонились царские чиновники и со старожилами—русскими крестьянами. Крестьяне поселка Ванновского Чимкентского уезда 25 июля 1914 г. послали в Главное управление земледелия и землеустройства жалобу на переселенческих чиновников. С 1890 г., указывали жалобщики, они поселились на отведенном им участке и тогда же, нуждаясь в земле, заарендовали у казахов на 30 лет 1795 десятин, платили казахам аренду, провели за свой счет арык Кулан, затратив на это около 20 тысяч рублей. Теперь же Переселенческое управление замежевало все казахские земли, в том числе и эти 1795 десятин, обрабатываемые и орошенные старожилами, и предполагает передать их переселенцам из центральной России.

Заведующий статистическими работами в Семиреченском переселенческом районе Румянцев писал Велецкому, что «в Лепсинском уезде на правом берегу р. Тептек существует уже около 40 лет (первые переселенцы пришли в 1871 г.) русское, вернее украинское селение Степановское. С первых же лет жизни на новом месте они начали выводить из Тептека, верстах в 12 выше селения, арык, получивший название Кос-бак. Устройство этого арыка сопряжено с большими трудностями. Тептек «Бешеный», как показывает само название, несет свои воды необыкновенно бурно; он разбивается на несколько рукавов, которые ежегодно меняют свое русло. Потребовалось в течении Тептека соорудить целую каменную дамбу, которая бы направляла воду в головной арык... Выведение головного арыка и ежегодная расчистка его производится средствами и силами всего общества. При выполнении этой трудной и дорогой работы сход установил натуральную повинность для каждого двора, назначая число работников и число дней работы; для контроля над исполнением работы выбираются особые надсмотрщики, имеющие, по приговору общества, право применять телесное наказание к нерадивым работникам. Труд на арыке буквально каторжный. Особенно тяжел он весной, при укреплении головы. Работать приходится в ледяной воде, извлекая из нее громадные камни-валуны и наваливая их на дамбу, которая скрепляется затем плетнем из тала и железной проволокой. Арык Кос-бак проходит по киргизской земле, на ней же расположены и орошаемые ими пашни. По Кос-баку были запроектированы переселенческие участки, приняты временной комиссией и отграничены. Таким образом, русским старожилам сел. Степановского грозит, что их 40-летний труд по проведению арыка пропадает даром и что они лишаются своих пашен. Словом, более чем 400 хозяйствам сел. Степановского с населением более, чем 2000 душ, грозит если не полное разорение, то страшное потрясение».[1] В заключение Румянцев пишет, что не нужно быть пророком, чтобы предсказать возникновение самых острых столкновений между старожилами сел. Степановского и новоселами Кос-бака. Таким образом, к разоренным и озлобленным казахам и крестьянам-переселенцам из центральной России теперь прибавляется еще группа разоряющихся и озлобляющихся русских старожилов.

До сих пор мы рассматривали переселенцев почти исключительно в общей их массе. Но нужно отметить, как один из важнейших мо-

---

[1] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 2, ч. 4, 1911 г., л. 16.

ментов в развитии переселенческого движения, то, что оно давало сильнейший толчок дифференциации крестьянства. Как известно, переселенцы шли главным образом из земледельческих и густо населенных губерний центральной России, где больше всего развиты отработки, задерживающие дифференциацию крестьянства. Среди переселенцев преобладали середняцкие слои крестьянства, крайние же группы — беднота и кулачество — оставались на родине. Таким образом, переселение усиливало расслоение крестьян на местах выхода и переносило элементы расслоения на места водворения — новоселы, особенно в первый период водворения, нуждались в батраках, которые часто вербовались из среды окончательно разоренных переселенцев, не получивших земельных участков. Благодаря этому в самый короткий срок среди переселенцев в полной мере проявлялась острая дифференциация. В своей статье «Колонизация Туркестана за последние годы», напечатанной в 1915 г., Яшнов очень наглядно показывает эту тенденцию, присущую переселенческим хозяйствам. Чтобы выявить расслоение переселенцев, обследованные хозяйства пяти уездов Туркестанского края (Аулиэатинский, Чернявский, Ташкентский, Перовский и Андижанский) были разбиты на 6 групп по признаку размеров посевной площади: 1) хозяйства без посева, 2) с посевом до 4 десятин, 3) от 4 до 8 десятин, 4) от 8 до 12 десятин, 5) от 12 до 16 десятин и 6) свыше 16 десятин.

Ниже приведены таблицы соотношения этих групп (см. стр. 78).

Эти таблицы со всей четкостью показывают расслоение переселенцев: крайние их группы—беднота и кулачество очень резко выделяются. Основную массу водворенных переселенцев составляли разорившиеся середняки и бедняки, не имевшие никакого опыта в обработке средне-азиатских культур, не обладавшие соответственным инвентарем, вынужденные вводить самые примитивные формы полеводства, вплоть до отказа от всякого севооборота при полном господстве зерновых культур. Такое ведение хозяйства создавало очень тяжелые условия для переселенцев. Заведующий Государственными имуществами Ходжентского и Джизакского уездов Безнуглый при своем вступлении в должность счел необходимым познакомиться с переселенцами-арендаторами, не вносившими арендной платы. После этого он в своем рапорте на имя Туркестанского Управления земледелия и государственных имуществ писал: «Впечатление получилось очень тяжелое: обзаведения никакого, посевы сделаны небрежно, дома — не дома, а курятники, бог знает как слепленные из глины. Полная бесхозяйственность и запустение на полях». [1]

Агрономическая помощь переселенцам отсутствовала. Деньги, ассигнованные на это государством, тратились исключительно на содержание чиновников. Велецкий писал в Переселенческое управление, что «агрономия Кодряном была совершенно упразднена, что видно уже из того, что все расходы в сумме 6332 рубля производились исключительно на жалованье персоналу, в том числе самому Кодряну, на содержание агрономического кабинета и т. д. На живое же дело — пробные посевы, на указания на местах крестьянам способов обработки наделов, применительно к местным условиям — Кодряном ровно никакой предприимчивости не было проявлено». [2]

Между тем, продолжавшаяся война, приведшая всю страну к полной хозяйственной разрухе, не могла не отразиться на хозяйственной

---

[1] УЦГАЛ, ф. П. У., д. № 40, ч. 8, 1912 г., л. 23.
[2] Там же, д. № 3, ч. 4, 1912 г., л. 3.

I

Группы по посеву	Число наличных хозяйств		На 1 наличное хозяйство десятин земли		Число хозяйств, сдающих землю (в %)		Число хозяйств, арендующих землю (в %)		Число хозяйств, пользующихся наемн. труд. (в %)
	В абсолютном числе	В %	Всего культ. площ.	В том числе засеян.	Пахотную	Сенокосную	Пахотную	Сенокосную	
I	474	11.3	10.9	—	43.2	14.1	—	3.8	5.9
II	1284	30.7	8.7	2.5	15.7	3.4	8.3	6.9	30.6
III	925	22.1	11.3	5.4	12.0	1.7	24.0	16.5	23.2
IV	567	13.6	12.9	8.1	7.4	0.5	39.5	25.7	21.0
V	314	7.5	14.3	10.5	3.8	0.6	55.4	37.6	38.9
VI	619	14.8	16.6	13.3	1.6	0.2	80.3	47.3	56.2
	4183	100	11.7	6.5	13.9	3.2	29.3	19.5	32.0[1]

II

Группы по посеву	На наличное хозяйство в среднем приходится голов					Пчеловодство			Число хозяйств (в %)		На наличное хозяйство приходится жилых построек
						Число хозяйств, имеющих ульи (в %)	На каждое из них приходится ульев				
	Лошадей	Крупного рогатого скота	Верблюдов	Овец	Свиней		колодок	рамочных	С инвентарем	Прибегающих к посторонним промыслам	
I	0.6	1.0	0.02	0.2	0.4	2.0	0.2	2.5	21.1	55.5	1.0
II	1.0	1.4	0.01	0.4	0.7	3.4	17.1	25.5	47.0	41.0	1.0
III	1.8	2.8	0.01	2.3	1.2	5.1	5.1	13.2	82.1	31.5	1.1
IV	2.6	3.9	0.01	2.2	1.7	7.8	10.9	20.0	95.9	29.6	1.1
V	3.2	5.1	0.01	4.4	2.1	10.2	4.3	29.6	97.8	28.3	1.1
VI	4.8	6.8	0.03	5.2	3.1	13.1	9.0	28.6	100.0	28.6	1.2
	2.1	3.1	0.01	2.1	1.4	6.2	8.8	24.0	70.1	36.2	1.1[2]

жизни и без того обобранного царскими колонизаторами местного населения Средней Азии. Произвол, взяточничество и разложение аппарата управления Туркестанским краем в годы войны достигли своего апогея. Царские чиновники обогащались за счет доведенных до последней крайности дехкан.

На ряду с существовавшими высокими налогами, с первого же года войны в отношении дехканско-скотоводческих масс в очень широких размерах стали применять всевозможные реквизиции, «пожертвования» на войну и целый ряд других поборов. У местного населения брали все, что только возможно было взять: лошадей, верблюдов, ишаков, арбы, папахи, кибитки, кошмы, арканы, халаты, седла, уздечки, шапки и т. д.

---

[1] Яшнов. Колонизация Туркестана за последние годы («Вопросы колонизации» № 18 за 1915 г., стр. 145).

[2] Там же, стр. 150.

По данным Куропаткина, в течение войны из Туркестанского края было отправлено на нужды армии:

Хлопка	40 899 244	пуд.
Хлопкового масла	3 109 000	»
Мыла	229 000	»
Мяса в заготовке	300 000	»
Рыбы	473 928	» [1]

Куропаткин умалчивает о том, какое количество живого скота было отобрано у населения. В одной только Закаспийской области за первые два года империалистической бойни у населения было отобрано 6872 лошади, 12 805 верблюдов, 200 ишаков и различного имущества на 223 189 рублей. Всего «под видом пожертвований на нужды войны, из кармана дехканства было извлечено наличными деньгами 1 187 627 руб.»[2]

Собранные у дехкан средства застревали в карманах царских чиновников и местных аульных старшин. «На содержание беженцев население должно было доставлять продукты за плату. Старший аксакал, платя населению лишь половину стоимости, получал прибыли приблизительно более 10 000 руб. в месяц. Назначенные над беженцами участковые пристава, благодаря этому, имели дохода от 50 до 500 руб. в месяц. При поисках запасов сахара в магазинах брали взятки от 200 до 10 000 руб. с каждого торговца... За разрешение ночного базара в «уразу» с каждого чайханщика или содержателя столовой брали до 3000 руб.» и т. д.[3]

Таким путем, под видом всевозможных сборов на нужды войны, царским чиновникам удалось присвоить не менее 20 миллионов руб. Вот один из типичных колонизаторов того времени — начальник Пржевальского уезда «полковник Иванов, человек с широкими замашками русского барина. Все, что бы ни предпринимал г. Иванов, отзывалось известной позантностью. Если он играл в карты, то по крупной, если устраивал обед, то подавалось все, что можно достать наилучшего. Если совершал поездку по уезду, то эта поездка напоминала собой триумфальное шествие, для чего собирались в г. Пржевальске должностные лица и манапы, которые верхами сопровождали уездного начальника. Заранее в местах остановки выставлялись лучшие юрты и накануне выезжал повар».[4] Таких примеров можно было бы привести много.

В довершение всего царское правительство 25 июня 1916 г. издало знаменитый указ «о реквизиции на тыловые работы» туземного населения. К невыносимому гнету царских чиновников, ростовщического капитала и феодально-байской верхушки прибавился новый страшный налог — налог живыми людьми. Объявление этого указа вызвало вакханалию взяточничества. Колонизаторы получили новый богатейший источник доборов и взяток.

В 1916 г. среди народов Средней Азии началось стихийное восстание против царизма, против колониального господства царских крепостников-помещиков и империалистов. Непосредственным поводом к восстанию был указ «о реквизиции на тыловые работы», но основной причиной восстания являлся земельный вопрос. «Главной причиной недовольства киргизов, приведшей к открытому возмущению, — писал 20 декабря 1916 г. военный губернатор Семиреченской области Турке-

[1] Е. Федоров. Очерк национально-освободительного движения в Средней Азии, стр. 55, Ташкент, 1925.

[2] Восстание 1916 г. в Туркмении (документы и материалы), стр. 14, Ашхабад, 1938.

[3] Е. Федоров, Указ. соч., стр. 51.

[4] ЦАУ Узб. ССР, ф. Охр. отд., д. № 1888, 1915 г., лл. 56—58.

станскому генерал-губернатору, — надо считать: изъятие за последние 10 лет в государственный фонд около 2 млн. десятин, иногда со значительным смещением хозяйств и как следствие — земельное стеснение киргиз и сокращение перекочевок, особенно с изъятием в казну огромных лесных площадей. Форсированное водворение и устройство до 40 тыс. самовольцев-крестьян, поселившихся на лучших землях Пишпека и Пржевальска в первые годы деятельности Семиреченской партии, повлекло значительный экономический ущерб для многих хозяйств киргиз в этих уездах и вызвало неприятное отношение к крестьянам».[1] О том же писали военные губернаторы остальных областей. Таким образом, причиной кровопролитного восстания являлась и переселенческая политика царизма, обрекавшая местное население на нищету и вымирание. Достаточно указать, что за 1902—1913 гг. казахское население сократилось на 8—9 процентов.

Восстание быстро охватило всю Среднюю Азию, достигнув наибольшего размаха в Семиреченской области. Не на шутку встревоженное размерами движения, царское правительство направило в Среднюю Азию на подавление восстания воинские части, превосходившие по численности войска, которыми располагали генералы Черняев, Кауфман и Скобелев при завоевании Средней Азии.

Огнем и мечом прошлись царские карательные экспедиции по всему краю, убивая мирных жителей, сжигая аулы, угоняя скот и грабя имущество. В результате действий карательных экспедиций 300 тысяч казахов — четверть коренного населения Казахстана была загнана в Западный Китай. Их аулы были уничтожены, земли розданы царским колонизаторам, имущество разграблено. Так же жестоко царское самодержавие расправилось с узбеками и туркменами. Часть восставших туркмен была вынуждена уйти в Персию.

Разоряя крестьянские массы в центре России и грабя туземное население в Средней Азии, царизм создавал благоприятную почву для победы Великой октябрьской социалистической революции, которая поставила Туркестан на новые исторические пути, уничтожила кровожадных колонизаторов в Средней Азии и освободила народы Средней Азии от необходимости пройти через капиталистический этап развития, через «европейскую» систему эксплоатации.

На совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана Сталин сказал: «В октябре 1917 года, когда у нас развернулась великая пролетарская революция, когда мы свергли царя, помещиков и капиталистов, великий Ленин, наш учитель, наш отец и воспитатель сказал, что не должно быть отныне ни господствующих, ни подчиненных народов, что народы должны быть равными и свободными. Этим он похоронил в гроб старую царскую, буржуазную политику и провозгласил новую, большевистскую политику — политику дружбы, политику братства между народами нашей страны».[2]

Союз рабочих и крестьян Средней Азии с рабочими и крестьянами России предоставил трудовому дехканству Средней Азии все возможности для самостоятельного политического, экономического и национально-культурного творчества. Опираясь на братскую поддержку русского пролетариата, народы Средней Азии победоносно совершили переход от низших форм общественного развития к социализму.

---

[1] ЦАУ Узб. ССР, ф. канц. Турк. ген-губ., д. № 1100, 1916 г., л. 83.

[2] И. Сталин. Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства, стр. 31—32, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

Б. А. РОМАНОВ

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ РАЗВЯЗЫВАНИЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—05 гг.

> «В своих захватах на Дальнем Востоке царизм столкнулся с другим хищником — Японией, которая быстро превратилась в империалистическую страну и тоже стремилась к захватам на азиатском материке, в первую очередь за счет Китая. Япония, так же, как и царская Россия, стремилась забрать себе Корею и Манчжурию. Япония уже тогда мечтала о захвате Сахалина и Дальнего Востока. Англия, которая побаивалась усиления царской России на Дальнем Востоке, втайне была на стороне Японии. Назревала русско-японская война...
>
> Не дожидаясь, пока царское правительство объявит войну, Япония первая начала ее. Располагая хорошей разведкой в России, Япония рассчитала, что в этой борьбе будет иметь неподготовленного противника. Не объявляя войны, Япония в январе 1904 года неожиданно напала на русскую крепость Порт-Артур...
>
> Так началась русско-японская война». (Краткий курс Истории ВКП(б), стр. 52—53).

I

Когда 28 июля 1903 г.[1] Курино, японский посланник в Петербурге, передал гр. Ламсдорфу свою «вербальную ноту» с предложением «войти в рассмотрение положения дел на Дальнем Востоке, где встречаются их, России и Японии, интересы» — выступление это было полностью согласовано с британским кабинетом. Еще 3 июля Гаяси — японский посол в Лондоне — обратился к маркизу Лэнсдоуну с сообщением, что «следя с пристальным вниманием за развитием дел в Манчжурии», японское правительство решило отказаться от «позиции бдительной сдержанности», так как «последнее выступление (в апреле 1903 г. — *Б. Р.)* России с требованием от Китая новых условий, консолидирующих ее власть в Манчжурии», «заставляет его думать, что Россия оставила намерение... уйти из Манчжурии», что «неограниченная постоянная оккупация Манчжурии Россией создает положение, чрезвычайно пагубное для интересов, защита которых являлась целью при заключении англо-японского союза» и что «пришло время изменить политику».

Изложив условия соглашения с Россией, Гаяси указал, что их отклонение поведет к ответственности России за результаты, каковы бы они ни были. Лэнсдоун, конечно, полюбопытствовал, «какие шаги Япония предпримет, если Россия не обратит внимания на ее представления»? Гаяси ответил незнанием. Лэнсдоун указал тогда на «крайнюю важность» соглашения с США относительно их действий

[1] Все даты даются по новому стилю.

в этом вопросе. Гаяси промолчал, а затем предложил английскому правительству «полный и свободный обмен взглядов относительно общих интересов обеих держав» и, со своей стороны, спросил о шагах, какие предполагает предпринять Англия для защиты своих интересов. На последнее, в свою очередь, не ответил Лэнсдоун. Он обещал передать весь вопрос на обсуждение британского кабинета.

Пребывание в Лондоне Делькассэ с президентом французской республики, как раз в эти дни ведших переговоры о заключении англо-французской «entente», несколько задержало английский ответ на японское предложение, и обмен меморандумов по всей форме последовал (13 и 16 июля), когда покончено было с французами. Британский кабинет одобрил японские условия с тем, что «японское правительство будет держать английское правительство полностью в курсе переговоров с Россией», и с тем чтобы переговоры шли в полном согласии с англо-японским союзным договором. Япония с своей стороны потребовала «строгой секретности» переговоров и отвергла какое-либо участие США, а японский министр иностранных дел Комура кроме того подчеркнул еще, что желает вести переговоры «непосредственно с Россией» и что «всякая отсрочка в этом деле будет только провоцировать войну» («они хотят действовать одни и, так как их интересы более животрепещущи, чем наши, и так как они подготовлены итти дальше, я думаю, что они правы», — добавлял от себя Макдональд, английский посол в Токио).[1]

Даже из этих скупых (только теперь и пущенных в публикацию) дипломатических формулировок видно, что дело предпринималось в расчете развязать войну под предлогом затяжки дипломатических переговоров противной стороной. Да Комура и сам признавался, что «лично он не думает, чтобы русские имели в виду вести переговоры», а Макдональд считал, что «твердость в ведении дела с Россией скорее привела бы к мирному соглашению, чем политика чрезмерного соглашательства», и именно потому воздержался сказать это Комуре, чтобы «избежать всего, что могло бы хотя в малейшей степени иметь вид подстрекательства к поспешному образу действий» — дело, которое английская дипломатия предпочитала возложить на свою прессу. Именно в этой связи осторожный в своих дипломатических письмах Макдональд упомянул, что Ито «очень хочет соглашения с Россией во что бы то ни стало» и что Ито «утверждал, что нынешние затруднения японского правительства и действия России в Манчжурии и на границе Кореи являются прямым следствием англо-японского союза».[2] Макдональд отражал здесь только общую позицию английской дипломатии: поглубже спрятать пружину, которую она, очевидно, хотела до конца держать в своих руках. Выступление лорда Кренборна по адресу России (11 июля в палате с заявлением, что Англия не против соглашения с Россией) было предпринято в момент, когда благословение Лондона японцам еще не было дано и должно было иметь вид акта, исходившего из дружественной царизму французской инициативы, проявленной Делькассэ в бытность его в Лондоне. На деле это было выступление параллельное японскому, прикрывавшее Лондон от упреков, которых так боялся Макдональд.

Итак, в самом своем зародыше японское выступление открывало дискуссию не на тему о корейских делах и интересах «местного значения», как свысока говорили о них в Лондоне в 1901 г., а на тему о манчжурских интересах широкого международного характера.

---

[1] British documents on the origine of the War, II, № 237, 238, 239, 240.
[2] Там же, № 246.

И 12 августа Курино вручил Ламсдорфу проект соглашения не только о Корее, но и 1) о поддержании «начала равного благоприятства для торговли и промышленности всех наций в Китайской и Корейской империях», 2) о прокладке японской железной дороги из Кореи через КВжд на соединение с Шанхайгуаньской линией на Пекин и 3) о признании лишь «специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Манчжурии».[1] При этом японская дипломатия двинулась в поход, как видим, одновременно и согласованно с английской в момент такой внутренней разоруженности правительственного аппарата царизма и такого угрожающего для царизма положения на внутреннем фронте, что дипломатически разыграть тут войну для японской стороны было бы не так уж трудно.

Что это было действительно так, показала уже через два дня — 14 августа — дипломатия «триумвирата».[2] В этот день на совещании их было только трое (Безобразов не приехал). Решено было «не придерживаться буквального смысла договора 26 марта», при эвакуации в дальнейшем не выводить войска из Манчжурии, а только уводить их в полосу отчуждения КВжд (это теперь они и называли эвакуацией), продолжать занятие Хунчуня (у самой корейской границы!) и обещать Китаю эвакуацию непридорожных пунктов «в течение годичного срока», т. е. к 14 августа 1904 г.(!). Все это обусловливалось следующими обязательствами со стороны Китая: 1) не уступать иностранцам возвращаемых территорий (то же, что в апреле), 2) допустить военные русские посты по Сунгари и Амуру, 3) то же на тракте Цицикар — Благовещенск, 4) исключить Манчжурию из ведения иностранцев (то же, что в апреле) и 5) оградить торговые интересы КВжд.[3] Это был крайний предел, до которого готовы были итти все трое, приспосабливаясь к «новому курсу», на который переходил царь с безобразовцами. Но это была уже и лебединая песня «триумвирата». В эти дни Николай уже утешал Безобразова, что он может «считать Витте очень кратковременным деятелем», и 29 августа, наконец, освободился от него, передвинув его на пост председателя комитета министров, т. е. в сущности в глубокий резерв, подальше от всякого дела.[4]

12 августа, в самый день получения японской ноты, адмирал Алексеев был назначен наместником царя на Дальнем Востоке с резиденцией в Порт-Артуре: его задачей было объединить под своим руководством работу всех ведомств на Дальнем Востоке, и ему дано было право дипломатических сношений от имени царя. Это был встречный ход «нового курса» в ответ на манчжурское острие японского предложения, предпринятый втайне от «триумвирата» не без участия Плеве. Это была еще одна внутриаппаратная победа «нового курса». Хватив исподтишка по голове ведущее трио своих министров, Николай полагал, что тут-то он и «забирает силу». Министры узнали об указе из «Правительственного Вестника». Куропаткин заговорил с царем о «доверии» и просил отставки. Ламсдорф этого вопроса открыто не возбуждал, как обещал англичанам полтора года назад, но еще и через месяц имел «меланхолический» «изменившийся в лице» вид и признавался французскому дипломату, что «предпочитает», чтобы «судьбы Манчжурии находились в руках другого», когда дело пошло о нарушении подписанного им договора об эвакуации. Даже

[1] Японская белая книга («Манчжурия и Корея», СПб., 1905), стр. 170, 172 и 177; моя «Россия в Манчжурии», стр. 426—427, Л., 1928.
[2] Т. е. Витте, Ламсдорфа и Куропаткина.
[3] «Россия в Манчжурии», стр. 440—441.
[4] «Русско-японская война», изд. Центрархива, стр. 157.

Плеве несколько спустя (в ноябре) объяснял Куропаткину, что Николай «был крайне недоволен противодействием ему министров», что «нельзя ему резко противоречить», что теперь «влияние попало в нехорошие руки и прежде всего в руки людей несведующих» — «все дело в том, что в Манчжурии собирались устроить особое государство» (т. е. государство Витте). [1]

Учреждение наместничества, казалось, говорило о том, что Россия располагается в Манчжурии всерьез и надолго. Германская пресса приветствовала этот шаг, как «триумф ловкой, настойчивой и молчаливой русской дипломатии на Дальнем Востоке» и «как решительное подчинение Манчжурии царем» — «коварный маневр» со стороны германской дипломатии, как думали во Франции, цель которого «обострить положение и вызвать протесты». [2]

По существу это была игра в большие куклы: никаких самостоятельных сношений Алексеев не вел, так как боялся и шага сделать без Петербурга. В столице был несколько позднее учрежден «особый комитет по делам Дальнего Востока», куда успели назначить Плеве вицепредседателем при царе-председателе, а все собрание представлял один Безобразов. Абаза с Матюниным управляли канцелярией. Заседаний, понятно, не было ни одного. Абаза вел переписку с Алексеевым, передавая и истолковывая тому распоряжения царя. Параллельно действовал обычный министерский аппарат, и формально японский посланник Курино сносился только с Ламсдорфом; но в решительных случаях ответы последнего задерживались, когда Николаю приходило вдруг в голову запросить Алексеева. Ламсдорф в Петербурге боялся, как бы чего не натворил Алексеев, напыщенное и глупое существо, представивший проект штаба наместника на сумму в 412 тыс. руб. и в составе 80 генералов (по одному генералу на батальон, даже не на полк!). [3] Алексеев в Порт-Артуре в свою очередь вечно охал и ахал, как бы не «сдурили» петербургские «чиновничьи души», — сам считая себя воякой. [4]

Безобразов к дипломатической части прямого отношения не имел и занимался «экономической политикой», извлекая ее, по привычке, из «здравого смысла». Но так как Николай без наместника тут предпринимать ничего не хотел (под влиянием известий о полном крахе корейско-манчжурских лесных операций Балашова), то Безобразову оставалось попытаться внушать свои «идеи» Алексееву по телеграфу через специально командированное в Порт-Артур лицо (ген. Вогака). Однако последнему это решительно не удавалось потому, что Алексеев уклонялся от экономических вопросов по «некомпетентности». [5] Сам Николай в начале сентября собрался за границу, в родственный Дармштадт, в Висбаден на свидание с Вильгельмом и в Рим, и взял с собою Ламсдорфа, который фактически и вел всю деловую переписку с Алексеевым, а тот с послами в Токио, Пекине и Сеуле. Царю казалось, что это «упрощает дело» и вовсе не устраняет «ответственности» Ламсдорфа. [6] Ламсдорф, побывав еще и в Париже, вернулся в Петербург в конце октября, но оказался отрезанным на

[1] Красный архив, II, стр. 48, 49, 54, 58, 83, 98; Documents diplomatiques français, III, № 442.

[2] Documents diplomatiques, III, № 402.

[3] «Красный архив», II, стр. 98.

[4] «Красный архив», XLI—XLII, дневник Плансона, стр. 157 и сл.

[5] «Россия в Манчжурии», стр. 454—458.

[6] British documents, II, p. 213, № 244 — телеграмма английского посла в Петербурге Лэнсдоуну от 27 августа 1903 г.: «Видел вчера гр. Ламсдорфа. Его совещания с императором, повидимому, вполне удовлетворили его в том отношении, что действительное намерение императора состоит не в том, чтобы урезать ответст-

целый месяц от царя, который задержался на пути в Скерневицах и в Петербурге появился только в конце ноября.[1] Как видим, во всем этом был свой стиль в работе.

Чего собственно хочет Николай в Манчжурии, Алексеев толком не понимал как и никто другой. Основную директиву продиктовал (25 сентября) от имени царя Ламсдорф: «Принять меры, чтобы войны не было». Комедия с четвертым приступом к Китаю с требованиями, намеченными «триумвиратом» 14 августа, затянулась до 6 сентября, и китайцы, по совету держав, ответили традиционным отказом. Переговоры с Китаем о гарантиях и эвакуации были прерваны (3 октября) на этот раз уже окончательно.[2] Тогда только обратились к переговорам с Японией.

II

В дни, когда Гаяси в Лондоне начал переговоры о проекте соглашения с Россией по манчжурским делам, французский представитель сообщал из Токио в Париж, что японские «арсеналы не проявляют какой-либо специальной активности, за исключением, впрочем, постройки транспортных средств. Японские военные и моряки открыто считают себя совершенно готовыми к быстрой мобилизации и считают бесполезным принимать особые меры предосторожности».[3] Это же было известно к моменту начала русско-японских переговоров и в Петербурге. Из донесений морского, военного и финансового агентов в Японии там знали, что с апреля по июль в Японии были проведены проверочные и учебные мобилизации «почти во всех частях армии» и во флоте, что все лето вооруженные силы Японии держались «в напряженном состоянии боевой готовности» и что «такой серьезной всесторонней подготовки на случай близкой войны не было и не наблюдалось» за все последние годы; наконец, что «два главных источника благосостояния страны, шелк и рис, одинаково обеспечены в текущем году в размерах, уже давно небывалых».[4]

Пока в России безобразовщина проделывала свою работу по разложению аппарата в столице и на далекой периферии, переманивая там к себе не только «всех подозрительных людей» из Русско-Китайского банка, но и удалых карьеристов из военного ведомства (вроде полк. Мадритова или военного комиссара Квецинского, самочинно занявшего Мукден в октябре 1903 г. после его эвакуации), — в Японии принимались меры к консолидации политического аппарата и «общественного мнения» в виду предстоящих решительных действий. К моменту своего лондонского выступления кабинет Кацуры пережил и успел изжить длительный парламентский «кризис» в

венность министра ин. дел за политику на Дальнем Востоке, а в том, чтобы упростить дело созданием одного агента для ведения ее там, устранив вмешательство других ведомств. Слова императора, по Ламсдорфу, имели такой смысл: «Высшая власть остается за мной, а в отношении к внешней политике вы и я неразделимы».

[1] «Красный архив», II, стр. 75, 76, 79, 85; Японская белая книга, № 27, 28, 29.

[2] «Россия в Манчжурии», стр. 430, 442, 447, 448; Алексеев предъявил Китаю пять требований, из них три повторяли то, что решено было еще 14 августа «триумвиратом» (см. выше), причем опущено было требование об «исключении Северного Китая из ведения иностранцев» — «Красный архив», II, стр. 83: Плеве говорил Куропаткину (20 ноября 1903 г.), что и ему «неизвестно, куда же мы идем»; Documents diplomatiques, III, № 206: в январе 1904 г. Франция по просьбе Ламсдорфа побуждала Китай возобновить переговоры, но получила ответ, что это возможно только после эвакуации Манчжурии.

[3] Documents diplomatiques, III, № 339 — депеша Армана из Токио от 8/VII 1903 г.

[4] «Россия в Манчжурии», стр. 441 — 442.

связи со своими предвоенными бюджетными проектами и провел таки их, уступив парламентским самураям только в вопросе о повышении поземельного налога. Это не значило, конечно, что парламент был против войны: в частности, наиболее «парламентарная» из парламентских партий, группа Окумы, была наиболее горячей сторонницей «активной» внешней политики, а в дипломатических донесениях из Токио за годы перед войной красной нитью проходит припев о сдерживающей позиции правительства и агрессивном давлении на него со стороны «возбужденного» «общественного мнения». Самое лондонское выступление Гаяси предпринято было после обсуждения его в Токио под председательством микадо в расширенном «тайном совете» в составе кабинета, высших государственных сановников, членов императорского дома и всех «старейших государственных людей» (т. е. Генро), в том числе Ито, Иноуэ и Мацукаты, не входивших в правящую группу маршала Ямагаты и считавшихся оппозиционерами умеренного, пацифистского оттенка. Это имело целью «показать», как объяснили англичанам, что «решение обратиться к России непосредственно» было «очевидно серьезным желанием не только императора и его правительства, но и представителей всех, кто пользуется влиянием в этой стране».[1]

Истолкованное французами как возвращение к участию в делах высшей политики, приглашение упомянутых трех государственных деятелей в «правительственные совещания» производило впечатление залога мирного поворота в японской политике, чего-то вроде тоже «нового курса».[2] На деле это было лишь способом парализовать возможный центр оппозиции привлечением к активной ответственности за предпринимаемую дипломатическую кампанию и войну.

Уже и до того Ито нельзя было считать стопроцентным пацифистом; теперь же за ним числилось политическое выступление, которое воинствующие милитаристы могли расценить только как воду на их мельницу. Это — его речь в марте 1903 г. на партийном собрании Сэйюкай, справедливо давшая «много пищи для тревожных слухов». В этой речи Ито, между прочим, сказал: «Мировые дела представляют крупные перемены за каждое десятилетие. Великая Сибирская ж. д., соединяющая Крайний Восток с Крайним Западом, уже почти закончена, и разделявшее их расстояние может быть пройдено теперь в какие-нибудь две недели. Не следует забывать, что подобное сокращение расстояний требует от нас самого серьезного внимания с точки зрения национальной безопасности. Последнее улучшение в путях сообщения производит полную революцию в относительном положении народов. Приведу пример: десять лет тому назад ни одна западная держава не могла и подумать о посылке на Дальний Восток стотысячной армии. Но с тех пор условия так изменились, что стало возможно в какие-нибудь два — три месяца перебросить сюда армию даже в несколько сот тысяч человек. Конечно, все нации желают мира. Но как бы то ни было, ни одна из них не рискнет забыть, что буря может разразиться каждую минуту. Вот что отнимает у меня покой и днем и ночью и вот почему я не упускаю ни одного случая напомнить моим согражданам о необходимости единения и доброго согласия».[3]

---

[1] Documents diplomatiques, III, № 339 — депеша Армана из Токио от 8/VII 1903 г., British documents, II, № 248 — письмо Макдональда из Токио от 1/X 1903 г.

[2] Documents diplomatiques, III, № 369, депеша Бомпара от 24/VII 1903 г.

[3] «Россия в Манчжурии», стр. 480 — 481, прим. — донесение русского финансового агента в Японии Распопова от 21/III 1903 г.

Еще в 1902 г., давая свое согласие на заключение англо-японского союза, Ито заявил в Лондоне, что «рано или поздно необходимо будет положить предел русскому вторжению (encroachments) в Манчжурию, если не штыком, так какими-нибудь иными средствами». Как ни ворчал он теперь по поводу того, что виною «настоящих осложнений» является этот союз, он, очевидно, в обычной для него сдержанной форме признавал теперь своевременным приступить к действиям именно по поводу манчжурских дел и протягивал руку милитаристам, не дожидаясь никаких «новых» петербургских курсов и отсчитывая сроки не хуже самого Ямагаты. Не будь Ито, возможно, кабинет Кацуры открыл бы войну не в феврале 1904 г., а раньше. Но в январе Гаяси мог уже смело заявить в Лондоне, что «была одно время в Японии мирная партия — теперь ее не существует. Ито и Иноуэ, которые одно время считались руссофилами и сторонниками мира, отложили всякую надежду на мир». И это было не по каким-нибудь корейским, а только по манчжурскому пункту японских условий, которому японское правительство тогда придало ультимативный характер.[1]

Японские милитаристы, приступая к переговорам с Россией, прекрасно, как и англичане, отдавали себе отчет «в серьезном различии мнений в русских правящих сферах» и учитывали это в своих дипломатических расчетах.[2] Пока в России торжествовал «новый курс», они могли рассчитывать на бесплодность переговоров по манчжурскому вопросу, и дело сводилось лишь к тому, чтобы свалить на противника ответственность за разрыв этих переговоров. Главные же дипломатические усилия для этого должны были быть направлены на Лондон. Там и работал с необыкновенной энергией все тот же Гаяси, фанатический сторонник войны. Французский посол в Лондоне, наблюдавший Гаяси за этой работой, так описал ее непосредственно после начала войны: «Позиция Гаяси была совсем иная, нежели его коллег в Париже, Берлине и Петербурге. Очень умный, очень тщеславный, склонный брать на себя инициативу, что позволяло ему его личное положение в Японии, где он был помощником статс-секретаря, — он был сторонником войны, не скрывал этого, и будет признан одним из главных ее виновников. Его целью было привлечь симпатии английского общественного мнения к его стране и вызвать вражду к России; он рассчитывал этим способом не только воздействовать на английский кабинет, но также укрепить и ободрить военную партию в Токио, вызывая в Англии проявления сочувствия к делу японцев... Гаяси не довольствовался изучением течений общественного мнения, он их провоцировал и до известной степени направлял. В своих пространных интервью, которые он давал журналистам, он охотно распространялся на тему о трудностях, создаваемых Россией, об обязательствах, часто ею нарушаемых, о положении, созданном для японцев в Манчжурии, о силе армии и флота Японии, о плане будущих операций. Он утверждал, что война вероятна, неизбежна, если только московитское правительство не отступит полностью; он предсказывал ее на 10 февраля, он доходил до того, что предсказывал непрерывные атаки японского флота на Порт-Артур. Все его разговоры велись под знаком доверительности и пересыпались замечаниями, иногда грубыми, в ко-

[1] British documents, II, № 120— Лэнсдоун Макдональду о свидании с Ито в Лондоне 7/I 1902 г.; № 284 — то же о беседе с Гаяси 29/I 1904 г.

[2] Еще в мае 1903 г. Комура говорил о том Макдональду (British documents, II, № 248); ср. Documents diplomatiques, IV, № 29 — депеша Армана из Токио от 21/X 1903 г.

торых он не щадил ни русских, ни англичан, ни своих коллег по Парижу и Петербургу. Они не предназначались для опубликования, и их тон, усугубляемый еще плохим английским языком Гаяси, был таков, что ни один журналист не опубликовал бы их под его именем, иначе он опроверг бы их. Но слова эти разглашались в редакциях, клубах и конторах Сити; им придавали мало значения по причине их резкости и частого повторения; они служили, однако, поводом к многочисленным газетным статьям, где текстуально воспроизводились разговоры японского посла... В Токио сторонники войны могли опираться на лондонские газеты в подтверждение симпатий Англии; в Петербурге видели в этих же газетах выражение единодушного мнения англичан и английского правительства, толкающего Японию на войну». [1]

Люди, подобные Гаяси, не нужны были ни в Париже, ни в Петербурге. Там, наоборот, нужны были люди, не форсирующие событий, умеющие приспособляться к слабостям своих партнеров, пустить, когда надо, то тот, то другой оптимистический слушок, чтобы усыпить бдительность в отношении истинных намерений токийского правительства. В Петербурге, например, были убеждены, что Курино спит и видит из посланника превратиться в посла и потому приложит все усилия к мирному разрешению конфликта. А ему тем временем удалось, как увидим дальше, использовать петербургский развал для такого, чреватого результатами, глубокого зондажа, о каком он, вероятно, и сам не мечтал. В Париже Мотоно водил за нос Делькассэ, выдвигая то один, то другой спорный, но якобы легко разрешимый пункт, — когда Гаяси в Лондоне уже заявил, что решено воевать. А на деле это был прием, которым ловко в нужный момент затянули переговоры, направили противника на ложный след и избежали посредничества. В Вашингтоне же, учитывая личное участие Т. Рузвельта во внешней политике США и не довольствуясь работой японского посла Такахиры, токийское правительство прикомандировало к Рузвельту барона Канеко, его товарища по университету, который развивал президенту перспективы работы «американского капитала в союзе с японскими знаниями и искусством на Азиатском материке», снабжал его книжками о Японии и развлекал рассказами о «бушидо», кодексе морали и чести истого самурая. [2]

Все это не могло итти ни в какое сравнение, например, с русским послом в Лондоне Бенкендорфом, «очень приятным в общении», баловнем английского королевского двора, не понимавшим, что «ни двор, ни высшее общество — это еще не Англия», вовсе не разбиравшимся «в крупных интересах, которые в Лондоне являются пружиной политики» и «досадовавшим, что ничего не видит и ничего не знает». Бенкендорф ничего не мог выудить из Лэнсдоуна, а тот, как думал Камбон, находил Бенкендорфа «слишком неинтересным, чтобы дать себе труд разговаривать с ним». Между тем Лэнсдоун и так был известен тем, что не шел навстречу людям первый и надо было «несколько насесть» на него, чтобы добиться от него откровенности. Не лучше в своем роде был и гр. Кассини — совсем не приемлемый для демократического Вашингтона дипломат старинной салонной школы, которого Вильгельм II, например, ставил на одну доску

[1] Documents diplomatiques, IV, № 293 — депеша Камбона из Лондона от 19/II 1904 г.

[2] Dennet. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 35, N.-Y., 1925; British documents, II, № 281, приложение.

с Кишиневским погромом для объяснения резко отрицательной по отношению к России позиции правительства США в русско-японском конфликте. Что же касается русского посла в Париже Урусова, то поразительно отсутствие хотя бы единого упоминания о нем во всей обширной дипломатической переписке Делькассэ с Петербургом и Лондоном по дальневосточным делам перед войной — здесь было просто пустое место, если не считать сообщения вернувшегося в ноябре 1903 г. из Гааги министра юстиции Муравьева о том, что «Урусов только гоняется за кокотками».[1]

Таким образом, к началу переговоров на стороне Японии были все преимущества не только в военном, но и в политическом и дипломатическом отношении. Помимо того, с самого же начала, еще в Лондоне, Япония сделала заявку на спешность — иначе война. То же самое она заявила и в Петербурге. Курино, передавая проект соглашения 12 августа Ламсдорфу, «прибавил, что чем долее будет откладываться заключение соглашения, тем все труднее будет, так как положение дел на Дальнем Востоке теперь более и более осложняется» и «просил Ламсдорфа ускорить дело елико возможно». Это было направлено прямо против «нового курса» царя, который заведомо все делал с «последовательной постепенностью». На это в полушутливой форме и указал Курино Ламсдорф немного спустя: «Как вы знаете, русский способ ведения дел не очень-то здесь быстр». Просить ускорить — это значило то же, что сказать: подписывайте, пока вы не только не готовы защищаться, но и пока вы не послали всех тех сил, какие только что решили послать на место спора.[2] Это означало: о Манчжурии будете договариваться с нами, а не с Китаем, или сначала с нами, а потом уже с Китаем. А это било и по старому курсу, сторонники которого, как упоминалось, через два дня (14 августа) сформулировали (для Китая) новые условия и новые сроки эвакуации Манчжурии. Для данного момента в японских предложениях, в их корейской части, заключен был и еще один удар по «новому курсу». Под него попадала безобразовская лесная концессия на Ялу, еще не успевшая тогда прогореть и надоесть Николаю (когда этой же осенью для ее эксплоатации потребовались еще миллионы сверх уже просаженных двух миллионов, когда поддерживать ее отказался даже Алексеев и ее готовы были подбросить Русско-Китайскому банку).[3]

Руководители «нового курса», однако, сразу же согласились на переговоры, и Ламсдорф обещал «тщательно рассмотреть» японский проект. Разумеется, это не остановило начатого усиления дальневосточных войск и пополнения флота, и оно продолжалось параллельно с переговорами до самого последнего дня. Но темпы переброски войск определялись объективными условиями: по справке на 20 октября 1903 г., с весны численность войск на Дальнем Востоке увеличилась с 109 500 до 127 тысяч, а через три месяца предвиделась в 150 тысяч (т. е. примерно 7 тысяч в месяц). При всем том и в военном и в морском министерстве в Петербурге теперь «утверждали, что приняты все меры предосторожности, какие в их силах, чтобы встретить нападение Японии».[4] При таких условиях о том, чтобы

[1] Дневник Куропаткина. «Красный архив», II, стр. 83; Documents diplomatiques, III, № 393 — депеша Камбона от 6/VIII 1903 г.; Die grosse Politik, 19/I, № 5953.

[2] Японская белая книга, № 6 и 11 («Манчжурия и Корея», стр. 177 и 180, изд. Особ. ком. Дальнего Востока, СПб., 1904).

[3] «Россия в Манчжурии», стр. 450 и сл. Дело совсем развалилось к концу октября.

[4] Documents diplomatiques, IV, № 25 — донесение французского военного аташе

напасть самим, у русского правительства и речи быть не могло. Поэтому мотив спешности, проводимый японской дипломатией и дальше, оставался объективно неоправданным.

Японский флот, проводивший почти непрерывное учебное плавание в Корейских водах, был источником несколько раз возникавших слухов о предпринимаемой японцами высадке в Корее или о занятии того или иного пункта на ее берегу. Дополнительную пищу для этих слухов давала деятельность японской дипломатии в Корее. Японцы требовали там то аннулирования безобразовской концессии, то выдачи им аналогичной концессии по соседству, то, издавна знакомыми корейскому правительству приемами застращивания, добивались заключения договора о протекторате и довели дело до того, что корейское правительство начало переговоры через Францию об объявлении «нейтралитета» Кореи. На этом и застигло Корею объявление войны. Мысль о японском десанте и открытой оккупации Японией Кореи была твердо усвоена русской дипломатией после телеграммы Николая Алексееву (от 25 сентября) о том, чтобы «принять все меры, чтобы войны не было». Телеграмма эта была ответом на первый же слух о том, что «японцы приступают к активным действиям» и «японский флот уже прибывает к корейским берегам у Мазампо», слух, который вызвал воинственную вспышку у Алексеева, предложившего царю теперь же «оказать противодействие открытой силой на море», «немедленно мобилизовать войска Квантунской области и Манчжурии» и «объявить всю Манчжурию на военном положении». И в дальнейшем возможная оккупация японцами Кореи расценивалась в Петербурге как акт, «развязывавший» России руки в Манчжурии, эвакуация которой была приостановлена 3 октября в связи с разрывом русско-китайских переговоров.[1]

Японская же дипломатия, разгадав желание противника, твердо стала на том, что «не пошлет ни бригады, ни батальона, ни одной души в Корею» (заявление Комуры Арману в октябре), что впрочем не мешало японскому штабу засылать в корейские порты съестные припасы, снаряжение и «многочисленных солдат в штатском», которые «маленькими партиями» направлялись в Сеул.[2]

Такова была атмосфера, в которой протекали начатые 12 августа переговоры. Впереди было 26 сентября, день окончательной эвакуации Манчжурии по договору 26 марта 1902 г. и близились переговоры с Китаем о новых гарантиях. Японское предложение клином врезалось в русско-китайские переговоры. Это был медовый месяц Алексеева, вместе с наместничеством впервые вполне правоверно

Мулена от 20/X 1903 г.; там же, № 33 — депеша Бутирона из Петербурга от 23/X 1903 г.; ему говорили то же в обоих министерствах («приняли все меры и думаем, что готовы ко всякой случайности, и ждем»). В Порт-Артуре в данный момент на 90 судовых единиц было шесть броненосцев 1-го ранга, к которым через шесть недель должно было прибавиться еще два; у японцев их было уже восемь и «более сильных», да у англичан их было четыре. В те же дни у французского посланника в Токио Армана (там же, № 47 — депеша от 29/X 1903 г.) были сведения, что при не готовом еще Порт-Артуре русские сухопутные силы не превышают 110 тыс. чел. на 200 тыс. японских войск, готовых к отправке; флот же, по тоннажу почти равный японскому, уступал ему в средствах снабжения и снаряжении.

[1] Documents diplomatiques, III, № 448 — донесения военного аташе Мулена от 30/IX и 3/X 1903 г.; там же, IV, № 29 — депеша Армана из Токио от 21/X 1903 г.; там же, № 66 — депеша Бутирона из Петербурга от 7/XI 1903 г.; там же, № 85— то же от 14/XI 1903 г.; там же, № 156—депеша Фонтенэй из Сеула от 6/I 1904 г.; там же, № 226 — то же от 30/I 1904 г.; там же, № 235 — то же от 2/II 1904 г.; Дневник Куропаткина, «Красный Архив», II, стр. 77, 78, 93; «Русско-Японская война», стр. 51, изд. Центрархива, 1925.

[2] Documents diplomatiques, IV, № 29 и 156.

усвоившего «новый курс», не терпящий «уступок». Это вообще была кульминационная точка в размахе безобразовщины, выбросившей (не в пример Ито в Токио) Витте из аппарата. Однако первый месяц ушел на совсем по существу не нужные для русской стороны переговоры в Петербурге и переписку Курино с Комурой по двум предварительным вопросам, выдвинутым японской стороной. Комура домогался, чтобы японские предложения были «приняты за основу» переговоров. Ламсдорф разъяснил, что он имеет «40-летний опыт в министерстве иностранных дел» и что «не в обычае принимать предложение одной державы за единственное основание переговоров», надо подождать «русских встречных предложений». Он сразу предупредил Курино, что переговоры будут происходить в Токио, так как это ближе к наместнику. Комура настаивал на Петербурге, так как это будет скорее, и только 28 августа (10 сентября), посоветовавшись с англичанами, дал, наконец, свое согласие на переговоры в Токио. Виновниками задержки (этот первый месяц), вопреки обычному взгляду, были таким образом не русские, а японцы. [1]

Макдональд, английский посол в Токио, игравший там ту же (правда хорошо скрытую) роль, что Гаяси в Лондоне, тотчас дал знать в Лондон, что «различие интересов» в русском правительстве явится «камнем преткновения» в «миролюбивых» попытках Японии, и что, по его мнению, «хорошо было бы оказать давление на русское правительство, чтобы оно унифицировало эти интересы и трактовало Японию более серьезно, иначе гнев народа может оказаться слишком сильным испытанием для несомненно мирных намерений ее правительства». [2] В момент отъезда Николая с Ламсдорфом заграницу (в конце сентября) Алексееву и Розену в Токио были уже даны инструкции о встречных предложениях, но даже во французском посольстве в Петербурге за 15 дней до срока эвакуации была «полная неизвестность относительно решения, какое примет Николай на этот счет». «Уже несколько недель дальневосточный отдел министерства был без работы», из Пекина и Токио не поступало ни одной телеграммы, и Ламсдорф был в абсолютном неведении о положении вещей. Бутирон из его намеков мог понять только, что эвакуации не будет и что Алексеев должен теперь найти какой-то «дипломатический выход» («это то, что говорил раньше Бомпар — Манчжурия есть и останется русским владением»). И тем не менее Ламсдорф на прощание повторил ему свою давнюю песню: «Все зависит от позиции Алексеева в отношении Кореи. Ступит он ногой на эту усеянную ловушками территорию — и отсюда может выйти война». [3]

Такой же «корейской» концепции конфликта держался всегда и русский посланник в Токио бар. Розен, сменивший там Извольского в начале 1903 г., не как представитель тогда еще не существовавшего «нового курса», а как знаток Японии (в 90-х годах он был там посланником и успел завязать широкие связи) и провозвестник согласительной политики. Выработанные им вместе с Алексеевым в Порт-Артуре (24 сентября — 2 октября) «встречные предложения», как и надо было ждать, совершенно обходили манчжурский вопрос. И «основа» дальнейших переговоров представилась в следующем виде:

---

[1] Японская белая книга, № 7—14 («Манчжурия и Корея», стр. 177—187).

[2] British documents, II, № 248 — письмо Макдональда Лэнсдоуну из Токио от 1/X 1903 г.

[3] Японская белая книга, № 15 — телеграмма Курино Комуре от 9/IX 1903 г.; Documents diplomatiques, III, № 442 — депеша Бутирона от 25/IX 1903 г.

Японский проект от 12 августа

1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китайской и Корейской империй и поддерживать начало равного благоприятства для торговли и промышленности всех наций в этих странах.

2. Обоюдное признание преобладающих интересов Японии в Корее и специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Манчжурии и права Японии принимать в Корее и права России принимать в Манчжурии такие меры, какие могут оказаться необходимыми для охраны их соответственных выше определенных интересов, подчиненных, однако, постановлениям 1-й статьи настоящего соглашения.

3. Взаимное обязательство со стороны России и Японии не препятствовать развитию таких промышленных и торговых действий, соответственно: Японии — в Корее, а России — в Манчжурии, которые не противоречат постановлению 1-й статьи настоящего соглашения. Дополнительное обязательство со стороны России не мешать могущему быть продолжению Корейской железной дороги в Южную Манчжурию на соединение с Восточно-Китайскою и Шанхайгуань-Нючжуанской линиями.

4. Взаимное обязательство, что в случае необходимости для Японии послать войска в Корею, а для России — в Манчжурию, с целью охраны ли интересов, упомянутых в статье 2-й настоящего соглашения, или подавления восстания или беспорядков, рассчитанных на создание международных осложнений, отправленные таким образом войска не будут ни в каком случае превосходить число действительно потребное и затем будут отозваны, как только выполнят свое назначение.

5. Признание со стороны России исключительного права Японии подавать советы и помощь Корее в интересах реформ и хорошего управления, включая сюда и необходимую военную помощь.

Русский проект от 5 октября

1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи.

2. Признание Россией преобладающих интересов Японии в Корее и права Японии подавать советы и помощь Корее, в видах улучшения гражданского управления Империи, без нарушения постановлений статьи 1-й.

3. Обязательство со стороны России не мешать торговым и промышленным предприятиям Японии в Корее и не противодействовать никаким мерам, принимаемым с целью их охраны, пока эти меры не нарушают постановлений статьи 1-й.

4. Признание права Японии посылать для той же цели войска в Корею, с ведома России, — однако число их не должно превосходить действительно потребного, — и с обязательством для Японии отзывать эти войска, как скоро они выполнят свое назначение.

5. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей и не предпринимать на берегах Кореи никаких военных работ, могущих угрожать свободе плавания в Корейском проливе.

6. Взаимное обязательство считать часть территории Кореи, лежащую к северу от 39-й параллели, нейтральной полосою, в которую ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войск.

7. Признание Японией Манчжурии и ее побережья во всех отношениях вне сферы ее интересов.

6. Настоящее соглашение должно заменить все прежние соглашения между Россией и Японией относительно Кореи.	8. Настоящее соглашение должно заменить все прежние соглашения между Россией и Японией относительно Кореи. [1]

Как видно из подчеркнутых нами разноречий обоих проектов, русская сторона совершенно исключала Манчжурию из сферы интересов Японии и предлагала соглашение только в отношении Кореи, где допускала ставший уже традицией временный ввод японских войск только с ведома России и не допускала образования плацдарма против России. Широкая зона, по исчислению японцев — в 200 миль, оставлялась нейтральной. Пункты о «стратегических целях» (первая часть ст. 5) и о «зоне» (ст. 6) и стали в дальнейшей дискуссии предметом спора — в корейской плоскости. Японская сторона, сразу сконструировавшая договор как корейско-манчжурский, в Манчжурии признавала только «железнодорожные интересы» России (и всяческие свои интересы в Корее), требовала «открытых дверей» (не только для торговли, как соглашалась Россия в своих декларациях Японии, Англии и США от 11 июля 1903 г., но и для промышленности всех наций) и собственной железной дороги из Кореи в Пекин; что же касается Кореи, Япония всецело хотела закрепить за собой создание корейской армии. В дальнейшем по манчжурской линии спор свелся к «территориальной неприкосновенности» и «открытым дверям» в Манчжурии, когда, наконец, русская сторона приняла этот спор.

12-дневная дискуссия Комуры и Розена в Токио, после ряда примериваний и изменений японских поправок, выяснила, что по корейским пунктам Розен готов принять японские поправки ad referendum (для доклада своему правительству). Зато по ст. 7 русского проекта — об исключении Манчжурии из сферы интересов Японии — стороны «ни к какому соглашению притти не могли». «Вопрос о Манчжурии касается исключительно России и Китая» — на этом твердо стал Розен. Но в дни дискуссии, когда по договору срок оккупации Манчжурии истек, Япония и США подписали с Китаем торговые договоры, по которым Китай «открывал» для их торговли несколько «портов» в Манчжурии. И Комура мог настаивать уже на том, что «Япония обладает в Манчжурии трактатными правами и торговыми интересами и должна получить от России обеспечение» их сохранности. [2]

Свои поправки в этом смысле, как и весь ход дискуссии, Комура передал, разумеется, в Лондон на заключение (22 октября). Приспособляясь к структуре русского проекта, Комура предложил заменить одиозную русскую статью 7 тремя новыми и перенести туда китайские требования из первых статей, видоизменив и смягчив их следующим образом:

7. Обязательство России уважать суверенитет и территориальную неприкосновенность Китая в Манчжурии и не вступаться в торговую свободу Японии там.

8. Признание Японией русских специальных интересов в Манчжурии (не только железнодорожных — *Б. Р.)* и право России принимать меры, какие могут быть необходимы для защиты этих интересов, поскольку они не нарушают ст. 7.

9. Взаимное обязательство не препятствовать соединению Корейской и Восточно-Китайской железных дорог, если они, возможно, дойдут до Ялу (речь о Японской железной дороге по Манчжурии отпадала — *Б. Р.*).

[1] Японская белая книга, № 3, 16 и 17.

[2] Там же, № 19, 20 — телеграммы Комуры Курино от 16 и 22/X 1903 г.; British documents, II, № 249 — телеграмма Макдональда из Токио от 22/X 1903 г.

В Лондоне должны были внутренне ахнуть: японцы выговаривают себе возможность допустить дальнейшую оккупацию Манчжурии для защиты «этих (специальных — *Б. Р.*) интересов» России, если Россия откроет Манчжурию только для японской торговли! Лондон ответил (26 октября) не без яду: «Нам кажется излишним, в виду уже данного Россией обязательства (т. е. декларации 11 июля 1903 г. — *Б. Р.*), требовать от нее подтверждения ее намерения уважать неприкосновенность Китая и торговую свободу Японии в Манчжурии». А далее, спасая себя, предложил выбросить статью 7 в японской редакции и вместо нее добавить в ст. 8 после слов «этих интересов» — то, что только что было объявлено излишним, повернув это в свою пользу: «Поскольку эти меры не нарушают обязательства России уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китая и трактатные права других держав (не одной Японии! — *Б. Р.*) в отношении к свободе торгового оборота». Из Токио тотчас же (27 октября) ответили, как бы забыв свою собственную ст. 7, лишь бы поставить Лэнсдоуна в трудное положение: «Россия не согласится (на такое дополнение ст. 8—*Б. Р.*), ибо русский посол не раз во время переговоров заявлял, что Россия никогда не вступит в договорное обязательство с одной или всеми державами о поддержании неприкосновенности Китая или уважении трактатных прав или торговых интересов этих держав в Китае. Она сделает декларацию по этому предмету, но не войдет ни в какое соглашение». Так как Япония с другой стороны «никогда не согласится на п. 7 русского проекта», то «отсюда видно, что мало надежды на благоприятный исход переговоров». Иными словами: нам придется воевать за нашу ст. 7, хотите ли вы, чтобы мы воевали за трактатные права «всех держав» (по вашей ст. 8)? Или вас удовлетворит односторонняя русская декларация, без договорного обязательства? В Лондоне, очевидно, не были готовы связать себя в этом пункте, и Лэнсдоун забил отбой, сообщив (28 октября) в Токио «на усмотрение» правительства: 1) «исключение русской ст. 7» и 2) следующее изменение, вместо только что предложенной японской ст. 8: «поскольку эти меры не нарушают японских трактатных прав или свободы торговли в Манчжурии». Иными словами: будь по вашему и воюйте, если хотите, за ваши интересы, а мы пока не причем (т. е. может быть удовлетворимся и одной декларацией).[1]

«Бесконечно малое» дипломатическое потрясение, пережитое Лэнсдоуном в дни 22—26 октября, нисколько не удивило бы, например, германского посла в Лондоне, если бы переговоры не были покрыты строжайшей тайной, потому что за «бесконечно малым» стояли большие факты. Бернсторф и без того видел, что в Лондоне, «несмотря на все опровержения японского посольства, растет мысль о конфликте в Восточной Азии. Англия в данный момент так мало хочет войны, как только можно себе представить. Все вздыхают под все еще давящей финансовой тяжестью трансваальской войны (а она обошлась Англии в 242 млн. фунтов — *Б. Р.*[2]), военное руководство дискредитировано и явно впавшее в состояние распада правительство не пользуется доверием».[3] Камбон, французский посол в Лондоне, рассуждал так же: «финансовый мир боится (в случае войны. — *Б. Р.*)

[1] British documents, II, № 251 — телеграмма Лэнсдоуна в Токио от 26/X 1903 г.; там же, № 252 — телеграмма Макдональда из Токио от 27/X; там же, № 253— телеграмма Лэнсдоуна в Токио от 28/X.

[2] Die grosse Politik, 19/II, стр. 355 (из Vanity Fair от 17/XI 1904 г.).

[3] Там же, 19/I, № 5925 — донесение Бернсторфа Бюлову из Лондона от 12/X 1903 г.

форменного краха. В Англии нет наличных денег, и она уже давно держится в финансовом отношении только благодаря помощи Франции и Германии, особенно Франции. События на Дальнем Востоке наверняка произведут такое действие на парижский и берлинский рынки, которое повлечет сокращение французской и немецкой денежной массы в Англии, и Сити с подлинным ужасом взирает на эту перспективу». Впоследствии (в дни Гульского инцидента в октябре 1904 г.) Камбон не постеснялся посоветовать Лэнсдоуну спросить финансовых принципалов Сити о последствиях охлаждения в отношениях с Францией и в глаза ему сказал, что «трансваальские дела еще не ликвидированы, что отлив французских капиталов повлечет за собой для Англии финансовую катастрофу, какой не бывало».[1]

А германский посол в Петербурге Альвенслебен в эти же октябрьские дни «из самого осведомленного финансового источника был заверен, будто Англия в Токио определенно заявила, что Япония ни в коем случае не может рассчитывать на финансовую поддержку Англии».[2] Наконец, пока французский министр финансов Рувье не проговорился своему итальянскому коллеге Луццатти, что французские союзнические обязательства по отношению к России простираются только на конфликт в европейских водах, в Лондоне не знали об этом точно, и Камбон советовал «не рассеивать этой благодетельной неизвестности».[3] Между тем англо-французское тесное сближение зашло очень далеко и стало теперь осью европейской политики Англии.

Отчасти этим и объясняется, можно думать, что Лэнсдоуэн, давая свой ответ на токийский вызов, теперь же, 26 октября, обратился к посредничеству французов, чтобы снова вызвать Ламсдорфа на разговор, не удавшийся летом этого года. Но поманить русских перспективой соглашения с Англией хотя бы только по вопросу о Манчжурии не значило ли одновременно развязать им в известной мере руки относительно Японии? Мы не знаем документально, дал ли Лэнсдоун Комуре совет адресоваться к Делькассэ или последний сам вызвал японского посла Мотоно на откровенность, но к приезду в Париж Ламсдорфа (28 октября), временно оставившего царя в Дармштадте, Мотоно имел уже инструкции Комуры, и Делькассэ оказался в самом фокусе англо-русско-японских переговоров.

Что в англо-японских отношениях не так-то уж все гладко, улавливали теперь и в Берлине. Там были убеждены, что «Япония хочет провести переговоры с Россией без английского вмешательства» (это было неверно), так как она понимает, что «Англия теперь больше склоняется к новообретенному французскому другу, чем к союзнице», что воевать с Россией «пришел теперь последний момент», а «позже английский союз может стать совсем иллюзорным».[4] Как раз в тот день, когда Комура дал инструкции Мотоно обратиться к Делькассэ (29 октября), Макдональд потратил много труда на то, чтобы вызвать в Токио японского министра на откровенность и в результате своих выспрашиваний «извлечь» из него следующее пессимистическое признание: он «не думает, что будет война, потому что русские не готовы и не хотят воевать», он «думает, что Россия

[1] Documents diplomatiques, IV, № 246 — депеша Камбона из Лондона от 8/II 1904 г.; там же, V, № 398 — телеграмма Камбона из Лондона от 28/X 1904 г.

[2] Die grosse Politik, 19/I, № 5929 — донесение Альвенслебена Бюлову из Петербурга от 20/X 1903 г.

[3] Там же, № 5936 — Бюлов Вильгельму II, 12/I 1904 г.; Documents diplomatiques, IV, № 246 — депеша Камбона из Лондона от 8/II 1904 г.

[4] Die grosse Politik, 19/I, № 5929 и 5925 (12 и 20/X).

в конце концов даст обязательство уважать суверенитет и территориальную неприкосновенность Китая в Манчжурии, которое до известной степени предупредит аннексию ее, хотя Россия не ослабит своей власти, какой пользуется теперь» и «будет продолжать консолидировать свое положение в Манчжурии»; по мнению Комуры, «японцы не могут этого предотвратить, переговоры же, если приведут к успешному завершению (в чем Комура, повидимому, очень мало сомневается), позволят японцам консолидировать свое положение в Корее».[1] Признание это Комура просил «держать в абсолютном секрете». Это было мрачное признание, что противник дипломатически выйдет из-под удара, но тогда и Манчжурии никому не видать; обратиться в Париж — значило для Японии итти именно на это.

На первом месте в Париже оказалась, конечно, Англия. Лэнсдоун просил Делькассэ устроить так, чтобы русские только «заговорили» в Лондоне и дали хоть «какие-нибудь объяснения своих действий» на Дальнем Востоке, которыми ему можно было бы «воспользоваться» при объяснении с китайцами и японцами, требующими вмешательства Англии. А затем, соглашаясь с Камбоном, Лэнсдоун совсем неожиданно прибавил: «Мы тоже хотим поддержания status quo (в Корее), ибо мы не заинтересованы видеть японцев на обоих берегах Корейского пролива», — и создал этим у французского посла впечатление, что Англия «примирилась бы с русской оккупацией в Манчжурии», будь у нее «какой-нибудь правдоподобный довод для предъявления своим союзникам». Когда на другой день Ламсдорфу сообщили о такой установке Лэнсдоуна и посоветовали «быть немножко откровеннее» в «разговорах» с Лондоном, Ламсдорф охотно обещал дать соответствующие инструкции Бенкендорфу; зато о японцах он уже выразился так: «пусть они не забывают, что на севере Кореи есть русские интересы — и все может устроиться»: когда «у японцев присоединится к этому впечатление, что они изолированы, благоразумие возьмет верх».[2]

Так был понят демарш Лэнсдоуна Ламсдорфом (который, конечно, не знал, что, когда все уже совершилось, Лэнсдоун поспешил подчеркнуть, однако, что Делькассэ тут оказал услугу «лично ему», а не кабинету): можно попытаться «изолировать» Японию в дальнейших токийских переговорах! Но и то, что теперь же сообщил в Париже Мотоно, гнало ветер в тот же парус: «затруднения» у Японии с Россией в части Кореи уже устранены (признание Россией «экономических интересов Японии, отказ Японии от укрепления корейских берегов»); что же касается Манчжурии, то Япония просит только обязательства «в будущем не наносить ущерба торговым трактатным правам Японии». Если дело только в этом, Ламсдорф обещал тотчас же доложить царю. И Делькассэ мог констатировать у него «действительное желание мирным путем покончить разногласие с Японией».[3]

---

[1] British documents, II, № 254 — письмо Макдональда из Токио от 29/X 1903 г.

[2] Там же, № 257 — Лэнсдоун Монсону в Париж 4/XI 1903 г.; Documents diplomatiques, IV, № 44 — депеша Камбона из Лондона 27/X 1903 г. и № 45 — записка департамента в Париже 28/X.

[3] Там же, № 56 — телеграмма Делькассэ Бутирону 4/XI 1903 г. В эти-то октябрьские дни Николай из Дармштадта «послал через Ламсдорфа Алексееву цука за излишне воинственный пыл» и «несколько раз говорил, что он войны не хочет и не допустит» (Дневник Куропаткина, «Красный архив», II, стр. 87). В Берлине «сообщение», что адм. Алексеев возбудил подозрение у царя, будто он работает на войну, и был поэтому приведен в спокойное состояние лаконической телеграммой: «Я не хочу войны», явилось из русских высоких кругов 24 октября (Die grosse Politik, 19/I, № 5926 — телеграмма Бюлова в Токио 25/X 1903 г.).

Все аранжировано было в Париже так, как будто «новый курс» даже и не оспаривался ни в Лондоне, ни в Токио. Но теперь и самый «новый курс» как-то расползался по швам. Николай был совсем разлучен с безобразовской шайкой; балашовские лесные операции на Ялу явственно пришли к финансовому краху; посланный к Алексееву самим Безобразовым ген. Вогак и тот констатировал полный развал дела; Алексеев никак не соглашался выполнить требование Безобразова о «передаче» КВжд, Русско-Китайского банка и его предприятий компании Безобразова, очевидно понимая, что эта авантюра затеяна в отсутствие Николая самим Безобразовым. В результате Ламсдорф в Париже производил впечатление человека, который «все еще способен оказывать полезное влияние на царя». Сам же Ламсдорф впоследствии рассказывал, что именно после Дармштадта «царь не относился с прежней горячностью к делам Дальнего Востока» и на замечание, что «вопрос о войне и мире может уйти из его рук», Николай ответил Ламсдорфу: «Тогда надо повесить Безобразова». [1]

С Николаем, однако, приходилось «sérier les questions» (решать вопросы не сразу, а в очередь). На первом месте и тут оказалась Англия. Инструкция Бенкендорфу была дана Ламсдорфом лично теперь же в Париже, и тот (после трехмесячного отсутствия в такое время!) явился к Лэнсдоуну 7 ноября, «готовый приступить к совместному изучению вопросов, интересующих обе стороны», но он «держался общих мест, и пока мы ничего не уточнили» (жаловался Лэнсдоун 11 ноября). Бенкендорф, не знавший даже о вторичной оккупации Мукдена, мог только сослаться на «особливое» положение, созданное наместничеством. Но «как же мы можем притти к удовлетворительному соглашению с министерством иностранных дел, внутри которого работают два самостоятельных и, может быть, враждующих влияния?» — спросил Лэнсдоун. Бенкендорф спохватился и «многозначительно сказал, что, по его мнению, это уже пройденная фаза». Разговоры все же продолжались, и в течение месяца «по разным вопросам, стоящим между Россией и Англией», полностью успел изложить свою точку зрения Лэнсдоун, а 22 декабря между Ламсдорфом и английским послом в Петербурге Ч. Скоттом было установлено, что теперь очередь будет за Россией. Но так как Бенкендорф предполагал приехать в Петербург за подробными инструкциями только к новому году, то Ч. Скотт напомнил Ламсдорфу, что английский парламент соберется 2 февраля 1904 г. Таким образом, английские переговоры на первых порах пошли было параллельно с японскими, но вскоре затем, скрестившись с ними, продолжались уже как необходимая составная часть переговоров с Японией, а не как средство ее изоляции. [2]

Дискуссия в Токио должна была возобновиться на другой день после парижских бесед, так как японский ответ на русские предложения был дан 30 октября. Но Розен заявил, что содержание ответа «превышает данные ему инструкции», и ограничился передачей его текста своему правительству. Японцы вновь требовали признания «неприкосновенности» Китая и своих трактатных прав в Манчжурии (ст. ст. 1 и 9); в Корее они приняли «зону» в 50 км от корейско-манчжурской границы в обе стороны и отвергли первую часть ст. 5 русского проекта о «неиспользовании» Кореи «в стратегических

[1] «Россия в Манчжурии», стр. 450—459; British documents, II, № 257, 4/XI 1903 г.; Дневник Куропаткина, «Красный архив», II, стр. 94.

[2] British documents, II, № 258 — Лэнсдоун Спринг-Райсу в Петербург 7/XI 1903 г. и № 262 — донесение Ч. Скотта Лэнсдоуну из Петербурга 22/XII 1903 г.

целях». Для Розена камнем преткновения был попрежнему манчжурский вопрос.

Японские предложения были пересланы в Дармштадт, когда Ламсдорф только что направил Николая в английский фарватер. Затем Николай (4—5 ноября) попал в объятия Вильгельма в Висбадене, где «новый курс» и безобразовщина вообще почитались лучшим средством развязать войну, и где было сделано все, чтобы подновить у Николая впечатление, что «Вильгельм так был дружески расположен ко мне и к России, как никогда». Из Висбадена Ламсдорф двинулся в Петербург, а царь — в Скерневицы, где и прожил месяц, недосягаемый для своих министров в связи с болезнью жены (до 5 декабря). Японские предложения были возвращены Николаем на рассмотрение Алексеева и Розена, и дело совсем выскользнуло из рук Ламсдорфа. На все запросы из Токио он мог только отвечать, что «пока Китай все еще настаивает на своем отказе» от переговоров о «гарантиях», «Россия не может притти ни к какому соглашению с третьей державой о Манчжурии», что русский ответ «обсуждается», что царица больна и т. п. Одновременно Алексеев, видимо, решил еще раз понудить Китай к переговорам, и через посредство того же Делькассэ на китайское правительство было оказано соответствующее давление в Пекине, результатом которого было возрождение и в Париже надежды на «возобновление переговоров с Китаем». Англо-французские рычаги, как видим, каждый по-своему, поднимали шансы «нового курса», — и по приезде в Петербург Николай дал распоряжение «продолжить переговоры» в Токио на основе предложений, средактированных Алексеевым. А они снова касались только Кореи, и уступка была сделана лишь относительно соединения железных дорог и выпущена ст. 7 о незаинтересованности Японии в Манчжурии.[1] Это, хотя и являлось уступкой, но далеко еще не было тем, что как будто наметилось у Ламсдорфа в Париже.

Англия толкнула Японию в октябре в Париж, сама залучив Николая в Лондон, где машина завертелась, и Бенкендорф мог слушать Лэнсдоуна, сам не входя пока ни в какие объяснения со своей стороны. Париж дал Японии 40 дней дипломатически бесплодной оттяжки. Переговоры описали круг, и все начиналось опять сначала. Лондон чувствовал себя теперь крепче в Париже, Токио — крепче в Лондоне.

Накануне предъявления Розеном в Токио русского ответа (12 декабря), Лэнсдоун, ссылаясь на пущенный агентством Рейтера слух о заходе четырех русских военных судов в Чемульпо, заявил Камбону, что «английское общественное мнение может сделать для нас крайне трудным остаться пассивными, если Россия найдет предлог напасть на Японию и попытается уничтожить ее», хотя «строго говоря, мы вправе оставаться нейтральными». Иными словами, как Франции угодно, а Англия не остановится в случае чего перед войной.

Лэнсдоун просил Делькассэ умиротворяюще подействовать в Петербурге, «в то время как сам он будет действовать так же в Токио», и в дальнейшем «следить внимательно за ходом событий» с той же целью. Что якобы возможное «нападение» России притянуто было здесь за волосы, ясно уже из того, что далее Лэнсдоун больше

---

[1] Японская белая книга, № 22 — 34; Die grosse Politik, 19/I, № 5244; Дневник Куропаткина, «Красный архив», II, стр. 93, 94 (Вильгельм «все спрашивает, цел ли еще Безобразов»); Documents diplomatiques, IV, № 103—телеграмма Бутирона из Петербурга от 25/XI 1903 г. и № 118 — телеграмма Делькассэ Бомпару от 8/XII 1903 г.

жаловался на то, что «русские не ответили японцам немедленно», что «дали открыться сессии японского парламента», а между тем «японцы удовлетворились бы одной декларацией относительно уважения трактатных прав в Китае»: инструментом войны здесь оказывался опять-таки японский парламент.[1] Да и Курино в Петербурге теперь имел вид человека, «старающегося рекомендовать в Токио мирное решение». «Алармистские же телеграммы из английского источника, — по оценке французского посла в Петербурге, — производили впечатление предпринятой в Лондоне кампании с целью вызвать войну, благодаря которой предпринятая англичанами под шумок Тибетская экспедиция могла бы протекать без особой оглядки на Россию».[2]

Натянув таким образом возжи в Париже, Лэнсдоун теперь же ослабил их в Токио. Комура сообщил в Лондон текст русского ответа 14 декабря. Отметив уступки со стороны русских, он выдвинул свои поправки в отношении Кореи и подчеркнул, что «неупоминание о Манчжурии» и отказ признать «трактатные права Японии» делают в его глазах русский ответ «в высшей степени неудовлетворительным». Из Лондона последовал ответ (18 декабря), полностью одобрявший все поправки Японии, но на этот раз было добавлено: «Можно было бы преодолеть затруднение с Манчжурией добавкой статьи, в которой Япония признавала бы специальные интересы России в этой провинции, при условии формального признания Россией трактатных прав Японии и других держав».[3] Вставка последних двух слов означала: теперь мы с вами.

Японцы задержали свой ответ на 10 дней, в течение которых Розен оставался «в полном неведении об истинных намерениях Японии», а «позиция Макдональда, — по отзыву французского посла, — снова стала подозрительной». Делькассэ, правда, спешил успокоить Ламсдорфа, что «из хорошего источника ему известно, что усилия Японии заключить заем в Лондоне потерпели неудачу», однако же петербургская биржа ответила на «тревогу в прессе» «чем-то вроде паники» еще до получения японского ответа, но когда он был уже решен в Токио.[4] 21 декабря японский ответ был отправлен, и 23 декабря Курино, передавая его, пригрозил Ламсдорфу, что «возникли бы серьезные затруднения и даже осложнения, если бы нам не удалось притти к соглашению». В самом ответе Япония требовала «ввести» в соглашение «все те области Дальнего Востока, где встречаются интересы двух империй» и «пересмотреть свое положение в этом деле».[5]

Это не был еще ультиматум, но практически в Лондоне и Токио готовы были к войне. Офицеры Ирландского корпуса получили приказ немедленно ехать в Индию, резервисты флота должны были сообщить в Лондонское адмиралтейство свои адреса, английская фирма Гиббса закупала чилийские и аргентинские броненосцы для японского пра-

---

[1] British documents, II, № 259 — Лэнсдоун Монсону в Париж 11/XII 1903 г.; Documents diplomatiques, IV, № 121 — депеша Камбона из Лондона от 11/XII 1903 г.

[2] Documents diplomatiques, IV, № 127 — телеграмма Бомпара от 18/XII 1903 г.

[3] British documents, II, № 260, 261.

[4] Documents diplomatiques, IV, № 130 — телеграмма Армана из Токио от 20/XII 1903 г.; там же, № 133 — телеграмма Делькассэ от 21/XII 1903 г.; British documents, II, телеграмма Ч. Скотта из Петербурга 22/XII 1903 г. («вчера тревожные сообщения прессы и т. д.»).

[5] Японская белая книга, № 35 и 36 — телеграммы Комуры и Курино от 21 и 23/XII 1903 г. («Манчжурия и Корея», стр. 210—212). Японские поправки в отношении Кореи в основном сводились опять к устранению первой части ст. 5 русского проекта о неиспользовании Кореи «в стратегических целях» и целиком всей ст. 6 о «зоне».

вительства.[1] И в Петербурге наступил момент, давно предсказанный Витте: Николай «поджал хвост и отступил» 28 декабря, заявив на совещании министров (в отсутствие Безобразова), что «война невозможна» и что следует включить в договор статью и о Манчжурии. Теперь и здесь тоже потребовалось не более 10 дней, и 6 января Розен представил в Токио русский ответ: если Япония согласится восстановить в корейских статьях неиспользование Кореи «в стратегических целях» и «нейтральную зону», в соглашение будет включено, что Россия в Манчжурии «не будет чинить препятствий Японии и другим державам в пользовании правами и преимуществами, приобретенными ими в силу существующих договоров с Китаем, за исключением устройства сетльментов».[2]

Не зная еще этого решения Николая, Комура (29 декабря) обрисовал французскому послу в Токио «положение, как крайне серьезное, но не безнадежное», а накануне телеграфом просил у Делькассэ дружественного воздействия. Однако Арман вынес впечатление из разговора, что Комура «слишком уж рассчитывает на разногласия и борьбу вокруг царя и Алексеева, которые, по его мнению, задержат решительный ответ».[3]

Расчет Комуры не оправдался — задержки в Петербурге на этот раз не произошло. Но и «затруднение с Манчжурией», снимавшееся, казалось бы, русской уступкой, в виде той «добавки», которую рекомендовала сама же Англия, не отпало.

Японская дипломатия теперь лихорадочно заработала на разрыв переговоров с царизмом.

III

Русская уступка 6 января, повидимому, была некоторой неожиданностью для японской и английской дипломатии.

Про себя японцы свои контрпредложения 23 декабря уже считали «жестким минимумом, какой они могут принять»: «Если Россия откажется пересмотреть свои предыдущие контрпредложения, Япония без сомнения прибегнет к энергичным мерам», и Гаяси 30 декабря по поручению Комуры, как описывал Лэнсдоун, «пожелал узнать, могут ли они ожидать нашей поддержки и в каком направлении». Лэнсдоун сразу «понял, что желательно указание, как будем мы действовать при обстоятельствах, когда налицо не будет «casus foederis» (т. е. если нападут не русские, а японцы. — *Б. Р.*), и спросил, что за «энергичные меры имеются в виду и какой поддержки хочет Япония». Гаяси не ожидал такой открытой постановки вопроса о неспровоцированной Россией войне и сослался на отсутствие у него инструкций. В качестве же своего личного мнения он указал на «благожелательный нейтралитет», «облегчение в снабжении углем», «транзит через колонии» и «денежный заем». Об одном только займе Лэнсдоун отозвался, что «тут есть серьезные трудности», но и то обещал «посо-

---

[1] Documents diplomatiques, IV, № 147 — депеша Камбона от 29/XII 1903 г. и № 150 — телеграмма Баррера из Рима от 3/I 1904 г. о том, что сообщения из Токио предвещают «близкий разрыв».

[2] Дневник Куропаткина, «Красный архив», II, стр. 95; Японская белая книга, № 38 (стр. 215 русского изд.).

[3] Documents diplomatiques, IV, № 146 — телеграмма Армана из Токио от 29/XII 1903 г.; ср. №№ 155 и 157 — телеграммы Делькассэ Бомпару от 6/I и Бомпара Делькассэ 7/I 1904 г. Мотоно напирал на вопрос о корейской «нейтральной зоне» и сделал вид, что соглашается с Делькассэ о невозможности для России «договариваться с Японией о Манчжурии».

ветоваться со своими коллегами». — «Не имеет ли в виду Япония дипломатическую поддержку или посредничество этой страны?» — спросил Лэнсдоун. — Нет, — отвечал Гаяси, — «они теперь всецело заняты военными приготовлениями».[1]

На другой день, на вопрос американского посла, установили ли японцы «срок ответа», Лэнсдоун ответил, что он «убежден», что в случае «слишком длительной задержки ответа» японцы «прибегнут к активным мерам».

5 января Гаяси вновь явился к Лэнсдоуну, чтобы «предупредить всякие недоразумения относительно позиции японского правительства в вопросе о посредничестве»: оно даст России только «выиграть время, чтобы усилиться на Дальнем Востоке», поэтому в случае посредничества Япония «вынуждена будет изменить свои условия и добиваться дополнительных гарантий... в дополнение к тем, какие она имела в виду первоначально». Возвращаясь к займу, Гаяси повторил просьбу японского правительства, аргументируя тем, что война «может затянуться на два-три года», что Япония «на собственные сбережения может воевать только год, а с повышением налогов и выпуском бумажных денег сможет протянуть борьбу еще на 6 месяцев, и тогда ее рессурсы будут исчерпаны».[2] Так как еще раньше (21 декабря) Гаяси дал Лэнсдоуну точную картину соотношения вооруженных сил Японии и России, и она говорила в пользу Японии, то у Лэнсдоуна не могло оставаться сомнений, что Япония может воевать и одна.[3] Наконец, еще в день передачи Розеном русского ответа, 6 января, Гаяси в третий раз затронул финансовый вопрос: не потому ли Англия отказывает в деньгах, что это неудобно ей «политически» «накануне возможной войны» (т. е. этот отказ не предрешает вопроса в дальнейшем)? Лэнсдоун ответил утвердительно и добавил, что и в парламенте это может натолкнуться на трудности: «Мы с удовлетворением рассмотрели его сообщение, что у Японии есть средства для ведения войны в первый год войны», «так что отказ в немедленной помощи ни в малейшей степени не повредит Японии в начальных, и может быть наиболее важных стадиях кампании».[4] Это, конечно, означало, что Англия обещает заем только после открытия военных действий и в зависимости от того, как пойдут дела. Как видим, в Лондоне все было подготовлено и обсуждено еще до получения в Токио русского ответа с манчжурской «статьей».

Что дело в Лондоне было сколочено так крепко, — не сразу дало себя знать в Париже и Петербурге. Ламсдорф поспешил обратиться с декларацией ко всем державам (8 января), что «Россия ни в какой мере не имеет намерения мешать державам пользоваться, в пределах существующих договоров, правами и выгодами, приобретенными в

[1] British documents, II, № 265 — телеграмма Лэнсдоуна Макдональду от 30/XII 1903 г.

[2] Там же, № 268 — телеграмма Лэнсдоуна Макдональду от 5/I 1904 г.

[3] Die grosse Politik, 19/I, № 5945, где приведен меморандум Гаяси Лэнсдоуну от 21/XII, сообщенный Гаяси Экардштейну: «число броненосцев и крейсеров почти одинаково, но японские корабли, почти все английской постройки, гораздо лучше, чем русские. Россия посылает с максимальной быстротой суда на Дальний Восток, и в Токио известно, что в течение 2 месяцев по крайней мере пять или шесть броненосцев и еще один дивизион миноносцев прибудут в Порт-Артур. Согласно сведениям разведывательного департамента военного министерства в Токио, у России теперь 240 тысяч человек к востоку от Байкала. Около 95 тысяч из них в Манчжурии, около 30 тысяч в Порт-Артуре, несколько тысяч во Владивостоке, остальные заняты на охране Сибирской железной дороги. У Японии теперь в полной готовности 230 тысяч хорошо обученных солдат и может быть в случае необходимости призвано по крайней мере еще 240 тысяч резерва».

[4] British documents, II, № 269 — Лэнсдоун Макдональду от 6/I 1904 г.

силу этих договоров».[1] Обратился он и к французскому посредничеству — с целью привлечь Лэнсдоуна к передаче «добрых советов» Японии (12 января), а самого Делькассэ просил ознакомиться с текстами японских и русских предложений и высказаться по их существу. Но только Делькассэ успел обратиться к Лэнсдоуну (13 января), а заодно и к Мотоно (который сам обратился к нему за содействием еще 29 декабря), в уверенности, что в Токио «несомненно захотят узнать его мнение до того, как ответить на русские предложения», — как 13 января, минуя парижскую болтовню Мотоно, последовал уже и японский ответ.[2] На сей раз по существу это был ультиматум.

Русское предложение от 6 января ставило вопрос условно: если признаете в Корее «неиспользование» ее территории «в стратегических целях» и «зону» — уступаем «трактатные права» (без сетльментов) в Манчжурии. Японцы теперь категорически отвергали всякую условность: не признаем первого, требуем вовсе устранить вторую, а в Манчжурии, кроме «трактатных прав», требуем признания «неприкосновенности Китая в Манчжурии» и «сетльментов» там же. К этому «заключению» японское правительство пришло «окончательно», «надеется на скорый ответ» и считает, что «дальнейшее промедление» «будет крайне неблагоприятно для обеих стран». Это значило (на языке Витте): вы «поджали хвост» и «отступили» в одном пункте, задержавшись в другом — извольте «отступить» теперь по всей линии не меняя позы и незамедлительно.[3]

Американцы, как мы видели, еще и в прошлый раз поинтересовались, указали ли тогда японцы срок для ответа. Теперь и Лэнсдоун спросил Гаяси (14 января, принимая его сообщение об уже совершившемся факте и о том, что Япония «примет меры для защиты своих интересов, если ответ не будет дан в разумный срок»): что они разумеют под «разумным сроком»? Гаяси ответил: «В крайнем случае будет дано около 2 недель». Но только об этом и спросил Лэнсдоун.[4] Только это и надо было знать в Лондоне в виду неизбежно предстоявшего дипломатического турнира с Парижем и Петербургом.

За истекшую до ультиматума неделю (6—13 января) ни Лондон, ни Вашингтон нисколько уже не заботили Гаяси. Но для дипломатии войны в эту неделю предметом заботы оставались еще Берлин и само Токио. В Токио «руссофильская» группа Ито, приобщенная к «правительственным совещаниям», играла в них роль хотя и лойяльной, но все же оппозиции. В Берлине послом был ее заложник, сын Ито, на которого Вильгельм II жаловался, что он «погрузился в полное молчание».[5] Между тем, до Гаяси дошел слух, будто Розен, передавая свой ответ Комуре, «намекнул, что в случае войны Россия может рассчитывать на поддержку Германии». Гаяси теперь (8 января) просил своего германского конфидента в Лондоне Экардштейна устроить так, чтобы германский посол в Токио «сделал там заявление о германском нейтралитете»: «нынешний японский кабинет хочет войны, ибо иначе Япония упустит последний случай», а Комура опасается, что Берлин «неверно информирован о положении вещей» (сыном Ито). Намеки Розена «могли бы ослабить положение воинственного японского

---

[1] Documents diplomatiques, IV, № 163; здесь текст несколько отличается от опубликованного в английской Синей Книге, № 162 («Манчжурия и Корея», стр. 165).

[2] Там же, №№ 169 и 171 — телеграммы Бомпара от 12/I 1904 г. и № 172 — телеграмма Делькассэ Бомпару от 13/I 1904 г.

[3] Японская белая книга, № 39 — телеграмма Комуры Курино от 13/I 1904 г.

[4] British documents, II, № 275 — письмо Лэнсдоуна Макдональду от 14/I 1904 г.

[5] Die grosse Politik, 19/I, № 5931 — пометка Вильгельма на телеграмме Меттерниха из Лондона от 8/I 1904 г.

кабинета».[1] Берлин, разумеется, не надо было упрашивать, и уже 12 января Гаяси похвалялся тому же Экардштейну, что «после официальных заявлений Германии и США о строгом нейтралитете, а США даже о благожелательном нейтралитете, японское правительство ускорило елико возможно свои военные приготовления, и в течение 2 недель, весьма вероятно, более 100 000 войска будет расположено в Корее».[2] Значит, Берлин не подвел и мгновенно поддержал «воинственный» токийский кабинет. Оставалось — Токио. Но для Токио из Лондона Гаяси ничего больше сделать не мог: никакие лондонские аргументы не были действительны для группы Ито, именно в Лондоне видевшего главную пружину войны. Для Токио в эту же неделю (6—13 января) поработал в Петербурге Курино.

Не знаем, сам ли Курино искал свидания с Безобразовым, или тот по своей собственной инициативе влетел в японское посольство в Петербурге, не знаем также, что именно наболтал он там об истинной «политике русского правительства», но это было несомненно что-нибудь в стиле его теории «концессии на Ялу», как «заслоне» против японцев, сказанное в защиту русского пункта о «нейтральной зоне»: так поняли его в Токио.[3] Это был «корейский» аргумент, которым можно было бы воздействовать на Ито, как на представителя корейской малой программы. Но в данный момент этого было уже мало: «вокруг царя и Алексеева» шла ведь борьба, и русский ответ от 6 января давал знать, что «военная партия потерпела поражение» и что дипломатический рычаг перешел в руки Ламсдорфа. Обращаться к Ламсдорфу Курино было совершенно бесполезно: из этого многоопытного старого дипломата ничего острого и возбуждающего для внутреннего употребления в Токио не извлечешь. И Курино 11 января обратился за глубокие кулисы — к Витте за «частным интервью». Тот согласился — и оказалось, что это была истинная находка.

Витте заговорил с Курино как «простой наблюдатель», ибо «оба министра (он и Ламсдорф) полностью побеждены». «С этой точки зрения он может сказать, что вопрос сейчас в борьбе силы и упорства между обеими нациями. Он не придает никакой реальной или практической цены писаным или устным заверениям и договорам. Заверения самого торжественного свойства были даны Россией. С тех пор обстоятельства переменились, а с переменой обстоятельств изменилась также и политика России. Это есть закон и это всегда будет законом. Вопрос не в том, что Россия или любая другая держава обязана делать по существующим обязательствам, а в том, что каждая держава может делать сообразно с силой, какой может располагать эта держава в данный момент. Теперь Япония не может до конца соперничать с Россией, ни в отношении военных, ни морских, ни в отношении финансовых ресурсов. Предстоящее состязание будет благоприятно для России. Было бы неумно Японии верить в договоры или обязательства, которые будут связывать только на то время, пока баланс сил остается одинаковым. Когда Россия достигнет точки, где ее силы будут превосходить силы Японии, она приступит к защите своих собственных интересов сообразно с ее собственными идеями. Поэтому не очень то выгодно Японии располагаться в Корее под предположенной защитой договоров. Япония должна удовольствоваться границей, которой Россия не может переступить — это море. Что касается ее

[1] Там же.
[2] Dennett, ук. соч., стр. 27, примеч.
[3] British documents, II, № 269 — письмо Лэнсдоуна Макдональду от 6/I 1904 г.

коммерческих интересов, они будут столь же хорошо или дурно обеспечены, как и ее интересы, какие у нее есть во Владивостоке и Сибири, где живет и благоденствует много японцев». (Разрядка всюду моя. — *Б. Р.*).

Английский посол, получивший этот «меморандум об интервью с Витте» от Курино и пославший его в Лондон дипломатической вализой, нашел его «очень интересным» и обратил «специальное внимание» Лэнсдоуна на «открытые высказывания Витте о полезности договорных обязательств». Нечего и говорить, с каким торжеством могли предъявить такой документ (котрый Курино несомненно передал в Токио тотчас же телеграфом) Ямагата или Кацура в совете Генро, и невозможно себе представить, что тут мог еще возразить Ито. По существу тут не было ничего нового ни для кого, и, может быть, даже для Ито. Но в данную минуту этот сенсационный, разоблачительный для «мирной» «партии Витте» документ тактически должен был до конца разоружить токийскую оппозицию. Во всяком случае, японский ультиматум 13 января, последовавший через 2 дня после откровений Витте, свидетельствовал, что «воинственный японский кабинет» полностью завладел «положением».[1]

Японский ультиматум в виде «вербальной ноты» был составлен в «вежливой» форме и «примирительном духе» и, разумеется, не содержал указания на срок. О сроке знали (и молчали) в Лондоне, Берлине, Вашингтоне. Ни Петербург, ни Париж не сделали и попытки узнать. Делькассэ развил бурную энергию для выработки согласительной формулы, и Ламсдорф просил его изобретать формулировки то для одного, то для другого пункта, обсужденных ими по существу. Ламсдорф забросил свою переписку с Порт-Артуром и Токио и ориентировался только на Париж («Париж это все»), который казался ему самой надежной связью и с Лондоном и с Токио. Роль Гаяси в Лондоне свелась теперь к бдительной охране своих дипломатических завоеваний от какого-либо вмешательства или посредничества; роль Курино в Петербурге — к официальным запросам, когда же будет ответ и к регистрации в петербургском дипломатическом кругу в «примирительном» духе то оптимистических, то пессимистических своих настроений.

Главная роль перешла к Мотоно в Париже. В эти оставшиеся до развязки две недели он охотно обсуждал в обнадеживавшем Делькассэ духе всяческие варианты, выдвигавшиеся для изменения («окончательных»!) японских условий, как материал для посреднического выступления третьих держав, а к 27 января кончил тем, что заявил Делькассэ, что «Япония ни в коей мере не расположена принять посредничество», оставив, однако, противников под впечатлением, что непосредственная дальнейшая дискуссия с Токио еще

---

[1] British documents, II, № 281 — письмо Ч. Скотта из Петербурга от 20/I 1904 г. с приложением «меморандума» Курино от 12/I; известил Курино Ч. Скотта о свидании с Витте 11 января; можно думать, что свидание состоялось или 11 или 10/I. Ч. Скотт не переслал меморандума телеграфом потому, что Витте поставил Курино условием не пользоваться телеграфом, так как «секретный кабинет почти всегда может дешифрировать телеграммы иностранных представителей» и «он, Витте, может попасть в беду (get into trouble), если станет известно, что он дал сообщение японскому посольству». Курино, составивший свой меморандум, судя по дате, по просьбе английского посла после устного рассказа, не посмел бы в эти считанные дни ограничиться передачей своего разговора с Витте в Токио только дипломатической почтой, на что потребовалось бы не менее 2 недель, а то и больше. В Лондон почта шла 5 дней (20—25 января). Именно теперь, после ультиматума, Экардштейн в Лондоне узнал из «достоверного источника», что Ито и Иноуэ покинули «свою колеблющуюся позицию» (Die grosse Politik, 19/I, № 5945, 17/I).

возможна.[1] Запутываясь в дипломатической паутине парижских переговоров, чтобы как-нибудь позолотить вторую пилюлю для Николая, и «сознавая все ухудшение, какое причиняют кризису длительные отсрочки», Ламсдорф не предполагал проявлять «спешку, по примеру Комуры», считая «необходимым» «знать результат» «бесед» и «оценки» самого Делькассэ (16 января); Ламсдорф «мог сформулировать свой ответ» только тогда, когда Делькассэ ему скажет, «в какой мере достоверно, что японское правительство готово войти в соглашение» (18 января), когда он, Ламсдорф, узнает, что Мотоно «действительно говорит от имени своего правительства» (20 января). Он все ждал (22 января), «не считает ли Делькассэ уместным, не произнося конечно громких слов, вызвать токийский кабинет на какие-нибудь инструкции, уполномочивающие Мотоно сообщить ему намерения японского правительства».[2] Что Мотоно, наконец, отказался от посредничества (27 января), тоже так и не было сообщено Ламсдорфу. Теперь, когда материал для составления русского ответа уже накопился, — оставалось получить согласие Николая и затем «послать его» Делькассэ и «совместно изучить его редакцию» (24 января). На смену Мотоно, Делькассэ, ведший параллельно разговоры и в Лондоне, подставил теперь Ламсдорфу Лэнсдоуна: «в подходящий момент он (Делькассэ) снова будет действовать на Лэнсдоуна, чтобы его вмешательство в Токио активно работало в пользу мира, когда русский ответ дойдет до японского правительства» (25 января).[3] Пока говорил Мотоно (а что он говорил по точной указке из Токио, уверены были оба, Делькассэ и Ламсдорф), две недели, день за днем, таяли незаметно. Но говорил и Лэнсдоун — и это создавало новые паузы.

Главное — манчжурский вопрос, решил Делькассэ, принимаясь за дело с Мотоно. А всего вопросов три: сетльменты, неприкосновенность Китая, зона в Корее. Мотоно согласился. Делькассэ напал на сетльменты: «если не решено бесповоротно воевать», их надо отбросить. «Этот вопрос не стоит конфликта» — согласился Мотоно и обещал «подумать». То же и с «неприкосновенностью» Китая: можно ее выбросить — предложил Мотоно — вместе с неприкосновенностью Кореи, можно и сохранить и то и другое. «Уменьшайте нейтральную зону в Корее» — посоветовал Делькассэ в Петербурге (15 января).[4] На другой день Мотоно, «подумав», сказал, что на сетльменты в Манчжурии имеют право по договорам с Китаем от 8 октября 1903 г., ратифицированным и опубликованным только 14 января 1904 г., Япония и США. «Япония не станет настаивать на этой привилегии одна» — заявил Мотоно (а в Париже было уже известно, что США пока не будут поднимать разговора с Китаем о сетльментах). Таким образом, вопрос о сетльментах благополучно отпал (да и Курино в Петербурге высказывался, что Япония «кончит тем, что уступит в этом пункте»). Нельзя ли о «неприкосновенности» Китая «упомянуть» где-нибудь во «вводной части» (préambule) договора? — предложил Делькассэ в Петербург (16 января).[5] Но Манчжурия — это не только Токио, но и Лондон. Делькассэ обратился и в Лондон (16 января).

[1] Documents diplomatiques, IV, № 220 — телеграмма Делькассэ Барреру в Рим от 27/I 1904 г.; там же, № 172, 13/I 1904 г., № 181 15/I, № 186 16/I, № 190 17/I, № 203 21/I, № 208 23/I — беседы с Мотоно.

[2] Там же, № 187, 194, 202, 207.

[3] Там же, № 220 — телеграмма Делькассэ Барреру от 27/I 1904 г.; № 210 — телеграмма Бомпара от 24/I 1904 г.; № 215 — телеграмма Делькассэ Бомпару от 25/I 1904 г.

[4] Там же, № 181 — телеграмма Делькассэ Бомпару от 15/I 1904 г.

[5] Там же, № 186, то же 16/I 1904 г.; телеграмма Бутирона из Петербурга от 16 января; там же, стр. 262, примеч.; Die grosse Politik, 19/I, № 5945 — записка Экардштейна от 17/I 1904 г.

Лэнсдоун очутился между двух огней. Гаяси мгновенно узнал о плане Делькассэ, и не успел еще заговорить Камбон, как Гаяси явился в английское министерство иностранных дел с напоминанием, что в отношении посредничества позиция Японии «ничуть не изменилась»: «переговоры об этом потребуют времени», а «отсрочка» «будет только к выгоде России» (16 января). Одновременно и Ламсдорф, в разговоре с Ч. Скоттом, «недвусмысленно намекнул, что лично он хочет посредничества», и просил «помочь мирному разрешению конфликта»: «царь испытывает отвращение к мысли о войне и сделает разумные уступки, чтобы ее избежать» (15 января). Когда Камбон (18 января) заговорил с ним о Манчжурии, Лэнсдоун был под впечатлением допроса, учиненного им (15 января) Бенкендорфу по поводу русской декларации от 8 января о признании трактатных прав в Манчжурии: там было сказано, что Россия заявляет это «не предрешая условий, которые в будущем определят природу ее отношений с Манчжурией». Значит ли это, что в случае русского «протектората» или даже «аннексии» Манчжурии Россия не будет считать себя связанной этим обещанием? Бенкендорф, перепробовав несколько формулировок этого пункта, который звучал разно в английском и французском переводе и неточно передавал русский текст, кончил заверением, что «лично он» считает это обязательство безусловным: «пока суверенитет Китая существует, договорные права держав остаются в силе, но нет и речи о том, чтобы покончить с суверенитетом Китая». У Эдуарда VII тогда осталось впечатление, что «объяснение Бенкендорфа в высшей степени неудовлетворительно». Теперь Лэнсдоун прямо заявил Камбону, что он «не может советовать Японии отказаться от справедливых требований, интересующих всех и Англию в том числе»: «во всех китайских портах необходимо устройство специальных кварталов для иностранцев», и указал на двусмысленность самой русской декларации от 8 января. Выходило: то, что уже улаживается в Токио (сетльменты), встречает препятствия в Лондоне. И более того: Лэнсдоун указал, что «если вопрос о сетльментах будет устранен с пути, два остальные пункта — о нейтральной зоне в Корее и неприкосновенности Китая — не могут представить непреодолимого затруднения».[1] Лондон давал надежду, что условия японцев не «окончательны», пусть только Россия признает принцип «открытых дверей» во всей полноте.

Так как теперь же Делькассэ стало известно, что Ламсдорф не считает «нейтральную зону абсолютно необходимой» и ищет только аргументов, чтобы исключить этот пункт, а Мотоно подсказывает аргумент очень удобный — как же де быть с охраной той японской железной дороги в Корее, которая пройдет до самой границы на Ялу через зону?, — то в отношении Кореи дело можно было считать улаженным, тем более, что и о пункте о «неиспользовании Кореи в стратегических целях», исключения которого требовала Япония 13 января, Мотоно теперь (17 января) выразился «текстуально»: «В конце концов у меня такое впечатление, что по этому пункту оба правительства смогут договориться непосредственно».[2] Таким образом, забота о Корее у Делькассэ отпадала целиком. Оставалась Манчжурия.

К концу первой недели парижских переговоров Делькассэ уда-

[1] British documents, II, № 278 — телеграмма Лэнсдоуна Макдональду от 16/I 1904 г.; № 279 — то же от 17/I; № 276 — телеграмма Лэнсдоуна Ч. Скотту в Петербург от 15/I 1904 г., № 280 — то же от 19/I; Documents diplomatiques, IV, № 195 — телеграмма Камбона Делькассэ из Лондона от 18/I 1904 г.

[2] Documents diplomatiques, IV, № 187 — телеграмма Бомпара Делькассэ из Петербурга от 16/I; № 190 — телеграмма Делькассэ Бомпару от 17/I.

лось нащупать выход из манчжурского тупика. Лондон затормозил дело, настаивая на «сетльментах». Теперь (21 января) у Делькассэ было уже «ясное» заявление Мотоно, что «его правительство отказывается требовать их учреждения». Лондон говорил, что пункт о «неприкосновенности» Китая не есть непреодолимое затруднение. Теперь и Мотоно снижал тон и толковал только о том, что это вопрос «главным образом самолюбия»: «Японское правительство, перед лицом страны, дорожит получить, пусть хотя бы вне статей договора, формулу, пусть общую, даже хоть что-нибудь неопределенное, но хоть что-нибудь». А Лэнсдоун теперь же (21 января) отказался от скептицизма в отношении «неудовлетворительных» объяснений Бенкендорфа по поводу двусмысленной оговорки в декларации 8 января об «открытых дверях» и признал их «удовлетворительными» (и в Синей книге вместо «не предрешая условий» впоследствии появилась фраза: «независимо от того» и т. д.).[1] С другой стороны — Ламсдорф готов был дать новое «подчеркнутое» заявление о соблюдении трактатных прав в Манчжурии, но считал «очень стеснительным какой-либо намек на неприкосновенность Китая» в момент, когда с Китаем переговоры еще не закончены (17 января), а Делькассэ успел (19 января) предложить выпустить «торжественную декларацию», которая разрешила бы манчжурский вопрос снятием двусмысленной оговорки и, удовлетворив Лондон, лишила бы Японию его поддержки, а тогда договор мог бы ограничиться одной Кореей, но уже без всякой нейтральной зоны. Таким образом, теперь, казалось, нужно было только изобрести такую формулу, которая удовлетворила бы всех и которую Ламсдорф мог бы протащить в Петербурге у царя. Ламсдорф опасался, что «торжественную декларацию» ему будет труднее провести, чем «какую-либо неопределенную (vague) формулу, соответствующую идее о неприкосновенности Китая, но не обещающую ее» в самом договоре. Он просил Делькассэ (22 января) «ответить желаниям Японии» посредством какого-нибудь «редакционного ухищрения».[2] Ему казалось, что «почва для дискуссии расчищается все больше и больше», и он настаивал на «быстром» указании относительно «характера полномочий» Мотоно и на «необходимости действовать быстро».

А на деле оказалось, что достаточно завлекши противника, Мотоно теперь стал пятиться назад. Четыре часа подряд просидел Делькассэ с ним 23 января и узнал, что, во-первых, Мотоно не может дать «более полных сведений», чем данные им раньше; во-вторых, впечатление его от пункта «о неиспользовании Кореи в стратегических целях» «менее благоприятно, чем раньше»: «отказываясь от влияния своего в Манчжурии», Япония считает «вопросом своего самолюбия» не ограничивать себя в Корее; в третьих, что «лично» «он не думает, чтобы его правительство настолько держалось за уничтожение пункта о «стратегических целях», чтобы сделать из него conditio sine qua non cor-

[1] Там же, № 203 — телеграмма Делькассэ Бомпару от 21/I; № 204 — то же, 21/I; Английская Синяя книга (China, № 2, 1904), № 162 («Манчжурия и Корея», стр. 165), меморандум Бенкендорфа от 8/I: «...indépendemment des conditions que dans l'avenir détermineront définitivement la nature des rapports avec la Manchourie...» Ср. текст декларации в Documents diplomatiques, IV, № 163: «Sans préjuger l'avenir quant à l'établissement définitif de sa situation à l'égard de cette province», английский текст (British documents, II, № 276): «Without prejudice to the conditions which would determine in the future the nature of her relations with Manchuria...»

[2] Documents diplomatiques, IV, № 191 — телеграмма Бомпара от 17/I; № 197 — телеграмма Делькассэ Бомпару от 19/I; № 202 — телеграмма Бомпара от 20/I; № 207 — то же от 22/I 1904 г.

лашения». Главное же Мотоно «не скрыл, что его кредит ограничен», хотя и просил: «если вы что-нибудь получите из России, сообщите мне, я буду поступать так же».[1] В результате из всех объяснений, возражений и формулировок Делькассэ в беседах с Мотоно за истекшие 10 дней, в Токио были в курсе всей дипломатической работы противника; а о том, что происходило между Токио и Лондоном в этом отношении, ровно ничего не узнали ни в Париже, ни в Петербурге.

При таких условиях Ламсдорф перешел к составлению проекта ответа на ультиматум. Руководствуясь всем тем, что говорил Мотоно, он исходил теперь из трех положений: вопрос о «формуле» по Манчжурии «решается» вводом в соглашение заявления, аналогичного общей декларации от 8 января; исключение статьи о зоне явится «в последний момент» «ценой сохранения» пункта о «стратегических целях»; этот последний надлежит и возможно, как явствовало из слов Мотоно, удержать именно этой ценой.[2]

Что дело уже не так безнадежно, показал Делькассэ и зондаж в Лондоне. 24 января Лэнсдоун встретил Камбона выражением радости по поводу «возвращения Ламсдорфа к руководству дипломатическими делами Дальнего Востока», что это «улучшит положение», хоть он и «не уверен, что Япония, которая чувствует себя готовой и произвела большие расходы, не окажется требовательной». России надо отступиться от «зоны» и «сетльментов»; хотя все декларации России о «неприкосновенности» Китая «удовлетворительны», но Япония «вероятно» потребует «двустороннего акта». Ясно, что напоминание об уже снятых с дискуссии самой Японией «сетльментах» было той ценой, которую Лэнсдоун ставил французам за возможное примиряющее участие Англии. А так как в отношении зоны уже решено было уступить японцам, Делькассэ оставалось использовать «добрые услуги» Лондона в вопросе о «неприкосновенности» Китая.[3] Лэнсдоун не только ни намека не сделал на двухнедельный срок, а еще указал и пункт, на который Англия и Япония смотрят различно. Но когда Камбон (27 января) обратился к Лэнсдоуну с прямым предложением втроем — Англия, США, Франция — предложить в Токио эти «добрые услуги и умеряющий совет», Лэнсдоун ушел в скорлупу: ему нужно знать «характер ответа, который пошлет Россия на японскую ноту».[4]

А «характер ответа» в Петербурге назначен был к обсуждению на совещании 28 января. Накануне Николай принял германского посла и имел с ним долгую беседу («впервые на немецком языке», что тут же злорадно и отметил Вильгельм). Николай жаловался на «вероломную» политику Англии одинаково в отношении России и Германии и, в ответ на реплику посла, что «отсюда видно, где находятся подлинные друзья», заметил, что «познаются они в серьезные времена»: «Вот если бы мы держались заодно втроем (т. е. с Францией. —*Б. Р.*), это была бы великая гарантия». Это был более чем прозрачный намек. Но из Берлина на этот намек не последовало никакого отклика. В совещании 28 января Николай не участвовал, а потом принимал участников его для доклада, каждого поодиночке. Прошла программа Ламсдорфа, составленная по рецепту парижских переговоров: статья о нейтральной зоне была исключена вовсе (вопреки возражениям

---

[1] Documents diplomatiques, IV, №208—телеграмма Делькассэ Бомпару от 23/I 1904 г.

[2] Там же, № 210 — телеграмма Бомпара от 24/I 1904 г.

[3] Там же, № 211 — телеграмма Камбона из Лондона от 21/I; № 215— телеграмма Делькассэ Бомпару от 25/I 1904 г.

[4] British documents, II, № 283 — письмо Лэнсдоуна Монсону в Париж от 27/I 1904 г.

Абазы), статья о признании трактатных прав «Японии наравне с прочими державами» в Китае включена (очевидно в угоду Лондону) без оговорки о «сетльментах», а статья 5 о «неиспользовании Кореи в стратегических целях» включена полностью (как согласовано было у Делькассэ с Мотоно в Париже).[1]

Не зная еще «характера русского ответа», Лэнсдоун 29 января имел беседу с Гаяси по двум пунктам. Она носила характер последней проверки сил. Японцы в ультиматуме от 13 января требовали признания «только» «территориальной неприкосновенности Китая», между тем как применительно к Корее говорилось о «независимости и территориальной неприкосновенности»; то же было выражено и относительно Китая в японском проекте от 3 ноября 1903 г.: не требует ли теперь Япония «чего-то меньшего»? Гаяси, оказывается, не обратил внимания на этот пункт, но не придает этому значения: и одна «неприкосновенность» исключает уже как аннексию, так и протекторат. Во-вторых, как отнеслась бы Япония к «усилиям держав найти решение, приемлемое для обеих сторон без ущерба для достоинства»? Не дожидаясь ответа Гаяси, Лэнсдоун сам напомнил о 1895 годе и прибавил, что Японии, как он вполне понимает, «ничего не остается, как настаивать на буквальном удовлетворении ее требований хотя бы ценой войны». Гаяси оставалось только подтвердить: «двустороннее соглашение» о Манчжурии и никаких «деклараций», только «полное принятие японских предложений может предотвратить войну», «нет больше мирной партии в Японии!»[2] Лэнсдоун был теперь хорошо подготовлен к возможному повторному обращению из Парижа: он бессилен сделать тут что-нибудь! «На всякий случай» теперь же (30 января) Лэнсдоун подвинтил и еще один винтик: он предупредил Ч. Скотта, что «нам конечно невозможно позволить хоть одному судну Черноморского флота принять участие в военных операциях», так как это будет «катастрофично для Англии и России».

Тем временем, 23 января, когда в Париже Мотоно вдруг сжался в объяснениях с Делькассэ и когда, заведомо для Токио, только и могла начаться работа Ламсдорфа «вокруг царя и Алексеева» — из Токио через посредство Курино началась бомбардировка Ламсдорфа запросами. когда же будет дан русский ответ. В течение 6 дней, пока шли выработка его текста и сношения с Алексеевым, Курино ставил Ламсдорфу этот вопрос четыре раза. Последний раз он был поставлен 1 февраля, через три дня после совещания министров, когда текст ответа еще не был утвержден Николаем. Текст ответа был утвержден 2 февраля и отправлен на другой день в двух экземплярах телеграфом в Токио непосредственно и через Порт-Артур. 4 февраля об отправке ответа извещен был официально и Курино. Тогда навстречу русскому ответу, не дожидаясь его, 5 февраля Комура телеграфировал Курино «прекратить настоящие бессодержательные переговоры», «в виду промедлений, остающихся большей частью необъяснимыми», и прервать дипломатические сношения с царским правительством. Телеграмма Розену от 3 февраля была задержана на японском телеграфе в Нагасаки и доставлена Розену в Токио только 7 февраля — после разрыва.[3]

[1] Die grosse Politik, 19/I, № 5953 — телеграмма Альвенслебена из Петербурга от 27/I 1904 г.; Дневник Куропаткина («Красный архив», II, стр. 103).

[2] British documents, II, № 284 — письмо Лэнсдоуна Макдональду 29/I и № 285 — телеграмма Лэнсдоуна Ч. Скотту от 30/I 1904 г.

[3] Японская белая книга, №№ 40—47 («Манчжурия и Корея», стр. 218—225); Дневник Куропаткина («Красный архив», II, стр. 106); Малиновая книга, № 34, стр. 46; «Русско-японская война», стр. 51; Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г., изд. Мин. ин. дел, СПб., 1906, стр. 32—33 и 82—86.

А 9 февраля японский флот совершил свое ночное разбойничье нападение на Порт-Артурском рейде.

Какова же была роль Лондона в эти последние дни? Уверенный теперь, что только «буквальное» удовлетворение японских требований и только «двустороннее соглашение о Манчжурии» может предотвратить войну, Лэнсдоун 3 февраля, когда русский ответ только что был отправлен, сидел и «ждал попрежнему русского ответа, чтобы определить свою позицию». В таком положении и застал его Камбон, явившийся в этот день выразить надежду, что Лэнсдоун будет «действовать быстро и энергично» «в примиряющем смысле», как было заявлено в тронной речи Эдуарда VII еще 3 января. Камбон готовился встретить у Лэнсдоуна «закрытую дверь». Оказалось, ничуть. «Я понимаю, — сказал Лэнсдоун, — что Россия отказывается договариваться с одной Японией о неприкосновенности Китая. Это вопрос, касающийся прежде всего Китая и потом уже держав, имеющих интересы на Дальнем Востоке (можно было подумать, что говорит не Лэнсдоун, а сам Ламсдорф!). Если бы Россия сделала всем державам приемлемую декларацию, Япония, мне кажется, должна была бы удовлетвориться». — «Достаточно ли будет вам сообщения русского ответа?» — попробовал сократить процедуру Камбон. «Да, если русская нота будет сообщена нам официально и будет содержать удовлетворительные заявления, мы будем действовать, чтобы заставить ее принять». Камбон счел, что «не должен итти дальше этого, ибо, слишком уточняя, рискуешь закрыть приотворяющуюся дверь» — и не спросил, что надо понимать под «удовлетворительными» заявлениями. Камбону уже и то «было важно, что английское правительство не поддерживает претензии Японии одной договориться с Россией о неприкосновенности Китая посредством двустороннего акта».[1] Это же был первоначальный проект Делькассэ — односторонней «торжественной декларации!»

5 февраля явился к Лэнсдоуну Гаяси и «строго конфиденциально» предупредил, что «завтра японское правительство произведет мобилизацию»; хотя «русский ответ еще не дошел до него (not yet reached them, т. е. в Токио знали, что ответ уже пошел), правительство предвидит, что он будет неудовлетворителен». Лэсндоун тотчас же обратился в Вашингтон: война «очевидно неизбежна», Делькассэ хочет «согласованного выступления Франции, США и Англии», «мы можем навлечь на себя вечную вражду Японии, если станем на ее пути и лишим ее счастливого случая, который она очевидно решила использовать. Если она упустит свой шанс теперь, она может пострадать за это в будущем». Впрочем он надеялся на полное совпадение «точки зрения» Вашингтона и Лондона. На следующий день, 6 февраля Лэнсдоун дал Гаяси уже письменное формальное обязательство «приложить все усилия, чтобы предупредить вступление в войну других держав», и не допустить «в данный момент» какого-либо посредничества третьих держав. Итальянскому министру иностранных дел Титтони справедливо казалось, что «от воли английского правительства зависит изменить непримиримость Японии и отвратить войну», что «слабость Форейн оффис, не сумевшего занять ясную позицию, много будет здесь значить». С своей стороны французский посол в Риме Баррер отмечал, что «высказывания его английского коллеги по этому

[1] Documents diplomatiques, IV, № 239 — телеграмма Камбона от 4/II 1904 г.

предмету изобличают недостаток чувства ответственности».[1] А на деле, как видно, и здесь был свой стиль в работе.

В ту самую «приотворенную» Лэнсдоуном 3 февраля дверь, в которую постучался и просунул голову Камбон, попытался пройти по его следам 7 февраля Бенкендорф. Лэнсдоун понял: «Россия, очевидно, будет рада выпутаться в последний момент», — и предложил «договор между Россией и Китаем, который другие державы могли бы по приглашению России и Китая официально принять к сведению». «А вы посоветуете Японии принять такое предложение?», спросил Бенкендорф. Лэнсдоун «притворил дверь»: он должен «посоветоваться с коллегами» и «боится, что может быть уже поздно, если бы Россия и хотела».

Прежде, чем обратиться к «коллегам», Лэнсдоун в тот же вечер обратился к Гаяси. Тот был как скала: «Японское правительство не может потерпеть дальнейшей отсрочки», да и «китайцы так не заслуживают доверия, что он (Гаяси) испытывает отвращение к мысли о каком-либо договоре, основанном на соглашении с ними». Гаяси прибавил, что «даже если после открытия военных действий Россия придет с предложением договора, он очень сомневается, чтобы можно было сдержать воинственный дух его соотечественников». Что завтра, 8 февраля, британский кабинет будет обсуждать русское предложение о русско-китайском договоре, Гаяси был осведомлен Лэнсдоуном тут же, вечером 7 февраля. Это могло бы только ускорить начало военных действий. Но и без того эскадра Того уже двигалась в направлении к Порт-Артуру, когда британский кабинет вынес решение о невозможности какого-либо вмешательства, о чем категорически и сообщил Лэнсдоун в ледяном тоне Бенкендорфу 8 февраля.[2]

Лэнсдоун, конечно, обыграл своего французского коллегу. Узнав по горячим следам, поздно вечером 7 февраля от Бенкендорфа, что ни о какой «декларации», «к его удивлению», Лэнсдоун больше и речи не поднимал, а заговорил о таком русско-китайском «договоре», от которого на Камбона пахнуло громоздким «конгрессом держав», Камбон «совсем рано утром» 8 февраля «появился» на квартире Лэнсдоуна, «заставил его разбудить» и потребовал объяснений. При этом Камбон «вышел совершенно из роли» и, в результате, «произошла бурная сцена». Объяснение Лэнсдоуна свелось к тому, «что в его словах (о декларации) несомненно заключалась некоторая неясность (confusion)», но «что в его мыслях... простые заверения России никогда не представлялись удовлетворительными». Идея «торжественной декларации», за которую только что ухватился было Камбон, оказалась мыльным пузырем.

Это, разумеется, не помешало обоим, не расходясь, договориться приложить в дальнейшем все усилия, чтобы «локализовать» русско-японский конфликт (т. е. продолжать работу по выработке текста англо-французской entente).[3]

О том, чтобы дипломатически связать войну, не приходилось и думать: она была уже фактом.

---

[1] British documents, II, № 289 — письмо Лэнсдоуна Макдональду от 5/II 1904 г.; № 288 — письмо Лэнсдоуна Дюрану в Вашингтон от 5/II 1904 г.; № 291 — письмо Лэнсдоуна Гаяси от 6/II 1904 г.; Documents diplomatiques, IV, № 229 — телеграмма Баррера из Рима от 31/I 1904 г.

[2] British documents, II, № 293 — телеграмма Лэнсдоуна Макдональду от 7/II 1904 г.; № 294 — письмо Лэнсдоуна Макдональду от 7/II; № 295 — письмо Лэнсдоуна Ч. Скотту в Петербург от 8/II 1904 г.

[3] Documents diplomatiques, IV, № 246 — депеша Камбона Делькассэ из Лондона от 8/II 1904 г.; Die grosse Politik, 19/I, № 5959 — телеграмма Экардштейна Швабаху из Лондона от 10/II 1904 г.

В. П. МАЛЬЦЕВ

«КЛЮЧ ГОСУДАРСТВА МОСКОВСКОГО»

I. РОЛЬ СМОЛЕНСКА В ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Смоленск играл очень видную роль в истории нашей родины. С IX по XII век Смоленск являлся одним из крупнейших городов «империи Рюриковичей» (Киевской Руси) и имел большое экономическое и военное значение на великом водном пути «из варяг в греки». С XVI по XVII век, когда, по выражению иностранцев, Смоленск был ключом Москвы, он являлся одним из важнейших торговых и стратегических пунктов в сношениях Москвы с сильным и опасным западным соседом — Польско-Литовским государством.

Второй период имеет для нас особый интерес, так как с ним связана замечательная борьба смоленских народных масс против западных интервентов, против наступления польско-литовских панов на Восток, — наступления, грозившего уничтожением самостоятельности Московского государства и несшего тяжкое порабощение русскому народу. Поэтому борьба смоленских народных масс — посадских и крестьян — за Смоленск имела не узко местное, а широкое общегосударственное значение. Данная в свое время иностранцами меткая характеристика Смоленска, как ключа Московского государства, не была понята старой дворянско-буржуазной историографией, которая избегала углубляться в вопрос об общегосударственном значении борьбы за Смоленск в XVI и XVII вв. Если борьба за Смоленск в XVI в. не могла быть хорошо освещена вследствие крайней скудости дошедших до нас материалов (особенно с 20-х по 80-е годы), то зато борьба за Смоленск в XVII в. оставила богатейший материал. Поэтому неуменье старой исторической науки правильно оценить значение борьбы за Смоленск, особенно в начале XVII в. во время польской интервенции в России, должно быть объяснено только ее особой точкой зрения на развитие исторических событий того времени.

Одна группа старых историков героями обороны Смоленска от поляков в 1609—1611 гг. желала видеть дворян. Например, известный историк Бестужев-Рюмин считал, что смоленские дворяне потому так стойко защищали от поляков свой город, что смоленский дворянский класс в XVI в. был сформирован из помещиков центральных московских областей. Бестужев-Рюмин пишет, что после завоевания Смоленска у Литвы в 1514 г. «относительно Смоленска была употреблена та же мера, что и относительно других вновь присоединенных земель: смольян переводили в Москву, как псковичей и новгородцев. Оттого Смоленск так и стоял за Москву в 1612 г. Эта старая политика имела великое практическое значение».[1]

Но вывод историка расходился с фактами. Хотя от старого служилого класса времен литовского владычества в Смоленске к началу XVII в. ничего не осталось, однако не дворянскими

---

[1] К. Бестужев-Рюмин. Русская история, II, стр. 188.

руками и не дворянской кровью оборонялся Смоленск от поляков в 1609—1611 гг. Это видно уже из того простого факта, что три четверти смоленских дворян во время обороны Смоленска находились не в Смоленске, а в войсках Скопина-Шуйского.

Другой крупный историк, С. М. Соловьев, несмотря на этот факт, также хотел видеть важнейшую причину стойкости Смоленска именно в мужестве смоленских дворян. Для этого ему пришлось построить очень оригиналное, но мало вероятное предположение. «Между причинами, побуждавшими смольян к сопротивлению, — писал он, — можно положить еще и ту, что служилые люди смоленские были в войске Скопина, а семейства их сидели в осаде в Смоленске: эти семейства, разумеется, всеми силами должны были противиться сдаче города Сигизмунду, ибо тогда они были бы разлучены со своими; с другой стороны, присутствие смоленских служилых людей в стане Скопина одушевляло осажденных надеждою, что земляки их непременно явятся на помощь к ним, на выручку семейств своих». [1]

Уже и для того уровня развития исторической науки, на котором она стояла во времена С. М. Соловьева, такое объяснение двухлетней героической обороны Смоленска было крайне наивным. Оборону Смоленска окружила какая-то тайна, разгадывать которую тогдашняя историческая наука не имела большого желания, так как предвидела, что в результате более основательных изысканий пришлось бы лишить смоленское дворянство его героического ореола. И так уже в соловьевском объяснении этот ореол был весьма сомнительным.

Местные историки шли в общем по тому же направлению. Смоленский источник Н. Мурзакевич еще задолго до С. М. Соловьева утверждал, что при взятии Смоленска поляками в 1611 г. «кроме простого народа было убито 25 000 дворян». [2] Хотя последующие историки и не знали точного количества смоленских дворян (в 1606 г. их было всего около 1100 человек. — *В. М.*), но все же цифра в 25 тыс. человек казалась невероятной. Поэтому другой смоленский историк, С. Писарев, выразился более скромно: «Здесь погибло несколько тысяч дворян смоленских». [3] Существенная поправка была внесена смоленским историком И. Орловским в 1902 г. В своей книге «Смоленская стена» он писал: «За исключением небольшого отряда казаков и стрельцов, все остальные защитники Смоленска были обыкновенные мирные обыватели, поневоле или по своей охоте взявшиеся за ружье». [4] Однако на главную причину стойкости смоленских защитников И. Орловский смотрел попрежнему глазами Соловьева.

Представители буржуазного направления в исторической науке отказывались вообще придавать крупное историческое значение обороне Смоленска в 1609—1611 гг. С. Ф. Платонов в своих «Очерках по истории Смуты» центром событий этого времени делает одну Москву, хотя известно, что захват поляками Москвы в 1610—1611 гг. еще не обозначал подчинения полякам всего Московского государства, так как другие русские города продолжали сопротивляться. Тот факт, что Смоленск на два года связал главные силы польских интервентов, удерживая под своими стенами двадцатитысячную армию Сигизмунда III, и дал возможность укрепиться национально-освободительным силам русского народа, что вылилось затем в организацию народной

[1] С. Соловьев. История России, VIII, стр. 295, изд. 2.
[2] Н. Мурзакевич. История г. Смоленска, стр. 95, 1903.
[3] С. Писарев. Княжеская местность и храм князей в Смоленске, стр. 155, 1894.
[4] И. Орловский. Смоленская стена, стр. 51, 1902.

армии посадско-крестьянского блока, этот факт не был должным образом оценен Платоновым. Главными силами национально-освободительного движения он считал средние классы Московского государства: незакрепощенное крестьянство северных областей страны, посадские миры замосковных городов и все дворянство. Но как раз в Смоленском уезде крестьянство было давно закрепощено, общинное «мирское» крестьянское управление было подорвано и заменено властью помещика, а дворян в осажденном Смоленске было очень мало. В силу этого Смоленск выпадал из рамок общей схемы и оказывался некоторой помехой для целостности выработанной Платоновым исторической концепции. Платонов считал, что во время «Смуты» «верх и низ московского общества проиграли игру, а выиграли ее средние общественные слои... Смута смела все аристократические пережитки и выдвинула вперед простого дворянина и «лучшего» посадского человека. Они стали действительною силою в обществе на место разбитого боярства». [1] Однако не все эти общественные элементы выдвинулись при обороне Смоленска; поэтому естественно, что Смоленск не привлек особенного внимания Платонова.

М. Н. Покровский, в основном придерживаясь линии Платонова, пошел еще дальше в игнорировании исторической роли борьбы за Смоленск. Он вообще отказывался считать смоленскую оборону в 1609—1611 гг. серьезным делом. По его мнению, «осада Смоленска велась очень вяло и неудачно», [2] так как поляки, повидимому, нехотя осаждали Смоленск, а смоляне вследствие этого могли особенно не беспокоиться за свою судьбу. Вообще, со слов Покровского получалось, что под Смоленском в течение двух лет велась не ожесточенная борьба, а тянулась какая-то непонятная канитель.

Известно, что Покровский отрицал даже самый факт польской интервенции в России в начале XVII в. Он писал, что польские отряды «хотя и шляхетские по своему составу, не собираясь оставаться в стране, не были связаны общностью интересов с местными помещиками», [3] что польские войска пришли только навести «порядок» в стране, так как «польская военная сила была единственная организованная сила среди этого хаоса» [4] (Смуты), т. е. поляки были элементом порядка в русском беспорядке и т. д. М. Н. Покровский с серьезным видом повторял все те сказки, которыми — как 300 лет назад, так и теперь — прикрывается всякая интервенция, агрессия, захват, насилие и уничтожение самостоятельности более слабых народов.

В концепции Покровского осада и оборона Смоленска выглядели как непонятное и ненужное историческое происшествие, и поэтому Покровский уделил этому событию еще меньше внимания, чем Платонов.

Современники же придавали обороне Смоленска исключительное значение. Русские патриоты начала XVII в. считали оборону Смоленска высочайшей вершиной мужества и героизма свободолюбивого русского народа. В «Новой повести» — замечательном патриотическом воззвании к русскому народу — так говорится об обороне Смоленска: «Поревнуем и подивимся великому оному нашему граду Смоленску, его же стояние к западу, како в нем наша же братия православные християне сидят и великую всякую скорбь и тесноту терпят и стоят крепце... и тою своею крепостию все царство удержат от того лютого нашего сопостата... А ныне его, сопостата нашего злого короля,

---

[1] С. Платонов. Очерки по истории Смуты, стр. 433, 1901.
[2] М. Покровский. История России с древнейших времен, II, стр. 58, 1924.
[3] Там же, стр. 52.
[4] Там же.

той наш град ни за главу, ни за руце, ни за нозе, но за самое злонравное и жестокое сердце держит и к нам итти претит»... [1] Именно Смоленск первый возглавил национально-освободительное движение против польских интервентов: он первый показал, что поляков можно бить, что они не так уж сильны и непобедимы, какими они казались со времен Стефана Батория. Вместе с тем Смоленск дал первый образец организации армии нового типа — народной армии посадских людей и крестьян.

Вполне естественно, что сейчас, когда пробудился глубокий интерес к героическому прошлому нашего народа, нельзя пройти мимо замечательной борьбы смоленских жителей против польско-литовских интервентов.

II. ЗНАЧЕНИЕ СМОЛЕНСКИХ ДЕСЯТЕН 1574 И 1606 гг. КАК ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ СМОЛЕНСКА

Драгоценнейшим ключом к пониманию классовой подоплеки обороны Смоленска, как и некоторых других исторических событий периода 1606—1612 гг., служит смоленская десятня 1606 г.

Что представляют собою смоленские десятни как памятники истории Смоленска, как ими следует пользоваться и к каким новым выводам они приводят нас?

Десятни — это списки служилых людей, составлявшиеся представителями московского правительства с участием выборных от самих служилых людей во время определения чинов, права на поместье и денежного оклада каждого дворянина и сына боярского того или иного уезда Московского государства.

Для правительства десятни являлись своего рода мобилизационными списками, по которым оно учитывало количество и качество вооруженных сил, выставлявшихся каждым уездом как для обороны своей крепости, так и для дальних походов. Десятни составлялись представителями Разрядного приказа, т. е. военного ведомства Московского государства. Составленные Разрядом десятни служили потом для другого ведомства — Поместного приказа — основанием к наделению служилых людей поместьями в соответствии с земельным окладом дворянина или сына боярского. В десятнях проставлялся также чин служилого человека («выбор», «дворовый», «городовой»), его земельный оклад в «четях» (в полудесятинах пахотной земли в одном поле, что при трехполье составляло $1\frac{1}{2}$ десятины), и иногда денежный оклад.

Для помещиков десятни представляли собою утверждение правительством их права на получение поместной дачи в соответствии с окладом и права на эксплоатацию крестьян, живших на территории поместья; кроме того они служили доказательством служебного чина помещика и его права на денежный оклад; наконец, десятни определяли род военной службы помещика.

Благодаря такому значению десятен, они представляют весьма ценный материал для исследователя, изучающего Московское государство XVI и XVII вв. Они, во-первых, раскрывают перед историком организацию господствующего класса; во-вторых, говорят об основном общественном отношении — отношении помещиков и крестьян; в-третьих, могут служить чрезвычайно ценным комментарием для понимания классовой сущности тех исторических событий, ак-

[1] РИБ, XIII, стр. 187—218.

тивными участниками которых были помещики, записанные в десятнях тех или иных уездов. Таким образом десятни дают возможность вскрыть политическую позицию различных слоев господствующего класса в период со второй половины XVI по конец XVII в. (к которому относятся дошедшие до нас десятни). Сочетая десятни с другими современными им историческими документами, историк может получить надежный фундамент для классового анализа того или иного исторического события.

Совершенно очевидно, что старая историческая наука не понимала значения десятен в историческом исследовании и очень многие десятни оставила спокойно лежать в архивах. Так, смоленская десятня 1606 г. оставалась неопубликованной до настоящего времени и впервые публикуется только в нынешнем году. Давно пора отказаться от старых взглядов на десятни XVI и XVII вв. Необходимо опубликовать все десятни, и в первую очередь — относящиеся к эпохе крестьянской войны и польско-литовской и шведской интервенции в России в начале XVII в.

К каким новым выводам может привести нас использование десятен в качестве комментария для целого ряда других исторических документов, наглядно показывает пример десятни 1606 г. по Смоленску, оказавшей огромную помощь в изучении истории Смоленска в начале XVII в. И притом, чем больше документов сохранилось в том или ином уезде Московского государства за период со второй половины XVI в. и по XVII в., тем значительнее роль десятен этого уезда.

Десятня 1574 (7082) г. по Смоленску впервые была опубликована в 1913 г. М. В. Муравьевым.[1] Эта десятня в действительности составлена лет за десять до проставленного на ней года и является почти единственным документальным памятником истории Смоленска за третью четверть XVI в. Как исторический комментарий эта десятня почти неприменима, но зато она дает очень любопытную картину формирования смоленского служилого сословия в 60-х годах XVI в. Она показывает, что в это время помещичий класс Смоленского уезда был почти заново скомплектован московским правительством, причем руководящее положение в нем заняли помещики, выведенные в Смоленск из опричных областей Московского государства. Десятня также показывает, что по размерам земельных окладов своих помещиков Смоленский уезд приближался к Московскому, т. е. принадлежал к числу привилегированных уездов Московского государства. Оба эти факта говорят о том, что на поведении смоленских помещиков в годы польской интервенции никак не могли отразиться их старые связи с Литвой, восходившие ко временам литовского владычества над Смоленском,[2] так как эти связи были весьма основательно выкорчеваны еще Иваном Грозным. Кроме того они говорят о том, что политическая позиция смоленских дворян, приближавшихся по своему экономическому положению к дворянам Московского уезда, должна была быть очень близкой к политической позиции последних. Целый ряд доказательств подтверждает правильность того и другого вывода.

Смоленская десятня 1606 г., в отличие от десятни 1574 г., является замечательным комментарием ко всем событиям бурного периода крестьянской войны и польской интервенции, участниками которых были смоленские дворяне и дети боярские. А политическая линия смоленского дворянства, в свою очередь, дает ключ к пониманию политической линии дворянства центральных областей Московского го-

---

[1] См. Летопись истор.-родосл. общ. в Москве, вып. 1—2, стр. 82—99, 1913.
[2] Смоленск находился под властью Литвы с 1404 по 1514 гг.

сударства в тот же период. При рассмотрении этих вопросов и обнаруживается крупная роль смоленской десятни 1606 г.

Обратимся теперь к истории Смоленска в начале XVII в.

III. СМОЛЕНСК В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В РОССИИ

Борьба за Смоленск между Польшей и Литвой, с одной стороны, и Московским государством — с другой, началась уже с конца XV в., т. е. с того момента, когда московские князья заложили прочный фундамент для национального объединения русских земель и выдвинули задачу присоединения к Московскому государству русских земель, бывших под властью Литвы (Киевской, Северской, Смоленской, Полоцкой и др.). Для Литвы это грозило распадением ее государственной территории, на три четверти состоявшей из русских земель, а для Москвы это было важнейшей задачей ее национально-объединительной политики, так как завершало дело консолидации русской национальности, наиболее передовой из всех национальностей Восточной Европы.

Главным объектом борьбы между двумя странами стал Смоленск.

По словам В. Пичеты, «главным пунктом раздора между государствами является Смоленск, сохранение которого для Литвы являлось вопросом сохранения цельности и единства Литовско-Русского государства. Отдача его Москве — это начало распадения его территории. Обе стороны прекрасно оценили положение Смоленска, и первоначально фактически борьба шла только из-за него. К тому же Смоленск был крупным торговым центром, и владение им давало возможность урегулирования торговли в том или другом направлении».[1]

Для Москвы овладение Смоленском открывало широкие возможности военного и торгового продвижения как на юг — по Днепру в земли Северскую и Киевскую, так и на запад — по Западной Двине в землю Полоцкую. С присоединением Смоленска Москва могла бы восстановить ту связь водных путей бассейнов Днепра, Западной Двины и Волги, какая существовала еще во времена «империи Рюриковичей». Политическое объединение этих территорий было важнейшим условием для постепенной подготовки широких экономических связей, образовавших через полтора столетия всероссийский рынок.

Москва присоединила Смоленск в 1514 г. С этого момента Смоленск приобрел крупнейшее жизненное значение для Московского государства: именно с этого момента он стал «ключом Москвы». Здесь не лишним будет вспомнить ту характеристику политического и экономического значения Смоленска для Московского государства в конце XVI в., какую дал С. Ф. Платонов в своих «Очерках по истории Смуты». «Значение Смоленска общеизвестно, — писал С. Ф. Платонов, — в XVII в. его звали ключом Москвы (clavis Moscuae — у Таннера); с равным правом можно было назвать его и ключом Литвы, потому что тот, кто владел им, получал возможность распоряжаться и в области Западной Двины, и в области верхнего Днепра, если целью операций была Литва. Если же Смоленск становился операционным базисом против Москвы, то из него можно было итти не только на самую Москву, но и на Тверь и на Северскую Русь. Такое положение Смоленска в центре многих сообщений придавало ему важность и в торговом отношении. Через Смоленск шли сухопутьем товары в Москву из Литвы и стран, лежавших за нею, и в Смоленске

---

[1] Русская история в очерках и статьях, под редакцией М. В. Довнар-Запольского, II, стр. 83.

был особый «гостин литовский двор на посаде». Особенно выростало значение этого двора в то время, когда стеснялся доступ литовского и польского купечества внутрь Московского государства».[1]

Овладев Смоленском в 1514 г., Москва на протяжении всего XVI в. принимала разнообразные меры к его политическому, военному и экономическому укреплению. Из крупнейших мероприятий этого рода следует отметить, во-первых, коренную реорганизацию служилого сословия в Смоленске в 60-х годах XVI в., обеспечивавшую политическую верность Смоленска Москве; во-вторых, запрещение в 1590 г. пускать польских и литовских купцов с обычными товарами, за исключением предметов роскоши, дальше Смоленска, что делало Смоленск из транзитного торгового пункта торговым центром; в-третьих, сооружение в конце XVI и начале XVII вв. в Смоленске чрезвычайно мощной по тому времени каменной крепости. Смоленск был превращен в несокрушимую твердыню, преграждавшую торговое и военное продвижение Польско-Литовского государства на восток.

С давних пор известно, что крепости берутся чаще всего изнутри. Поэтому при изучении борьбы за Смоленск особое внимание историка должно быть направлено на исследование соотношения классовых сил внутри самого Смоленска и связей между внутренней и внешней обстановкой, складывавшейся в Московском государстве в конце XVI и начале XVII вв.

Отношения между Москвой и Польско-Литовским государством в конце XVI в. вытекали из обстановки, сложившейся в результате Ливонской войны. Москве не только не удалось захватить Ливонию и пробиться к крупным портовым городам Балтийского моря, что было для нее главной целью войны, но в результате ряда тяжелых поражений Москва была отброшена от Балтийского побережья. В Ливонской войне наиболее опасным соперником Москвы оказалась Польша, войска которой под начальством Стефана Батория разбили русские войска и даже захватили временно несколько западных русских городов.

Победа окрылила польских панов, и еще при Стефане Батории созрел столь же грандиозный, сколь и фантастический план порабощения Московского государства и овладения всей Восточной Европой, после чего должно было последовать завоевание Закавказья и Персии (ныне Ирана), движение на Константинополь со стороны Малой Азии и завладение проливами.

Агрессивные планы Стефана Батория получили дальнейшую разработку после его смерти, причем старый план завоевания Московского государства в три года был дополнен планом заключения унии между Москвой и Речью Посполитой по образцу польско-литовской унии, т. е. планом дипломатического подчинения Москвы и превращения ее в такой же придаток Польши, каким была Литва.

Московское правительство прекрасно учитывало всю опасность польской агрессии и в 1585 г. приступило к сооружению в Смоленске каменной крепости, а в 1590 г. сделало Смоленск конечным пунктом для польских и литовских купцов. Эти два мероприятия были тесно связаны между собой и говорили о большой политической дальновидности Бориса Годунова. Создавая торговую исключительность Смоленска, приносившую большие выгоды смоленским посадским и купцам, Годунов этим самым делал их непримиримыми противниками поляков. А это оказалось не менее крепкой защитой Смоленска, чем его могучая стена.

---

[1] С. Платонов. Указ. соч., стр. 54.

Число служилых дворян и детей боярских в Смоленском уезде при Годунове было увеличено вдвое против 60-х годов XVI в. и доведено до 1100 человек. Для усиления гарнизона крепости в Смоленске всегда находились две-три сотни детей боярских из близлежащих к Смоленску городов (Дорогобужа, Вязьмы, Серпейска, Рославля, Брянска). Помимо этого в Смоленске находилось четыре стрелецких приказа, человек по 400—500 в каждом, около 200 пушек и пищалей и такое же количество пушкарей. Таким образом собственная дворянско-приборная армия Смоленска без мобилизованных крестьян и посадских людей в начале XVII в. насчитывала 3 500 хорошо вооруженных бойцов, а с крестьянами и посадскими она могла вырасти до 7—8 тысяч человек.

Смоленская крепость по тогдашним условиям была неприступной, и прямая дорога из Польши на Москву была заперта на крепчайший замок. Вот почему поляки, приступив в 1604 г. к выполнению своих старых замыслов — порабощению России, не решились итти на Москву через Смоленск, а избрали кружный путь через Северскую землю.

Но вооруженная интервенция, начавшаяся в 1604 г., была не первой попыткой поляков в начале XVII в. подчинить себе Россию. Интервенции предшествовали чрезвычайно интересные дипломатические переговоры, которые вел в 1600 и 1601 гг. видный польский политический деятель, литовский канцлер Лев Сапега, с Борисом Годуновым.[1] Лев Сапега предложил московскому правительству проект унии с Речью Посполитой, который в основном сводился к следующему: король польский и царь московский и правительственные органы обоих государств вступают в вечный союз; оба государства проводят единую внешнюю политику и заключают между собою военный союз; вновь покоренные земли или делятся пополам или же отдаются тому из союзников, кто имеет на них преимущественное право; подданные обоих государств могут беспрепятственно служить в обоих государствах, а также приобретать в них земли; купцы могут свободно торговать в обоих государствах; беглые крестьяне и холопы, а также политические преступники выдаются с обеих сторон; оба государства имеют общий флот и единую монетную систему; земли Северские и Смоленские с тремя крепостями, принадлежавшими к Полоцку, должны быть возвращены Польше и т. д.

Эти условия представляют большой исторический интерес, потому что польское правительство на всем протяжении своей интервенции в России (с 1604 по 1612 гг.) с удивительным упорством добивалось осуществления всех пунктов этого плана. Договоры 4 (14) февраля и 17 (27) августа 1610 г. являлись только вариантами его. Но в 1601 г. Льву Сапеге не удалось навязать Борису Годунову условий унии, и через три года поляки начали вооруженную интервенцию. Таким образом война поляков против Москвы была продолжением старой политики, но только другими средствами, хотя польская дипломатия не складывала своего оружия и во время войны.

Почему же московское правительство отвергло предложение об унии с Речью Посполитой, почему русский народ восстал против поляков, когда те силой попытались было навязать ему эту унию? Потому что уния несла полное порабощение России, несмотря на формальное равенство объединяющихся стран. Потеряв Северскую и Смоленскую земли, потеряв три крепости на подступах к Псковской и Новгородской землям, Россия открыла бы двери польской армии к

---

[1] Содержание переговоров подробно изложено С. Соловьевым в его «Истории России» (VIII, стр. 22—26).

своим жизненным центрам и должна была бы проститься с последними остатками своей самостоятельности. Россия сделалась бы жертвой алчных польских и литовских панов, а русский народ превратился бы в их крепостных и холопов.

Из всех территориальных притязаний Польши по плану унии решающее значение имело, конечно, требование о передаче ей Смоленской земли. Так судьба русского народа оказалась тесно связанной с судьбой Смоленска. Подготовляя марионеточного «царевича Димитрия» к походу против Годунова и стремясь через Лжедимитрия достигнуть установления унии с Россией, польские паны старались прежде всего заполучить в свои руки Смоленск. Польский пан Юрий Мнишек, взявшийся за политическую обработку Лжедимитрия и подготовку его военной экспедиции, потребовал у него письменного обязательства о передаче во владение ему, пану Юрию, Смоленской и Северской земель, а панне Марине, его дочери, Псковской и Новгородской земель. 12 июня 1604 г. Лжедимитрий подписал обязательство отдать пану Юрию Мнишку половину Смоленской земли с городом Смоленском и Северскую землю за исключением шести городов; другая же половина Смоленской земли и шесть северских городов должны были стать собственностью польского короля.

Кроме того польское правительство в августе 1605 г. потребовало от Лжедимитрия уничтожения торговых привилегий Смоленска и предоставления польским купцам права беспошлинной и свободной торговли в России.

В случае установления унии с Польшей Смоленск делался собственностью пана Юрия Мнишка, смоленский посадский мир терял все свои торговые преимущества, смоленское крестьянство попадало в тиски тяжелой крепостной неволи. Поэтому народ земли Смоленской особенно остро должен был чувствовать, чем грозит России польское господство. Этим и объясняется то, что Смоленск первый поднял знамя беспощадной и непримиримой борьбы с польскими интервентами.

Говоря о политической позиции народных масс Смоленска, мы имеем в виду главным образом посадский мир (ремесленники, купцы) и крестьянство. Для господствующих же сословий — дворянства и духовенства — перспективы польского господства не могли быть такими тяжелыми, как для трудового народа. Поляки, хорошо понимая, что среди народных масс им не найти опоры, стали готовить себе оплот в среде смоленских дворян. Примером подобной тактики является отношение литовского канцлера Льва Сапеги к бежавшим в Литву смоленским дворянам, братьям Хрипуновым. Лев Сапега очень приветливо принял изменников и добился от польского короля пожалованья их поместьями. Этих Хрипуновых он потом приспособил для организации набегов на Смоленский уезд и, как можно предполагать, для связи со смоленским дворянством. Предатели Хрипуновы оказались самыми ярыми врагами русского народа и готовы были на всякие преступления в интересах своих новых хозяев.

Однако перетягивание смоленских дворян на сторону Польши вначале продвигалось очень медленно. В царствование Бориса Годунова из смоленских дворян к полякам перебежали братья Хрипуновы, затем Елисей Ефимьев и, возможно, кое-кто еще. Но большинство смоленских дворян не имело причин ссориться с московским правительством, так как политика последнего их удовлетворяла.

Лжедимитрий за свое короткое царствование не сумел привести в исполнение своего обязательства — передать Смоленск Польше. 17 мая 1606 г. он был убит.

С боярским правительством Василия Шуйского смоленское дворян-

ство оказалось тесно связанным интересами общей борьбы против крестьянско-холопской армии Ивана Болотникова, поднявшейся против всех помещиков и московского правительства. Однако в перипетиях борьбы против крестьянской войны и созрела одна из главных причин, оттолкнувших смоленское дворянство от московского правительства и расположивших его в пользу польских интервентов. Дворянство было заинтересовано в закрепощении крестьян по польскому образцу, правительство же Шуйского оказалось недостаточно сильным в борьбе против вооруженных крестьян и холопов. Крестьянская война не прекращалась и после разгрома Ивана Болотникова, помещики уже несколько лет жили в страхе и трепете перед крестьянским движением, и естественно, что они пошли на сговор с интервентами в надежде, что те дадут им более твердую власть, чем правительство Шуйского.

Такова была в общих чертах политическая эволюция смоленского дворянства с 1604 по 1608 г. включительно.

Вскрыть эту эволюцию оказалось возможным только при изучении смоленской десятни 1606 г. и при применении ее к исследованию некоторых письменных памятников истории Смоленска за 1608 г. В этом и сказалась крупная роль десятни 1606 г. для изучения положения Смоленска в первый период польской интервенции. Десятня раскрывает перед нами, с одной стороны, организацию господствующего класса, а с другой — дает сведения о составе дворянского отряда, направленного под Москву против армии Ивана Болотникова.

Служилых дворян и детей боярских в Смоленском уезде было всего 1093, кроме того в десятне записаны 124 сына боярских, «оставленных, которые служат осадную службу в Смоленску» (это были служилые люди из ближайших к Смоленску городов, оставленные для усиления гарнизона крепости). Смоленские дворяне разделялись на три чина («выбор», «дворовые», «городовые») и на две группы: государевых служилых людей и служилых людей смоленского архиепископа. Кроме того в десятне были записаны «новики», т. е. вновь поверстанная на службу дворянская молодежь — сыновья дворян и детей боярских. По величине земельного оклада все служилые люди разделялись на 12 статей — от 700 четвертей (1050 десятин) до 100 четвертей (150 десятин). Распределение их по статьям было неравномерно: крупных дворян (от 500 четвертей и выше) было 12.7%, средних (от 450 до 300 четвертей) — 59.3% и мелких (от 250 четвертей и ниже) — 28%. Так как средних и крупных дворян было подавляющее большинство, то естественно, что они и определяли политическую линию всего смоленского дворянства.

Если сопоставить земельные оклады мелких смоленских дворян с окладами служилых людей южных уездов, то мелкий смоленский помещик соответствует среднему помещику на южной украйне. Следовательно, в Смоленске не было проблемы помещичьей мелкоты, а потому не могло быть и недовольных московским правительством малоземельных и лишенных крестьян помещиков, каких было много на юге. Все это говорит о том, что до 1608 г. для польских интервентов в Смоленском уезде не могло найтись никакой базы. Это и было второй серьезной причиной, по которой поляки в 1604 г. не решились пойти на Москву прямой дорогой через Смоленск.

Зато Смоленск, как уезд со значительным преобладанием крупных и средних помещиков, сразу же занял резко враждебную позицию по отношению к крестьянскому движению. Из исторических источников хорошо известно, что дворянство тех уездов, где было очень много помещичьей мелкоты, именно южных уездов, на первых порах примкнуло к революционной крестьянско-посадской армии Ивана Болотникова

(например, дворянство южных уездов под предводительством Истомы Пашкова и рязанское дворянство во главе с Прокофием Ляпуновым). Позиция Смоленска повлияла отрезвляющим образом на южных помещиков и заставила их отойти от Болотникова и перейти на сторону Шуйского. Об этом ясно говорит «Новый летописец»: «Во граде же Смоленске слышаху архиепископ и воеводы и все ратные люди такую настоящую беду над Московским государством, что хотят те воры царя и бояр побити, и возопивше единогласно, поидоша под Москву, выбрав себе старейшину Григорья Полтева. Идучи же, грады очистиша Дорогобуж и Вязьму. Грады же многие, слышавше то, начаша к царю Василию с повинными присылати. Рязанцы же градом всем от тех воров отъехаша и приехаша к Москве. Московские же люди сидяху в осаде и видяху божию милость, что резанцы к ним приидоша, а смольнян слышаху наипаче укрепишася».[1]

Это сообщение летописца имеет большую историческую ценность. Оно отмечает полное единодушие смоленских дворян в борьбе против революционного крестьянства, а десятня 1606 г. делает понятной причину этого единодушия; кроме того сообщение это указывает, что крестьянская война подкатилась довольно близко к самому Смоленску. Восставшие крестьянские отряды находились в Дорогобуже и Вязьме, а из разрядных записей того времени известно, что в Вязьме и Можайске революционными крестьянами командовал Федор Берсень, один из командиров армии Ивана Болотникова. Известие летописца подчеркивает, что только после победоносного движения смоленских дворян к Москве рязанские дворяне и дворяне других городов откололись от армии Ивана Болотникова. Григорий Михайлович Полтев, о котором упоминает летописец, принадлежал к верхушке смоленского дворянства и входил в число дворян, имевших самые высокие по Смоленску оклады: И. Б. Макшеев, Г. М. Полтев, А. И. Дедевшин и П. И. Чихачев. В этой четверке двое оказались через три года лидерами польской партии среди смоленских дворян. За успешные действия против восставших крестьян Полтев получил чин думного дворянина.

Позиция смоленских дворян, занятая ими в конце 1606 г., показала, что они вместе с московским дворянством были той реакционной силой, которая нанесла первое крупное поражение армии Ивана Болотникова. Заслуги смоленского дворянства перед своим классом были отмечены правительством выдачей им новых окладов, доказательством чего является самая десятня 1606 г. Эта же десятня показывает и состав дворянского отряда, двинувшегося на выручку Москвы.

В десятне указано, кто из дворян был поверстан новыми окладами в 1606 г. и кто остался при окладах 1605 г. Отсюда становится очевидным, что первая группа дворян входила в состав полтевского отряда, а вторая была оставлена для защиты Смоленска на случай всяких неожиданностей. Рассматривая состав второй группы, легко обнаружить цель смоленского командования при формировании карательного отряда и резерва. В резерве были оставлены дети боярские низших статей—от 100 и до 400 четвертей, всего 258 человек. В отряд Полтева вошел весь «выбор», все «дворовые» и 374 «городовых» с большим перевесом представителей крупных окладов. Следовательно, полтевский отряд состоял из наиболее знатной и богатой части смоленского дворянства, особенно враждебно настроенной против революционного крестьянства. Эта была наиболее реакционная сила, а потому и более надежная в борьбе против крестьян и холопов.

[1] ПСРЛ, XIV, стр. 72.

Все эти факты имеют огромное значение для понимания расстановки классовых сил во время крестьянской войны. А так как эти факты раскрываются при помощи смоленской десятни 1606 г., то отсюда становится понятным ее значение.

Еще более осязательную помощь оказывает нам эта десятня при изучении отношения смоленских дворян к польским интервентам в 1608 г.

После разгрома армии Болотникова под Москвой крестьянская война не прекратилась; не прекратилась она и после второго тяжелого поражения и гибели самого Болотникова. Правительство Шуйского, очевидно, не имело достаточно сил, чтобы окончательно задушить крестьянское движение. К тому же зимой 1607/08 г. начался второй фазис польской интервенции.

После гибели первого самозванца поляки подыскали заместителя на эту же роль и объявили, что «царь Димитрий» не был убит, а чудесно спасся и снова идет на Москву. Новый самозванец располагал значительно большими военными силами, чем первый, а силы московского правительства были уже подорваны в борьбе против крестьянско-холопских армий. Выгодность обстановки для интервентов заключалась и в том, что в среде крупного и среднего русского дворянства стало распространяться недовольство правительством Шуйского за его неспособность окончательно подавить крестьянское движение. Господствующий класс требовал «успокоения» государства. Интервенты ловко учли это настроение и выступили в роли добровольных «успокоителей», стремясь привязать к своей военной колеснице крупное и среднее русское дворянство. Надо сказать, что это им в значительной степени удалось. Смоленское дворянство тоже оказалось в числе союзников польских интервентов. Разобраться в этом факте помогает все та же десятня 1606 г.

До нас дошли документальные сведения о попытке агентов второго Лжедимитрия («тушинского вора») в конце 1608 г. совершить политический переворот в Смоленске, захватить власть в свои руки и присоединить Смоленск к территории польских интервентов. Обширное донесение смоленского воеводы Шеина в Москву очень подробно изображает это дело.[1] Однако историческая наука лишена была возможности дать правильный анализ события, так как неизвестен был социальный состав заговорщиков. Донесение Шеина называет только их имена и фамилии и говорит, что это были «смолняне». Но всякому понятно, что попытка переворота приобретает различный исторический смысл в зависимости от того, были ли эти «смолняне» крестьянами, купцами, ремесленниками, мелкими дворянами или же дворянами средних и крупных статей. Какое сословие Смоленска в конце 1608 г. изменило родине и перешло на сторону польских интервентов? Это вопрос огромного исторического значения, на который, к сожалению, донесение Шеина не дает прямого указания. Точный ответ дала только десятня 1606 г.

Каков социальный состав группы Ивана Зубова, пытавшейся совершить политический переворот в Смоленске в декабре 1608 г., показывает таблица на стр. 124.

Руководящим ядром группы были представители крупного и среднего дворянства, причем большинство среди них составляли дворяне с окладом в 450—500 четвертей. По десятне 1606 г. эти оклады охватывали 72% всего смоленского дворянства. Десятня не дает нам возможности установить социальное положение только шести человек; но из других источников известно, что Веснины и Бакины были смо-

[1] АИ, II, № 140.

Имя и фамилия	Дворянский чин	Оклад в четвертях	Принадлежность к другим сословиям
1. Ив. Игн. Зубов	Думный дворянин	Неизв.	
2. Ив. Чихачев	дворовый	500	
3. Ив. Бестужев	выбор	500	
4. Конст. Шишкин	дворовый	500	
5. Зам. Философов	дворовый	500	
6. Дм. Зубов	новик	совместно с отцом[1]	
7. Алексей Ефимьев	дворовый	450	
8. Степ. Юрьев	городовой	450	
9. Петр Зубов	дворовый	400	
10. Рахм. Дернов	арх. сын бояр.	350	
11. Дан. Обашев	городовой	300	
12. Ник. Веснин	неизв.	неизв.	
13. Сем. Бакин	»	»	
14. Моис. Иванков	»	»	Сословная принадлежность неизвестна
15. Левка Бунаков	»	»	»
16. Моис. Никонков	»	»	»
17. Борис Алексеев	»	»	»
18. Ив. Некрасов	—	—	стрелец
19. Ив. Пищальников	—	—	пушкарь
20. Сидор Бардуков	—	—	посадский

ленскими дворянами, фамилии же Алексеевых и Бунаковых были дьяческими, а известно, что дьяки, как и стрельцы и пушкари, имели кое-какие общие интересы с дворянством. Крайне удивительно наличие в этой группе посадского, но включение его было произведено под большим нажимом, чтобы придать группе всесословный характер в расчете на привлечение к ее программе широких масс населения Смоленска. Знакомство с историей этого заговора показывает нам, что стрелец, пушкарь и посадский были лишь декоративными фигурами, а политику делали дворяне.

В кратких чертах история заговора такова. Бывший смоленский дворянин Иван Игнатьевич Зубов, служивший раньше в Смоленске или в «выборе» или в дворовых первой статьи[2] и сохранивший большое влияние и связи в Смоленске, в конце ноября 1608 г. приехал из Вологды в Тушино и, по его собственным словам, «был у Вора три дни и Вору крест целовал и у Вора напросился в Смоленск — смолнян к крестному целованию приводити. И то деи Вору он, Иван, говорил, что его, Ивана Зубова, смолняня послушают, ко кресту всех приведет. И Вор деи его, Ивана, отпустил от себя в четвертый день и думным дворянином его написал».[3]

Твердая уверенность Ив. Зубова, что смоленские дворяне быстро перейдут на сторону польских интервентов, имела, несомненно, серьезные основания. Зубов мог располагать точными данными о настроении смоленских дворян. Но чтобы повернуть весь Смоленск в сторону поляков, нужно было сагитировать посадский мир. Для этой цели был привлечен смоленский посадский Сидор Бардуков, за политическую обработку которого принялся сам Зубов. В донесении Шеина сообщалось: «Едучи дорогою Иван Зубов его, Сидорка, укреплял, чтоб смоленских посадских людей ко кресту привести, а про дворян Иван Зубов ему, Сидорку, сказывал, что его, Ивана, дворяня и дети боярские послушают».

[1] Оклад отца — 500 четвертей.

[2] Два брата его — Алексей и Матвей были дворянами первой статьи с окладом в 500 четвертей.

[3] АИ, II, № 140.

Зубов ехал в Смоленск с программой ограбления посадского мира. Шеин сообщал, что у Ив. Зубова имелись грамоты Лжедимитрия, в которых «велено Ивану, приведчи всех людей в Смоленску к крестному целованию, взяти у нас, холопей твоих, твоя государева денежная казна, у смолнян, у посадских у торговых у всяких людей, животы их и товары взяв прислати Ивану к вору ж в полки; и твои государевы дворцовые села велено переписати ему ж Ивану и привести к крестному ж целованию».

Иван Зубов готовился стать диктатором в Смоленске, опираясь на смоленское дворянство и перейдя в лагерь польских интервентов. Во всем этом предприятии видна опытная рука какого-то польского политика из числа хозяев второго Лжедимитрия. Расчет польского политика оказался бы верным, если бы смоленские дворяне были решающей силой в Смоленске: верхушка смоленского дворянства с удовольствием передала бы город польским интервентам, но она была бессильна это сделать. Действительным хозяином Смоленска был посадский мир, на сторону которого перешел и смоленский воевода Шеин. Узнав о том, что под влиянием агитации Зубова разложился смоленский отряд, посланный на выручку Москвы, Шеин и посадское управление Смоленска приняли энергичные меры и арестовали всю зубовскую группу. Зубова и его соратников допрашивали не перед представителями дворянства, а перед посадским управлением. Очевидно в конце 1608 г. посадский мир Смоленска уже оказывал решающее влияние на крупнейшие вопросы управления и политики.

Таким образом, десятня 1606 г. помогла нам установить, что с конца 1608 г. в Смоленске началась борьба двух политических партий: польской и национально-освободительной, и соответственно двух классовых сил — дворянства и посадского мира. Этот важный исторический вывод дает нам ключ к пониманию дальнейших событий, развернувшихся в Смоленске с 1609 по 1611 г. в период вооруженной борьбы Смоленска с главными силами польских интервентов, борьбы за национальную независимость и целостность всего Московского государства. Это была борьба народных масс за освобождение своей родины от ига иностранных насильников, заливавших народной кровью русскую землю.

IV. БОРЬБА КРЕСТЬЯН СМОЛЕНСКОГО УЕЗДА С ПОЛЬСКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1609 г.

В 1609 г. образовался второй центр польской интервенции, помимо Тушинского лагеря. Польское правительство готовило большой военный поход против России, считая, что московское правительство совершенно обессилено, и достаточно только обнажить саблю, как Россия будет у ног Речи Посполитой. Старые захватнические планы Стефана Батория казались легко осуществимыми.

После того как выяснилось, что смоленское дворянство охотно пошло на сделку с тушинскими интервентами, польское правительство сделало совершенно правильный вывод, что теперь не трудно будет перетянуть смоленских дворян на сторону польского короля, а потом пойти на Москву уже не прежней кружной дорогой через северские города, а прямым путем через Смоленск.

Всю весну и лето 1609 г. поляки затратили на подготовку социальной опоры в Смоленском уезде, стремясь установить с дворянами самый тесный контакт. Это им удалось без особого труда; поддержка дворян была обеспечена, и все предприятие сулило верный успех. С формально-логической стороны план захвата Смоленска был безуп-

речным — сильнейшую крепость предполагалось взять без единого выстрела.

Но кроме формальной логики, как известно, есть еще логика истории, диалектическая логика, на незнании которой и свихнули себе шею все охотники поживиться русской землей. Когда польские банды, вторгаясь в Смоленский уезд весной и летом 1609 г., готовили там себе верного союзника в лице смоленских дворян, они в то же время приобрели себе смертельного врага в лице смоленского крестьянства. А если принять во внимание, что таким же непримиримым врагом поляков был и посадский мир Смоленска, то окажется, что историческая логика подсказывала совсем иные выводы: она говорила, что под польскими планами находится очень ненадежное основание, что против польских интервентов встанут народные массы Смоленской земли, и еще неизвестно, кто выйдет победителем из этой борьбы.

В виду этого большой исторический интерес представляют набеги польских отрядов на Смоленский уезд весной и летом 1609 г. Набеги эти были организованы велижским старостой паном Александром Корвин-Гонсевским по инициативе, как можно думать, литовского канцлера Льва Сапеги, одного из вдохновителей польской интервенции в России. О причастности к этому делу Льва Сапеги говорит то, что во главе бандитских отрядов, врывавшихся в землю Смоленскую, кроме брата велижского старосты, Симона Гонсевского, стояли клевреты Льва Сапеги — смоленские изменники, братья Хрипуновы.

Целью этих набегов было овладение северной частью территории Смоленского уезда (особенно крепостью Белой), чтобы перерезать дороги, связывавшие Смоленск с районом расположения войск Скопина-Шуйского, установление связей со смоленским дворянством через братьев Хрипуновых и терроризование смоленского крестьянства с тем, чтобы сломить в нем всякую волю к сопротивлению.

Из всех этих трех задач полякам удалось полностью осуществить, повидимому, только вторую. Это подтверждается интересным разговором гетмана Жолкевского с королем Сигизмундом III в 1609 г. Перед походом на Смоленск Жолкевский виделся с Сигизмундом и спрашивал его, что слышно о Смоленске. Из ответа короля выяснилось, что «те, кои обнадеживали короля (несомненно Гонсевский, Сапега и др. — *В. М.*), говорили, что пока его величество находится далеко, то боярам трудно отзываться в его пользу, но когда услышат, что король уже в московских границах, то они обнаружат свои желания и хорошее расположение к королю».[1] Под боярами подразумевались смоленские дворяне, так как разговор шел только о Смоленске, а боярами поляки обычно называли дворян и детей боярских. По адресу смоленских дворян надо отнести и второе указание Жолкевского, что Гонсевскому для осады Смоленска обещано было несколько сот людей конных и пеших.[2] Именно в этой помощи практически и должно было проявиться расположение смоленских дворян к королю.

Можно считать несомненным наличие тайного сговора между лидерами смоленского дворянства и поляками, осуществленного в 1609 г. через братьев Хрипуновых. Помимо свидетельства гетмана Жолкевского, это подтверждается довольно многочисленными косвенными данными. Например, некоторые смоленские дворяне оказывали всемерное содействие захвату поляками Шучейской и Порецкой

[1] Записки гетмана Жолкевского, стр. 27.
[2] Там же, стр. 20.

волостей Смоленского уезда летом 1609 г. и убивали крестьян этих волостей, которые пробирались в Смоленск к воеводе Шеину с вестями о движении поляков. Шучейские крестьяне в мае 1609 г. заявляли начальнику заставы Ив. Жидовинову: «Не смеям ходить в Смоленьск к государеву боярину бояр, своих помещиков, опасаясь. Имают нас по дорогам и в Смоленску по вулицам, до государева боярина не допускают и побивают на смерть».[1]

Убийства такого рода стали, очевидно, настолько частым явлением, что понадобился строгий приказ смоленского воеводы, запрещавший помещикам убивать крестьян за их верность московскому правительству. Шеин писал крестьянам Шучейской волости: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы в Смоленск с вестями и для своих дел ходили, государю царю и великому князю Василью Ивановичю всея Русии служили и прямили по прежнему; а к литовским людем бы за рубеж вам не ходити. А помещиком вашим о том заказано накрепко, чтоб вас однолично напрасно не имали, и не били и не грабили, и насилства вам ни в чем никакого не чинили».[2] Значит, действительно, помещики били, грабили и подвергали крестьян всяким насилиям за их верность московскому правительству.

Крестьянам одновременно приходилось обороняться от насилий польских бандитов и своих помещиков. Крестьянская война в России в начале 1609 г. еще не закончилась и в Смоленском уезде она стала перерастать в войну против союза помещиков с польскими интервентами, в народное национально-освободительное движение. Этот факт имеет большое значение для понимания событий трех последующих лет.

О борьбе крестьян Шучейской и Порецкой волостей против польских интервентов рассказывают многочисленные документальные источники. Полякам не удалось перетянуть смоленских крестьян на свою сторону; крестьяне не согласились добровольно стать подданными польского короля, как это легко делали дворяне; крестьяне Шучейской и Порецкой волостей оказали полякам сопротивление. Тогда командиры польских отрядов, братья Хрипуновы и Симон Гонсевский, прибегли к тактике террора. Они выжигали начисто крестьянские деревни, убивали или уводили в плен жителей, уничтожали запасы хлеба, грабили имущество и угоняли скот. Сохранился ультиматум, предъявленный поляками смоленским крестьянам. В одном донесении сообщалось: «Да пан же Олександро (Александр Гонсевский, староста велижский. — *В. М.*) присылал крестьян Велижского повета в Щючейскую волость к крестьяном с грозами и приказывает шучейским крестьяном: «живите за мною, не бойтеся, от нас войны вам не будет, а которые крестьяне Шучейской волости не имут за нами жити, и нам де их хлеб жати и их воевати, и нигде им от моих литовских людей не избыти».[3]

Вот картина разгрома поляками трех деревень — Козыревой, Немытковой и Кондратовой — в Порецкой волости. «Нас, бедных сирот твоих государевых, — писали крестьяне, — воевали да сожгли, государь, в трех деревнях пятнадцать дворов и на тех дворах сожгли и ржи и ярового всяково хлеба 1000 и 30 в смоленскую меру, да на тех же дворех сожено коров и всякой дробной животины пятьсот, да взяли наших животов в полон с тех же трех деревень пятьдесят лошадей да сорок коров дойных и быков, да выдроли, государь, семьдесят роев пчел... а мы, государи, сироты твои государевы

[1] Памятники обороны Смоленска, № 26.
[2] АИ, II, № 217.
[3] Там же, № 246.

бедные, воеваные, от тех литовских людей убежали на лесы и за реки с женишками и з детишкоми... Нам бедным воеваным жити негде, на тех пожженых деревнех жить немочна и похать неначем и твои государевы пошлины платить нечим». [1]

В других челобитных смоленские крестьяне изображали ту же картину неистовства и жестокости озверелых польских панов. «А нас бедных сирот твоих государевых секли на смерть и мучили всякими муками из денег» — писали крестьяне в одной челобитной. «Нас, сирот твоих государевых, воевали и били и секли и животы наши — лошади и коровы и всякую дробную животину и платья побрали, и дворы и гумна и клети с хлебом пожгли, и в хоромех всякое посудя пожгли, из деняг мучили»... — сообщалось в другой челобитной. «Утопили в реку Каспилю жонку да девку, да поимали крестьянина Свиридка Тимофеева и вымучили пятнадцать рублев деняг», — писалось в третьей челобитной и т. д.

Но политикой беспощадного террора полякам не удалось сломить волю смоленских крестьян и превратить их в своих покорных подданных. Конечно, безоружные крестьяне не могли нанести полякам ощутительного вреда и чаще всего убегали от них в леса или в Смоленск. Но там, где была возможность добыть ружье, порох и свинец, крестьяне устраивали форменные сражения и били поляков. Так, например, в июле 1609 г., по донесению начальника заставы Жидовинова, «был бой в Шучейской волости с литовскими людьми», причем бой вели крестьянские партизаны. Второе крупное сражение шучейских партизан с поляками отмечается документальными источниками в конце сентября или в начале октября 1609 г.: «В Шучье шученские мужики побили литовских людей человек с полтораста». [2]

Однако независимо от того, оказывали ли смоленские крестьяне вооруженное сопротивление польским интервентам, или же не могли этого сделать, документальные данные неопровержимо доказывают, что поляки в лице крестьян встретили непримиримых врагов.

V. ПОСАДСКО-КРЕСТЬЯНСКИЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ БЛОК В ОСАЖДЕННОМ СМОЛЕНСКЕ В 1609—1611 гг.

Перспектива польского господства была не приемлема и для посадского мира Смоленска. Смоленским купцам она грозила утратой всех их торговых преимуществ по сравнению с польско-литовскими купцами, а ремесленному люду несла регламентацию их производства и принудительные низкие цены на ремесленные изделия, т. е. полное подчинение торговли и ремесла интересам польских и литовских панов, как это было в Речи Посполитой.

На почве общего враждебного отношения народных масс города и деревни Смоленского уезда к польским насильникам и сложился тот посадско-крестьянский оборонительный блок, только благодаря которому и оказалась возможной двухлетняя героическая оборона Смоленска. Блок двух классов сложился стихийно. Он не выработал никакой политической программы, и единственным лозунгом его была защита родины, защита целостности Московского государства и его самостоятельного существования. Блок этот не внес никаких изменений в структуру органов власти, не выработал никакой конституции, а между тем его существование является несомненным историческим фактом.

---

[1] Памятники обороны Смоленска, № 7.
[2] Там же, № 71.

Крупнейшим и замечательнейшим делом блока явилась организация народной посадско-крестьянской армии обороны, в которой представители дворянского класса, хотя и занимали командные должности, но были поставлены под контроль посадского мира. Смоленск создал армию нового типа, армию посадско-крестьянскую, которая оказалась сильнее армии рыцарско-феодальной. В России случилось то же самое, о чем писал Энгельс по поводу Западной Европы XVI в.: «...Начатки современного войска разбили на-голову феодальное войско, бюргеры и крестьяне победили рыцарей». [1]

Если смоленский посадско-крестьянский блок и не пошел дальше создания армии нового типа, то и в этом уже заключалась его величайшая историческая заслуга, так как по примеру Смоленска замосковные города создали подобную же армию. Только эта армия и сумела нанести польскому «рыцарству» решительное поражение и очистить Москву.

Откуда же мы знаем о существовании в Смоленске посадско-крестьянского оборонительного блока, если он не оставил никаких юридических и конституционных следов своего существования, если он не оформил своего правового положения?

О его существовании мы делаем вывод в результате тщательного анализа соотношения классовых сил внутри осажденного Смоленска. Когда мы подвергаем исследованию политическую позицию каждого класса в осажденном Смоленске, то приходим к твердому убеждению в существовании такого блока. А в деле тщательного анализа политической позиции каждого класса огромную помощь нам оказывает все та же десятня 1606 г. При ее посредстве мы с неопровержимой ясностью и точностью устанавливаем политическую линию дворянства во все важнейшие моменты обороны Смоленска. И хотя о политической линии посадских и крестьян мы в основном получаем сведения из источников, к которым десятня не применима, однако и этот вопрос становится много яснее при наличии точных данных о поведении дворянства.

Рассмотрим теперь, в каких случаях при изучении обороны Смоленска десятня 1606 г. дает нам правильную ориентировку в исторических событиях и в соотношении сил различных классов.

Десятня оказывает нам услугу прежде всего при изучении состава высшего командного слоя смоленской народной армии. Смоленская армия по праву должна быть названа нами народной: на три четверти своего состава она была организована из посадских и крестьян. Опубликованные академиком Ю. В. Готье памятники обороны Смоленска дают возможность с большой степенью вероятности установить численность и состав армии. Обработка этих источников дала нам следующую таблицу:

Состав армии по сословиям	Численность	% к итогу
Крестьяне	1500	28.1
Посадские	2785	52.2
Дворяне (смоленские и из других городов)	550	10.3
Стрельцы и пушкари	500	9.4
Всего . . .	5335	100.0

Таким образом посадско-крестьянская часть армии составляла 80.3%, а дворянско-приборная — всего 19.7%.

Не менее важное значение для определения классового облика армии имеет и ее командный состав. Еще до прихода польской армии

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., XVI, ч. I, стр. 448.

в Смоленске была составлена «осадная роспись», распределившая боеспособное посадское население для защиты стены и ее башен. Для этой цели было мобилизовано 1862 чел. посадских, слобожан и ямщиков: «У наряду подъемных и стенных людей с ружьем посадцких всяких людей и Загороденские слободы слобожан и Смоленского яму охотников (смоленских ямщиков. — *В. М.*) 1862 человека».[1] Старший командный состав (командиры башен и прясел, помимо десятских, пятидесятников и сотских) этой части армии состоял из 39 дворян и 48 посадских торговых людей: «И всего по городу (по стене. — *В. М.*) по воротам и по башням и по стене 39 человек дворян и детей боярских да с ними посадцких торговых людей 48 человек».[2]

В командном составе явно перевешивали посадские — их было 55.2%. Это вовсе не значит, что в Смоленске нехватало дворян на командные посты. Из 900 дворян, сидевших в осаде, нашлось бы не менее 80 человек с крупными окладами, т. е. наиболее соответствовавших по тогдашнему обычаю для занятия старших командных постов. Но замечательное свойство народной армии Смоленска заключалось в том, что в ней командные посты были распределены не по родовитости и чину, а по политической благонадежности.

Сохранилось три варианта «осадной росписи». В первом варианте[3] Шеин предполагал все командные посты на стене предоставить посадским торговым людям. Но, повидимому, дворянство оказало такое сопротивление этому намерению, что воевода пошел на уступки и предоставил командные посты также дворянам и детям боярским, поставив их под контроль посадских командиров. При подборе командиров из дворян Шеин не придерживался принципа старшинства и знатности, как это было принято по всей Московской Руси, а руководствовался политическими мотивами: на ряду с крупными дворянами он ставил командирами средних и мелких дворян и даже приказных людей. Из смоленских дворян было назначено командирами башен и прясел 32 человека. Общественное положение двадцати пяти из них позволяет определить десятня 1606 г. Распределение их по чинам и окладам дает следующую таблицу:

Чин помещика	Оклад в четвертях	Число командиров	% отношение
1. Выбор	550	1	Крупные дворяне—16%
»	500	1	
2. Дворовые . .	500	2	
» . .	450	3	средние дворяне—76%
» . .	400	1	
3. Городовые . .	450	6	
» . .	400	3	
» . .	350	3	
» . .	300	3	
» . .	250	2	мелк. двор. 8%
Всего . . .	—	25	100%

При помощи десятни мы убеждаемся, что, допустив дворян в комадный состав стены и башен крепости, Шеин явное предпочтение оказал средним и мелким дворянам (к мелким дворянам принадлежали двое смоленских и шестеро из других городов). Чутье не обмануло Шеина: через год обнаружилось, что один из наиболее знатных командиров (командир Фроловской башни Никифор Ефимьев — выбор, оклад 500 четвертей) был изменником.

Таким образом десятня 1606 г. дает возможность внести очень существенный штрих в понимание организации смоленской народной

[1] Памятники обороны Смоленска, № 232.
[2] Там же.
[3] Там же, № 231.

армии и помогает достаточно хорошо разобраться в отношениях дворянства и посадского мира во время осады. Приходит она на помощь также и при раскрытии содержания одного важного исторического документа, до сих пор вводившего в заблуждение историков. Документ этот давал повод отрицать наличие посадско-крестьянского блока в осажденном Смоленске и служил основанием для ошибочных взглядов относительно позиции смоленских крестьян. Этим документом является челобитная смоленского посадского мира царю Василию Шуйскому, написанная 9 октября 1609 г.

В ней горожане сообщали, что 5 октября «литовский король со своими радными паны прислал к нам, сиротам твоим, листы, чтобы мы, твоя государева сирота, были под его королевскою рукою»...[1] На это предложение горожане, по словам челобитной, ответили, что они готовы скорее «все помереть, а литовскому королю и его панам отнюдь не поклонитьца». Дальше они сообщают: «А из уезду, государь, волостные крестьяне в осаду в город не пошли и даточных людей не дали, а король их прелщает вольностью. А ратных, государь, людей у нас в Смоленску мало, а литовской король стоит под Смоленском со многими литовскими и с немецкими людми, а промышляют над городом всяким злым умышленьем и подкопы».

Если поверить челобитной, то выходит, что смоленские крестьяне в 1609 г. были на стороне поляков и отказались защищать Смоленск. В этой войне не могло быть нейтральных, а были только либо союзники либо враги. Выходит, что крестьяне были союзниками поляков. Но такому предположению противоречит множество фактов, которые утверждают обратное — это борьба крестьян против бандитских шаек Симона Гонсевского и Хрипуновых, наличие большого количества крестьян в осажденном Смоленске и в его армии, геройское поведение крестьян во время осады и т. д. Однако челобитная — тоже факт, и просто отбросить его нельзя, а следует объяснить и истолковать, и притом не голословно, а с помощью других фактов.

Прежде всего, что такое «даточные» люди и кто их обязан был выставлять? «Даточные» люди — это вооруженные крестьяне, которых должны были выставить землевладельцы (светские и духовные) в армию Смоленска. Еще 18—20 августа 1609 г. Шеин отдал приказ о том, чтобы «Смоленского уезда со станов и с волостей и с дворянских и детей боярских поместей и с вотчин и с церковных земель собрати даточных людей для осадного времени с сохи по 6 человек с пищальми и с топоры». Это обозначало, что с каждых 133 четвертей земли помещики и церкви должны были выставить одного хорошо вооруженного и снабженного всем необходимым ратника. Следовательно, «не дать даточных людей» могли только помещики, а не крестьяне; с формальной стороны это выражение челобитной неточно.

С другой стороны, утверждение челобитной, что в Смоленске совсем не было «даточных» людей—ложное и, очевидно, умышленно ложное. Дошедшие до нас документы[2] позволяют установить следующую картину выполнения помещиками приказа Шеина (см. стр. 132).

Так как документы не полны, то законно предположить, что процент выполнения задания был несколько выше 49.5. В то же время другие документы говорят,[3] что часть помещиков действи-

[1] АИ, II, № 267.
[2] См. Памятники обороны Смоленска, №№ 257, 258 и 259.
[3] Там же, № 49.

Название стана или волости	Число присланных «даточных» людей	% выполнения задания
1. Бережнянский стан	35	62.5
2. Свадицкая волость	14	93.3
3. Рудская »	13	100.0
4. Катынская, Каспльская и Порецкая волости	3	60.0
5. Мушковская волость	8	80.0
6. Ветлицкая »	20	41.7
7. Вопецкий стан	9	34.6
8. Буйгородский стан	29	56.9
9. Ратчинский »	34	94.4
10. Ивановский »	43	100.0
11. Дубровский »	4	10.8
12. Долгомосский »	14	73.7
13. Максимовский »	10	29.4
Всего . . .	236	49.5

тельно не выполнила приказа Шеина и «даточных» людей не дала. Десятня 1606 г. дает возможность установить общественное положение 28 таких помещиков.

Размеры окладов в четвертях	Число помещиков, не давших «даточных» людей	% по группам
500	5	14.3% крупн. помещик.
450	3	
400	4	54.2% средн. помещик.
350	7	
300	5	
250	2	
200	1	11.4% мелких помещик.
150	1	
Невыяснено	7	20.1%
Всего . . .	35	100.0

Эта таблица дает ответ на вопрос — какие же слои помещиков не выполнили приказа Шеина и не выставили «даточных» людей. Ответ получается довольно неожиданный: не выставили «даточных» людей, главным образом, крупные и средние помещики. Если допустить, что мелкие помещики по своей бедности не могли вооружить и снарядить «даточного» крестьянина, то по отношению к крупным и средним помещикам такое предположение отпадает, а между тем их доля равна 68.5%.

Несомненно, здесь действовали какие-то иные причины.

Эти причины лежали в области взаимоотношений между крестьянами и помещиками. Когда борьба между ними обострялась, крестьяне могли и не дать помещикам своих ратников. В этом случае факт непредоставления помещиком «даточных» людей говорит не об уклонении от выполнения приказа, а о враждебном отношении крепостных крестьян к помещику. Именно последнее обстоятельство и было причиной того, что многие смоленские помещики не выставили «даточных» людей.

Сохранились документальные доказательства враждебного отношения смоленских крестьян к своим помещикам. Приведем в качестве примера следующий случай, описанный в письме помещицы А. И. Нееловой[1] (письмо было послано в конце октября 1609 г. из Смоленска в Москву): «А мы живем в Смоленску в городи, а рожь у тебя в поли посеели в пору, а еровое в поли, дал бог, добро. А крестьяне меня не слушают, хлеба ко мне в город не везут; и даточной на нас человек сошной написан к городу для осадного времени, и оне (крестьяне. — *В. М.*) мне человека в город не пришлют, и мне в городе всегда позор от детей боярских от розсыльщиков, и я живу хоронясь». Помещица совершенно откровенно рассказала, почему она не смогла выставить «даточного» человека и вследствие чего ей приходилось прятаться, живя в Смоленске.

Все остальные случаи непредоставления помещиками «даточных» людей, несомненно, были такого же рода. Совершенно естественно, что помещики усмотрели в этом начало бунта крестьян и постарались объяснить его не усилением своей эксплоатации, а происками поляков. Но в данном случае поляки были совершенно не причем. Крестьяне самостоятельно сводили счеты со своими помещиками, сами добывали себе волю, вовсе не надеясь на помощь поляков. Наоборот, крестьяне видели в польском пане еще более свирепого угнетателя, чем «свой» помещик. Поэтому-то они и оказали такой решительный отпор полякам, о чем говорит огромное количество документальных данных.

Все это дает нам возможность объяснить, откуда и с какой целью в челобитную смоленского посада могла попасть клевета на смоленских крестьян. Источником ее послужили панические слухи о бунте и измене крестьян, принесенные в город помещиками. И хотя слухи об измене были явно нелепы, авторы челобитной все же сочли выгодным для себя упомянуть о них, так как рассчитывали этим особенно сильно припугнуть Шуйского и заставить его поторопиться с оказанием помощи Смоленску. Если бы авторы челобитной могли предвидеть, что их наивное ухищрение не испугает Шуйского, они едва ли прибегнули б к нему. Шуйский же без труда раскусил обман, так как в своих официальных донесениях воевода Шеин и смоленский архиепископ ни звуком не обмолвились об измене крестьян, а уж воевода должен был сообщить о таком факте в первую очередь.

Зато неуклюжие смоленские «дипломаты» основательно сбили с толку историческую науку и заставили даже таких крупных ученых, как Соловьев, поверить их хитрости и принять ее за чистую монету.

В процессе изучения осады Смоленска с 1609 по 1611 гг. возникает еще немало вопросов, которые десятня 1606 г. помогает уяснить, особенно относительно позиции дворян.

Дворянство в осажденном Смоленске не могло открыто выражать свои симпатии к польским интервентам, так как временное правительство, создавшееся в Смоленске на базе объединения воеводского управления с верхами посадского самоуправления и опиравшееся на посадско-крестьянскую армию, было достаточно сильным, чтобы расправиться с любым открытым враждебным выступлением дворян. Дворяне «не осмеливались гласно заявить своего желания» — говорили сами изменники со стороны дворян, перебегавшие в польский лагерь. Измена родине строго каралась смоленским правительством — об этом хорошо знали дворяне по собственному опыту. Они прекрасно

[1] ДАИ, I, № 231.

знали также, что правительство им не доверяет; да и само правительство, со своей стороны, не считало нужным скрывать этого.

Достаточно сравнить тексты присяги, дававшейся дворянином и посадским, чтобы заметить разницу в отношении правительства к тому и другому. Посадский обязывался «живучи в городе в осаде сидеть и на сторожю на стену и в слухи ходити, и государю царю... не изменити, з города со стены не скинутца и с литовскими людьми не ссылатца, государю не изменять».[1] На посадских возлагалась самая важная и ответственная задача — оборона стены. Присяга ставила перед ними всего два условия: соблюдение воинской дисциплины и сохранение политической верности. От дворян же присяга требовала не только соблюдения политической верности вообще, но и предупреждала относительно конкретных политических действий. Присягающий дворянин обязывался «сидеть в Смоленску в осаде и государю царю... не изменить ни в чем, з города не зкинутца и с воры с литовскими людьми не знатца и не зсылатца ни в чом, и сидя в осаде, никоторых смутных слов не затевати и в городе не зажечь, никого со стены к литовским людем не отсылати».[2] Судя по текстам присяг, правительство только со стороны дворян опасалось враждебной агитации («смутных слов»), диверсионных актов («в городе не зажечь») и переброски шпионов («никого со стены к литовским людем не отсылати»).

Жизнь показала, что правительство не ошибалось. Дворяне действительно и вели предательскую агитацию, и прибегали к диверсиям, и организовали в Смоленске шпионский центр, державший непрерывную связь с поляками в течение всей осады и осведомлявший их обо всех крупных политических и военных событиях в городе. Кроме того смоленские дворяне переходили на службу к полякам и становились в ряды их войска. Конечно, для сидевших в осаде дворян это было очень сложно, но для находившихся вне осады — крайне легко.

Учтя все эти особенности политического поведения смоленских дворян, легко себе представить, какую роль должна сыграть десятня 1606 г. при исследовании каждого такого факта. Все исторические документы, относящиеся к обороне Смоленска, получают как бы вторичное подтверждение и каждый исторический факт легко обнаруживает свою классовую подоплеку. Применим сначала десятню к исследованию случаев прямого перехода смоленских дворян на службу к полякам в период осады Смоленска. Такой переход начался со времени подписания известного договора 4(14) февраля 1610 г. между русским (точнее тушинским) дворянством и польским королем. Являясь изложением политической платформы верхов русского дворянства, договор устанавливал следующие важнейшие политические положения.

1) Польская интервенция признавалась законной силой, призванной «успокоить государство»; эта легализация интервенции превращала сопротивление ей в антигосударственный акт. Практически в понятие «успокоения государства» входило не только подавление движения крестьян и холопов против помещиков, но и подавление народной борьбы против польско-литовских поработителей.

2) Между Польшей, Литвой и Россией устанавливался военный союз под гегемонией Польши. Россия входила в династическую унию с Польшей, но получала в цари королевича Владислава только

---

[1] Памятники обороны Смоленска, № 121.
[2] Там же, № 159.

после «успокоения» страны силами карательных отрядов Сигизмунда III.

3) В приграничных русских городах власть оставалась в руках поляков до «доскональногo успокоения государства».

4) В России выход крестьян от помещиков запрещался окончательно; запрещался также переход русских крестьян из Литвы и Польши в Россию и наоборот.

5) Холопы должны были служить своим господам по-старому, как до крестьянской войны.

Вот то новое в области политики и взаимоотношений классов, что устанавливал договор 4(14) февраля 1610 г. Пункты же договора о незыблемости церковного и помещичьего землевладения, о нерушимости прав и привилегий господствующего класса были тем старым, за что боролось русское дворянство и духовенство. Общий смысл договора сводился к тому, что за сохранение своих вотчин и поместий, за возможность усиления эксплоатации крестьянства, за сохранение своих сословных и политических привилегий, т. е. за возможность жить «в покое и в тишине попрежнему» дворянство соглашалось пожертвовать политической независимостью России, уступить врагу западные земли (Северскую и Смоленскую) и отдать свой народ в рабство польско-литовским панам. Программа была ясна и откровенна — предательство родины во имя узко классовых интересов.

Смоленское дворянство еще раньше московского стало на этот путь, но только нелегально. Договор же 4(14) февраля развязал руки смоленским дворянам, так как именно в силу этого договора предательство родины стало политической добродетелью, а борьба за родину была приравнена к государственному преступлению. Заключение договора 4(14) февраля следует считать переломным этапом в ходе обороны Смоленска в том смысле, что с этого момента изменялось политическое значение борьбы смоленских народных масс: они теперь вели борьбу уже не только против поляков, но и против открытого союза с ними части русского дворянства. Февральский договор поднял двух смоленских дворян, они получали в нем юридическое оправдание своей предательской деятельности.

По смыслу договора, польский король становился верховным распорядителем всего земельного фонда Московского государства. В руках Сигизмунда III земельные пожалования превратились в мощное средство, которое позволяло ему крепко привязать к себе большое количество русских дворян. Королевская канцелярия под Смоленском (главным руководителем которой был, повидимому, Лев Сапега) превратилась в своеобразную земельную биржу. «Под Смоленском, — пишет Л. М. Сухотин, — король Сигизмунд жалует, ничем не стесняясь, ни нормами окладов, ни составом жалуемых земель: там, под Смоленском, на ряду с крупными пожалованиями выморочных и изменничьих земель щедро раздаются и дворцовые и черные земли».[1] Под «изменничьими» землями подразумевались земли дворян и бояр, или остававшихся еще на стороне Шуйского или же примкнувших к народному движению в Смоленске, Нижнем и в других городах.

В числе русских дворян, перешедших на службу к польскому королю, очень высокий процент составляли смоленские. Этот процент значительно превышал удельный вес смоленского дворянства в рядах всего русского дворянства. Из 808 земельных пожалований

---

[1] Л. Сухотин. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, стр. XXVII.

польского короля, приведенных в Актах Западной России (т. IV), 183 пожалования, или 22.6%, приходятся на долю смоленских дворян. Переход их к полякам отмечается документальными источниками вскоре после заключения февральского договора, но вполне вероятно, что он начался значительно раньше.

Сохранившиеся до настоящего времени документы показывают, что с февраля по июль 1610 г. к польскому королю перешло на службу всего девять смоленских дворян. Незначительность этой цифры объясняется тем, что самый переход смоленских дворян из осажденной крепости к полякам был сопряжен с большими трудностями, несмотря на все субъективное расположение дворян к интервентам.

Трудности эти заключались в том, что смоленским помещикам приходилось считаться и с судьбой остававшейся в городе семьи и с опасностями побега. Смоленские дворяне, находившиеся в войсках Скопина-Шуйского и в Москве, были связаны московской политической обстановкой. Поэтому можно предположить, что на первых порах к полякам могли переходить только те смоленские помещики, которым нечего было терять в осажденном Смоленске (например, молодежь, еще не верстанная поместьями), или дворянская мелкота, которая в крайне небольшом числе могла остаться вне осажденного города и отсиживалась в своих поместьях.

Действительно, среди упомянутых выше девяти смоленских помещиков пятеро вовсе не числились в десятне 1606 г. (Конст. Головачев, Тим. Ив. Аксенов, Ив. Ив. Неелов, Мих. Павл. Сухотин и Ив. Фефелов), а остальные принадлежали к мелким статьям (Арт. Дм. Сухотин имел оклад в 300 четвертей, Нев. Дм. Самарин — такой же, Бор. Вас. Поздняков — 250 четвертей, Петр Кожин — 100 четвертей). Двое из этих дворян, несмотря на свою незнатность, сумели добиться у короля очень крупных пожалований; очевидно, они успели оказать польскому правительству какие-то крупные услуги. Так, Константин Головачев, не имевший, как можно думать, личных владений, получил поместья Павла Головачева (выбор, оклад 500 четвертей), Лаврентия Башмакова, Ивана Верещагина (городовой, оклад 400 четвертей), Андрея Головачева (дворовый, оклад 500 четвертей), и Ив. Афон. Башмакова (дворовый, оклад 500 четвертей). Это было крупнейшим пожалованием для совершенно незначительного смоленского сына боярского. Однако сохранить все эти пожалования Головачев мог только при условии полной победы поляков. Поэтому естественно, что Головачев и многие подобные ему становились верными слугами польского правительства и всеми силами содействовали его успехам.

Подобно Головачеву, больших пожалований добился и А. Д. Сухотин. Имея оклад в 300 четвертей и владея поместьем всего в 50 четвертей, этот ловкий проходимец сумел получить еще поместья Елиз. Руднева (городовой, оклад 350 четвертей) и бывшие поместья Афон. Баскакова (городовой, оклад 400 четвертей). Эти примеры говорят о том, что переход к полякам сулил смоленским помещикам большие материальные выгоды.

Победа Жолкевского под Клушиным над армией Шуйского (4 июля 1610 г. по н. ст.) явилась тем переломным моментом, который окончательно убедил смоленских дворян в прочности польских позиций и побудил их широко и смело переходить на сторону интервентов. За время от Клушинской битвы до августовского договора (до 17(27) августа 1610 г.), по документальным источникам, на службу к польскому королю перешло 52 смоленских дворянина. Десятня 1606 г. позволяет установить общественное положение 37 из них.

Таблица ясно показывает, что к полякам шли прежде всего крупные и средние помещики. До середины августа 1610 г. смоленские помещики добиваются у польского правительства по преимуществу прав на владение своими старыми поместьями, а с середины августа начинают уже выпрашивать и чужие поместья. Несомненно, это стояло в связи с переговорами о заключении с польским правительством второго договора, состоявшегося 17(27) августа 1610 г.

Размер земельного оклада в четвертях	Число помещиков, перешедш. к королю
600	1
500	12
450	11
400	4
350	3
300	2
200	4
Неверстанных и переверстанных после 1606 г.	15
Всего . . .	52 чел

Августовский договор значительно расширил социальную опору польской интервенции в России. Кроме дворянских слоев поляки приобрели теперь союзников и среди московской княжеско-боярской верхушки. Особенно активно в пользу поляков действовали находившиеся в Москве смоленские дворяне. После заключения августовского договора смоленские помещики широкой волной двинулись в королевский лагерь под Смоленск. По выданным королевской канцелярией грамотам на поместья насчитывается 140 смоленских помещиков, перешедших к полякам с сентября по декабрь 1610 г. Десятня 1606 г. дает возможность установить общественное положение около $^2/_3$ из них.

Размер оклада в четвертях	Число смоленских помещиков, перешедших к королю с сентября по декабрь 1610 г.	% к итогу	% по группам
500	16	17.2	17.2% крупных помещиков
450	11	11.8	60.2% средних помещиков
400	19	20.4	
350	12	13.0	
300	14	15.0	
250	8	8.5	22.6% мелких помещиков
200	6	6.5	
150	5	5.4	
100	2	2.2	
Всего .	93	100.0	

Попрежнему к полякам переходили больше всего крупные и средние помещики. Они, очевидно, и составляли ту активную силу, на которую опиралась польская интервенция в Смоленской земле.

Политические события, совершавшиеся вне Смоленска, не могли не повлиять на настроение и поведение дворян, находившихся в смоленской осаде. Эти дворяне принимали все меры к тому, чтобы ускорить падение крепости. Но так как они были не настолько сильны,

чтобы выступить открыто, то действовали тайно через организованный в Смоленске подпольный шпионско-заговорщический центр.

На протяжении весны и лета 1610 г. эта изменническая организация регулярно перебрасывала через стену шпионов, сообщавших полякам важные сведения. Между прочим, все эти шпионы крайне преувеличивали сведения о голоде и эпидемиях среди осажденных. В этой умышленной лжи, очевидно, был свой расчет — поднять энергию поляков и побудить их к более решительным действиям. Но Смоленск не так-то легко было взять даже и при максимальной энергии со стороны поляков.

Одной из крупных операций изменнического центра была переброска к полякам 8 августа (н. ст.) 1610 г. двух шпионов из смоленских дворян (по польским и русским источникам можно восстановить все подробности этой операции). Через пять дней после бегства этих шпионов смоленское правительство напало на след тайного шпионского центра. Однако, не имея ясного представления о характере открытой им организации, правительство сначала ограничилось тем, что отдало на поруки пятерых смоленских дворян, участников шпионского центра: Петра Башмакова (дворовый, оклад 450 четвертей), Якова Головачева (оклад неизвестен), Михаила Румянцева (городовой, оклад 400 четвертей), Богдана Озеренского (архиепископский сын боярский, оклад 350 четвертей) и Леонтия Бунакова (оклад неизвестен, бывший участник группы Ивана Зубова).

Расследование дела скоро выявило и других участников шпионского центра: Дениса Шушерина (городовой, оклад 400 четвертей), Богдана Тихонова (дворовый, оклад 450 четвертей), Ивана Макшеева (выбор, оклад 700 четвертей), Никифора Бестужева (дворовый, оклад 500 четвертей) и жену князя Василия Морткина. Перебежавшими к полякам шпионами оказались князь Василий Морткин (архиепископский сын боярский, оклад 400 четвертей) и Михаил Сущев (городовой, оклад 400 четвертей).

Изменническая организация, таким образом, представляла собою объединение верхов правительственного дворянства и дворянства смоленского архиепископа. Наиболее крупными фигурами в ней были со стороны первых Иван Макшеев, а со стороны вторых — князь Василий Морткин. По размерам окладов заговорщики распределялись так: с окладом в 700 четвертей был 1 человек, в 500 — 1, в 450—2, в 400—4, в 350—1.

Мы здесь опять видим все тех же крупных и средних смоленских помещиков. Невольно возникает вопрос: если во главе шпионского центра, действовавшего почти в течение целого года, стояли самые крупные представители светского и духовного дворянства (И. Макшеев и В. Морткин), то неужели в него не были вовлечены и официальные главы того и другого — воевода Шеин и архиепископ смоленский Сергий?

Относительно Шеина приходится решительно заявить, что он не был причастен к изменническому центру. Об этом говорит очень много фактических данных, перечислять которые нет большой необходимости. Совсем другое дело — смоленский архиепископ Сергий. Автор «Нового Летописца» прямо называет его сторонником польского короля. «В Смоленске ж, — пишет он, — воевода Михайло Борисович Шеин сидяще крепко, никако ж ни на что не прельстися, а с архиепископом бяше в розни для того, что архиепископ хотяще город здати королю».[1] Летописец несомненно записал прочно уста-

[1] ПСРЛ, XIV, стр. 103.

новившееся мнение современников о политической позиции смоленского архиепископа.

Следствие над привлеченными к ответственности изменниками показало, что, во-первых, «князя Василья Морткина да Михалку Сущева отпустили х королю в табары они все», а, во-вторых, «как деп они князя Василия и Михалка Сущева отпустили и с ними приказывали, а велели промышлять над городом приступом, а приступать велели большим приступом х Крылошев[ским воротам]...»[1] Таким образом, посланные к полякам кн. Морткин и Сущев были не просто рядовыми шпионами, а полномочными послами от объединенного смоленского дворянства, требовавшего от поляков более энергичных действий, в частности организации большого приступа к Крылошевским воротам.[2] Можно догадаться, что смоленское дворянство обещало полякам и некоторую помощь изнутри крепости.

Таковы были замыслы смоленских заговорщиков. Девятерых из них правительство посадило в тюрьму, а двоих отдало на поруки. Но, несмотря на применение пыток, удалось выявить только небольшую часть заговорщиков, а остальные так и остались нераскрытыми.

О масштабе заговора, о цели и тактике заговорщиков дает исчерпывающие сведения дневник похода польского короля. В виду исключительного интереса этих сведений приведем их с наибольшей полнотой. «8 (августа 1610 г.). Ночью передалось двое боярских детей, которые показали следующее: многие бояре (дворяне. — *В. М.*) и многие из простого народа сильно желают сдаться королю; одни лишь купцы не хотят этого и хлопочут, чтобы осажденные не разъединялись, поэтому те не осмеливаются гласно заявить своего желания. Они (дворяне. — *В. М.*) ожидают, когда с другой стороны (с северо-восточной. — *В. М.*) будут устроены шанцы и сделан будет пролом, тогда желающие сдаться смелее восстанут против упорных. Говорят они также, что несколько десятков боярских детей знали об их намерении бежать из крепости и сами хотят бежать».[3] Дальше изменники сообщали самые точные данные об оборонных мероприятиях народной армии и рекомендовали предпринять приступ сразу в двух местах: если же приступ будет сделан на одно место, у пролома (с западной стороны. — *В. М.*), то осажденные могут защищаться и дать отпор».

Эти омерзительные предатели подталкивали и направляли преступную руку польских убийц. Внутренний враг смоленских посадских и крестьян по своей жестокости, коварству и кровожадности превзошел внешнего врага. Уяснить это помогла нам только десятня 1606 г., и мы еще раз подчеркиваем ее значение как нового важнейшего исторического источника.

Остановимся несколько на показаниях смоленских изменников. Прежде всего они утверждали. что сильно желают сдаться полякам дворяне и многие из простого народа. Относительно дворян, конечно, никаких сомнений быть не может, но относительно «простого народа» их утверждение следует принять с большими ограничениями. К желавшим сдаться можно отнести лишь те слои посадских и крестьян, которые из-за неправильной продовольственной политики смоленского правительства в начале августа 1610 г. сидели без хлеба. В это время число голодающих семейств из среды посадских могло составлять процентов 10, среди же крестьянства число голодающих было значительно выше. Но здесь надо иметь в виду, что побудительные

[1] Памятники обороны Смоленска, № 158.

[2] Т. е. с северо-восточного угла крепости (поляки вели приступ главным образом с западной стороны).

[3] РИБ, I, стр. 646.

причины к сдаче были совершенно различны у дворян, не испытывавших нужды в хлебе, и у подлинно голодавшего населения.

По словам изменников, не хотели сдаваться лишь одни купцы. Это утверждение тоже требует некоторых поправок. Во-первых, автор дневника все посадское население русских городов называл купцами, сваливая в одну кучу и собственно купцов и ремесленников. Во-вторых, если считать только одних купцов непримиримыми врагами поляков, то трудно допустить, чтобы купцы могли устоять на своих позициях, если бы против них оказалась вся масса ремесленников. Таким образом, под купцами надо понимать весь посадский мир Смоленска.

Очень важно указание изменников, будто вожди смоленской обороны хлопотали, чтобы осажденные не разъединялись. Это прямо указывает на существование в Смоленске народного оборонительного блока. А сообщение, что смоленские дворяне «не осмеливаются гласно заявить своего желания», говорило лишь о силе смоленского правительства, опиравшегося на народные массы, говорило о его непреклонной антипольской политике.

Из остальных показаний изменников следует обратить внимание на то, что дворяне, во-первых, возлагали большие надежды на польский приступ, рассчитывая во время приступа начать вооруженное восстание в городе, а во-вторых, что в дворянский заговор было втянуто несколько десятков дворян. Следовательно, и после расправы с главарями заговора шпионский центр в Смоленске сохранил большую часть своих кадров.

О том, что дворяне серьезно готовились к вооруженному восстанию против смоленского правительства и посадского мира, говорят и другие источники. Сохранилось любопытное донесение о подготовке мятежа на 21 или 22 ноября 1610 г. «Перед последним приступом [поляков], — говорилось в донесении, — ноября в 20 день, ввечеру, говорил деи тот Сергей Гридков (вяземский дворянин. — *В. М.*), завтра деи или по завтрее кровь крестьянская прольетца и город деи отопрут, а мы деи прости пойдем, наша деи сторона сильнея, мы деи все вязьмичи станем в прикрытие по башням да и смолняне деи с нами будут же, а боярские деи люди, посадцких людей учнут сечь, Шеин деи нас губит с посадцкими людьми, а королю деи и королевичю [креста] не цалуют, а ждут деи вора с Москвы. И мы деи Шеина, зграбя, выдадим за стену, будет деи в Польше с Шуйским ж, а посадцких деи людей побьем, а животы их пограбим».[1]

Вяземский дворянин рассказал о всех деталях готовившегося изменнического мятежа, который не состоялся только потому, что польский штурм был отбит народной армией, а поднять восстание лишь собственными силами дворяне не решились. Народная армия была еще сильна и вполне боеспособна.

Мы не коснулись еще многих очень важных сторон в жизни оборонявшегося Смоленска, являвшихся замечательным выражением героизма, стойкости и безграничной любви и преданности своей родине со стороны народных масс. Мы больше внимания уделили обрисовке изменнической позиции дворянства, потому что здесь особенно наглядно проявляется значение десятни 1606 г.

Игнорировать этот документ недопустимо при изучении не только истории Смоленска начала XVII в., но и вопросов более широкого масштаба — расстановки и соотношения классовых сил в период первой великой крестьянской войны в России и совпадавшей с ней по

[1] Памятники обороны Смоленска, № 202.

времени польской и шведской интервенции. А исследование этих вопросов — главная задача историка-марксиста, изучающего замечательную эпоху великих народных движений в России на рубеже XVI и XVII вв.

Как самый Смоленск в XVI и XVII вв. являлся «ключом Московского государства», так и изучение классовой борьбы за Смоленск в начале XVII в. может явиться ключом к пониманию сложных исторических загадок этой эпохи.

С. В. БАХРУШИН

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ РУССКИХ ТОРГОВЫХ ЛЮДЕЙ В XVII веке

Вопросы, связанные с колониальной экспансией феодальной России, давно привлекают внимание исследователей русской истории, но разрешались они в различные эпохи по-разному и до сих пор не могут еще считаться вполне выясненными. Впервые вопрос о том, какие формы принимала русская колонизация в прошлом, встал, как вопрос очень актуальный, в XVIII в., когда в связи с ростом потребностей складывавшейся феодальной империи пробудился интерес к природным богатствам зауральских колоний. В полном соответствии с заимствованными с Запада общими рационалистическими воззрениями, согласно которым история представлялась результатом воздействия мудрого законодателя на массы, и с политической теорией просвещенного абсолютизма, в колонизации видели тогда в первую очередь результат правительственной деятельности, направляющей колонизационное движение по заранее намеченному руслу. Поэтому, изучая историю колонизации окраин, интересовались главным образом колонизацией правительственной, выразившейся в постройке новых городов и в заселении территории путем добровольного «прибора» и принудительного набора и даже ссылки колонистов.

В исторической литературе взгляд на исключительное значение правительственной колонизации был прочно установлен Г. Миллером, крупный научный авторитет которого в течение долгого времени оказывал сильнейшее воздействие на дальнейшую разработку данной темы. Таким образом, правительственная колонизация надолго заслонила в глазах последующих исследователей все другие параллельные колонизационные процессы. Упрочению такого одностороннего взгляда способствовала и энергичная колонизаторская деятельность администрации во вновь присоединенной Новороссии во времена Потемкина и его ближайших преемников. Даже «сибирский Карамзин» Словцов, тонко отметивший некоторые из недостатков миллеровской схемы, видел попрежнему в истории заселения Сибири результат почти исключительно «мер и видов правительства, более или менее поспешествовавшего благоустройству или безопасности страны», и деятельности «учреждений, ускорявших или замедлявших проявление сил жизни.»

Только во второй половине XIX в., т. е. приблизительно через столетие после выхода в свет исследований Миллера, вопрос был пересмотрен и получил диаметрально противоположное разрешение. Пересмотр этот был в данном случае вызван общими экономическими явлениями, переживавшимися в тот момент Россией и способствовавшими усилению общественного интереса к окраинам. Если в XVIII в. колонизационная проблема, по крайней мере в Сибири, рассматривалась преимущественно в связи с возможностью развития

добывающей промышленности, то теперь Зауралье привлекало внимание как рынок сельскохозяйственных продуктов, будущая житница шедшей к индустриализации метрополии. Проблема колонизации при этих условиях снова приобретала характер большой актуальности, но изучалась она теперь с новой точки зрения, под сильным впечатлением новых явлений, наблюдавшихся в результате крестьянской реформы.

К началу 80-х годов уже вполне определилась недостаточность земельного обеспечения «свободного» крестьянства, и в связи с этим имеет место, с одной стороны, стремительный стихийный уход крестьян на поиски новых, более обширных и плодородных земель, а с другой — нарастает беспокойство среди землевладельческого класса, которому этот отлив населения на окраины грозило потерею дешевого земледельческого труда. Попытки правительства в интересах дворянского землевладения приостановить или, по крайней мере, ограничить тягу крестьянства на новые места оказываются бессильными перед стихийностью массового нелегального переселения, тем более, что развитие колонизации отвечало интересам буржуазии и встречало поддержку со стороны буржуазной публицистики, вполне осознававшей важное значение отмеченного явления с точки зрения интересов представляемого ею класса. Правительство вынуждено было итти на уступки, постепенно post factum легализировало вольное переселение и в дальнейшем направило свою деятельность сначала на урегулирование движения, а позднее, когда окончательно возобладала буржуазная точка зрения в вопросе о переселении, — на содействие ему.

Пассивная роль правительства при большой активности переселенческой массы вскрыла совершенно новую картину колонизации: оказалось, что не правительство, руководимое, якобы, государственными соображениями, толкает население в колонии, а наоборот, оно является лишь запоздалым регулятором массового движения, идущего помимо его и часто вопреки ему. С этой точки зрения взглянули и на прошлое русской колонии; и тут рядом с колонизацией правительственной открыли массовую «вольную» колонизацию, шедшую независимо от государственных мероприятий, несмотря даже на прямые запреты власти и на правительственные «заставы».

Представление о стихийном характере колонизационного движения неизбежно должно было видоизменить всю схему истории колонизации, направив острие исследований не на изучение правительственной деятельности, а на процессы стихийные. Такая постановка вопроса является совершенно правильной, но ею далеко не исчерпывается тема. Формы, которые в ту или иную эпоху принимала вольная колонизация, далеко не могут считаться вполне изученными даже в настоящее время. В 80-х годах, под впечатлением «нелегального» бегства крестьян на новые земли, сложилось и пустило глубокие корни романтическое представление о хлеборобе-колонисте, который один, без посторонней помощи, расчищает лес, заводит пашню и живет в своей заимке «под прикрытием лесов и болот», «иногда по нескольку лет не будучи известен правительству». Это представление, овеянное под влиянием народничества сентиментальной идеализацией устоев крестьянского быта, переносилось безоговорочно на все прошлое русской колонизации на востоке. Так создался трафарет для всех времен, который до сих пор мешает ясно определить отдельные струи вольной колонизации. В частности, народническая схема слишком преувеличивала самостоятельный характер вольной колонизации, по крайней мере для раннего периода рус-

ской колонизации Сибири. Экономически маломощные элементы могли переселиться на новые места лишь ценою закабаления себя владельцу капитала.

Это отметил со свойственной ему остротой наблюдения А. П. Щапов в отношении центральных русских областей. «Дикий лес, дикую землю... прежде всего надо было расчистить, — говорит он, — а потом возделать и засеять, чтобы она дала хлеб, а для возделывания нужен рабочий скот... и орудия, а для засеяния готовые семена, а сверх того нужно иметь готовый хлеб, которым бы кормиться, пока земля принесет свой плод, готовую избу, двор, или, по крайней мере, подмогу для постройки новой избы... А всего этого бедные люди, очевидно, не могли приобрести, не имевши скопленного капитала. В то время крайней неразвитости и бедности, при неразвитости даже кузнечного искусства — тысячи бедных людей не имели и не могли завести топора, косы и сохи, чтобы срубить лес, расчистить и распахать пашню и срубить избу и, таким образом, самостоятельно завести починок или поселье в лесу, на нови. И вот, не имея решительно никакой возможности справиться с лесом.., бедняки должны были волей или неволей... «поряжаться в крестьяне» к богатым собственникам-землевладельцам для того, чтобы иметь готовый двор, избу, рабочий скот и даже денежную подмогу или ссуду. А на этом и основывалась земледельческая, вотчинная колонизация».[1]

Эти наблюдения, касающиеся «земледельческой вотчинной колонизации», приходится значительно расширить. Они не менее справедливы и в отношении колонизации промышленной и сохраняют полную свою силу и применительно к заселению Сибири. В Зауралье колонизационные процессы происходили далеко не так свободно, как это представляли себе народнически настроенные публицисты. Однако и тут организующей силой было не феодальное правительство, а частный предприниматель, который гнал бездомную голытьбу в «неведущие земли» и присваивал себе результаты ее труда в новых колониях. В руках количественно небольшой, но экономически мощной группы крупного купечества скоплялись, благодаря торговле компрадорского типа и ростовщичеству, значительные денежные средства, которые не целиком пускались опять в торговлю и в рост. Наиболее энергичные представители этой группы находили выгодным помещать часть «прародительских пожитков» в разнообразные колониальные предприятия, сулившие крупные барыши. Дело не ограничилось экспортом в колонии русских и иностранных товаров в обмен на пушнину и на предметы восточного ввоза. Широко практиковалось оборудование промышленных ватаг для охоты за соболем.[2] Рискованной, но чрезвычайно выгодной формой помещения капитала являлась организация военно-промышленных экспедиций для объясачения «немирных землиц», вроде снаряженного Строгановым в 1581 г. похода Ермака и аналогичного по существу похода устюжанина торгового человека Ярофея Хабарова-Святицкого,[3] или для открытия новых промышленных угодий подобно экспедициям Юрия Селиверстова или прикащика Усовых Федота Алексеева совместно с Дежневым на поиски «рыбьего зуба» по берегам Ледовитого океана. Не последнее место занимали и мероприятия по устройству на сибирской территории слобод с привлечением в них колонистов.[4]

[1] А. Щапов. Соч., II, стр. 240—241, СПб., 1906.

[2] Об этом см. подробнее в ст. автора «Покрута на соболиных промыслах в Сибири в XVIII веке» (Сб. «Труд в России», 1925).

[3] С. Бахрушин. Казаки на Амуре, Лгр., 1925.

[4] См. статью автора «Сибирские слободчики в XVII в.» («Труды колонизационного института», II).

Более предприимчивые капиталисты приступали к разработке естественных богатств Сибири и Западного Приуралья, в первую очередь соляных источников. Деятельность крупных промышленников не ограничивалась эксплоатацией промысловых угодий: недостаток рабочих рук и средств питания на местах требовал от предпринимателей мер к привлечению на промыслы поселенцев и к обеспечению их существования и безопасности. Так в отдаленных углах русских окраин и за Уралом возникали вокруг частновладельческих промыслов поселения, иногда очень значительные по размерам, иногда очень небольшие. Кроме собственно работных людей, непосредственно занятых на промыслах, население вновь созданных слобод, сел и деревень обслуживало разнообразные потребности промыслов. Для защиты промыслов строились укрепленные городки, снабженные артиллерией и гарнизонами. Примером такого колониального предприятия могут служить Строгановские городки, призванные охранять соляные промыслы их владельцев на Каме, и многочисленные села и деревни, жители которых должны были заготовлять дрова для выварки соли; принадлежавший тем же Строгановым Ошапский городок охранял их рыбную ловлю на Ошапе.[1] Городки Строгановых были не единственным образцом такого рода военно-промысловой колонизации. Очень любопытна в этом отношении деятельность в первой половине XVII в. ярославского капиталиста Надеи Светешникова в Жигулях, где на границе степи им был создан вокруг соляных промыслов поселок, охранявшийся построенным «городком». Предприятие Светешникова, по размерам далеко уступающее строгановским, для нас особенно интересно тем, что дошедший материал в достаточной мере полно вскрывает всю организацию предприятия, между тем как документы по строгановским вотчинам не позволяют детально восстановить их внутреннюю структуру.[2]

I

Ярославец Надея (крещеное имя Епифаний) Андреевич Светешников принадлежал к той группе зажиточной посадской буржуазии, которая, сильно пострадав от расстройства экономической жизни страны, вызванного крестьянской войной и польской интервенцией начала XVII в., приняла деятельное участие в ликвидации последствий «смуты» и горячо приветствовала, а затем и широко использовала в своих интересах реставрацию 1613 г. Подпись Светешникова мы находим среди подписей других видных ярославских капиталистов под посланием, которое кн. Д. М. Пожарский, сосредоточив свои силы в Ярославле, разослал отсюда по русским городам с призывом к борьбе с польской интервенцией и к восстановлению государственного порядка.

После избрания Михаила Романова Светешников становится торговым агентом нового царя по закупке для его «обихода» товаров, особенно иностранных.[3] Пожалованный в гости, он появляется при дворе на обедах у государева отца, патриарха Филарета. Как близкий

---

[1] О Строгановской колонизации см. в моих «Очерках по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.» I, стр. 91—100.

[2] Должен оговориться, что мною просмотрены только те Строгановские дела, которые хранятся в ГАФКЭ. Возможно, что исследователи, работающие специально по вопросу о Строгановых, имеют в своем распоряжении более полный материал. В таком случае впоследствии представится возможность сравнить структуру Надеинского и Строгановского предприятий.

[3] Сб. Хилкова, № 67: Кологривов. Описные и приходо-расходные книги Большой Казны («Вестн. археол. и ист.», вып. XV, стр. 178).

к высшим сферам человек, он пользуется в своих торговых предприятиях особым покровительством властей. Когда в 1629 г. в Мангазею был назначен воеводою его сосед по имению Гр. Ив. Кокорев, с которым у него были нелады, он тотчас добился изъятия из подсудности Кокореву своих людей, находившихся в Мангазее «за соболиными промыслами», и специального поручения их покровительству второго воеводы А. Ф. Палицына, которому велено их «от Григория Кокорева и от сторонних людей во всех мерах оберегать». Прикащик Светешникова говорил в лицо Кокореву, «что ему, Григорью, Надеиных прикащиков и людей не ведати ни в чем и не судити и к себе не призывати». [1]

Ходатайства влиятельного гостя разрешались в приказах с исключительной быстротой. 7 января 1640 г. он, например, бил челом с просьбой поставить к ответу в Сибирском приказе енисейского служилого человека Ивана Галкина, ограбившего его «животы» в Сибири; в тот же день начальник приказа кн. Б. М. Лыков доложил его прошение царю, и «государь указал по того Ивашка Галкина дать с Москвы пристава и в том гостя Надеине иску Светешникова того Ивашка Галкина взять к Москве». 22 января Светешников бил челом о соответственной грамоте в Енисейск и получил ее уже через неделю, 29 января; 5 февраля он бил челом о грамоте в Якутск, и она была выдана ему в тот же день. [2]

Такое привилегированное положение ярославского гостя объясняется, конечно, не только заслугами его в ликвидации «смуты», но, главным образом, крупными размерами его торговых операций и богатством. Для государства, еще не оправившегося от «разорения» и страдавшего от недостатка средств казны, Светешников был крайне ценным плательщиком. Он отлично это сознавал, когда хвалился в одной из своих челобитных царю: «а идет в твою государеву казну с меня, холопа твоего, пошлина немалая». [3]

Экономическая мощь Светешникова была результатом необычайно широких по размаху и разнообразных по характеру торговых и промышленных предприятий. В самых отдаленных углах Московского государства встречаем мы следы его кипучей деятельности. В Сибири, в далекой Мангазее, на только что открытой Лене, в Жиганах и в Якутске действуют его прикащики и люди; в Тобольске у него лавка, в которой сидит его человек; на Маковском волоку — амбар. [4] О торговых делах в Олонце свидетельствует построенная им там церковь. [5] В Н. Новгороде орудуют его прикащики. [6] Из Архангельска он вывозит иностранные товары. Из Астрахани у него ходят «насадец с солью да струг»; [7] соль эта распродавалась в Пскове и, вероятно, в других городах. [8] Его люди с товаром ездят в Пермь. [9] На Волге, в Жигулях, он разрабатывает соляные источники; на Каме — медные рудники и т. д.

В 1644 г. состояние Светешникова, не считая московской и ярославской недвижимости, оценивалось в 35 500 рублей, т. е. около

---

[1] ГАФКЭ, Прик. дела ст. лет, 1630, №№ 40, 71, 86.
[2] Там же, Сиб. прик., ст. № 90, лл. 376—377, 389—396, 460—461; № 132, л. 9; № 259, л. 333.
[3] Там же, ст. № 178, л. 92.
[4] Там же, ст. № 5, л. 119, № 88, № 94, л. 126 и др.
[5] Докучаев-Басков. Подвижники и монастыри Крайнего Севера, I, пр. Диодор Юрьегорский («Христ. чтения», 1885 г.).
[6] Сиб. прик., ст. № 5, л. 119.
[7] Там же, ст. № 489.
[8] ДАИ, V, № 1 (XV).
[9] ГАФКЭ, Уст. тамож. кн. 1637 г., л. 74.

полумиллиона на довоенные деньги. В Москве у него была лавка в суконном ряду и двор.[1]

Наиболее крупные операции Светешникова были связаны с Сибирью. Из года в год отправлял он через Верхотурье обозы с русскими и немецкими товарами «на сибирскую руку», для обмена на пушнину. В 1631—32 г. пошли в Сибирь с его людьми две партии товаров на 4009 руб., в 1636 г. — на 2136 руб., в 1637 г. — на 4016 руб. (на 38 возах) и 100 руб. денег и т. д.[2] Не ограничиваясь скупкой за Уралом «мягкой рухляди» на вырученные от продажи товаров деньги, Светешников на месте организовал ловлю соболя, нанимая через своих агентов специальные ватаги «покрученников» и снабжая их необходимым снаряжением и продовольствием. В 1634 г. его человек Ивашко Лом отправился на соболиный промысел на двух судах с 30 покрученниками; расходы на эту экспедицию Светешниковым расценивались в 4098 руб. Летом 1642 г. один его приказчик пошел с 11 покрученниками из Якутска на Оленек, а другой — с 14 покрученниками вниз по Лене; стоимость оборудования обеих ватаг определялась в 1100 руб. В 1646 г. на его же средства пошла на промысел ватага в 15 человек с передовщиком Васькой Маеговым и т. д.[3]

Сибирские предприятия Светешникова иногда принимали характер военных набегов на местных жителей; цель этих набегов была добыть пушнину, хотя бы силою оружия. В 1642 г. его приказчик Елизарий Тимофеев вместе с другими торговыми людьми, подавая челобитную об отпуске на соболиный промысел на Оленек, одновременно ходатайствовал об откомандировании с ним небольшого отряда служилых людей «для приводу под его государеву высокую руку иноземцев оленских мужиков и для его государева сбору, а он, Надеин прикащик Елизарий.., и все торговые и промышленные люди иноземцев, неясачных тунгусов, под его царскую высокую руку приводить рады заодно с служилыми людьми».[4]

Через своих агентов Светешников вывозил из-за Урала очень большое количество мехов, уступая в этом отношении среди ярославских скупщиков пушнины только знаменитым Скрипиным. В 1635 г., например, его прикащик явил на Вологде 11 сороков 10 соболей; в 1639 г. другой его прикащик вывез из Сибири 6 сороков; в 1641 г. из Якутска было отпущено «мяхкой рухляди» на 406 р. 30 а.; в 1642 г. один из его прикащиков вывез оттуда же 12 сороков 31 соболя и 78 сороков 35 пупков собольих, всего на 668 руб. с лишком и т. д.[5] Всю эту «мяхкую рухлядь» Светешников направлял «на ярмангу» в Архангельск для обмена на «немецкие» товары, которые затем частично распродавались в русских городах, а частично вместе с русскими товарами направлялись в Сибирь. Как мы видели, Светешников широко раскинул свою торговую агентуру и по русским городам. Его торговые предприятия упоминаются, кроме Ярославля и Москвы, в Н. Новгороде, в Астрахани, Перми, Олонце, Пскове, но за отсутствием данных они не поддаются какому-либо учету. Известно лишь, что с Волги он вывозил соль в Псков. В 1644 г., например, у него шло из Астрахани 50000 пудов соли, «а по про-

[1] Сиб. прик., ст. № 498.

[2] Там же, ст. № 90, л. 388; № 53, л. 771. Верхот. тамож. книга 144 г., л. 133; 145 г. — л. 91, 308 об., 309, 428—428 об.

[3] Там же, ст. № 90, лл. 376—377; Дела Якутск. правл., в. I, № 10; в. III; ст. №№ 3а и 281.

[4] ДАИ, II, № 99 (98), стр. 263.

[5] Кн. № 127, л. 826; Дела Якутск. правл., в. I, № 10, в. III, № 14А, л. 112 и др.

даже той соли, как бог вынесет, будет больши 5000 руб.»[1] В Москве у него были крупные дела с казною: он брал у нее в долг в большом количестве меха для перепродажи; около 1646 г. за ним числилось долгу казне за меха 6570 руб.[2]

На ряду с торговыми операциями Светешников широко практиковал дачу денег в рост, кредитуя маломощную торговую братью и служилых людей в русских городах и особенно в Сибири, где острый недостаток в деньгах открывал большой простор для аппетитов крупных ростовщиков. Ежегодно его агенты разъезжали по сибирским городам, собирая со «служилых и промышленных людей долги по кабалам дачи (его) людишек и прикащиков». После смерти прикащика Мих. Леонова в одной из тобольских лавок Светешникова пропало кабал и записей на 700 руб.[3]

Крупная иностранная торговля, колониальные предприятия, ростовщичество — все эти приемы помещения капитала характерны для эпохи первоначального накопления. Но Светешников не ограничивался ими. Он приобретал деревни с крестьянами и был довольно значительным землевладельцем: в Ярославском уезде в 1644 г. он владел деревней Смерицей на Мологе, другую Ярославскую вотчину он продал незадолго до того, кроме того ему принадлежало в Шацком уезде село Пеньки и сельцо Селевки под Москвой в Дмитровском уезде. Его земельные владения оценивались в 5500 руб., не считая ярославской вотчины, проданной им за 800 руб. Можно думать, что подобно устюжским капиталистам он использовал свои земельные владения в промышленных целях.[4]

Светешников вкладывал свой капитал и в добывающую промышленность. Когда была открыта медная руда на Каме в Григоровой горе, он совместно с немецким мастером Аристом Патцольдом с товарищами приступил к ее разработке и устроил плавильню под Пыскорским монастырем на реке Калкарке (Канкорке); руду для выплавки он доставлял по Каме.[5] В Костромском уезде, у Соли Большой он завел пять соляных варниц; в 1646 г. из них функционировали две («Сокол» и «Притыка»), в которых за первую половину февраля было выварено около 670 пуд. соли. Костромские соляные промыслы обслуживались «наемными людьми», с которыми прикащики Светешникова «уговаривались» и заключали договор — «ряду». Соль шла на продажу, и на вырученные суммы производились расходы на производство: на дрова, которые приходилось покупать, на оплату труда («наемным людям на корм») и проч. Оценивалось Костромское усолье в 7 тыс. руб.[6] В 1640 г. Светешников стал разрабатывать источники и на «Соляной горе» в Самарской луке на Волге. Описание этих промыслов и является темой настоящей статьи.

К концу жизни благосостояние Светешникова пошатнулось, а в связи с этим рухнуло и то почетное и влиятельное положение, которое он занимал в столице. Он запутался в расчетах с казной, так как не был в состоянии во время расплатиться за забранную в долг пушнину на крупную сумму 6570 руб. С бесцеремонностью, характерной для московского меркантилизма, ценившего буржуазию исключительно как плательщиков на нужды феодального государства,

---

[1] Сиб. прик., ст. № 498, лл. 164—169.

[2] Там же, № 202, л. 59 об.; № 253, л. 27; № 498, лл. 164—169 (в 1644 г. долг его Сибирскому приказу определялся в 10 тыс. руб.).

[3] Там же, ст. № 90, л. 398; № 88, лл. 466—468; № 139, лл. 488—490 и др.

[4] Там же, ст. № 498.

[5] ДАИ, VI, № 124.

[6] Сиб. прик., ст. № 253, лл. 24, 12, 10, 85; ст. № 498.

видный гость, лично известный царю и патриарху, был поставлен на правеж. Светешников умер на правеже, так и не расплатившись с долгами. [1]

II

Из многочисленных предприятий Светешникова наибольший интерес вызывают предприятия промышленные, выделяющие его из рядовой массы его братьи, торговых людей, ограничивавшейся торговыми и ростовщическими операциями. Промышленная деятельность Светешникова наглядно рисует нам один из первых опытов приложения торгового капитала к производству. Особенно важно для нас Приволжское усолье, так как тут, в Самарской луке, дело шло не только о разработке природных богатств Жигулей, но и о привлечении в пустынную до тех пор местность рабочей силы, т. е. о колонизации территории, прилегавшей к промыслам.

В 30-х годах XVII в. русская колонизация далеко еще не овладела всем течением Волги. Ниже Тетюшей русское население ютилось оазисами вокруг основанных в конце XVI в. укрепленных пунктов. Олеарий говорит, что за Тетюшами «до конца Волги уже не встречается ни одного селения». [2] Все пространство от Тетюшей до Самары было совершенно безлюдно и открыто для передвижения ногайцев и других кочевников и для разбоев казаков; Симбирск был основан только в 1648 г., а основание Ставрополя относится уже в XVIII в. (1738 г.). Даже правый берег Волги не защищен. Устье Усы долгое время служило пристанищем для «воровских» казаков, подстерегавших здесь торговые суда; те же казаки пользовались узкой «переволокою» между Волгой и Усою, пересекающею Самарскую луку, для внезапных нападений на суда, огибавшие луку. В 1630-х гг. в степях нижней Волги появился новый и опасный сосед — калмыки-торгоуты, подкочевавшие к Астрахани под предводительством хана Хо-Урлюка и покорившие кочевавших здесь ногайских татар.

Только с середины XVII в. делаются первые серьезные попытки со стороны правительства создать условия, обеспечивающие господство в правобережном районе среднего и нижнего Поволжья: была построена Симбирская укрепленная черта, в результате чего калмыки номинально признали русскую власть. В 1684 г. проведена была новая укрепленная линия от р. Суры до Надеина усолья и, таким образом, территория, на которой развивал свои промышленные предприятия Светешников, была окончательно присоединена к русским владениям через 40 лет после его смерти. Еще медленнее шло освоение левого степного берега Волги. В середине XVII в. возникла Закамская черта, начинавшаяся против Сенгилея, и ею надолго определились границы колониальной экспансии на восточной стороне Волги, где Черемшан оставался крайним пунктом до начала XVIII в., когда при Петре был построен Сергиевск на реке Соке. Только при Анне Ивановне укрепленная линия передвигается на Самару.

Итак, в 30-х годах XVII в. Самарская лука, где действовал Светешников, представляла собою местность, совершенно открытую для нападений кочевников. Во время борьбы с Заруцким на Усе возникли было временные острожки для наблюдения за ногаями и казаками, но, повидимому, они были покинуты после ликвидации авантюры Заруцкого. Что местность, в которой выросло Надеино усолье, была до появления Светешникова совершенно незаселенною (в противопо-

[1] Там же, ст. № 765, № 253, л. 27, кн. № 202, л. 59 об.
[2] Перевод П. Барсова, изд. Общ. ист. и древн. росс., 1870, ч. 2, стр. 420, М.

ложность существующему в литературе мнению),[1] видно из показаний обитателей Усолья в 1646 г., поселившихся здесь только при нем.

Надее Светешникову Усолье было пожаловано в 1631 г. под условием уплаты в казну оброка по 26 руб. 31 а. 1 д. в год. 9 января 1646 г. Усолье вместе с принадлежавшими гостю варницами в Костромском уезде было взято «на государя», так как Надея умер, не расплатившись с казенными долгами. Однако, по ходатайству его сына Семена 24 апреля Усолье снова было ему возвращено, и уплата отцовского долга была рассрочена на три года. За молодого Светешникова поручился влиятельный и богатый гость Вас. Григ. Шорин.[2]

Такое «милостивое» разрешение вопроса об Усолье объясняется повидимому тем, что казна очень быстро убедилась в трудности самостоятельного ведения дела без значительных затрат. Варницы требовали ремонта. В Костромском уезде топились только две варницы. «а иные стоят пусты, соляные црены и печи худы, и соли в них варить нельзя». Нужны были денежные средства также на эксплоатацию соляных угодий: на топливо, на оплату рабочих. Налицо «соли не заехали»; «сколько-де было в выварке соли, и та соль продана вся, а деньги даны наемным людям на корм и на иные расходы. А работные-де люди на тех варницах быть не хотят, потому что на тех варницах не прокормиться. А в лето чем те варницы топити, запасных дров ничего нет, а сказывают... Надеины прикащики и работные люди прежде сего у Надеи Светешникова задатнили к тем варницам дрова в Пошехонье, в Мологе и в Шексне реке с рождества христова по 500 кошем и больши и гоняли те дрова большею вешнею водою рекою Волгою, а ставилась... всякая кошма по 2 р. и больши; да Надеины ж прикащики сказывают, что-де они приписали цренного железа 100 полиц по 9 полиц и больши».[3] Если таково было положение дела в окрестностях Костромы, то эксплоатация далекого самарского угодья вызывала еще больше трудностей. Казна, привыкшая организовывать свои предприятия на основах подневольных, «указных», была совершенно неспособна руководить предприятием более прогрессивного типа, построенным на наемном труде и на своевременном сбыте продуктов на рынке.[4]

При таких обстоятельствах нас не должно удивлять решение правительства, оказавшегося со своими примитивными феодальными приемами хозяйства не в силах справиться со сложным по тому времени предприятием, — восстановить семью Светешниковых в ее правах. В руках Светешниковых Усолье оставалось до 1659/60 (168) г.,[5] когда сестра Надеи Светешникова, вдова Антонида, во владение которой промыслы перешли, вероятно, после смерти племянника, отказалась от своих прав в пользу казны за индемнизацию в 6500 руб. (около 100 тыс. руб. на довоенные деньги), каковые и были ей выплачены из приказа Большого Дворца. Выкупив Усолье, правительство тотчас пожертвовало его подмосковному Савво-Сторожевскому монастырю.

[1] П. Семенов. Россия, VI, стр. 412—413.

[2] Спб. прик., ст. №№ 253 и 765.

[3] Там же, ст. № 253, лл. 10, 12, 20, 23, 85. См. тамож. книгу по Романову № 7, где помечено, что в мае 1650 г. проплавлено «на низ к Соли» 19 плотов дров сосновых и березовых (534 кошмы), принадлежавших Семену Светешникову; с дровами шло 226 «работных людей» и 19 лодок; «замыту» плачено с 800 руб.

[4] Характерно, что правительство пыталось насильственно удержать наемных людей на работах, «хотя и урочные сроки против записей отошли» (Спб. прик., ст. № 256, л. 23).

[5] С 1651/52 (160) г. Усолье было на откупу за $496^1/_2$ руб. в год (ДАИ, VI, № 87).

Такова в нескольких словах внешняя история Усолья за то время, когда оно принадлежало купеческой семье Светешниковых.

Приобретенные Н. Светешниковым в 1631/32 г. земельные владения были чрезвычайно обширны и охватывали всю западную половину Самарской луки. Тянулись они «с луговой стороны» Волги от Ягодного ярка (теперешнее село Ягодное) через Волгу на «нижнюю» горную сторону к устью реки Тукшума, впадающей в приток Волги Усу, и шли далеко вниз по обоим берегам Усы до того места, где ее русло приближается к Волге и где издавна существовала «переволока», сокращавшая объезд по луке; далее границы Надеиной земли шли вверх по Волге по нагорной стороне «с переволокою» на речку Брусяну, а от Брусяны на речку Аскул, впадающую в Волгу несколько ниже Усы, пересекали опять Волгу и шли «по за Волге реке по Ягодный ярек», захватывая богатую рыбными ловлями «Кунью волошку», против устья Усы, где впоследствии возник Ставрополь.

В состав громадных владений Светешниковых входили разнообразные угодья: «черный лес», «бор», «сенные покосы» и «дикое поле», а также богатые «рыбные ловли на Волге реке: урочищи от Ягодного ерку через Волгу реку на нагорную сторону на верхние Ахтыши, что под Ахтубою, да на низ Волгою по Козей боерак и по Березовую гриву, Кунья волошка с заводками, да заводь Мокрец, да Куприно озеро, два подвалья под Усою, да озеро Мастрюково и с Черным яром до подвалейца Костоватое с озером Костоватым и с речки и с озеры и с истоки и с западными ерки и с западными озерки и с полои и с песками и с дреставми и со середки и с затоны».[1] Но главное богатство вотчины составляли «соляные горы» — многочисленные соляные источники в районе речки Усолки, позволявшие сметливому торговому человеку развить здесь значительные соляные промыслы. Успеху предприятия способствовало и наличие «в тех урочищах и в округе» в изобилии «дровяного всякого леса к соляному промыслу, к варницам» (обстоятельство чрезвычайно существенное, так как на выварку соли, как мы видели на примере костромских промыслов того же Светешникова, требовалось очень большое количество дров). В 1646 г. было зарегистрировано «на низу от Усолья к Усе в старом сколке липовых дров 149 саж., да в лесах у пни принято 256 саж. липовых, да 19 саж. дров сосновых, да за озером на лугу против варниц 4 саж. сосновых дров», всего 428 саж.

Варниц в Надеином усолье в 1646 г. было восемь: шесть на Усолке и две на стороне, в степи. Каждая из шести стоявших на Усолке варниц, по обычаю того времени, имела свое прозвище: «Гостеня» (очевидно названная в честь владельца-гостя), «Новик», «Приезжая», «Хорошова», «Волга» и «Орел». Попытка расширить район солеварения на степь оказалась неудачной, и поставленные в степи варницы к 1646 г. были разорены кочевниками. В 1660 г., когда Светешниковым пришлось отказаться от продолжения промыслов, на Усолке числилось попрежнему шесть варниц; из них пять с теми же прозвищами, и только вместо «Орла» стояла новая варница «Любим». Кроме того было четыре пустых колодезя. Таким образом, разновременно в Усолье работало десять варниц; некоторые из них уничтожались и заменялись другими по мере истощения рассола или открытия новых «соляных жил»; стоявшие в степи подвергались

[1] Общее описание владений Светешниковых заимствовано из грамот Коллегии Экономии по Симбирску № 16/11540 (сообщено мне покойным Д. М. Баниным). В дальнейшем большая часть сведений почерпнута из ст. № 253 Сибирского приказа, специальных ссылок на который не делается.

разорению со стороны степняков. Фактически одновременно действовало редко более шести варниц.

Выварка соли в Усолье производилась довольно примитивными способами. Рассол, т. е. соленую воду, выкачивали из подземных «жил» посредством деревянных труб.[1] В описи 1646 г. упоминается «трубная снасть»: четыре тюрика трубных больших, два тюрика малых с кольцами, жеребей трубный и т. д.; специально для поисков рассола и пробивания земли служили «щуп железный», резцы земляные, напарьи, «что проходят трубы деревянные», два сверла, три жолоба, лапы, кирки и т. д. Бурение колодцев требовало специальных знаний и опыта и, как мы увидим, труд специалистов-«трубников» ценился высоко. Из колодцев рассол шел в варницы через «рассольные» или «сливальные» колоды, которых в варницах было обычно восемь или девять; под колодами в каждой варнице имелось пять-шесть корыт или «приколодок»; упоминается кроме того «жолоб сливальный». Самая выварка производилась в железных цренах. В црен рассол переливался из колод, вероятно, посредством «ковшей сливальных», которых в каждой варнице было несколько (всего их было в Усолье 102). Эту работу, повидимому, производили «сливальщики». Далее соль, повидимому, по жолобу поступала в «ларь дощаной с желобом, что кладут соль». Наконец тут же, в варнице, помещался «ящик дощаной, над ним меряют соль», для чего служил «мерник липовый». Для взвешивания соли служили два кантаря с гирями, два безмена железных и две гири терезные по полпуда каждая. Для хранения запасов при Усолье имелся «анбар соляной», перегороженный надвое.

Наиболее ценной частью оборудования варниц были црены, которые от постоянной работы скоро изнашивались и требовали частого ремонта (в 1646 г. во всех варницах црены были старые, худые). Поэтому при Усолье существовала кузница, «а в ней кузнечная снасть»: две наковальни (кроме того упоминаются отдельно четыре наковальни), тринадцать клещей (кроме того восемь), четыре кочережки, четырнадцать молотов больших и малых (кроме того два молота-рогула и три молотка малых) и т. д. и специальная «цыреная снасть, чем поделывают цырени»: четыре клеща, три молотка, наковальня, держальник, один молот-рогул, кузни, наковальня, три брода, два прорывка и т. д. Для нужд кузницы в Усолье имелись значительные запасы железа (1100 клипцов укладу, 3 пуда железа тянутого, 5 связок укладу жильнаку, 38½ пуд. цыренного горелого железа); как материал должен, повидимому, рассматриваться и всякий железный лом: «отрез плужной», «2 п. и 10 грив. топоров ломаных, в починку не годятся», тридцать «топоришков ломаных», два обломка якорей и т. п. На ремонт цренов были рассчитаны запасы крупного «гвоздья цыренного», которых к моменту описи было 3 пуда 13 гривен.[2] Гвоздье это очевидно вырабатывалось в той же кузнице, точно так же, как и гвоздья «двоетесовые», шедшие на постройки (их было 1200 штук) и гвозди «тяжные» (33 штуки).

Заводя соляные промыслы на далекой украине, в пустой степи, Светешников должен был обеспечить их рабочей силой. Рабочие на его варницах подразделялись на две группы. Первую из них составляли «работные люди» — вольнонаемные рабочие. Судя по практике

---

[1] Такие трубы сохранились на месте старинных усолий: несколько таких труб можно видеть в соленом озере в Сольвычегодске. Образец трубы из Соли Переславской хранится в Переяславском художественно-историческом музее.

[2] 760 гвоздей цыренных весили 53 ф., иначе говоря, один гвоздь весил почти 6.7 зол.

в Костромском усолье, они поступали на «урочные сроки»; с ними заключалась «ряда, как они уговаривались, гостя Н. Светешникова с прикащики», скреплявшаяся «записями».[1] В Надеином усолье специально на варницы было нанято тринадцать человек: четыре «работных человека», которые вываривали соль и получали за это вознаграждение сдельно по 2 гривны со 100 пудов (из них двое, кроме того, «делали и починивали цырени и от того имали у Надеи на год по 30 руб.»); четыре «сливальщика», которые «наймовались-де у Н. Светешникова в сливальщики в варницах и соль обрежали и найму имали на зиму по 3 руб. на человека», четыре «перетруха,[2] которые наймовались... дрова возить в варницу», получая по 4 рубля за сезон («на зиму»), и, наконец, один трубник, специалист по бурению соляных колодцев, «родиною Костромского уезда Соли Большой посадский человек», который «жил-де у Н. Светешкина в усолье у трубного дела» и «на год имал по 30 руб.» Все «работные люди» кроме денежного жалованья пользовались хозяйскими харчами; «ели, пили его, Надеино». Оплата их труда была по тому времени довольно высокая, если сравнить с жалованьем, которое получали государевы служилые люди. В Сибири дети боярские редко получали более 15—20 руб. и паек, а рядовые служилые люди — более 5 руб. и паек: 4 рубля и паек были обычным вознаграждением, сторожам на казенных учреждений — воротникам и другим оброчникам, т. е. наемным служащим казны. Для рабочих при варницах была поставлена изба, про которую сказано, что «в ней живут работные люди», но изба эта была старая и без верху.

Перечисленные тринадцать сезонных рабочих, специально нанимавшиеся для работ на варницах, не могли обслужить всех нужд завода. Солеварение, в частности, было связано с громадным расходом топлива, заготовка которого также требовала людей. Нанимать для такого рода работ лишних сезонных рабочих было в условиях феодальной экономики невыгодно и трудно, особенно в виду недостатка людей на далекой приволжской украине. Надо было поэтому создать рабочее население на месте. Таково было, повидимому, первоначальное назначение «бобыльской слободки», возникшей вблизи Усолья, где в 1646 г. числилось тридцать беспашенных бобылей. Эти бобыли «за бобыльский оброк на него, Надею, делают изделие», т. е. за право жительства на Надеиной земле, иногда сопровождавшееся ссудою или предоставлением избы и инвентаря, обязывались работать в Надеином хозяйстве, т. е. в первую очередь, вероятно, на промыслах. Так, несомненно, на промыслах отбывали свое изделие кирпищик Васька Андронов, о котором сказано, что он должен «соль варить», и трубник Гришка Евтифеев.

Отношения бобылей к хозяину иногда осложнялись их задолженностью. Светешников, заинтересованный в том, чтобы удержать бобылей в усолье, помогал им налаживать хозяйство и закреплял их за собой посредством ссуд (деньгами и инвентарем). Названный выше Васька Андронов взял у Светешникова 15 руб. и «в тех деньгах дал на себя запись, что ему за те деньги у него, Надеи, в усолье жить и соль варить». Другой бобыль Ивашка Васильев, пермяк из Соли Камской, «тому ныне (в 1646 г.) 10-й год учал... жить в усолье у Н. Светешникова в бобылях, а ссуды он у Надеи взял лошадь за 5 руб., да корову за 2 руб.» Романовец Потапко Жуков «тому ныне 8-й год пришел в Надеино усолье и Надея-де дал ему

[1] См. Сиб. прик., ст. № 253, л. 24.
[2] Т. е. пильщики, что видно из выражения «две пилы, что трут дерево».

избу, а он в той избе живет в бобылях и за бобыльский оброк делает изделье». Юридическое положение таких бобылей мало чем отличается от положения крестьян, крепких своим хозяевам по ссудной записи, с той разницей, что бобыли отрабатывали барщину не в сельском хозяйстве, а на заводе. Был среди бобылей и один холоп Надеи Светешникова, который «живет в его, Надеине, дворе», — Иван Фалалеев Черный, Заузольской волости крестьянин. Однако среди бобылей попадаются и наемные рабочие, работавшие по найму за определенное жалованье: таков Панька Посников балахонец, посадский человек, который «в прошлом во 153 (1645) году нанялся... с Светлого воскресенья у Надеи Светешникова в год всякую работу работать, а найму он рядил 10 ½ руб., а жил и ел его, Надеино».

«Бобыльским издельем» далеко не покрывалась вся потребность Усолья в неквалифицированной рабочей силе, и в некоторых случаях приходилось обращаться и тут к вольнонаемному труду. Последний, например, применялся при заготовке дров: в описи отмечено, что «за сечку [дров] деньги все даны»; в числе инвентаря упоминаются служившие для приемки дров «сажень дровяная железная» и «четверть сажени», тоже железная. Мы не знаем, из каких элементов вербовались вольнонаемные дровосеки; вероятнее всего, это были те же бобыли, которые сверх обязательного «изделья» могли прирабатывать на промыслах и за плату («кормятся работою»).

Таким образом, на промыслах Светешникова мы наблюдаем переходную организацию труда. С одной стороны, еще применяется в широких размерах труд зависимых людей, живущих на земле сеньера и обязанных ему «изделием». Но так как эта феодальная система эксплоатации угодий не обеспечивает в достаточной мере потребностей предприятия, оно обращается к вольнонаемному труду, причем не только в отраслях, где требовались специалисты, но и при массовой заготовке дров. В этом нельзя не видеть перехода к более сложным формам производства.

Отсутствие в области развитого земледелия ставило перед заводчиком задачу наладить снабжение рабочих. В этом отношении частный предприниматель оказывался в том же положении, в какое попало феодальное государство, когда приступило к эксплоатации природных богатств Сибири. В обоих случаях вопрос разрешался одинаковым образом: в виду невозможности продовольствовать привозным хлебом в одном случае — служилых, в другом — работных людей и бобылей и полного отсутствия местных ресурсов, приходилось развивать земледелие в самой колонии и создавать на месте, на основах крепостнических, земледельческое население.

К такому средству должен был прибегнуть и Светешников, чтобы обеспечить рабочий контингент своего усолья хлебом. С этой целью он набирал и селил в своей вотчине крестьян, возлагая на них в виде барщины обязанность пахать пашню. В 1646 г. в Надеином усолье было 30 крестьян. Они вербовались Светешниковым из различных слоев населения основных районов государства. Главный контингент составляли «гулящие» люди (15 человек); за ними следовали крестьяне (6 человек) и бобыли (3 человека), в том числе переведенные Светешниковым из других принадлежавших ему деревень, три холопа, посаженных им на пашню, и один бывший дворовый постороннего помещика. Старостою усольских крестьян был один из дворовых Светешникова пивовар Ивашка Абакумов, которого «прислал-де Надея в Усолье и посадил за себя в крестьяне и дал-де ему ссуду две лошади и одну корову»; надо полагать, что хозяин возложил на него самое устройство пашни при промыслах и наблюдение за нею, чем и

объясняется сравнительно высокий размер предоставленной ему ссуды. Каждый крестьянин получал восьмую долю выти; если же в хозяйстве было два работника (отец с сыном, два брата), то они сидели «на четвертухе», т. е. на четвертой доле выти. Некоторые при поселении брали небольшую ссуду деньгами или инвентарем: двое «взяли на ссуду» по 1½ руб., двое—по 3 руб., один — 4½ руб.; Васька Сысоев Горлов, алатырец, «в ссуду взял лошадь за 3 руб.» Как уже сказано, ссуда старосте Ив. Абакумову (две лошади и корова) представляет, конечно, исключение; она была вызвана ответственностью данного ему поручения и должна рассматриваться как вознаграждение за несение обязанностей старосты. Сельскохозяйственным инвентарем крестьян снабжал также предприниматель, судя по тому, что в его складах хранились старые и новые косы (21 шт. и 4 «косы горбуши»), 23 серпа «худых», т. е. бывших в употреблении, 7 лемехов, 6 черцов, отрез плужной. Весь этот инструмент очевидно был уже использован и возвращен крестьянами, как попорченный, за исключением, может быть, кос, которые могли выдаваться крестьянам только на время сенокоса.

В какой форме эксплоатировался труд крестьян в Надеином усолье в 40-х годах XVII в. — в форме ли посопного хлеба или барщины — нам неизвестно. В 1660 г. крестьяне пахали «четвертушную пашню» (ее числилось в Усолье 30 четей), т. е. производили барщинные работы.

Поселение крестьян при промыслах в значительной степени разрешало продовольственный вопрос. Судя по описанию, в Усолье сеяли рожь, пшеницу, овес, гречу, ячмень и полбу. В 1646 г. налицо было довольно значительное количество хлебных запасов, свидетельствующее об успехах хлебопашества во владениях Светешникова: 71 п. ржи, 11 п. овса, 16½ п. пшеницы, 18¼ п. ячменя, 33½ п. овсяных круп, 5½ п. гречневых круп, 21 п. ржаной муки, 3¾ п. ржаных сухарей, 2 п. полбы — всего 182½ пуда. Кроме того на поле в степи «стояло 5 оденей» ржи, и «те одени мышь поела» — прибавляет опись.

Для переработки зерна была в степи «на речке Усолке поставлена мельничишка, клетка липовая, а в ней жерновы четверики, против мельничишка избушка липовая пластинная..., у той же мельницы на берегу жерновы пятерики».

На ряду с земледелием Светешников завел в своем усолье и скотоводство. При промыслах имелся скотный двор, огороженный забором, «на дворе хором три избы ветхи (два амбара), а на том дворе стоит скотина». Рогатого скота в Усолье в 1646 г. было 39 голов, считая молодняк (4 быка, 14 коров, 8 подтелов и 13 телят «молокососов»); кроме того, два барана, четыре овцы, двое ягнят, два козла, одна коза. «Приставлен у животины» был дворовый человек Светешникова Логинко Павлов. Кроме скотного двора имелся особый «двор конюшной», на котором стояли изба и конюшня с сенницей. Лошадей у Светешникова было 25. На конюшенном дворе хранилась также всякая сбруя: «4 седлишка, 3 подседельничника, орчачишко без войлока, 14 хомутов лычных и повозки: 10 саней и одни дровни езжены».

Из других хозяйственных предприятий в Надеином усолье существовал, повидимому, кирпичный завод. По крайней мере, в 1646 г. налицо было 4 тыс. кирпича жженого, целого и ломаного. Среди бобылей назван один кирпищик.

Трудно объясним тот факт, что в отношении вотчины, расположенной на Волге, богатейшем рыболовном районе, и изобиловавшей много-

численными рыбными угодьями, нет почти никаких указаний на эксплоатацию рыбных ловель. Среди инвентаря Усолья попадаются невод-частик в 120 саж. и еще «ветхое неводишко» в 40 саж.; имелось пять старых лодок и один паузок «на пермское дело»; но этой рыболовной снасти было, конечно, недостаточно для широкой постановки дела, тем более что лодки обслуживали не только рыбную ловлю. Повидимому, дело ограничивалось ловлей рыбы на харчи работным и дворовым людям, и эта обязанность лежала на бобыле Ваське Михайлове казанце, который «нанимался... у Надеи в неводчики, а найму имал на год по 11½ руб.»

Центром всего этого обширного хозяйства, организованного предприимчивым торговым человеком на границе «дикого поля», была хозяйская усадьба. За оградой возвышался господский дом — горница на подклетях с бревенчатыми сенями, в которые вел «крылец дощатый»; кругом господского дома были расположены службы: баня с предбанником дощатым, изба хлебенная, клеть дощатая о двух житьях, поварня, амбар дощаной с сушилом дощаным в верхнем этаже и с навесом, пристроенные к амбару ледник и другой амбар; у ворот амбар старый о двух житьях и две избы сосновые, в которых помещались Надеины люди и люди работные. За оградой находилась также церковь во имя «нерукотворенного образа» богородицы Казанской и Климента папы римского. Рядом с церковью стояла колокольница о четырех сосновых столбах с шестью небольшими колоколами, к которым были «приведены часы боевые с четвертьми».

Колонизаторская деятельность Светешникова наталкивалась на постоянное сопротивление со стороны кочевавших в степях ногайских татар, представлявших в первой половине XVII в. еще очень серьезную опасность для русских поселений в пристепных районах, а также со стороны появившихся в начале 1630-х гг. в приволжских степях калмыков-торгоутов и дербетов. Напомним, что в 1639 г. они едва не захватили Самару, расположенную неподалеку от Надеина усолья. Сильно страдало от соседства воинственных степняков и население Надеина усолья. В 1644—1646 гг. дважды «приходили под Усолье ногайские люди, и у них-де конский табун отогнали и на полях на хлебе жен и детей их в полон поимали, а они-де от ногайских людей стали разорены до конца, и что-де было на полях хлеба посеяно, и тот весь хлеб остался не сжат, и они-де живут в Усолье, помирают голодною смертью, а кормиться-де им стало нечем».

«А тому-де ныне третий год подходили под Усолье ногайские люди и двор его сожгли и животину отогнали», — показал в 1646 г. один из поселенцев, Сенька Андреев лалетин; подобные же показания дали два других его товарища. Сильно страдали от кочевников и промыслы, особенно при попытке расширить район эксплоатации залежей соли. В 1646 г. в степи стояли в развалинах две варницы, «что осталось от разорения калмыцких людей». Не молола и мельница, поставленная в степи, потому что была «испорчена от ногайских людей».

Для охраны варниц и обслуживавшего поселок населения Светешникову пришлось поэтому построить небольшую крепость. Постройку эту он произвел собственными средствами. «Горододельщиком» был его дворовый человек, Игнат Кириллов харчевник. Доморощенный инженер из дворовых харчевников укрепил господскую усадьбу, окружив ее палисадом (острогом), и превратил ее в настоящий «острожек». Размеры этого острожка нам неизвестны. В него вели «двое ворот с калитки», запиравшиеся на «засовы железные с замки». Внутри острожка некоторые здания были тоже укреплены на случай внезапного

нападения. Построена была специальная изба сосновая «с обламы и с бойницами и с кровлею»; на вотчинниковом дворе чердак был тоже укреплен обламами. Даже церковная колокольня обслуживала военные цели: к ее шести колоколам были «приведены часы боевые с четвертьми и с перечасьем», которые имели не просто декоративное значение, а были необходимы для караульной службы. Расположенный вокруг острожка поселок был повидимому окружен второй линией вала и, может быть, частоколом, так как за острогом «вверх по Усолке реке по конец бобыльские слободки» упоминаются «ворота створные», которые изнутри защищала четырехугольная рубленая «в замочный угол» из лодочного леса башня. Особо, в виду опасности отгона скота кочевниками, был укреплен скотный двор — тесовым забором с обламами. Таким образом, Надеин острожек с его внутренними и внешними укреплениями представлял собою по тому времени довольно внушительную крепость, своеобразный частновладельческий замок с укрепленным деревянным донжоном и с системой предстенных укреплений.

Крепость эта была в достаточной мере снабжена артиллерией и оружием. В ней было в 1646 г. 4 пищали медные (из них две полуполковые), 4 пищали полковые железные длинные, 1 затинная с замком, 7 железных дробовых, всего 16 пушек различных размеров,[1] к ним 80 ядер железных, 2 ядра железных тюфяковых и 15 зарядов железных к пищалям дробовым. Из оружия в хозяйском арсенале хранилось 15 мушкетов, 7 самопалов, 2 турки, 4 гранушки, 1 лук черемисский со стрелами, 680 стрел с «железцами» (железными наконечниками); кроме того старого попорченного оружия было: «5 стволишек мушкетных, 1 замчишко, 6 лучишков черемисских без тетив»; из других предметов вооружения имелось 3 лядунки и 5 рожков стрелецких (для пороха) и два знамени «с древки». Пушечных запасов было 4 п. пороха и $4^1/_2$ п. свинца. Насколько хорошо снабжен был острожек военным «нарядом», показывает сравнение хотя бы с Красноярским острогом, пограничным городком Сибирской украины, выносившим на себе жестокие удары со стороны многочисленных и воинственных кыргызов, монголов и джунгар; в 1657 г. в нем было всего 5 пищалей.[2]

В построенном им острожке Светешников содержал на собственные средства небольшой военный гарнизон. В 1646 г. последний состоял из 33 «боевых людей» или «пищальников», которые Усолье «оберегают от прихода воинских людей». Судя по названию («пищальники») и по наличию в арсенале мушкетов и самопалов, они были вооружены огнестрельным оружием, хотя, может быть, и не все. В бой они выступали под знаменами, что предполагает известный «строй» и организацию. Во главе их стоял десятник Арт. Аверкиев Курьдюк. Гарнизон комплектовался различными способами. Более трети (13 человек из 33) составляли собственные дворовые кабальные люди гостя. Некоторые из них по своему происхождению были военные люди. Таков Иван Федоров Кошлома алатырец, служилый человек, казак, который вместе с пасынком был выдан Светешникову «в истных деньгах» на 7 лет, «и Надея их-де сослал в Усолье для обереганья воинских людей». Устраивая своих людей на военную службу в Усолье, Светешников обычно ссужал их инвентарем, а иногда деньгами и семенами на обзаведенье хозяйством. Так, четверым он дал «на племя лошадь да корову» каждому, двум другим «на дворовое строение и на

[1] В 1660 г. пушек было всего одиннадцать: три медных, четыре железных, четыре железных дробовых.

[2] Сиб. прик., ст. № 513, лл. 1—2.

животинную покупку» по 10 руб. денег. Кошлома взял «на ссуду» $1/2$ п. пшеницы, 1 четверик гороху и 2 руб. денег. Относительно некоторых в описи сказано определенно, что они оставались на содержании хозяина; поскольку даже дворовые люди, получившие на обзаведение по 10 руб., по их словам, ели и пили «его Надеино», надо полагать, что такой порядок не был исключением.

Остальные 20 человек были прибраны Светешниковым со стороны. Это были по большей части гулящие люди (11 человек),[1] но было и несколько частновладельческих крестьян (в том числе сам десятник Артемий Курьдюк) и один дворцовый крестьянин из Лыскова (всего было пятеро крестьян), один бобыль из Усолья, перешедший в «пищальники» после смерти отца, один служилый человек; о двух сведений нет. Любопытен случай с служилым человеком: это был выходец из Литвы, который года четыре «жил в стрельцах» в Казани и, «заслужа государево жалованье», перешел на частную службу.

Условия службы наемных «боевых людей» определяются в документах довольно точно. Поступавшие на службу давали на себя «запись», что «им жить за Надеею в Усолье» и «от воинских людей оберегать» его владения. С своей стороны они «рядили», т. е. договаривались о размере вознаграждения. «Пищальникам — по их собственным показаниям — давал он, Надея, на приходе для дворового строения по 5 и по 10 и по 15 и по 18 руб., а иным давал на ссуду лошади и коровы и хлеб». Как общее правило, «на дворовое строение» выдавалось по 15 руб. (в 11 случаях), в одном случае дано было $18^{1}/_{2}$ руб., в одном — 13 руб. и 3 п. ржи и 1 п. овса, в одном — 10 руб. и в одном — всего $5^{1}/_{2}$ руб. Эта подмога на постройку двора трактуется в описи как «наем». Как на исключение, укажем на соглашение о годовом жалованье (5 руб. в год). но и тут нанимавшийся взял плату вперед за несколько лет: гулящий человек Савка Семенов «рядил на год по 5 руб.; а задатку взял 20 руб.», а стрелец Сенька Васильев киевлянин, поступивший на службу на тех же условиях, взял вперед 16 руб. Иногда сверх «найма» бралась ссуда: так Микита Иванов Загородский взял «на ссуду» рубль. Некоторые из «боевых людей» были также «устроены пашней»: трое получили по 4 чети в поле, «в дву потому ж», один — две чети. Но широкого распространения служилая пашня в Усолье не получила, так как военная служба связывала «пищальников» с острожком, а «та-де пашня удалена в день», как жаловались они впоследствии.

Легко заметить, что наемные «боевые люди» набирались приблизительно на тех же условиях, что и крестьяне — они получали подмогу деньгами и инвентарем и давали взамен на себя «запись». Разница заключалась в том, что рядившийся «в крестьянство» обязывался работать всякое «деревенское изделие» и платить оброк, а рядившийся в пищальники брал на себя обязанность несения военной службы. Очевидно таковы же были условия, на которых в XVI в. Строгановы прибирали «наемных казаков» и комплектовали гарнизоны своих городков.

К гарнизону надо, повидимому, отнести также горододельщика дворового человека Светешникова — Игната Кириллова, который жил в Надеине дворе в острожке, исполняя, вероятно, функции коменданта крепости — городничего, и другого дворового человека — Сеньку Иванова, который «в Усолье живет в часовниках, а жалованье у него, Надеи, имал на год по 6 руб., а одежду носил и пил и ел Надеино».

[1] Точнее 13 чел., так как двое неизвестного происхождения были, вероятно, тоже гулящими людьми.

III

Попытаемся подвести итоги колонизаторской деятельности Светешникова за 14 лет — с 1632 по 1646 гг. В пожалованном ему усолье он успел довольно широко развить солеварение, обеспечил промыслы рабочей силой и более или менее удовлетворил потребность предприятия в продовольствии и в военной охране. Построенный им острог господствовал над целым промысловым поселением с многочисленными промышленными заводами и хозяйственными службами: соляными варницами и колодцами, соляными амбарами и хлебными клетями, погребами и кухнями, скотным и конюшенным дворами, мельницей, казармами для работных людей, дворами служилых людей, бобыльской слободкой, крестьянской деревней.

Все это сложное хозяйство, включая пашни, сенокосы, рыбные ловли и дровяные леса обслуживали в 1646 г. 108 чел., не считая духовенства,[1] а именно: 33 боевых человека, 30 крестьян, 28 бобылей, 13 работных людей, 1 горододелец, 1 часовник, 1 скотник, 1 неводчик. Собственно промыслы обслуживали, повидимому, 41 чел., т. е. работные люди и бобыли, оборону Усолья — 35 чел. (боевые люди, горододелец и часовник), сельское хозяйство — 32 чел. (крестьяне, скотник и неводчик). Заведывание Усольем возложено было Светешниковым, вероятно, на приказчиков, т. е. свободных людей, служивших ему по «записям», но о них опись не упоминает.

Через 14 лет после описи, в 1660 г., в Усолье числилось уже 112 дворов, в том числе 101 бобыльский и 11 крестьянских, с населением, считая 46 захребетников и подсоседников, в 158 чел.[2] В это число не вошли дворовые люди владельца, не имевшие собственных дворов, и духовенство. Таковы результаты предпринимательской деятельности Светешникова почти за тридцать лет, с 1632 по 1660 г.

Непосредственное воздействие хозяина предприятия на состав колонистов отразилось на направлении колонизационного потока. Не случайно, конечно, попадали в Усолье колонисты из районов, известных своими соляными промыслами: три человека из Костромы, один из Галича, четыре или пять из Усолья Камского, в частности, специалисты по бурению соляных колодцев — трубники. Ряд колонистов вышел из среды людей, непосредственно зависевших от гостя и насильственно высланных им в Усолье; в таком положении были все его дворовые люди и крестьяне из его деревень.

Для полного уяснения этой стороны вопроса нам приходится остановиться на социальном происхождении усольских насельников.

Главную массу поселенцев (более 40% тех из них, социальное происхождение которых нам известно) составляли «гулящие люди» — 37 чел. из 88. Это были лица без определенных занятий, не прикрепленные ни к какому чину и не связанные тяглом, искавшие в Усолье заработка. В социальном отношении эта группа отличалась большой пестротой, так как объединялась одним внешним, узко юридическим признаком — свободою от тягла и крепости. В нее входило много крестьян, не имевших собственного хозяйства; так, упоминаются два гулящих человека из деревни Вигори Пошехонского

---

[1] При церкви, судя по наличию священнических и диаконских риз, были и священник и диакон; надо думать, что, по обычаю, имелся также пономарь или дьячок.

[2] Грам. Кол. Экон. по Симбирску, № 16/11540. Сравнению с данными 1646 г. цифры 1660 г. не поддаются в виду несовпадения терминологии: неясно, вошли ли в понятие бобылей и пищальники, которые в 1646 г. выделялись в особую группу, имеет ли справка 1660 г. в виду только взрослых захребетников или также малолетних, о которых умалчивает опись 1646 г.; наконец, опись 1646 г. не дает и точного подсчета дворов, который мог бы быть сравнен с подсчетом 1660 г.

уезда, Медынского уезда села Домадоновского гулящий человек, Алатырского уезда села Ивановского гулящий человек; особенно характерен пример Федьки Яковлева пастуха, гулящего человека села Торжка Луковского уезда. На ряду с гулящими людьми из крестьянской среды были несомненно и «гулящие люди с посаду», как например, Устюга Великого гулящий человек, или гулящий человек романовец, или из богатых торговых сел, по существу ничем не отличавшихся от посадов, как село Лысково Нижегородского уезда.

Крепостные крестьяне составляли, естественно, значительно меньшую группу, так как уход их с места жительства был связан с большими затруднениями и препятствиями. Всего зарегистрировано 17 крепостных крестьян, не считая четырех бобылей. Если принять во внимание сделанное выше указание на значительное число выходцев из деревень среди гулящих людей, приходится, тем не менее, считать крестьянский элемент едва ли не преобладающим среди жителей Усолья. Из крестьян крепостных шестеро «вышли из-за помещиков», четверо жили в деревнях, принадлежавших самому Светешникову, двое были дворцовые и один монастырский. Большинство из них «вышли» из-за своих владельцев по доброй воле. Трудно, впрочем, сказать, всегда ли при выходе соблюдались требования закона. Баженко Васильев Воронов показал, что «жил-де он наперед сего в Казанском уезде в государевом дворцовом селе в крестьянах на чети выти, и ту-де он четь выти того-ж села Федоровского крестьяном Спирьке да Сафонку мурашкинцу тому седьмой год»; таким образом «из того села вышел он жить в Надеино усолье Светешникова» совершенно легально. Другой, уроженец села Порецкого Алатырского уезда, показал, что он «опосле отца своего из того села сшел» — казус, который может рассматриваться как вполне законный. У двоих отцы были крестьяне в Усолье, и они унаследовали их наделы и обязанности. В других случаях могли иметь место и побеги, но, по понятным причинам, об этом умалчивалось в показаниях.

Далеко не все крестьяне, поселенные в Усолье, явились сюда по доброй воле. В ряде случаев они попадали на новое место жительства независимо от своего желания. Тут приходится отметить, во-первых, два случая перевода в Усолье крестьян из других вотчин Светешникова. Онисимко Овдокимов показал: «жил-де он наперед сего за Надеею Светешниковым в крестьянах в селе Прусове, и из того села вывел его Надея в Усолье в крестьяне»; точно так же Васильева Кондратьева жена Цузака Ненила заявила: «жил-де муж ее наперед в вотчине за Недеею Светешниковым во крестьянах в селе Пеньках, и ныне четвертый год перевел-де его Надея Светешников в Усолье и посадил в крестьяня». Таким образом, еще до Соборного уложения 1649 г. расчетливый и беззастенчивый землевладелец-купец присвоил себе право переводить своих крестьян из одних вотчин в другие и воспользовался им для заселения района своих промыслов. Еще любопытнее другой факт, в котором нельзя не видеть скрытую форму продажи крестьян на вывод. Пиминка и Андрюшку Осиповых, живших «наперед сего» в Нижегородском уезде за Ив. Яшевским, Светешников «взял-де... из-за Ивана Яшевского в винных деньгах и посадил их в Усолье во крестьяне»; из той же деревни, из-за того же Ив. Яшевского, взял он крестьянина Илюшку Сергеева и тоже «посадил за себя во крестьяне». Очевидно Ив. Яшевский, приговоренный по суду к уплате Светешникову известной суммы денег, вместо расплаты деньгами уступил ему трех своих крестьян, которых гость и поселил в Усолье.

Близок по существу к крестьянам и Обрамко Савельев, Нижегородского уезда села Бабкова Ивана Доможирова дворовый человек, который около 1636 г. «от него, Ивана, вышел и порядился к Надее Светешникову в крестьяне», взяв у него ссуду в $4^1/_2$ руб.

На ряду с крестьянами в числе светешниковских новоселов попадались и бобыли, т. е. сельские жители, черпавшие средства к существованию не от земледелия, а из других источников. Бобыли, жившие в торговых селах и слободках, представляли переходную ступень от крестьян к посадским. Таков Тимофей Ильин, который с сыном Овдокимом жил до переселения в Усолье в богатом дворцовом селе Нижегородского уезда Мурашкине. Надо полагать, что и Пронка Анофриев казанец, живший до того «за Матвеем митрополитом (казанским) в бобылях», и Вика Михайлов казанец, бывший бобыль казанского Преображенского монастыря, были представителями того же торгового крестьянства, особенно многочисленного во владениях привилегированных церковных учреждений с их средневековыми иммунитетами, позволявшими им беспрепятственно развивать на подвластной территории всевозможные торги и промыслы. К торговому крестьянству надо, вероятно, отнести и жителя цветущего торгового села Лыскова, соперничавшего в XVII в. с знаменитым ярмарочным центром среднего Поволжья — Макарьевым монастырем.

Собственно посадских людей из числа жителей Усолья отмечено 5 чел., из них четыре с Балахны и один из Соли Большой Костромского уезда. Фактически их было больше, так как некоторые из поселенцев, социальное происхождение которых точно неизвестно, в частности многие гулящие люди, были несомненно выходцами из посадов. В далекое приволжское Усолье посадских людей гнало стремление избавиться от государева тягла, гнет которого в значительной мере способствовал обезлюденению и разорению посадских центров в XVII в. Так, балахонец Пашка Сергеев Посников до ухода в Усолье «был посадский человек тяглой»; Федька Архипов балахонец тоже «жил в посадских людях и тягло платил». Купреянко Ермолин показал, что «отец его жил на Балахне в посадских людях, и отец его умер, а он после отца его с Балахны сшел и кормился по городам работою и тому-де шестой год» пришел в Надеино усолье. Все это представители деклассированной посадской мелкоты, предпочитавшей положение частновладельческих бобылей необходимости тянуть лямку посадского тягла. Исключение составляет посадский человек с Большой Соли Костромской, в лице которого мы имеем высококвалифицированного специалиста по добыванию соли, привлеченного в Усолье за высокое вознаграждение.

Особняком стоит среди поселенцев один коренной житель Поволжья, вероятно чуваш или мари — «новокрещен», отец которого жил «на ясаке» в Магарове Ядринской волости,[1] и который «от отца своего сшел и пришел на Самару и на Самаре крестился и учал жить в Усолье в его Надеине дворе, а за бобыльский оброк делает изделье». Впоследствии состав усольского населения очень заметно пополнялся именно коренным населением Поволжья, преимущественно чувашами, и в меньшей степени мордвою: в 1673/74 г. в Усолье числилось 12 чувашских дворов и 1 мордовский. Чуваши и мордва бежали на частновладельческие земли от тяжести ясака. При этом крещение являлось одним из самых радикальных средств избавиться от ясака, так как «новокрещен» обычно выключался из числа ясачных.

[1] Ядринская волость была населена чувашами и мари. О ядринских чувашах см. в «Материалах для истории возмущения Степана Разина» Попова, стр. 75.

Феодальные методы колонизации Усолья нашли себе особенно яркое выражение в насильственном переводе сеньером на заселяемую землю лично от него зависимых несвободных людей.

Дворовые люди и холопы составляли довольно значительную группу в 20 человек (около 17.6% всего населения Усолья). Об условиях, при которых они попадали во двор к богатому гостю, дает представление хотя бы пример служилого человека алатырца Ивана Федорова Кошломы, который был выдан Светешникову по суду «в истных деньгах в 70 рублех на 7 лет». Нестерко Иванов, например, назван «кабальным человеком» Светешникова. Можно думать, что и многие другие дворовые люди попали в зависимое положение за долги, в результате ростовщической деятельности хозяина Усолья. Были, однако, и такие, которые сами били челом во двор к зажиточному торговому человеку и давали на себя записи, в расчете найти здесь пропитание. Например, гулящий человек Кузьма Тимофеев Тлекин «дал на себя запись Надее Светешникову, что ему жить у него, Надеи, во дворе». Социальный состав дворни тоже чрезвычайно пестрый. Среди них, как мы видели, попадаются даже служилые люди, и тут опять приходится припомнить то, что говорилось об операциях Светешникова по кредитованию служилых людей. Были и мелкие посадские люди вроде харчевника Игната Кириллова, или пивовара Ивашки Абакумова, или гулящего человека Новгорода Великого Кузьки Тлекина. К сожалению, о большинстве дворовых людей, как не принадлежавших, строго говоря, к числу царских подданных, опись дает очень краткие сведения.

К числу «крепостных людей», которых Светешников насильно посадил в своей новой вотчине, надо отнести, кроме двадцати дворовых и холопов, двух крестьян, переведенных им из других принадлежащих ему деревень, трех крестьян, взятых им у Ив. Яшевского, и, наконец, одного гулящего человека, попавшего в крепостную зависимость в силу брака с принадлежавшей Светешникову крестьянкой. Как мы видим, старые феодальные приемы принудительного заселения колонизуемых земель зависимыми людьми, которых вотчинник, «окупя», селит на пустующих участках, играют еще большую роль в колонизационном хозяйстве торгового человека.

В отношении Светешникова к населению его маленькой колонии ярко отражается то противоречие, которое мы наблюдаем во всей организации промыслов. С одной стороны, он проявляет себя как рачительный хозяин прогрессивного типа, понимающий, что для продуктивной эксплоатации людей необходимо обеспечить их каким-то прожиточным минимумом. Правда, его «работные люди» жили в старой избе без крыши, но не в интересах предпринимателя было дать им умереть с голода или разбежаться. Поэтому после «ногайского разорения» Светешников ссужал поселенцев хлебом и давал им подмогу на строение сожженных дворов, о чем поселенцы с благодарностью вспоминали впоследствии, когда Усолье отошло в казну и они сразу лишились привычной хозяйской опеки. Но это не мешало, конечно, беззастенчивой эксплоатации новоселов со стороны хозяина. Все эти ссуды и подмоги лишь крепче привязывали их к Усолью и лишали возможности уйти.

Не надо забывать, что Светешников объединял в своих руках власть предпринимателя и феодального сеньера. Право сеньериального суда над своими подданными он осуществлял чисто феодальными приемами. Наличие в усольском инвентаре двух «чепей железных, что сажают людей» и «контарей ножных» показывает, что порядок на промыслах поддерживался самыми жестокими мерами, и косвенным об-

разом свидетельствует о классовой борьбе в Усолье, для подавления которой и нужен был весь этот арсенал «смирительных» средств.

Протест подневольного населения против феодальных приемов эксплоатации выражался, как обычно, в побеге. Например, Мишкина жена Федорова Екатерина Филиппьева показала, что муж ее «ныне... поехал на Алатырь, а для чего поехал, того она не ведает». Иногда убегали на проходивших мимо Усолья судах; так, жена бобыля Дм. Ив. Ширмана Наталька Артемьева показала: «жил-де муж ее Дмитрейко в Усольи за Н. Светешниковым в бобылях и в прошлом-де в 156-м году нанялся он на судно в работники, а где он ныне, того она не ведает».

Колонизаторскую деятельность Светешникова в Самарской луке продолжал сменивший его Савво-Сторожевский монастырь. Количественный состав населения Усолья возрастал очень быстро. В частности, надо отметить закабаление пришлых коренных жителей из соседних приволжских уездов, первые слабые признаки которого лишь намечались при Светешникове: «в розных годех из розных уездов чубаша и мордва поселились на их монастырской вотчинной земле... в дер. Теплом стану и крестьянские доходы в монастырь платят и изделья делают с усольскими крестьяны вместе». В 1663/64 г. в Усолье было кроме городка три бобыльских слободки (верхняя, средняя, Выползково то-ж, и нижняя), дер. Теплый стан в 5 верстах от городка и один починок (Шоркин), а в них 165 дворов, в том числе 3 двора духовенства, 3 двора монастырских слуг, 96 дворов крестьянских, 50 бобыльских, 12 чувашских, 1 мордовский. Если сравнить эти данные со сведениями об основном составе населения Усолья в 1660 г., то окажется, что за 14 лет оно увеличилось почти на 42%.

Монастырь продолжал эксплоатировать соляные промыслы: попрежнему функционировали «варницы и трубы солеварные и варнишные всякие заводы и с црены, в чем соль варят, на Усолке реке в старом степном городке... труба разсольная»; при Усолье жил отдельным двором и особый трубный мастер. Кроме соляных промыслов монастырь, повидимому, развивал и рыбные промыслы. По крайней мере в 1673 г. было подтверждено за ним право «в рыбных ловлях рыбу... ловить рыбными снастьми, неводами и оханами и сетьми и кармачной и костылевою и юртовою (юровою?) и владными связочными и летними и зимними и всякими снастьми». И соляные и рыбные промыслы монастырь эксплоатировал не только для своего обихода, но и для продажи. «А будет в том же их монастырском усолье и в рыбных ловлях, — говорится в царской грамоте 1673 г., — соли и уловной рыбы и рыбных запасов за их монастырском обиходом будет в лишке, и похотят они ту соль и рыбу и рыбные запасы продавати, вольно-ж, где похотят» (при условии уплаты таможенных пошлин).

Подобно Светешникову, монастырь должен был позаботиться о военной охране своих промыслов. Вопрос о безопасности Усолья приобретал особенную остроту в связи с Разинским восстанием. Усолье попало в руки восставших, которые и после поражения главных своих сил продолжали отсиживаться от царских воевод за деревянными стенами Усольского городка. Для «оберегания» своей вотчины монастырь поставил в 3 верстах от старого Надеинского городка новый, с четырьмя башнями и двумя воротами; впрочем, артиллерией он был снабжен не так хорошо, как при Надее, — в нем была всего одна железная пушка. Старый степной городок был, повидимому, заброшен, может быть, в результате повреждений, понесенных во время крестьянской войны. Новый городок сохранял черты укрепленной хозяйской усадьбы, центра хозяйства вотчинника; в нем сосредоточивались хозяйственные постройки: три амбара, два погреба, изба хлебенная. Здесь

же стояла «брусяная во имя великого чудотворца Николая» церковь и три кельи, в которых, очевидно, жили старцы, заведывавшие вотчиной; в городке или поблизости от него были расположены дворы духовенства и монастырских слуг: конюха, трубного мастера и служки.[1]

IV

Для XVII в. частное колонизаторское предприятие, связанное с эксплоатацией промысловых угодий, не представляет единичного явления. Мы встречаем в актах указания на ряд подобных предприятий, более скромных размеров, но по существу ничем не отличающихся от Надеина.

Таково, например, Сереговское усолье гостя Ив. Дан. Панкратова.[2] Промыслы «под Сереговою горою» были заложены его отцом, гостем Данилою Панкратовым; при нем в 1646 г. здесь стояли только одна варница и 5 изб, в которых жили два человека Панкратова и помещались сезонные рабочие.[3] При Иване Даниловиче Усолье представляло собою уже целый поселок и все продолжало расти. В 1678 г. в нем эксплоатировалась одна «соляная труба, да две трубы вновь делают»; работали 6 соляных варниц, «да седьмую вновь строят».[4] Всего выварено было в этом году 191 тыс. пуд. На промыслах стояло 27 изб «работных людей», 10 соляных и запасных амбаров, 3 лавки, в которых торговали «приезжие люди разных городов», две церкви — «строение» гостя, были «поставлены вновь» конный и «скотский» дворы. Это — большое предприятие, которое мы застаем в период расширения. В 1698 г. в Усолье функционировало уже 13 варниц, на которых вываривалось 310 тыс. пуд. соли в год.[5]

Как и Надеино усолье, Сереговские промыслы обслуживались отчасти дворовыми людьми предпринимателя, но главным образом наемными «работными людьми», «приходцами» из соседних уездов, работавшими «по найму поденно и помесячно». Таких «разных городов Еренского уезду работных людей» в 1678 г.[6] на промыслах было 90 чел. Кроме поденных рабочих имеется контингент постоянных квалифицированных рабочих — 1 трубник, 4 кузнеца, 6 солеваров, 1 сыромятник, 1 дощаничный плотник и 10 работников (вероятно подварки, водоливы и соляные набойщики, о которых говорят документы Геймана) — всего 23 чел.[7] Как и у Надеи Светешникова, эти профессионалы соляного дела были выходцами из наиболее известных районов солеварения — от Соли Галицкой с посаду — 7 чел., с Тотьмы — 3 чел., с Соли Вычегодской — 2 чел.[8]

Для обслуживания этого многочисленного рабочего люда Панкратову тоже приходилось организовать большое земледельческое хозяйство. В отличие от Надеина усолья, Сереговские промыслы были

---

[1] ГАФКЭ. Грамоты Коллегии Экономии по Симбирску, № 16/11540 (сообщено мне покойным Д. М. Баниным).

[2] Описание Сереговского усолья, как одного из «больших промышленных имений, принадлежавших в Поморье капиталистам», на основании кн. № 15057 дано у М. Богословского (Земское самоуправление на русском севере в XVII в., I, М., 1909). Соляным промыслам гостя Панкратова посвящена специальная статья В. Геймана в «Летописи занятий Археографической комиссии» (вып. 35, Л., 1929); автором не использованы данные писцовых книг. См. также А. Цембер. К истории основания Сереговского солеваренного завода в «Зап. Общ. изучения Коми-края», стр. 48—50, 1929 г. № 2.

[3] Писц. кн. № 143, лл. 246—246 об.

[4] Там же, № 15057, лл. 332 и след.

[5] По данным В. Геймана. Назв. статья, стр. 18.

[6] Данные о составе работных людей в 1678 г. см. в писцовой книге № 15057.

[7] Назв. статья, стр. 31.

[8] Писц. кн. № 15057, лл. 321—325.

расположены в сравнительно заселенной местности и рассчитывать на пустопорожнюю землю было нельзя. Зато Панкратов использовал обнищание окрестных крестьян, чтобы путем скупки и ростовщических операций завладеть принадлежавшими им наделами. Писцовая книга 1678 г. в ярких красках рисует процесс обезземеливания беднейшего крестьянства. На Серегове погосте Ярофей Андреев Огнев двор и пашню продал гостю Панкратову, а сам живет «в бездворных бобылех»; продал свою пашню и двор и Федька Фотиев Першуков, «а где он, Федька, живет и то неведомо»; продал Андр. Ив. Гичев, «а сам живет в крестьянех» в другой волости; продал Мишка Сидоров, живущий теперь в «бездворных» бобылях; в руки Панкратова попала и земля умершего Василья Туркина, а также и другого Туркина, Андрея Григорьева, который «покиня двор, сошел к Москве кормиться» с 8-летним сыном, «а пашнею его владеет гость Ив. Панкратов».[1] В общем за исключением одного двора, попавшего в лапы другого ростовщика, подьячего Яренской приказной избы, и одного, оставшегося за его владельцем, весь погост был прибран к рукам стяжателем-гостем: «а с тех пустых дворов гость Иван Панкратов платит данные и оброчные деньги с иными сереговскими крестьяны вместе». Ему же принадлежали «по купчим» деревня Жеребовская на р. Выми, в Вясленском погосте, пониже Усолья Гичевская, Удор тож, Бадрась Андреевская, Гичевская тож, на Кочениле Мироновская, в Княж-погосте Еролинская, в Онежье погосте — Чиновская и Волынская.[2] Нужды сельского хозяйства обслуживали, как сказано, две мельницы. В двух дворах — «конском» и «скотском» — содержался живой инвентарь.

В отличие от системы Светешникова, Панкратов организовал сельское хозяйство на своих землях в значительной степени силами «крепостных» людей, т. е. холопов: скотный двор обслуживали 9 «людей», в четырех деревнях на пашне сидели люди, «крепкие по крепостям». Однако в двух деревнях мы встречаем половников, в одном из сереговских дворов Панкратов поселил бобыля, а на обеих мельницах работали наемные «срошные люди». Всего в его Усолье было 25 взрослых крепостных людей. Среди них много военнопленных: 8 человек «породою Польские земли», двое карелов, трое людей «немецкие породы» — все они «крепки гостю Ивану Панкратову по крепостем». Возглавлял все усольское хозяйство приказчик Ив. Андр. Шергин.[3]

Конкурентом Панкратова в области солеварения в Серегове был другой гость Ост. Филатьев, который в 1672 г. поблизости «две трубы соляные вновь строит, да за рекою Вымью у него третья соляная труба», при них двор и изба. Сверх того его приказчик Федька Евсеев Чеул «построил насильством» на пограничной с Усольем Панкратова спорной «неделеной» земле двор и четыре избы работничьих «для завладенья, чтоб лутчею землею без делу завладеть». Усолье Филатьева тоже обслуживалось «наемными срошными людьми», работавшими «по найму помесячно, и понедельно и поденно». Таких «срошных людей» в 1678 г. было 27, не считая специалистов: кузнеца с Устюга, трубника, двух работных людей с Соли Вычегодской и еще трех работников, без указания их происхождения.[4]

Наконец, можно указать на соляные промыслы гостя Вас. Ив. Усова-Грудцына в Вотченской волости Тотемского уезда, на реке

[1] Там же.

[2] Там же, лл. 283 об., 302 об.

[3] Его переписка с хозяином, сохранившаяся в Архиве Института истории АН СССР, послужила материалом для статьи В. Геймана.

[4] Писц. кн. № 15057, лл. 283 об., 302 об.

Леденге. Существовавшие здесь четыре трубы соляные и девять варниц обслуживались 152 работными людьми, «которые, приходя, в варницах работают, соль варят из найму и рассол льют и дрова секут и всякую работу работают» и живут в 36 избах.[1]

Такова картина промышленной колонизации на севере. И тут, как и в среднем Поволжье, мы наблюдаем ряд черт, характерных для феодальных методов колонизации: захват земель «насильством»; порою настоящую феодальную войну между солепромышленниками, сопровождавшуюся поджогами, вооруженными столкновениями, убийствами, захватом пленников;[2] заселение приобретенных тем или иным путем земель крепостными людьми из скупленных военнопленных. На ряду с этим применялись также новые, более прогрессивные приемы, хотя и не менее жестокие и беззастенчивые: скупка земель у разоренных крестьян, использование наемного труда «срошных людей». Конкретная картина положения этих рабочих, которую дает переписка Шергина, использованная Гейманом, в частности система оплаты труда натурой (солью), сводящая почти на-нет заработную плату, показывает, что мы имеем в их лице нечто среднее между вольнонаемными рабочими и феодально-зависимыми людьми.[3]

К сожалению, мы очень мало знаем о грандиозном предприятии современников Светешникова — Гурьевых на Яике. Но то немногое, что нам известно, дает повод думать, что и тут мы имеем аналогичное явление с Надеиным усольем.

Основателем богатства и экономической мощи семьи Гурьевых был Гурий Назарьев. Подобно Светешниковым, Гурьевы принадлежали к тому слою богатого купечества Ярославля,[4] который, преследуя свои классовые цели, активно содействовал прекращению «смуты» и выиграл от реставрации. Брат Гурия Назарьева, Дружина, когда Сапега с тушинцами ходил воевать под Переяславль, Ростов и Ярославль, «стоял против них крепко и непоколебимо в твердости ума своего безо всякого сомнения и ни к каким воровским советам не приставал и Московскому государству во всем помогал и малодушных людей от всякого дурна отговаривал». За это тотчас по воцарении Михаила Федоровича Гурьевы получили жалованную грамоту «против гостей» и заняли видное положение среди московского купечества. На них возлагались ответственные и почетные поручения по финансовой администрации. Сына Гурия Назарьева, Михаила и племянника Ивана мы встречаем на Москве и у Архангельского города — «у таможенных пошлинных сборов» и на Денежном дворе — «у денежного дела и у ефимочной покупки», и в Н. Новгороде и в Астрахани — «у икряных промыслов и у хлебной покупки и у хлебных же и у бусных отпусков».

Богатство Гурьевых, выдвинувшее их в первые ряды крупной торговой буржуазии в царствование Михаила, было создано, как и капиталы Светешниковых и других ярославских торговых людей, широкими торговыми операциями: они ездили и посылали своих агентов «в сибирские города, и в Казань и в Астрахань, и за море с своими товары».[5] Но, подобно Светешникову, они не ограничивались одними торговыми предприятиями и свои «прародительские пожитки» пускали на эксплоатацию природных богатств далеких окраин. Они обра-

---

[1] М. Богословский. Земское самоуправление на севере, I, стр. 109—110

[2] В. Гейман. Указ. соч., стр. 13, 27.

[3] Там же; стр. 30 и след.

[4] О ярославском происхождении Гурьевых см. Калмыцкие дела, 1643 г., л. 282.

[5] ДАИ, III, № 126 (I). Таможенным головою в Архангельске Иван Гурьев был в 171 (1662—1663) г. (Прик. дела ст. лет, 1668, № 289).

тили внимание и на рыбные богатства Прикаспийского района и в 1640 г. «завели вновь и устроили за морем на реке Яике (недалеко от устья) для рыбной ловли сделали учуг» со всеми «учужными заводами». Мы, к сожалению, ничего не знаем о чисто колонизаторской деятельности Гурьевых на Яике. Можно только с уверенностью сказать, что «работные люди» на учуги должны были привлекаться из верхневолжских городов. По крайней мере, для своих построек на Яике Михаил Гурьев, как мы увидим ниже, «возил с Руси» («из верховых городов») даже мастеровых людей, «наймуя великою дорогою ценою, втрое, вчетверо». Есть сведения, что учуги обслуживались «наемными татарами». Для содержания рабочих на учуге приходилось тоже заводить крупное хозяйство; есть, в частности, сведения, что у Гурьевых на Яике содержалось много лошадей.[1]

Обстановка, в которой заводились яицкие рыбные промыслы, была мало благоприятна для промысловой колонизации. В прияицких степях кочевали калмыки, и предприятия Гурьевых беспрестанно терпели «превеликие беды» от «иноземских разгромов» и переносили «калмыцкое разорение». Даже в промежутки сравнительного спокойствия калмыки чинили всякие помехи хозяйству промыслов; «мешали дров припасать на кирпичное жжение», отгоняли лошадей. В феврале 1643 г. к Яицкому городку приходили «изгоном» калмыки и «трухменцы», среди которых были люди, вооруженные «вогненным боем». Они отогнали из-под городка около 80 лошадей, ранили двух «учужных» работников и двух захватили в плен, отняли рыбную ловлю около города и взяли невод. Городок оказался в осаде: «и по дрова из городка выйти от калмыцких людей нельзя, потому что калмыцкая орда большая; а в учук-де рыба нейдет, потому что калмыцкие люди в яицких головинах ставят на рыбу аханы».[2]

Помимо калмыцких набегов было еще много условий, делавших местность на Яике мало доступной для промысловой колонизации. Задолго до появления здесь Гурьевых с их капиталами, еще до «московского разоренья», низовья Яика сделались объектом своеобразной «воровской» казачьей колонизации. Здесь возник ряд «казачьих городков», населенных оседлыми «житейскими казаками». Тут же образовалось пристанище пиратов, живших морским разбоем на Каспии. «Воровские казаки» «из Яика выезжали грабить на Хвалисское море и на Волгу реку и ежелеть грабили и разоряли везде государеву казну и всяких русских и иноземцев многих людей и до смерти побивали». Эти разбойничьи предприятия финансировались яицкой казачьей верхушкой, «житейскими», у которых «в городках, им, вором, всегда были готовы струги и порох и свинец, и всем их сподавливали».

Правительство было не в силах справиться с этим разбойничьим гнездом: «ежелеть бывали бои с государевыми служилыми людьми с казаками, а от того их воровства государевыми служилыми и многими людьми унять было невозможно... А как тем вором не в силу битись с государевыми служилыми людьми, [и они] покиня свои струги на Волге, а сами пеши на Яик уходили, да у них-же, у воров, были запасные судишка и лодки однодеревые по запольным речкам, по тем, кои речки пали из степи... и тем разгонным вором угодно на Яик реку с Волги уходить». На Яике они восстанавливали при содействии «житейских» свое снаряженье «и опять выезжали по Яику на море и на Волгу воровать». Успехам пиратов способствовало общее тайное сочувствие им со стороны населения нижнего Поволжья, в частности,

---

[1] Калмыцкие дела, 1643 г., л. 282.
[2] Там же.

Астрахани. Тесно связанное, в качестве пайщиков их предприятий и скупщиков добычи, и экономическими и общеклассовыми интересами с «воровскими казаками», население нижнего Поволжья в борьбе правительства с казаками всецело было на стороне последних, потому что «в тое время казацкое воровство изстари, и в тех воровских казаках было много свойственных людей из всех низовых городов». Эти отношения особенно ярко сказались во время Разинского восстания, когда Астрахань сделалась как бы центром казачьего движения и даже после поражения самого Разина упорно продолжала борьбу.

Чтобы сберечь свои промыслы «от калмыцких и казачьих погромов», Гурьевым пришлось за свой счет, «своими статками», подобно Светешникову, поставить укрепленный городок, с той разницей, что условия гурьевской вотчины требовали наличия гораздо более внушительной крепости, чем в Усолье. В 1640 г. гость Мих. Гурьев с братьями, «попрося у бога милости и надеясь на государьское милостивое жалованье во всем и дерзнул на такое великое дело» и приступил к постройке на Яике деревянного города. Так как на месте нехватало леса и рабочих рук, срубы были заготовлены на Руси, и «деревянный город из верховых городов в Михайловых во многих судех, а из Астрахани в других, морских судех в Михайловых отвезен здорово-ж». На судах же был доставлен и прочий «городовой запас». С Руси же, как было сказано, были доставлены и «мастеровые люди». [1]

Постройкой «учужного городка» Гурьевы прочно закрепляли за собой территорию пожалованных им промыслов. Однако утверждение их на Яике не могло не вызвать ожесточенной борьбы. Их захваты нарушали интересы вольного «воровского» казачества, и вследствие этого Мих. Гурьев, по его собственному выражению, был «от начала грубен казакам». Если удалось провезти строительные материалы Волгою и морем до места назначения «от воров без крови», то только благодаря тому, что «воровские казаки прокараулили, как тот город везли с Руси на Яик». Зато они всячески тормозили постройку, начатую Мих. Гурьевым: «на Волге и на море великие беды и разоренье чинили, суды его жгли и топили и работных людей его побивали и всякими муками мучили и по суставам и на части рассекали для того, чтоб он отстал от того Яицкого городового строения». В борьбе с гурьевскими предприятиями яицкое казачество находило деятельную поддержку со стороны донского казачества, которое дорожило Яиком как опорным пунктом для военных и разбойничьих предприятий на Каспийском море. Неоднократно казаки, «скопясь на Дону», делали попытки итти на Яик, «чтобы им Яицкий деревянный городок и учуг взять и разорить и чтоб им попрежнему Яиком владеть для воровства», и для охраны владения Гурьевых из Астрахани приходилось спешно посылать в стругах правительственные войска — «стрельцы и иноземцы, и пушки, и порох».

Положение Яицкого городка осложнялось тем, что в борьбе Гурьевых с казачеством население нижнего Поволжья, в частности Астрахани, было, как сказано, на стороне казачества, и Гурьевы были «грубны и всем низовым людям» (особенно были на них «злобны» астраханцы). Мих. Гурьев утверждал даже, что в Астрахани была сделана попытка убить его брата Андрея, а в следующем году и его самого, Михаила. В 1661 г. деревянный учужный городок и промыслы «на море и на Волге» были разорены «до конца» атаманом

[1] Сведения о постройке Гурьевыми Яицкого городка почерпнуты из ГАФКЭ, прик. дела старых лет нового разбора, № 488.

Паршиком, который с Дона нагрянул на Яик с ватагой казаков, человек в 700. В виду выясненных недостатков поставленной Гурьевым крепости должен был возникнуть вопрос о замене деревянного города каменным. Вопрос этот повидимому стал очень рано, еще до набега Паршика[1].

Если верить Михаилу Гурьеву, инициатива в данном случае исходила от правительства. Подобно Строгановским городкам, «учужный городок» Гурьевых обслуживал не только частные интересы своих владельцев, но и отвечал стратегическим задачам правительства, способствуя укреплению его власти на Яике. Еще до постройки деревянного городка из Москвы «посылывали на Яик под город места осматривати», была даже составлена смета. Но от этой мысли отказались из-за трудности и дороговизны постройки: не нашли подрядчика, который взялся бы «государевою многою казною» сделать на Яике хоть деревянный город. Тогда правительство предложило Михаилу Гурьеву поставить вместо построенного им деревянного города новый, каменный.

Указ состоялся, по уверенью Гурьева, «сверх челобитья его и уговору», т. е. всецело по инициативе правительства, и Гурьевы в данном случае выступали скорее в роли правительственных подрядчиков, чем частных предпринимателей. Платою за службу должно было быть освобождение от уплаты оброка за пользование Яицким учугом.

Любопытно, что в связи с новыми, казенными, способами постройки была сделана неудачная попытка использовать и принудительный «указной» труд. На Яик велено было «послать из астраханских и из московских изо всех стрельцов выбирать по 600 чел., кои-б умели делать каменному и кирпичному и кузнечному делу для Яицкого каменного городового строения». Но «из Астрахани ни по одно лето ни по одному человеку никаких мастеровых людей и выбором не присылывали», и опять Гурьевым, повидимому, пришлось, несмотря на «протори» «дальнего пути и дорогого найму», возить мастеровых людей из «верховых городов» на свой счет. Строительные материалы, в частности известь, возили тоже с Руси, но кирпич жгли на месте. Город, судя по всему, был выстроен быстро и представлял собой внушительную крепость. Постройка каменного города не обошлась без препон со стороны калмыков, нападавших на кирпичные заводы, и казаков, которые под начальством того же Паршика, разорив в 1660/61 г. деревянный город, «на другое было лето помышляли... промышлять над каменным городом, чтоб его взять, и такому их воровскому хотенью не изволил бог быть».

Защита крупного форта, каким теперь был Яицкий городок, оказалась, однако, не под силу частным владельцам учуга, и правительство принуждено было взять ее на себя. Из Астрахани ежегодно посылались на годовую службу стрельцы под начальством головы. Но астраханская администрация свои обязанности исполняла небрежно, гарнизон был недостаточен, «да и тех распустил в Астрахань голова

[1] Хронология постройки городка не ясна. В челобитной племянника основателя Гурьева городка — Мих. Ив. Гурьева, из которой приводится выписка в царской грамоте 5 марта 1673 г., говорится о постройке каменного города в 148 (1639/40) г. Но из справки 175 (1666/67) г., основанной на челобитной Мих. Гурьева старшего, построившего оба города, явствует, что в 148 г. был поставлен деревянный город, а каменный был выстроен позже: «без престани воровские казаки и иноземцы похвалялись, чтоб Яицкий деревянный город всяким умышлением сжечь». Это им удалось в 1660/61 г., а в 1662 г. каменный город уже существовал, так как в этом году говорится о попытке казаков его разорить.

стрелецкий для своей корысти», и Гурьевы тщетно хлопотали в Астрахани «о прибавочных и о немногих стрельцах на Яик», «да не изволили послать ничего». Особенно характерно, что в связи с изменением целей и задач городка Гурьевы перестали справляться и со своими колонизаторскими функциями. Они начинают бить челом государю «о прочных жилецких людех на Яик», т. е. иначе говоря, перелагают заботу о заселении края на правительство, рассчитывая на принудительную «указную» колонизацию.

Возможно, что отказ от первоначальных планов был вызван и непомерностью расходов, с которыми была сопряжена постройка каменного городка, так как Гурьевы «в то городовое строенье и учужные заводы пожитки свои все истратили и одолжали». Михаил Гурьев горько жаловался впоследствии, что он зря «напросился послужить для прочной государевы прибыли и город за малые откупные за яицкие деньги за 11 000 руб... а ему было не сошлося такого города за морем сделать и за 200 000 руб. и в такой простой вине перед великим государем виноват и такою простою своею виною никакой убыли никому не учинил, опричь того, что себя тем погубил до конечной скудости». При таких условиях правительство, использовав инициативу и капиталы частных лиц, уже мало было заинтересовано в поддержке предприятия Гурьевых. Вскоре после похода Разина в Персию, показавшего, что частными силами поддерживать господство феодалов на Каспийском море невозможно, «взят тот город и со всем учужным промыслом и с заводами в Большой Дворец».

«Новосчиненное воровство» 1667 г., поставившее на карту самое существование Яицкого городка, сводило на-нет все успехи и заслуги семьи Гурьевых. Впрочем, не надо забывать, что связанное с именем Разина массовое движение, первыми раскатами которого явился поход на «Шахову область», было таким мощным и грозным явлением, остановить которое не могли силы не только частных предпринимателей, но и самого правительства. Свою роль в борьбе крепостников с вольным казачеством городок все-таки сыграл: построенный в самом центре казачьей колонизации на востоке, вне государственной территории, он был серьезной помехой для действий антимосковских элементов среди казачества на Дону и на Яике, постоянно угрожая глубокому тылу «воров». Это отлично понимал Разин, одним из первых шагов которого был захват каменного города на Яике, в чем нельзя не видеть сознательного осуществления зрело обдуманного подготовительного плана не только к персидскому походу, но и к последующему восстанию.

Для нас важно отметить, что торговый капитал и здесь, на берегах «Хвалисского моря», как и в Сибири, и на Печоре, и в Жигулях, явился пионером, подготовившим освоение территории феодальным государством и эксплоатацию казною природных богатств края. «Одною своею надсадною мочью» Михаил Гурьев «нашел и сделал и всяко всячески о том городе пекся безо всякого положенья... А в те городовые строенья, в деревянный и в каменный ни на что из государевы казны и ничего не изошло нисколько и ни един человек (очевидно из правительственных войск. — *С. Б.)* на Яике не пропадывал в двадцать в семь годов... А на строение тех двух деревянного и каменного городов из казны великого государя... не дано ни единые деньги... Никто нигде ни малые помоги не подавал... Все то строил один Михайло своим статком и промыслом своим и одолжал великими долгами». Одни расходы по построению каменного города, «опричь первого деревянного городка», расценивались с убытками в 289 942 р. 1 а. 5 д. «серебряных денег ефимков», т. е. около 4 миллионов на до-

военные деньги. По словам Мих. Гурьева, при составлении проекта постройки города на казенный счет «смечивали, что на Яике и деревянный город, а не каменный, стал бы в 244 000 руб. серебряных денег, опричь многих разных людей». Следовательно, постройка частным образом обошлась дешевле, чем при казенных способах работы.

Различие в судьбе гурьевского предприятия по сравнению с аналогичными предприятиями Строгановых и Светешниковых объясняется географическими условиями местности и связанными с ними стратегическими соображениями. С падением Сибирского «юрта» утрачивался военный смысл созданной Строгановыми линии пограничных укреплений, и правительство, использовав результаты их деятельности, могло со спокойной совестью предоставить вотчинникам беспрепятственно пользоваться в дальнейшем колонизованными ими землями. Точно так же постройка в 1648 г. Симбирска и создание в 50-х годах Симбирской укрепленной черты позволяли оставить защиту Самарской луки в руках частных владельцев — сначала Светешниковых, позже Савво-Сторожевского монастыря.[1] Наоборот, Яик не был фактически замирен еще в XVIII в., и только после подавления Пугачевского восстания территория Яицкого края могла считаться вполне освоенной государством. Поэтому естественно, что государственная власть крепостников не могла оставлять защиту этой отдаленной окраины, при наличии постоянной опасности со стороны кочевников и вольного казачества, всецело на попечении частных предпринимателей. Решающую роль сыграли тут события 1667 г., показавшие бессилие их в борьбе с серьезной для правящей верхушки опасностью, а нарастание движения, охватившего в следующем году Поволжье, ускорило разрешение вопроса.

* *
*

На примере предприятий Светешниковых и Гурьевых достаточно конкретно выясняются причины, почему в истории русской колонизации промысловая колонизация играет менее крупную роль, чем колонизация помещичья, применявшая исключительно феодальные методы хозяйствования. Несмотря на широту и смелость охвата, русский торговый капитал XVII в., развивавшийся в неблагоприятных условиях феодального строя, был еще очень слаб. Это выражалось, в частности, в том, что он не выработал никакой организованной системы кредита, — обстоятельство, которое ставило предпринимателя в кабальную зависимость от казны, главной в стране финансовой силы, располагавшей свободными денежными и товарными ресурсами. Светешников умер на правеже, не расплатившись с казенными долгами, которые он наделал, ссужаясь у казны по принудительной расценке мехами для торговли. Со своей стороны и Мих. Гурьев жаловался, что «сверх тех городовых строений да и сверх всяких многих пошлин икряной прибыли безо всякого зачету и расчету на нем же, Михайле, по приказом с тех же яицких промыслов спрашивают откупных и пошлинных денег и все напрасно»; не говоря уже о долгах, которые он наделал в связи с постройкою двух городов, отчасти вследствие невыполнения казною обязательств по поставке квалифицированной рабочей силы. Его люди по приказам стояли еще в 1667 г. на правеже, «а все в напрасных делех и от непоможения».

Тут лишний раз выступает характерная черта экономической поли-

[1] Напомним, что вопрос о конфискации Усолья решался в 1646 г., когда на очереди стояла постройка Симбирска, и стратегические соображения уже не могли играть никакой роли в его разрешении.

тики московских царей: доморощенный меркантилизм отлично уживался с чисто феодальными приемами самого беззастенчивого использования торгового класса в интересах дворянского землевладения. Из представителей крупной торговой буржуазии казна высасывала все, что могла, и затем, «в конец разоря», выкидывала их как выжатый лимон, никогда не заглядывая вперед и не отдавая себе отчета в результатах подобного рода близорукой политики. Так разорен был Светешников, запутавшийся в расчетах с казной; так экспроприированы были Гурьевы в тот момент, когда это оказалось нужным правительству. И тут невольно вспоминаются слова Фридриха Энгельса, сказанные им по поводу взаимоотношений между средневековой королевской властью и поддерживавшею ее буржуазией: «королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника».[1]

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XVI. ч. I, стр. 445 (Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии).

Е. С. ЗЕВАКИН

ПЕРСИДСКИЙ ВОПРОС В РУССКО-ЕВРОПЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XVII В.

В начале XVI в. в Персии (ныне Иран) образовалось большое централизованное государство Сефевидов. Однако «в мировой торговле, — говорит В. В. Бартольд, — Персия могла играть только второстепенную роль, потому что караванная торговля не занимала главного места, а морская торговля с Персией была для европейцев только дополнением торговли с Индией, дававшей наибольшие выгоды; на Персию они обращали внимание, особенно при шахе Аббасе, для политических целей, чтобы найти союзников в борьбе с Турцией, которая была опасна для европейских держав, а затем уже с экономической стороны, чтобы пользоваться выгодами торговли». [1] Но все же, — говорит тот же автор в другой книге, — «несмотря на изменение путей мировой торговли, торговля с Персией и в эту эпоху еще имела для европейцев некоторое значение. Европейские купцы приезжали в Персию главным образом для покупки гилянского шелка... и драгоценных камней». [2]

Мнение В. В. Бартольда о второстепенной роли персидской торговли для Европы XVII в. вполне подтверждается документами, опубликованными Шефером, из которых видно, что Франция, Голландия и Англия рассматривали персидскую торговлю как дополнение к торговле с Индией. [3] Не могу, однако, согласиться с мнением В. В. Бартольда, что в XVI—XVII вв. главную роль в персидско-европейских отношениях играла политическая заинтересованность в борьбе с Турцией. Если для XVI в. это еще можно допустить, то для XVII в. все же придется выдвинуть на первое место экономический, а не политический фактор. Подтверждается это как морской торговлей с Персией, так и многочисленными попытками европейцев получить транзит в Персию через территорию России.

После открытия морского пути в Индию Персия, хотя и не занимала центрального места среди азиатских рынков, все же не потеряла своего экономического значения для европейских купцов, заинтересованных в экспорте персидского шелка. В XVII в. Средиземное море перестало быть центром мировой торговли; морские открытия направили восточные товары по новым путям, и приморские города Сирии и Египта снабжали Запад, главным образом, товарами Леванта, в тесном смысле этого слова. Однако упадок не был таким быстрым, как обычно полагают; только в середине XVII в. индийские товары совершенно перестали прибывать в Алеппо и Каир, но порты Смирна и Алеппо оставались еще рынками значительной части персидской тор-

---

[1] В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, стр. 112, Баку, 1925.

[2] Его же. История изучения Востока в Европе и России, стр. 104—105, Л., 1925, изд. 2-е.

[3] Raphael du Mans. État de la Perse en 1660. Appendice, pp. 355—356, 359 etc., Paris, 1890.

говли. По словам Массона, в середине XVII в. торговля английской компании в Смирне, Константинополе и Александретте была не менее значительна, чем торговля с Индией, а для Голландии торговля в Леванте была равноценна торговле с Индией.

Видную роль в мировой экономике и политике XVI—XVII вв. играла огромная Турецкая империя. Через ее порты шла оживленная торговля со всеми странами Европы и Востока. В XVI в. Оттоманская империя находилась в зените своего могущества; границы ее простирались от Будапешта на Дунае до Ассуана у Нильских порогов и от Месопотамии и Закавказья — почти до Гибралтарского пролива. Основным стимулом завоеваний Турецкой империи были интересы феодалов, тесно связанные с интересами торгового капитала. Грабеж населения, захват земель в завоеванных странах и установление постоянной дани в пользу победителей укрепляли мощь класса феодалов.

После падения Византии турки оказались хозяевами главнейших торговых путей, соединявших Европу с Востоком. Торговый капитал Турции в XVI—XVII вв. (преимущественно армянский, греческий и еврейский) составлял часть всей феодальной системы. Феодалы несомненно играли активную роль в торговле.

Завоевания Турецкой империи в XV в. сделали сухопутные проезды через Переднюю Азию затруднительными (многочисленные поборы, небезопасность проезда, войны шаха с султаном); не удивительно, что многие купцы начали ездить по дороге к Бендер-Аббасу, несмотря на то, что новый морской путь вокруг Африки был очень длинный и трудный.[1]

Был еще один путь в Персию — через территорию России. В XVII в. русская торговля с Западом сосредоточивалась в Архангельске, откуда пролегал почти непрерывный водный путь до Персии (Северной Двиной, Сухоной, Волгой и Каспийским морем). Главным предметом экспорта Персии был шелк, который поставляли преимущественно Гилян (дававший почти 50% всей продукции шелка), затем Мазендеран, Хорасан, Ширван, Грузия и другие области, тяготевшие к Каспийскому морю. По словам Родеса, проезд от Гиляна до Ормуза длился 80—90 дней, каждый верблюд мог нести не более двух тюков и обходился в среднем 2 р. 63½ к. (35—40 довоенных рублей); путь же от Гиляна до Астрахани по Каспийскому морю продолжался меньше, и тот же груз обходился не более чем в 1½ руб.[2] Конечно, надо было еще провезти грузы через Россию в Европу, это тоже чего-нибудь да стоило. Но ведь и от Ормуза морем в Европу было не так уж близко. Играли роль также пошлины, собираемые султаном. По словам одного русского купца, «ходят агличане и галанцы в Кизылбаши через турскую землю.., а доставаетца им в Кизылбашех шелк сырой по 15 и по 16 рублев пуд». Когда они провозят его через Турцию, с них берут пошлины, равные стоимости купленного товара (т. е. 100%). «А которые государевы люди шолк купят в Кизылбашех... по 15 и по 16 рублев пуд, и они пришед вь Ярославль продают немцем в 50... и в 60 руб. пуд, а у города (Архангельска) и по 70 рублев пуд и болши» («скаска» 1620 г.).[3]

---

[1] Masson. Histoire du commerce français dans le Levant au XVII siècle, I—II, pp. 125—127, 111—112, 372—373, 375—376, 419, 327 etc., Paris, 1911, Raphael du Mans. Op. cit., pp. 135, 361 etc.

[2] Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. («Чтения в общ. ист. и древн. рос.», стр. 155, 157, 209, примеч., кн. II, 1915); Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, стр. 351—352, Киев, 1915.

[3] ГАФКЭ, Книга Английская, № 7, л. 271.

В вопросе о транзите через Россию кроме экономического момента надо отметить также и политический (на нем мы подробно остановимся ниже). Порта отрезала Австрийскую империю от устья Дуная, этой важнейшей торговой артерии для Восточной Европы, и преградила России путь к Черному морю. В Турции скрещивались интересы Венеции, Австрии, Франции, Англии и других стран. Несмотря на поражение при Лепанто в 1571 г. и на другие неудачи, Турция в XVII в. продолжала оставаться грозным врагом, особенно для своих ближайших соседей — Австрии и Польши, а на Востоке — для Персии. На западной границе в XVI—XVII вв. не раз возобновлялась борьба с Австрией, которая велась с переменным успехом. Такая же борьба велась и на восточной границе. Вплоть до конца XVI в. персы терпели поражения. Лишь с 1597 г. шах Аббас повел успешную борьбу, которая продолжалась и после него — до 1638 г. С этого времени до начала XVIII в. между Персией и Турцией мир не нарушался. В XVI в. Россия и Порта находились в состоянии вооруженного нейтралитета. В первой половине XVII в. Россия находилась в более или менее мирных отношениях с Турцией. Лишь в 1637 г. из-за захвата казаками Азова чуть было не вспыхнула война. Андрусовское перемирие 1667 г. прекратило 13-летнюю войну России с Польшей из-за Украины, вследствие появления на арене новой силы — турко-татар, вмешавшихся в украинские дела. С тех пор в русской внешней политике турецкий вопрос начинает играть первостепенную роль. В 1672 г. турецкая армия захватила Каменец-Подольск, оплот Польши на юге. В 1676 г. начался поход турецко-татарского войска на Украину (1-й и 2-й Чигиринские походы), а Польша, под угрозой Турции, принуждена была подписать Журавинский мир. Отныне опасность грозила одной России. Как до этого момента, так, особенно, после, Россия деятельно хлопотала об организации антитурецкой лиги. С этой целью велись переговоры как с европейскими государствами, заинтересованными в борьбе с Турцией, так и с шахом, которого всячески побуждали выступить против Турции. Война с Портой окончилась Бахчисарайским трактатом 1681 г., по которому все Запорожье и Западная Украина перешли к Турции. В 1682 г., когда турецкая армия наступала на Вену, по инициативе Австрии был организован «священный союз» (1683/84 г.), куда сначала вошли Австрия, Польша, Венеция, папа Римский, а с 1686 г. к нему примкнула Россия. Последняя предприняла два возглавлявшихся Голицыным неудачных похода на Крым. При Петре I, в 1695 г. начались Азовские походы. Первый из них окончился неудачей. Тогда Петр принялся за постройку флота; на следующий год он возобновил поход и захватил крепость. В 1698 г. на Карловицком конгрессе Австрия, Польша и Венеция заключили отдельные договоры с Турцией. Между Россией и Портой было заключено перемирие, замененное Константинопольским трактатом 1700 г.

Война нанесла серьезный удар Турции, и после стольких блестящих побед она принуждена была отступить. Австрия получила всю Венгрию и Трансильванию, Венеция — Морею и Далматию, а Россия сохранила Азов.

По словам Кильбургера, «шах очень неохотно видит, что ежегодно идет караванами в Алеппо через Турцию еще значительное количество [шелка], которое потом продается из Смирны, Триполя, Александретты и др. мест в Италию и Францию, в виду того, что наибольший его враг — турок — извлекает из этого такую большую пользу и этим увеличивает свою казну; он потому тем более и старается отвлечь эту торговлю и всецело направить ее в Россию. Но русские сами не умеют в этом отношении соблюдать своей пользы и скорее тормозят

персидскую торговлю».[1] По справедливому замечанию Зонненштраля-Пискорского, «острая враждебность между персами и турками... мало способствовала развитию экономических взаимоотношений между ними». Турция «издавна крайне недоброжелательно относилась к товарообороту между Персией и Россией и к транзиту персидских товаров через эту последнюю, стремясь к монополизированию персидского рынка».[2] Принимались меры, чтобы даже во время войны торговля с Персией не прекращалась.

Заинтересованность европейцев в восточных рынках и выгодное положение России на пути между Западом и Востоком благоприятствовали росту внешней торговли России. В XVII в. образуется всероссийский рынок и окончательно складывается крепостное хозяйство. Между феодально-крепостническим землевладением и торговым капиталом существовала взаимная заинтересованность: торговый капитал обеспечивал рыночную реализацию прибавочного продукта, а внеэкономическое принуждение усиливало приток товарной массы, поступавшей в сферу обращения. Опасным соперником для русского купечества явился иностранный капитал, грозивший полностью захватить русский рынок и исключить посредничество национальной торговли. Изобилие дешевого сырья, необходимого для развивающейся западной промышленности, и поглощательная способность русского рынка привлекали к нему внимание европейских государств. Между русским и иностранным купечеством происходила борьба. Стремление последнего ближе подойти к непосредственному производителю и потребителю встречало сильное сопротивление со стороны русского купечества.

В борьбе за внутренний рынок московский торговый капитал оказался бессильным перед более мощным и лучше организованным иностранным капиталом. Средства экономической борьбы оказались недостаточными и оставалось стать под защиту феодально-крепостнического государства, обратив его политику на путь протекционизма. Уже с конца XVI в. начались ограничения иностранной торговли в России (например, отмена транзита на Восток и полное запрещение розничной торговли). Но иностранные купцы все же находили средства обходить ограничения и продолжали захват русского рынка. Выражением стремления русского купечества ограничить торговлю иностранцев были коллективные челобитные (первая из них датируется 1627 г.). Многочисленные челобитные последовательно развивали программу ограничения торговли иностранцев, разорявшей русское купечество. Ограничение английской торговли в 1649 г. было лишь первым шагом по этому пути. В 1653 г. русское купечество добилось покровительственной системы таможенных сборов и уничтожения стеснительных для торговли мелких пошлин. Наконец в 1667 г. появился новоторговый устав, выдвинувший целую систему защитительных мероприятий в области регулирования внешней торговли.[3]

Перейдем теперь к рассмотрению персидского вопроса во взаимоотношениях России с различными европейскими странами. Особое внимание мы обратим на те государства и на те моменты, которые наименее или вовсе не освещены в литературе.

Англия. До середины XVI в. Англия находилась вдали от торговых центров и лишь с этого времени она начинает возвышаться. Английская торговля и колониальное хозяйство были тесно связаны

---

[1] Сочинение Кильбургера.., стр. 149—150.

[2] А. Зонненштраль-Пискорский. Международные торговые договоры Персии, стр. 25, 40, 43, М., 1931.

[3] К. Базилевич. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. («Изв. АН СССР», VII серия ООН, № 2, 1932).

с промышленностью (главным образом суконной), а последняя—с сельским хозяйством. В XVII в. обострилась конкуренция Англии с Голландией в колониальной торговле, и между ними начались войны.[1] Из этих войн Англия вышла победительницей и ко второй половине XVIII в. она сделалась первой страной в мире по промышленности и торговле.

В 1553 г., в поисках новых рынков, Англия завела торговлю с Россией, и ее Московская торговая компания (учрежденная в 1554 г.) получила большие преимущества: исключительное право приезжать северным путем, беспошлинную торговлю, торговлю с восточными народами и т. п. В конце XVI в. начинаются ограничения английской торговли: так, северный путь был открыт для всех европейских государств. Все же привилегии англичан оставались очень значительными. С 1561 по 1580 г. несколько английских торговых экспедиций посетили Персию, попав туда через Волгу и Каспийское море. После этого поездки англичан прекратились. Попытки возобновления права транзита на Восток в 1601 и 1604 гг. окончились неудачей. Англичанам отказали под предлогом небезопасности пути и персидско-турецкой войны.

Одновременно с начавшимися ограничениями прав англичан в России началось их проникновение в Персию другими путями. Керзон считает, что первая попытка англичан конкурировать с португальской торговлей в Персидском заливе относится к 1581 г., ко времени организации Левантийской компании. Англичане хотели вывозить персидский шелк через Басру, Багдад, Алеппо и Средиземное море; при этом Персия рассматривалась ими не как цель, а лишь как этап на пути в Индию. Не останавливаясь на подробностях английского проникновения в Персию, отметим лишь, что английская Ост-Индская компания (учрежденная в 1600 г.) отправила туда ряд экспедиций. Первая из них относится к 1612 г. В 1615 г. англичане получили уже первые шахские фирманы на право торговли в Персии, а в 1616/17 г. Ост-Индская компания заключила с шахом коммерческий договор на право вывоза шелка через Персидский залив. От каждого нового шаха получались новые привилегии. По справедливому замечанию Сайкса, «персидский вопрос, с точки зрения англичан, был вопросом о шелке».[2]

История английской торговли в России в XVII в. распадается на два периода: до 1649 г., когда английская компания торговала по привилегиям, и после 1649 г., когда англичане, потеряв все свои преимущества, торговали почти исключительно в Архангельске, на общих основаниях. Привилегии, которыми пользовались англичане в первой половине XVII в., были выработаны еще в конце XVI в., при царе Федоре (беспошлинная торговля, право торговли внутри страны и пр.); однако путь по Волге в Персию был закрыт для них. В общем, в русском торговом обороте первой половины XVII в. англи-

[1] С конца XVII и в течение XVIII вв. основными противоречиями международной политики Англии становятся англо-французские противоречия.

[2] Подробности см. в специальной литературе: Н. Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII ст., 2 изд., СПб., 1889; И. Кулишер. История русской торговли до XIX в. включительно, Пгр., 1923; Известия англичан о России во второй половине XVI в. («Чтения в общ. ист. и древн. российских», кн. IV, 1884); Hakluyt's collection of the early voyages, travels and discoveries of the english nation, I, London, 1809; И. Любименко. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых («Журн. мин. нар. просв.», ноябрь, 1916 г.); Ее же. История торговых сношений России с Англией, в. I, XVI век, Юрьев, 1912; Curzon, G. N. Persia and the Persian question, II, 1892; P. Sykes. A history of. Persia, II, London, 1915; Raphael du Mans. Op. cit.

чане занимали первое место. Привилегии англичан подрывали торговлю русского купечества, и, в результате, их лишили особых прав. С тех пор англичане, не потеряв своего значения в торговле с Россией, уступили первое место голландцам. В Персии XVII в. наблюдается та же картина: завязав морские сношения позднее англичан, голландцы заняли первое место в персидско-европейской торговле.

В течение первой половины XVII в. англичане не раз поднимали вопрос о возобновлении их старой привилегии вести транзитную торговлю с Персией. Из этих попыток наиболее известно двукратное посольство Джона Мерика (1614 и 1620 гг.). Царское правительство и московское купечество отрицательно отнеслись к таким предложениям, мотивируя свой отказ убыточностью иностранного транзита как для казны, так и для купцов. Уже с конца третьего десятилетия XVII в. Англия прекратила свои попытки завязать торговлю с Персией через территорию России. Она отчасти компенсировала себя, завязав торговлю с Персией другим путем.

Персидский вопрос в англо-русских отношениях XVII в. имел для Великобритании исключительно экономическое значение (расширение рынка и транзит с Востоком). Интересы России и Англии еще нигде не скрещивались. Враги России в Европе — Польша и Швеция — были союзниками Англии на севере, а Турция XVII в. была богатым рынком для сбыта британских фабрикатов и колониальных продуктов. Россия же, наоборот, хотела видеть в лице Англии не только торговца, но и союзника в борьбе со своими врагами.[1]

Нидерланды. В 1580 г. Нидерланды объявили свою независимость от Испании и Португалии. В XVII в. Голландия была «образцовой капиталистической страной»; она «уже в 1648 г. достигла высшей точки своего торгового могущества». «Колониальная система с ее морской торговлей и торговыми войнами... прежде всего пустила корни в Голландии».[2] Повсюду голландцы имели свои фактории. Торговля между Европой и Азией в значительной степени сосредоточивалась в руках голландцев или, точнее, голландской Ост-индской компании, основанной в 1602 г. В XVII в. Нидерланды являлись первой торговой страной в мире.

Голландцы начали посещать Персию (с юга) с 1623 г. и в середине столетия они заняли первое место на персидском рынке. Важнейшей ареной колониальной деятельности Нидерландов были: островная часть Индии, в особенности Зондские острова, Ява, Суматра, Борнео, Целебес и Моллукские острова. Персия имела для них меньше значения.[3]

Нидерланды, как и Англия, были связаны с Россией почти исключительно экономическими интересами. Их торговля здесь началась в 1565 г. Голландцы были самыми опасными конкурентами англичан, и между ними происходила ожесточенная борьба за русский рынок. В течение первой половины XVII в., вследствие английских привиле-

---

[1] Подробности см. в литературе: С. Соловьев. История России, кн. II, СПб., изд. «Общ. Польза»; И. Любименко. Переписка и дипломатические сношения первых Романовых с первыми Стюартами («Журн. мин. нар. просв.», июль, 1915 г., стр. 76—80); Ее же: Торговые сношения России с Англией...; С. Архангельский. Голландская торговля с Москвой в XVII в. («Истор. Сборник», V); Ф. Мартенс. Россия и Англия в продолжение XVI и XVII вв. («Русск. Мысль», январь, 1891) и т. д.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XVII, стр. 822, 824 (Капитал, I).

[3] Подробности нидерландского проникновения в Персию см.: Curzon. Op. cit., II; Raphael du Mans. Op. cit.; Sykes. Op. cit, II; Masson. Op. cit., I—II; М. Чулков. Историческое описание российской коммерции, ч. II, кн. 2, М., 1781—1788.

гий, Нидерланды играли второстепенную роль на русском рынке, но мало-помалу они взяли перевес. Во второй половине XVII в., после изгнания англичан из внутренних областей и ограничения иноземной торговли, Нидерланды заняли первое место в России. Так продолжалось до начала XVIII в., когда англичане опять получили преобладание.[1]

Первые попытки голландцев получить право транзита на Восток относятся еще к самому началу XVII в. По словам одного русского гостя (1620 г.), «был он под Смоленеском, как была Москва за Литвою и ему говорил Лев Сапега, что торгуют у короля галанцы дорогу Волгою в Астрахань, и из Астрахани в Персиду, а дают от тово королю на год по 100 000 рублев».[2] В 1615 г. Нидерландское правительство через своего посла Исаака Масса хлопочет о предоставлении транзита в Персию, Армению, Бухару и другие восточные страны. По словам Массы, «наперед де сего, при царе Борисе и при Ростриге и при царе Василье хотели они... чтоб Волгою ход дать в Персиду бивать челом», но не осуществили этого из-за «смутного времени». Хлопоты эти не увенчались успехом. Царское правительство связывало получение транзита с оказанием России вооруженной и денежной помощи против ее неприятелей, на что нидерландцы не хотели пойти.[3]

В 1619 г. голландцы просили возобновить их прежние привилегии, а также получить право ездить «восточным и северным морем». Если под «восточным» морем подразумевается Каспийское, это надо рассматривать как новую попытку пробраться на Восток.[4]

В 1630 г. в Москву приехали нидерландские послы Бурх и Фелтдриль с просьбой предоставить ряд экономических льгот, в том числе разрешить Эрнесту Филипсу и его компании исключительную и беспошлинную торговлю с Персией в течение 30 лет; за это послы обещали ежегодно вносить в царскую казну по 15 тысяч рублей или уплачивать вместо этого умеренную пошлину. Ссылаясь на прецедент с английским послом Мериком и не желая подрывать торговлю русского купечества, русское правительство отклонило ходатайство голландцев.[5]

После этого вопрос о транзите не поднимался несколько десятилетий, если не считать мер, принимавшихся Нидерландами, чтобы помешать персидско-голштинской торговле, о которой мы скажем дальше. По словам голштинского посла Бругемана, голландцы были виновны в том, что «говорят... московские гости и торговые люди в рядах и бояром на дворех расказывают, будто у... Фредерика князя казны нисколько нет и платежу будто от них не будет». Голландская компания в Персии также действовала во вред голштинцам: «И от того де они шаховым ближним людем давали многую казну, чтоб... голстенским послом помешать промысл о торговле».[6] Во всяком случае официально, насколько мне известно, вопрос о транзите не поднимался до последней четверти XVII в. Напомню, что к этому времени Нидерланды заняли первое место в персидско-европейской торговле.

---

[1] С. Архангельский. Указ. статья; И. Кулишер. Указ. соч.

[2] Книга Английская, № 7, л. 271; С. Соловьев. Ист. России, кн. II, стр. 1177.

[3] ГАФКЭ, Столбец Голландский, № 1 и 5, 1615 г. Записки о России XVII и XVIII вв. по донесениям голландских резидентов («Вестник Европы», кн. I, стр. 237—239, 1868).

[4] Столбец Голландский, № 1, 1619 г.

[5] Посольство Бурха и Фелтдриля в 1630 и 1631 гг. («Сборн. русск. истор. общ.», CXVI).

[6] ГАФКЭ, Столбец Персидский, № 1, 1636 г., л. 40—42.

В 1676 г. голландский посол фан Кленк опять поднял вопрос о торговле с персами. К этому времени условия торговли шелком несколько изменились. В 1667 г. был заключен договор с Армянской компанией о вывозе всего персидского шелка исключительно в Россию. По причинам, на которых мы остановимся ниже, договор не был приведен в исполнение и был возобновлен в 1673 г., но на менее выгодных условиях. В это время фан Кленк, на ряду со многими другими делами, возобновил переговоры о персидской торговле. Зная позицию царского правительства в этом вопросе, он не решился прямо настаивать на транзите, а лишь ходатайствовал о том, чтобы голландцам на равных правах с русскими купцами разрешили торговать с приезжими восточными купцами повсеместно в России. Но и на это не согласились. Единственно, чего добился фан Кленк, это — разрешения голландцам торговать в Архангельске с восточными купцами, а последним — ездить со своими товарами за границу, главным образом в Голландию. При этом предполагалось, что предварительно большая часть шелка будет закуплена в царскую казну или приобретена московским купечеством. [1]

В 1691 г. голландский резидент в Москве фон Келлер говорил о проекте амстердамского бурмистра Николая Витзена — привозить восточные товары в Нидерланды через Батавию, Смирну и Алеппо. При наличии льгот эту торговлю можно было бы направить через Архангельск. «А руским людем препоною не будут и полными они своими мошнами их не утеснят и прибыли у них волною торговлею не отнимут». Витзен доказывал преимущества свободной торговли: «когда де волная торговля.., тогда... всякой возбуждается и умышляет и радеет, чем бы приобрести корысть посылкою товаров на то место, где волная торговля. А при неволной... торговле никто не помышляет, да и товары многие от того залеживаютца. А которыми товары где прибыль чинитца—тут и казна их царского величества полнитца»... Россия граничит с Европой и Азией: «И когда преизобилно еуропских товаров в росийском государстве будет, тогда индейцы, персияне и иные народы туда ж придут»... «пошлинам ж, которые на... товары налагаются, померным подобает быти и стерпимым, убо (ибо) преизобилие и множество товаров наивяще привезено будет».

В Москве отнеслись сочувственно к проекту Витзена. В посольском приказе резиденту фон Келлеру отвечали, что «напред де сего... было прошение галанских стат о проезде чрез Росийское государство торговых людей, чрез галанского посла Якубуса Борелея, и то де торговое дело великое и мочно о том и ныне с статами для вящей надежды обослатца». Не знаю, чем кончилось дело с Борелеем, что же касается проекта Витзена, то царь и бояре велели за «службу и радение» послать Витзену грамоту «с похвалою», чтоб он и впредь «служил и прибылей всяких искал». О торговом же деле сообщили, что вскоре об этом будет царский указ». [2]

На следующий год царское правительство само запросило шахского посла Хусейн-хан-бека: разрешит ли шах нидерландцам и другим европейцам ездить через Россию в Персию? От этого — говорилось в запросе — будет большая прибыль в пошлинах как России, так и Пер-

---

[1] Посольство Кунрада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, СПб., 1900; С. Архангельский. Указ. статья, стр. 30—31 и др.

[2] Столбец Голландский, № 2, 1691 г. Заозерский отмечает, что в 1691 г. Витзен писал Петру и обращал его внимание на торговлю в Китае и Персии, обещая совет и поддержку; он получил на это благосклонный ответ (Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом. Сб. «Россия и Запад», в. I, стр. 98—99, Пгр., 1923).

сии. Из документов не видно, как отнесся к этому проекту шах.[1] Из дальнейших переговоров с Персией не видно, чтобы этот вопрос ставился вновь.

В 1698 г. в Нидерланды приехало царское посольство для заключения договора об оказании России военной помощи против турок и татар. Голландцы подняли вопрос о предоставлении их купцам экономических льгот, в том числе (п. 6) «всем голландцам иметь позволение во всем владении царского величества, со всеми чужестранцами, в числе том с персиянами, индейцами и другими восточными народами, свободно торговать, не платя излишней пошлины против той, какую платят подданные его величества». Очевидно, указанные раньше переговоры и проекты не осуществились. Переговоры с Нидерландами окончились ничем: генеральные штаты отказали в военном снаряжении, а им отказали в экономических льготах.[2]

Если вспомнить благожелательное отношение России к проекту Витзена, то станет ясным, что именно второй момент — нежелание оказать помощь в борьбе с Турцией — и послужило главным мотивом отказа в экономических льготах для нидерландских купцов.

Из сопоставления двух фактов (проект Витзена и переговоры 1698 г.) видно, что в последнем десятилетии XVII в. произошло некоторое изменение во взгляде на транзит в Персию и что эта перемена комбинировалась с вопросом о предоставлении транзита только тем странам, которые оказывали помощь в борьбе с Турцией. Из переговоров с другими странами мы увидим, что это еще не раз наблюдалось в последней трети XVII в.

Итак, в течение XVII в. Нидерланды несколько раз пытались пробраться через Россию на Восток; но все их попытки не увенчались успехом. Персидский вопрос в русско-нидерландских отношениях имел исключительно экономическое значение (транзит и торговля с Востоком) и совершенно не был связан с турецким.

Франция. Франция в XVI в. не играла значительной роли в колониальной экспансии на Восток. В то время ей удалось укрепиться лишь в Левантийских странах («капитуляции» 1535 и 1581 гг.). Французская колониальная империя была создана в XVII в. В 1664 г. была основана французская Ост-индская компания, по своей активности значительно уступавшая голландской и английской компаниям. Франция была последней из мировых держав, проникших в Персию с юга. Французская торговля в Персии в XVII в. занимала меньшее место, чем торговля других передовых европейских стран.[3]

Французская торговля с Россией, начавшаяся еще со второй половины XVI в., имела несравненно меньшее значение, чем торговля Англии и Нидерландов. Первая известная нам попытка французов получить право транзита в Персию относится к 1629 г. (посол Людвиг Деганс де Гэ Курменен). Целью посольства являлось установление экономических отношений России с Францией и, в частности, разре-

---

[1] ГАФКЭ, Книга Персидская, № 7, лл. 44—159; Столбец Персидский, № 1, лл. 50—77, 242—244, 1690—1692; там же, №№ 1 и 2, 1692.

[2] И. Голиков. Деяния Петра Великого, V, стр. 105—107, М., 1790—1797; Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, III, стр. 86—87, СПб., 1858; М. Веневетинов. Русские в Голландии. Великое посольство 1697—1698 гг., М., 1897. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, VIII, стр. 990, 1010—1014, СПб., 1867.

[3] И. Кулишер. Лекции по истории экономического быта Западной Европы, II, Пгр., 1920—1922; Masson, А. Зонненштраль-Пискорский. Указ. соч.; J. B. Tavernier. Les six voyages... en Turquie. en Perse et aux Indes, pp. 460, 554—555, La Haye, 1718; Raphael du Mans. Op. cit., pp. XXXV—XXXVIII, XL—XLII и др.

шение проезда в Персию французским купцам. Посол указывал на то обстоятельство, что Франция враждует с Испанией, а последняя дружит с Польшей — врагом России; Испания получает большие доходы от восточной торговли и помогает Польше; разрешение Франции транзита в Персию лишит Испанию восточной торговли, и она не сможет помогать Польше; кроме того Франция дружит с султаном и поможет русским и грекам, живущим в Турции. Наконец, — отмечал посол, — многие товары, привозимые в Россию англичанами и голландцами, французского происхождения, и французы смогут привозить их по более дешевой цене и притом лучшего качества. Деганс просил также разрешения ходить не через Архангельск, а через Новгород до Ругодива (Нарвы) шведской территорией.

Французскому послу отказали по тем же мотивам, что и другим странам, указав лишь, что царское правительство разрешает проезд в Персию послам и гонцам. [1]

За три года до описанного посольства (в 1626 г.) тот же посол был отправлен к шаху для заключения политического союза против Испании и для установления регулярных торговых связей. Посольство не пробралось в Персию. Приезд Курменена в Россию явился продолжением той же попытки завязать сношения с Персией.

Следующий разговор о транзите, закончившийся также безуспешно, имел место в 1668 г., во время пребывания во Франции царского посла Потемкина. [2]

В 1681 г. комиссия из гостей и торговых людей высказалась против предоставления транзита французам. [3] Вопрос о транзите больше не ставился; лишь два раза, и то неудачно, заходила речь о пропуске французских подданных в Персию. [4] Попытки Франции были не так настойчивы, как домогательства Англии и Голландии. Это вполне согласовалось с незначительной ролью французской торговли в Персии и в России, а также с натянутостью политических отношений между царским правительством и Францией. [5]

Дания. В русско-датских отношениях XVII в. вопрос о транзите в Персию ставился всего два раза. В течение первой половины XVII в. отношения России с Данией носили политический и экономический характер. Политические отношения преобладали, как только завязывалась борьба с Швецией; в такие моменты цель Дании была поднять на Швецию коалицию держав. На ряду с этим Дания не забывала своих экономических интересов — расширения торговых связей с Россией.

В 1631 г. в Москву приехал датский посол Мальте Юль, главным образом с политическими целями. Попутно с другими экономическими вопросами, затронутыми в процессе переговоров, поднялся и вопрос о транзите в Персию, но это не играло центральной роли в планах Дании, поскольку она до того времени не имела никаких сношений с Персией. [6]

---

[1] ГАФКЭ, Книга Французская, № 2, 1629 г., лл. 155—163, 172—179, 199—220 и сл.; С. Соловьев. История России, кн. II, стр. 1179—1181; Г. Форстен. Балтийский вопрос в XVI и XVII вв. («Зап. ист.-филолог. ф-та СПб. ун-та», ч. 33, I, стр. 335).

[2] С. Соловьев. История России, кн. III, стр. 535—536; Книга Французская, № 5, 1667—1669 гг., лл. 358—368 и сл.

[3] Столбец Персидский, № 2, 1681 г.

[4] С. Соловьев. История России, кн. III стр. 1024—1027; Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, IV, стр. 83—85, М., 1894—1902.

[5] П. Безобразов. О сношениях России с Францией, стр. 225 и сл. («Русское Обозрение» № 1, 1891); В. И[конников]. Сношения России с Францией (XVI—XVIII вв.), стр. 16—20, М., 1893.

[6] Г. Форстен. Сношения России с Данией в царствование Христины («Журн. мин. нар. просв.», апрель 1892 г., стр. 306—320, 335); С. Соловьев. История

Вторично вопрос о Персии был поставлен в 1641 г. В Копенгаген явился царский гонец Ганс Гельц, которому поручили переговорить с датским королем Христианом IV о голштинско-персидской торговле (мы остановимся на этом дальше). Подробности переговоров нам не известны. Во всяком случае Дания имела какое-то отношение к русско-голштинскому договору о персидской торговле. Это ясно видно из царской грамоты к Христиану IV от 1640 г. с жалобой на голштинского герцога, отказавшегося привести в исполнение договор, заключенный с голштинской компанией.[1] Но уже в 1643 г. при переговорах с датскими послами Олафом Парсбергом и Стеном Бильде и позднее, вопрос о Персии больше не ставился. Это понятно: после Вестфальского мира 1648 г. роль маленькой Дании в европейских делах была сыграна — Швеция одержала над ней полную победу[2].

Таким образом персидский вопрос в русско-датских отношениях прошел совершенно бесследно и не имел никакого реального значения для Персии.

Голштиния. Я не буду долго останавливаться на голштино-персидских отношениях. Этому вопросу посвящена специальная книга, написанная мною совместно с проф. М. А. Полиевктовым[3]. Отсылая к этой книге всех интересующихся подробностями, остановлюсь лишь на некоторых моментах.

В 1634 г. в Москву приехало голштинское посольство во главе с Филиппом Крузиусом и его помощником Отто Бругеманом для заключения договора о транзитной торговле между Персией и Гамбургской компанией. Было заключено соглашение, по которому компания может торговать с Персией и Индией в течение 10 лет, уплачивая ежегодно в царскую казну по 600 тыс. ефимков (300 тыс. рублей по тому времени); за это она освобождалась от уплаты пошлин.

В 1636 г. голштинское посольство отправилось в Персию для получения разрешения от шаха. Чтобы предупредить о приезде посольства и следить за голштинцами, вперед был отправлен царский посланник Романчуков. На обратном пути из Персии Романчуков из переговоров с Бругеманом узнал о его плане захвата прикаспийских областей Россией. По этому плану, Россия, при вооруженной и денежной поддержке Голштинии, должна была самостоятельно или же с помощью Англии, Франции, Дании и Испании захватить прикаспийские области Персии (Гилян, Мазендеран и Астрабад). В расчет принималась возможность вооруженной поддержки гилянцев, враждебно относившихся к угнетавшей их Персии. Рассчитывали и на военную неподготовленность, а также на разоружение гилянцев, в связи с недавним восстанием Кариб-шаха. Большое стратегическое значение придавали Гирканскому проходу,[4] через который персы могли перебросить лишь незначительные силы. Захватив этот пункт, можно было бы остановить наступление шахских войск на Гилян. По мнению Бругемана, приобретение прикаспийских провинций сулило царской казне большие прибыли от шелководства, рыболовства, морских пристаней и других доходных статей (в Гиляне и Мазендеране концентрировалось более 50% всего шелководства Ирана). Захватив

России, кн. II, стр. 1183—1185; ГАФКЭ, Книга Датская, № 4, 1631 г., лл. 123, 178—179, 190 и др.

[1] Русские акты копенгагенского гос. архива (РИБ, XVI, стр. 705—707).

[2] Г. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII вв., стр. 494—496; Его же. Сношения России с Данией в царствование Христины («Журн. мин. нар. просв.», апрель, 1892 г., стр. 331—334).

[3] К истории прикаспийского вопроса, Тифлис, 1934.

[4] В Гиляне, где сливаются две реки, из которых образуется Сефид-руд.

эти области, Россия нанесла бы чувствительный удар Персии и сосредоточила бы в своих руках почти всю персидскую торговлю шелком, распродавая его на внутреннем рынке и монопольно снабжая им Западную Европу.

Дело с Голштинской компанией окончилось ничем. Герцог отказался подтвердить договор, не выгодный из-за ежегодной уплаты большой суммы в царскую казну. При таких условиях крах компании был неизбежен. Из документов не видно, чтобы вопрос о плане Бругемана затрагивался при переговорах в Москве. Вряд ли Бругеман действовал по наказу герцога. Из грамоты Фридриха видно, что Бругеман, наоборот, действовал вопреки инструкциям герцога, не считался с главным послом Крузиусом, выдумывал всякие «скорые вымыслы» и «ложные рассказы» и стремился только к обогащению. Если доверять Шардену, то уже в Персии голштинское посольство убедилось в том, что оно заключило невыгодный договор и напрасно придало посольству политический характер (союз против турок). Если это так, то возможно, что Бругеман выработал свой план в результате неудачи голштинского посольства. Надеясь втянуть царское правительство в авантюру, Бругеман, как инициатор компании, может быть, рассчитывал на смягчение условий договора или же на более выгодные условия, так как после захвата прикаспийских провинций голштинская торговля происходила бы уже на территории России, а не Персии. Кроме того, за военную и денежную помощь Голштиния получила бы разные льготы.

Следует обратить внимание на слова Бругемана, что Россия может рассчитывать на помощь Англии, Франции, Дании и Испании. Из перечисленных стран первые три незадолго до приезда голштинцев безуспешно добивались пропуска в Персию. У Швеции с Голштинией и у Голштинии с Данией существовало какое-то соглашение относительно персидской торговли. Голштинский договор встретил отпор как со стороны русского купечества, так и со стороны поляков, шведов и голландцев, из которых последние за несколько лет до голштинцев, а шведы — одновременно с ними, неудачно добивались транзита на Восток. Что касается Англии и Франции, то надо было опасаться, что обе эти державы особенно враждебно отнесутся к привилегиям Голштинии. Чулков несколько разъясняет этот вопрос. Он пишет, что якобы в 1638 г. короли испанский и датский и герцог голштинский заключили союз для уничтожения торговли голландцев и для завоевания Швеции. Уничтожение голландской торговли они хотели осуществить путем направления персидского шелка в Голштинию.[1] Если эти сведения правильны, вполне понятно враждебное отношение Бругемана к голландцам. На этот вопрос, как и на многие другие, окончательный ответ могут дать западноевропейские архивы.

В конкретных условиях того времени план Бругемана о захвате Россией прикаспийских областей Персии был неосуществим. Помимо того, что внимание России было отвлечено борьбой с Польшей и Швецией на западе и с Крымом на юге, Россия была в дружественных отношениях с Персией и рассчитывала на нее, как на врага Турции. Кроме того, интервенция в Персию в условиях XVII в. была бы неосуществима, да и вообще Россия была в то время слишком истощена, чтобы царское правительство могло вести агрессивную политику на Востоке. Наконец, захват прикаспийских областей поставил бы Россию лицом к лицу не только с Персией, но и с Турцией, враждебно относившейся к расширению русской территории.

---

[1] М. Чулков. Указ. соч. ч. II, кн. 2, стр. 72—74

Самая идея захвата персидских областей и вообще идея продвижения границ на Восток уже давно была известна и осуществлялась царским правительством. В плане Бругемана ново было лишь то, что он детально разработал проект интервенции, указывая, как нужно действовать и на кого опираться. Один из главных моментов плана — расчет на слабость центральной власти Персии и на сепаратистские устремления ее окраин. На этом и сыграл Петр I, осуществивший захват прикаспийских областей в момент полного развала Персии и нашествия афганцев.

Польша. В результате утверждения турок на Черном море во второй половине XV в. Польша оказалась отрезанной от черноморских рынков, и ее восточная торговля утеряла свое значение. Тем не менее торговля с Крымом по старинной дороге продолжалась, несмотря на все затруднения (небезопасность проезда и частые недоразумения между Крымом и Польшей). По словам Тавернье, кроме вардныпровской дороги существовал еще один путь, шедший из Варшавы через Люблин, Яссы, Черным морем, Закавказьем в столицу Персии — Исфаган. Перечисленными путями в Польшу приходили караваны с восточными товарами. Баланс польско-литовской торговли с Востоком был пассивным. Восточная торговля с Польшей производилась главным образом через армян, которые уже в XII—XIV вв. приезжали в Галицию, Волынь и другие места, а также постоянно проживали в городах, как, например, во Львове. В 1641 г. Владислав IV даровал армянам грамоту, в которой он, между прочим, приглашал их селиться в польских владениях.[1]

Первое известие о сношениях Персии с Польшей через территорию России относится к 1636 г., т. е. два года спустя после заключения Поляновского мира. В Астрахань прибыл персидский подданный Костенос и польский гонец Патренос, который служил гетману Конецпольскому. Последний, с ведома короля Владислава, отправил его гонцом к шаху Сефи из-под Каменца, где гетман стоял с войском на турецкой границе. Гонец отправился в Персию через Валахию, Крым и Грузию. Гетман писал шаху, что «в предках у прадедов и у дедов их у полских королей и у гетманов у предков ево, шах Суфиевых, с прадеды и з деды ссылки и совет и братство бывало без урыву и на недругов своих стояли заодно и друг другу во всем помогали».

Зная о вражде шаха с турецким султаном, гетман хлопотал, чтобы им «на недруга... на турецкого салтана стоять заодно и над ним поиск чинить» (в это время шла персидско-турецкая война). Шах Сефи очень обрадовался такому предложению и отпустил гонца Патреноса через Россию вместе со своим посланником Костеносом, французом, состоявшим в сане католического архиепископа города Нахичевани. Костеноса и Патреноса задержали в Астрахани, мотивируя тем, что «прежь сего в Астрахань х полскому королю через Московское государство послы и гонцы не бывали и вновь... без... указу отпустить... не смеем». Получив в конце концов разрешение, посланник и гонец проехали через территорию России.[2]

Когда начались сношения Польши с Персией? Полагаю, что не ранее царствования шаха Аббаса I, т. е. с конца XVI в., так как

---

[1] J. Tavernier. Op. cit., pp. 339—341; В. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда Августа, I, стр. 47—50, 61—63, 65, 69, М., 1917; Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, II, стр. 285—286, М., 1833—1838; Г. Бандтке. История государства польского, I, стр. 261, 266, 276, 340; II, стр. 339, СПб., 1880.

[2] ГАФКЭ, Столбец Польский, № 3, 1636—1637 гг.

в других документах имеется точное указание о сношениях между польским королем Сигизмундом и Аббасом I. Эти сношения происходили через Валахию, Крым и Черное море. Вследствие русско-польских войн более удобный путь через Россию не мог иметь реального значения для поляков. Мотив персидско-польских отношений, как видно из приведенных переговоров, был главным образом политический: борьба с общим врагом — Турцией. Однако, как мы увидим дальше, имелись в виду и экономические интересы.

В 1637 г. персидский посланник Костенос, побывав в Польше, вернулся в сопровождении польского посланника Теофила Шемберека. Их пропустили в Персию с предупреждением, чтобы это было в последний раз и впредь им «итти б... иною дорогою». Цель посольства Шемберека была политическая: «ныне взяли... литовские и русские козаки Азов, турский город», и он, посланник, едет к шаху, «чтоб заодно стоять на турсково».

Несмотря на предупреждение, по ходатайству шахского посла, поляков пропустили обратно через Россию (правда, их по дороге через Дагестан ограбили и часть посольства перебили).[1] В описываемое нами время польско-персидские отношения носили не только политический, но отчасти и экономический характер. По словам голштинского посла Бругемана, поляки старались помешать голштино-персидской торговле. «Король полской... ищет [такой же] торг вести через... Грузи и через Черное море мыслит ходити. И о том со мною говорено, чтоб мне сее чуть (волжско-каспийский — *Е. З.)* отставить и с ним быти вместе. Только я в том не поволил... Да и полской де король послал в Персиду посланника своего Шенберека для тово жь дела. А они (голштинцы) ево встретили на дороге, и про то им сказывали, что послан для торгового жь дела, чтоб им испортить». Кроме того польский король вместе с шведским писали к голштинскому герцогу Фридриху, чтобы «ходить... их торговым людем для торговли через Грузи и через Черное море... И государь их Фредерик к ним отказал».[2]

Возможно, что поляки требовали права транзита через Россию. Это видно из слов царских ближних людей, которые заявили голштинским послам, что «аглинской и полской и иные государи просили... у царского величества, чтоб через московское государство пропустить хотя послов их или посланников или гонцов, но токмо что торговых людей пустити в Персиду. И от того давали государю многую казну. И царское величество им ходу в Персиду не дал».[3] Мы знаем, что до образования голштинской компании англичане и другие европейцы требовали права транзита для купцов, а не для посольств, которые обычно пропускались без особых препятствий, если государство было не во враждебных отношениях с Россией. За пропуск посольств не стали бы давать «многую казну». Поэтому очень возможно, что поляки также требовали права транзита в Персию (если только приведенные выше заявления ближних людей соответствовали действительности). Но, конечно, они менее всего могли надеяться на успех, вследствие враждебных отношений с Россией.

В 1644 г. в Вязьму прибыл шахский посланник Карабет, возвращавшийся из Польши от короля Владислава (он уехал туда два года назад через Турцию). Посланника не пропустили через Россию, а в Вязьму, Астрахань и на Терки послали указы, чтобы впредь пер-

---

[1] Столбец Персидский, № 6, 1637 г.; № 1, 1636 г., лл. 110—111; Столбец Польский, № 3, 1636—1637 гг.; № 5, 1641 г.

[2] ГАФКЭ, Столбец Голштинский, № 2, 1636—1639 гг., лл. 39—42.

[3] Книга Голштинская, 1634—1642 гг., л. 112.

сидские посольства в Польшу не пропускались через Россию.[1] Но запрет действовал недолго. В 1646 г. между Россией и Польшей начались переговоры о союзе против крымского хана. Царскому правительству не удалось, однако, склонить Польшу к наступательному союзу против татар из-за боязни столкновения с Турцией.[2] Во время этих переговоров поляки сделали попытку вовлечь шаха в борьбу с Турцией. В 1646 г. в Москву приехал польский посланник Юрий Ильич с извещением о сборе польских ратей на татар и с ходатайством о пропуске его в Персию, что и было беспрекословно выполнено. Посол умер в Исфагане. Его заменил один из чинов посольства — Антоний Петровский. На обратном пути его расспрашивали в Москве о переговорах с шахом. Петровский сообщил, что шах «на турского стояти хочет» и выступит против него, как только получит извещение о том, что поляки начали военные действия.[3] После упомянутого посольства Юрия Ильича я больше не встречал в архивах указаний на переговоры о пропуске поляков в Персию. Это и понятно: вскоре начались трения из-за Украины и вспыхнула война 1654 г.

Итак, в промежутке между Поляновским миром 1634 г. и войной 1654 г. Польша вела сношения с Персией через территорию России. Сношения эти носили главным образом политический характер (побуждение шаха выступить против турок) и в меньшей степени экономический. Москва недоброжелательно смотрела на проезд польских послов через свою территорию, не раз издавала запреты таких проездов, но по политическим соображениям не могла их воспретить, хотя Польша была в общем враждебной для России страной.

С одной стороны, разрыв мирных отношений между Персией и Турцией был выгоден для России, а с другой — московское правительство не желало портить дружественных и экономически выгодных отношений с шахом, отказывая ему в пропуске персидских и польских посольств. О транзитной торговле поляков с Персией через территорию России, конечно, не могло быть и речи.

После 1667 г. положение изменилось. Согласно договора между Россией и Польшей от 14 декабря 1667 г., оба государства обязались совместно действовать против турок и татар. Пункт 5 этого договора говорил, что «в надежду всякого пожиточного соседского добра обоим нашим государствам служащим в остерегателстве не токмо о посторонних неприятельских замыслах, но и для промыслов и в торговых пожитках.., постановили.., чтоб из одного государства через другое... с грамотами государскими проезд был вольный и безопасный, как из короны Польской и великого княжества литовского через государства его царского величества... в Персидскую землю и далее, так [и] из [России через Польшу и Литву]... с грамотами, для безопаства... данными, до разных стран... посланным, и тем назад возвращающимся, быть в надлежащем безопастве, и туда, куда посланы будут, ехать и назад возвратятся со всеми товары, в обоих государствах незаказанными, и с животы их и с людми в соседском охранении с вольным наймом подвод, с платежем, однако, достойных от товаров пошлин, каковы в котором государстве постановлены будут.., со всяким безопаством и вспомогательством без задержания пропущены быти имеют».[4] В договоре с Польшей 1686 г. (пункт 28) эта статья была подтверждена без всяких изменений.[5]

---

[1] Столбец Персидский, № 1, 1644 г., лл. 1—21 и сл.
[2] С. Соловьев. История России, кн. II, стр. 1500—1507.
[3] Столбец Польский, № 21, 1646—1648 гг.
[4] ПСЗ (1649—1675 гг.), № 420, стр. 732.
[5] ПСЗ, II (1676—1688 гг.), стр. 770 и сл.

Таким образом полякам было предоставлено право транзита в Персию и далее. А так как статья о транзите включена в договор о союзе против турок и татар, то ясно, что именно благодаря политической заинтересованности в Польше для совместной борьбы в надвигавшейся турецкой войне московское правительство и пошло на такую экономическую уступку. В Андрусовском договоре 30 января 1667 г. (пункт 20) было установлено число лиц, которые могли быть посланы в Россию и Польшу, а именно: послов — 100 человек, а с ними 150 лошадей, посланников — 30 человек при 50 лошадях, а гонцов — 10 человек при 15 лошадях.[1] Благодаря этому пункту число поляков, которые могли быть пропущены в Персию в составе посольств, было ограничено, и польская королевская казна не могла бы злоупотреблять правом транзита и наносить большой ущерб русскому купечеству.

Поляки поспешили воспользоваться полученным по договору правом проезда в Персию через территорию России. В 1668 г. из Москвы в Персию был пропущен польский посланник Богдан Гурдий для переговоров о союзе против Турции. Одновременно начались переговоры царя с шахом по тому же вопросу. В 1675 г. Гурдий вернулся из Персии вместе с шахским послом Магмет Хусейн-беком. Гурдий сообщил, что говорил с шахом о заключении русско-польского мира, о союзе против турок и о том, чтобы «торговые люди ездили на обе стороны без помешки». Шахский посланник Лусиков, приехавший в Москву в 1673 г. для подтверждения договора с Армянской компанией, приводит интересные сведения о польских планах. Гурдий спрашивал Лусикова о шелковых промыслах и говорил ему: «И им, полякам, до того договору дело есть». Король Казимир писал шаху, чтобы он велел «шолку в турское государство не возить, а возить бы в московское и полское государство», так как «от шелкового... привозу из Персиды турку бывает в год пошлины по 700 000 мешков(!), а в мешке по 500 ефимков, а шаховым подданным в том прибыли нет и чтоб тот шолк и персицкие товары в Московское государство, а потом и в немецкие земли возить было поволено и ему, шаху, будет прибыльнее. И вперед в Царьград немецкие корабли ходить не будут, а будут... все приезжать к Архангельскому городу. И от того царскому величеству казна великая прибудет, а у турка от того в зборе казны будет убыль». Но московское правительство недоброжелательно смотрело на возможность установления транзитной польско-персидской торговли и в вежливой форме отклоняло такие проекты. Гонцу Христофорову (1674 г.) наказывалось разведать о польском посланнике. Если бы он узнал о заключении торгового договора, он должен был заявить, что шаху следует известить об этом царя, так как путь из Персии в Польшу проходит через Россию.[2]

Но в то же время царское правительство не могло совершенно запретить польско-персидскую торговлю, вследствие пункта 5 упомянутого договора и политической заинтересованности в обоих государствах. Этим и объясняется, что Гурдий был беспрепятственно пропущен в Персию, хотя уже из грамоты короля к царю было видно, что он послан не только с политическими, но и с торговыми целями. Гурдий привез с собой из Персии шелка-сырца и других товаров на 12 132 р. (по другим сведениям — на 19 378 р.). С него хотели взять пошлину, но он ссылался на пункт 5 договора 1667 г., говоря, что

---

[1] ПСЗ, I, № 398, стр. 665; Столбец Персидский, № 3, 1676—1678 гг.
[2] ГАФКЭ, Столбец Персидский, № 6, 1673 г.; Книга Армянская, № 2.

этот пункт касается торговых людей, а не послов и гонцов, тем более, что товары даны ему шахом «вместо жалованья». Хотя царское правительство и заявило ему, что договор предусматривает уплату пошлины, тем не менее велело вернуть пошлину, кроме небольшой части. Из одного указа 1674 г. видно, между прочим, что с Гурдием ехали из Персии торговцы. Из Москвы польский и персидский посланники были пропущены в Польшу (1675 г.).[1]

На следующий год Гурдий вернулся в Москву и заявил, что польский король отправляет его в Персию резидентом при шахском дворе «для подкрепления войны турской» и «для надобных оттуду ведомостей в делех обоих нам великим государем». Царское правительство было против назначения польского резидента в Персию и ссылалось на договор 1667 г., где это не предусматривалось, однако разрешило «сверх договору». Из беседы с членом шахского посольства Алла Ярбеком (заменившим умершего посла) царское правительство разузнало, что шах также был против назначения постоянных резидентов в Персию, и шахское посольство заявляло об этом польскому королю. Такое отношение к вопросу о резидентах не предвещало успеха делу Богдана Гурдия, тем более, что между ним и шахским посольством произошли серьезные трения.[2]

В 1676 г. польское правительство дважды посылало через Россию в Персию своих гонцов, Свидерского и Орлаковича. Последнему из них наказывалось бежать днем и ночью и через три месяца вернуться обратно. Такая поспешность объясняется неблагоприятным оборотом турецкой войны (Журавинский мир 1676 г.). На следующий год гонцы вернулись обратно, не добившись разрыва персидско-турецкого мира.[2]

В 1678 г. через Москву в Персию проехал польский гонец Гурдецкий. Одновременно в Архангельск приехал торговец с товарами для гонца. Его не хотели пропускать в Москву, мотивируя тем, что в договоре ничего не сказано о проезде торговых людей чероз Архангельск. После настояний гонца, указывавшего, что это везут подарки для шаха, торговца пропустили через Россию.[4]

В 1681 г. в Москву приехал польский посланник Константин Згурский (Загорский) с «небольшим» делом — «чтобы великий государь... поволил купцом персидским ездить через свое... государство в [Польшу]... А ест ли не укажет... ныне того поволить, тогда... учнут говорить [об этом]... великие и полномочные послы... князь... Черторыйский с товарыщи». Самого посланника пропустили в Персию, но заявили, что в Россию приезжают одни шахские купцы, да и то в сопровождении шахских послов, а кроме них никого не пропускают. Таким образом Згурскому в вежливой форме было отказано.[5]

Из этого инцидента видно, что польские торговцы, повидимому, не пользовались правом транзита. Торговые же операции выполняли посланники и гонцы на ряду с дипломатическими поручениями.

В 1682 г. через Москву проехал возвращавшийся из Персии Гурдецкий, а в следующем году мы опять видим его посланником у шаха. Почти одновременно в Персию был послан царский гонец

---

[1] Столбец Польский, № 23, 1669—1675 гг.; № 7, 1675 г.; Книга Армянская, № 2, лл. 140—143, 252, 255—256, 265 и др.; Столбец Персидский, № 3, 1676—1678 гг.; Столбец Армянский, № 2, 1675 г.

[2] Столбец Персидский, № 3, 1676—1678 гг.; Книга Персидская, № 18, ч. 3, лл. 952—953, 956—957, 959—961 и др.; Столбец Польский, № 9, 1675 г.

[3] Столбец Польский, № 9, 1676—1677 гг.

[4] Там же, № 18, 1678—1679 гг.

[5] Там же, № 9, 1681 г.

Христофоров, чтобы разведать о цели поездки Гурдецкого. Если бы речь зашла о заключении торгового договора, то Христофоров должен был заявить протест от имени царского правительства, мотивируя его тем, что путь проходит через территорию России. В том же 1683 г. из Персии возвращался польский посланник Згурский.[1] По дороге он встретился с гонцом Христофоровым и сообщил ему некоторые сведения о Богдане Гурдии, отправленном, как мы помним, резидентом в 1676 г. По словам Згурского, Гурдий живет в Шемахе и не ведет никаких государственных дел; ему велено даже вернуться в Польшу. Христофоров разузнал также, что Згурский получил шахское разрешение построить в Шемахе костел «а подле... гостин двор и у тово костела сажать несколко езуитов для службы. А кормитца тем езуитом из доходов того гостина двора». К тому времени в Исфагане и других персидских городах уже имелись костелы, построенные за счет Франции для распространения католичества. В Шемахе до того времени костелов не было. Христофоров считал, что устройство церквей — дело более подходящее для России, чем для Польши, так как «ис Полши в Персидцкую землю никакие люди никогда не бывают, опричь королевского величества посланников, которые не издавна по вашему великих государей доброй изволению почели через... [Россию пропускаться]». У России же более тесные отношения с Персией и там постоянно бывает много купцов, поэтому желательно открыть в Шемахе православную церковь.

Ни польский ни русский проекты не были осуществлены в XVII в.[2] Что касается заявления Христофорова, что Персия не посещалась купцами из Польши, то он, повидимому, ошибался. Тавернье свидетельствует, что среди купцов, приезжавших в Бендер-Аббас и направлявшихся в Кандагар, встречались поляки, а также, что в индийском городе Брампуре и в различных городах Персии изготовлялись ткани, которые вывозились в разные страны, в том числе и в Польшу.[3] Кроме того, указанные выше польские посольства на ряду с дипломатическими переговорами, вели торговые операции. Наконец, наличие торгового пути из Персии в Польшу через Черное море дает нам право заключить, что не только персидские армяне ездили в Польшу, но и из Польши в Персию ездили купцы (также, вероятно, большей частью армянского происхождения).

В 1683 г. в Москву приехал архиепископ Севастиан, посланный от папы римского в Персию «для научения и исправления христианские веры» и с грамотами от императора Священной Римской империи и короля польского о желании заключить союз с Россией против турок. Папа склонял к тому же союзу Венецию и курфюрста Бранденбургского. Швеция также обещала помощь императору войсками (в результате этих переговоров и был организован так называемый «священный союз» против Турции).[4]

Не будем останавливаться на дальнейших отношениях с Польшей. Переговоры о союзе против турок ни к чему не привели — поляки не добились разрыва персидско-турецкого мира.

Итак, после Андрусовского мира наступил новый этап в персидско-польских отношениях. Ввиду надвигавшейся турецко-татарской угрозы

[1] Столбец Польский, № 14, 1682 г.; №№ 13 и 20, 1683 г.

[2] Столбец Персидский, № 2, 1683 г.; Книга Персидская, № 20, лл. 126—146. Из переговоров с Персией в 1654 г. видно, что к тому времени в Шемахе существовала лишь часовня. Когда она была построена и долго ли просуществовала, нам не известно (Столбец Персидский, № 5, 1653—1654 гг.).

[3] J. Tavernier, Op. cit., I, pp. 676, 768; II, pp. 34, 133, 164.

[4] Столбец Польский, № 19, 1683 г.

и политической заинтересованности царского правительства в Польше и Персии, поляки получили формальное право ездить в Персию через территорию России не только для политических переговоров, но и для торговли. Текст пункта 5 договора 1667 г. не указывал, кто именно мог быть пропущен через Россию (посольства и купцы или только послы и гонцы); говорилось лишь о вольном и безопасном проезде с грамотами и товарами.

Между Польшей и Персией часто ходили посланники и гонцы, главным образом с целью вовлечения Персии в войну с Турцией. Но поляки не забывали и своих экономических интересов, не раз поднимая вопрос о вольном проезде купцов. Царское правительство, заинтересованное в Польше и Персии, не могло запретить транзитную торговлю и лишь ограничивало ее по возможности. Польские посольства на ряду с дипломатическими поручениями вели торговые операции. Но на этом дело и заканчивалось. Когда же заходила речь о транзите для купечества, царское правительство в вежливой форме отклоняло просьбы.

Чтобы не переоценивать значения права транзита, надо взглянуть на постановления, касающиеся права торговли русских и польских подданных. По Андрусовскому договору 1667 г. русским и польским купцам было разрешено торговать незапрещенными товарами в пограничных городах обоих государств (пункты 16, 21 и 22). В 1678 г. последовало разрешение польским купцам приезжать в Москву, а русским — доставлять свои товары в Варшаву, Вильно и Краков. Эти условия были подтверждены в 1686 г. при заключении «вечного мира». (пункты 18 и 27).[1] Таким образом, как правило, поляки не допускались дальше Москвы. Проезд их в Персию, согласно пункту 5 договора 1667 г., являлся как бы исключением. Тем не менее, когда поляки поднимали вопрос о транзитной торговле с Персией, царское правительство никогда не истолковывало эту статью как запрещение транзитной торговли, т. е. оно юридически допускало толкование этого параграфа как право транзита для всех поляков вообще, но по особому ходатайству и с соблюдением ряда формальностей (царские проезжие грамоты, уплата пошлин и провоз незапрещенных товаров). Польское правительство также принимало этот пункт договора как право транзита для всех купцов. Фактически же это право свелось к торговле польской королевской казны, которая вела свои операции через посольства, часто проезжавшие через Россию (не считая, конечно, проездов купцов другими путями). Экономическое положение Польши во второй половине XVII в. не способствовало развитию торговли между Персией и Польшей, не говоря уже о таких затруднениях как дальность расстояния, неудобство сообщения и промежуточные враждебно настроенные государства (Турция, Крым, а временами Россия).

Швеция. Крушение Ганзейского союза открыло перед Швецией богатые перспективы в Прибалтийских странах. Начало XVII в. ознаменовалось наступлением Швеции как на востоке, так и на юге. Из-за Прибалтики происходили столкновения с Россией. В 1617 г. (Столбовский мир) шведы получили монопольное право торговли на Балтийском море и вытеснили русских из Прибалтики. К моменту своего вступления в Тридцатилетнюю войну (1630 г.) Швеция закрепила за собой весь плацдарм Прибалтики, а по Вестфальскому миру 1648 г. она стала господствовать над устьями германских рек и всем побе-

[1] ПСЗ, I, № 398, стр. 664, 665 и др.; II, стр. 781 и др.; В. Бочкарев. Экономический быт России XVII в. («Три века»; II, стр. 241).

режьем Балтийского моря. В 1645 г. Швеция добилась отмены датской пошлины за проход судов через Зунд. Быстро развились различные отрасли промышленности Швеции (ткацкие, бумажные, металлургические и другие мануфактуры). В 1626 г. была основана Южная компания, ведшая монопольную торговлю с заокеанскими странами. Укрепляя свою внешнюю торговлю, Швеция обращала большое внимание на русский рынок и тщетно стремилась монополизировать внешнюю и транзитную торговлю России и перевести ее из Архангельска к портам Балтийского моря.

Согласно мирного договора 1557 г., русские купцы могли вести транзитную торговлю через Швецию в европейских странах, а шведы получили разрешение торговать в Новгороде, Москве, Казани, Астрахани, и их посольства могли ездить в Индию и Китай. В 1595 г. шведы получили подтверждение права свободной торговли в России; о праве проезда на Восток уже не упоминалось. Да и вообще шведские посольства едва ли пользовались этим правом.[1]

В XVII в. после окончания крестьянской войны и польской интервенции взаимоотношения России со Швецией носили враждебный характер. Война окончилась Столбовским миром 1617 г. При выработке экономических условий Столбовского договора шведы поставили вопрос о повсеместной торговле в России и о праве ездить через территорию России в Персию и другие восточные страны. Царское правительство отвечало: «В Персиду свейские торговые люди преж того не хаживали и впредь тому быть нелзя». В окончательном тексте договора проезд послам и гонцам в Персию, Турцию, Крым и другие страны был разрешен лишь при условии, если Россия находится с ними в мирных отношениях. Торговых людей брать с собой не разрешалось.[2]

После Столбовского мира вплоть до первого десятилетия царствования Алексея Михайловича русско-шведские отношения носили мирный характер. Не останавливаясь на политических вопросах, отметим, что Швеция стремилась сосредоточить в своих руках русскую торговлю, установить транзит в Персию и Индию и перенести внешнюю торговлю России из Архангельска в Прибалтику.

Остановимся на некоторых моментах русско-шведских отношений, связанных с Персией.

В 1618 г. велись переговоры о русско-шведском союзе против Польши, с которой Россия в то время вела войну. Густав Адольф соглашался на союз только при условии отказа России от притязаний на Ливонию и предоставления шведским купцам ряда экономических льгот, в том числе права транзита на Восток. Царские послы ссылались на Столбовский мир и отговаривались, что «нам о таких делех вновь договариватца не наказано». Шведы продолжали настаивать. Им отвечали (при переговорах 1618 г. с шведским послом Стенбуком), что «свейского королевства торговые люди через... Российские государства в Персиду и в ыные ни в которые государства торговати не хаживали»; от этого русским купцам «будет в торгех помешки и убытки великие и промыслы всякие станут». Шведы требовали новых

---

[1] Н. Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII ст., стр. 256, СПб., 1889; И. Лаппо-Данилевский. Новые переводы и комментарии донесений и записок Родеса и Кильбургера о России («Русск. Ист. журнал», V, стр. 52, 1918).

[2] С. Соловьев, История России, кн. II, стр. 1120—1122; А. Пресняков. Международное положение Московского государства в первой половине XVII в. («Три века», I, М., 1912); К. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII в. («Чтения в общ. ист. и древн. росс.», кн. III, стр. 1—11, 1897).

экономических уступок за союз против Польши, но их хлопоты не увенчались успехом, тем более, что война с Польшей окончилась в 1618 г. без шведского вмешательства. Но шведы на этом не успокоились. Их агент в Москве Мёллер старался не допускать к персидской торговле иноземных купцов, кроме шведских.[1]

В 1634 г. в Москву прибыло новое шведское посольство. В это время возобновилась русско-польская война, и посольство получило наказ всячески стараться продлить ее. Швеция была в этом крайне заинтересована, поскольку срок польско-шведского перемирия приходил к концу, и она боялась союза Польши с Австрией. В числе условий, поставленных Швецией для заключения Россией союза против Польши, опять фигурирует вопрос о транзите в Персию и другие восточные страны. На это был дан прежний ответ (тем более, что в том же году между Россией и Польшей был заключен Поляновский мир).[2]

Из дальнейших переговоров о Персии отметим сообщение не раз упоминавшегося уже голштинского посла Бругемана (40-е годы XVII в.) о том, что шведы думали «как бы их торговое дело испортить» и что Швеция с Польшей предлагали герцогу голштинскому перевести персидскую торговлю на новый путь — через Черное море и Грузию, в чем им было отказано. Бругеман предупреждал царское правительство о замыслах шведского короля Густава Адольфа, желавшего завладеть всей Россией, «а болши... всего он мыслю клонил на здешнее государство на Персицкое».[3] Не берясь судить о правильности показаний Бругемана, отмечу, что между Швецией и Голштинией был установлен известный контакт в отношении персидской торговли. Это видно из текста царской грамоты к датскому королю Христиану IV (от 5 декабря 1640 г.) с жалобой на голштинского герцога Фридриха, отказавшегося подтвердить договор с Голштинской компанией. В грамоте говорится, что во время переговоров с голштинскими послами Крузиусом и Бругеманом о заключении известного уже нам договора о персидской торговле шведская королева Христина прислала к царю своих послов. Последние, между прочим, просили «поволити голстенские компанеи торговым людем через наши великие государства для торговли в Персиду и назад ис Персиды ходить; а у ней де з голстенским князем соединенье учинено о пропуске, что голстенского князя компанеи торговым людем через ее государство ходить поволено. И мы, великий государь наше царское величество, по тому их прошенью торговым голстенским людем в Персиду ход дати изволили».[4]

Из донесений шведского резидента в Москве Карла Поммеринга королеве Христине (1649—1650 гг.) видно, что Швеция очень интересовалась как русской, так и персидской торговлей. Но планы ее не осуществились. В середине XVII в. царское правительство, в интересах своего купечества, приняло меры к ограничению иностранной, в том числе шведской, торговли в России и, в частности, персидско-шведской торговли на территории России, так как, по словам шведского резидента Поммеринга (2 марта 1650 г.), иностранцы «слишком усердно водились... [с персами] и слишком часто ходили на персид-

---

[1] К. Якубов. Указ. соч., стр. 54—91; С. Соловьев. История России, кн. II, стр. 1131—1132, 1232, 1643; Г. Форстен. Балтийский вопрос в XVI и XVII вв., I, стр. 208—210; И. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 52.

[2] Г. Форстен. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины («Журн. мин. нар. просв.», июнь, 1891, стр. 348—354).

[3] Е. Зевакин и М. Полиевктов. Указ. соч., стр. 7.

[4] Русские акты Копенгагенского гос. архива (РИБ, XVI, стр. 705—707).

ский двор».[1] В середине XVII в. шведский комиссар Родес говорил с тестем царя Алексея Михайловича, бояриным Милославским, что некоторые купцы, ведущие мировой торг, желали бы, чтобы весь персидский шелк поступал в царскую казну, а они ежегодно законтрактовывали бы его у казны, частью за различные товары, ходкие в Персии, частью за наличные деньги. По мнению купцов, это привлекло бы в Россию не только персидскую, но и значительную часть индийской и китайской торговли. Милославский отвечал на это предложение согласием. Неизвестно, однако, был ли дан ход этому делу и чем оно окончилось (повидимому, ничем).[2]

Вскоре начались политические осложнения: в 1655 г. шведы вмешались в русско-польскую войну на стороне Польши. В 1658 г. война со Швецией окончилась временным (трехлетним) Велиесарским соглашением, которое в 1661 г. было заменено Кардисским миром. По условиям этого мира Россия опять потеряла берега Балтийского моря. Не касаясь политических переговоров после заключения мира, отметим лишь, что с этих пор между Россией и Швецией продолжались мирные отношения, несмотря на временные обострения. О войне со Швецией не могло быть и речи, в виду опасности на юге со стороны Турции и Крыма. Готовясь к войне с Турцией и желая закрепить за собой Украину, царское правительство в 1683 г. подтвердило условия Кардисского договора.

Как и раньше, вопрос о торговле продолжал играть значительную роль. В Россию посылались шведские агенты, следившие за торговлей и всячески стремившиеся к развитию ее. Шведы принимали меры к перенесению архангельской торговли к Балтийскому морю, стараясь заинтересовать в этом и европейские государства. Однако последние предпочитали беломорский путь, так как пошлины и фрахт через Архангельск были меньше, чем через Новгород. При пользовании балтийским путем европейцы должны были проходить через Данию (пролив Зунд) и Швецию (Лифляндия). При взаимоотношениях со Швецией они подвергались постоянным поборам, стеснениям и всякого рода случайностям и недоразумениям; в Архангельске же иностранцы имели дело с одними русскими. Царское правительство также понимало, что выгоды от балтийского пути оно получит лишь тогда, когда само захватит побережье.

Продолжим рассмотрение персидского вопроса в русско-шведских отношениях. В 1662 г. шведские послы снова добивались права торговли с восточными купцами, приезжавшими в Россию, но, как и раньше, азиатский рынок им не открыли. Об этом же поднимал вопрос резидент Эбершельд (1667 г.).[3]

Посмотрим, при каких обстоятельствах возникли непосредственные сношения Швеции с Персией через русскую территорию. Первый известный мне случай непосредственных шведо-персидских отношений относится к 1674 г. Царскому гонцу Христофорову поручалось узнать, зачем послан к шаху шведский посол Фабрициус: если для торговых целей, то он должен был заявить, что шведам придется

---

[1] К. Якубов. Указ. соч., стр. 460—461, 466. Г. Форстен. Сношения России с Швецией во второй половине XVII в. («Журн. мин. нар. просв.», февраль, 1898, стр. 213—214)

[2] Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. («Чтения в общ. истор. и древн. росс.», кн. II, стр. 151—153, 1915).

[3] Г. Форстен. Сношения России с Швецией во второй половине XVII в.; В. Пичета. Указ. соч.; С. Соловьев. История России, кн. III, стр. 520—523, 859, 1023—1024 и др.; С. Архангельский. Указ. статья. стр. 20—21; И. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 33—34, 53, 54, 58 и др.

считаться с Россией, через которую проходит путь в Персию. Официальная цель этого посольства была, вероятно, политической — организация антитурецкого союза. В 1680 г. Фабрициус проехал обратно, а в 1682 г. мы его видим опять послом в Персии. Фабрициус сообщил о целях посольства следующее: шведский король, видя наступление турок на цесаря Римского, помог ему своими войсками; такой же помощи ждут и от России: Швеция хочет добиться, чтобы и шах выступил на турок. Вторая цель посольства — установление транзита. По словам Фабрициуса, шах дал уже согласие на шведо-персидскую торговлю «и на слове то положено»; теперь он едет для окончания этого дела: «А прибыль де королевского величества торговым людем будет в привозе персицких товаров, а персам прибыль будет от блиского пути, потому что ныне... с персидскими товары в немецкие государства ездят на Архангелской город, и тот... путь самой далней. А как де они будут ездить на Ригу или на Ругодив, и тот же путь гораздо ближе и мочно... дважды или трижды на Ригу съездить, а к Архангелскому городу в то число единожды... А пошлин,... как в Персиде, так и в Свее, с торговых людей во обоих сторонах имать постановлено равно: со ста рублев по два рубли...» Из персидских товаров шведам были нужны шелк-сырец, пестрядь, выбойка и другие, персам же — сукна хорошего качества.

Из расспроса польского посланника Згурского видно, что шахское правительство решило отправить с Фабрициусом трех армянских купцов с небольшим количеством шелка-сырца «для проведывания, и буде достоит им туда шолк возить, и впредь возить станут». Из Москвы Фабрициус отправился в Швецию, а армянские купцы поехали в Амстердам, так как там «лутче продажа». [1]

Узнав о целях посольства, царское правительство сначала старалось отговорить Фабрициуса от поездки, пугая его небезопасностью проезда по Волге, а затем прямо объявило, что Кардисским договором предусмотрен проезд лишь посольств, но не купцов. Однако, учитывая политическую сторону посольства — союз против турок (в 1682 г. Порта наступала на Вену, создавая угрозу и для России), Фабрициуса пропустили в Персию с оговоркой, что все противоречащее мирному договору России с Швецией «с стороны царского величества никогда исполнено не будет. То б он, посланник, ведал». [2] Вслед за Фабрициусом послали к шаху гонца Христофорова для разведывания о переговорах с шведами. Гонец разузнал, что Фабрициус вел переговоры политические — о выступлении шаха против турок — и экономические — о шведо-персидской торговле. Фабрициус говорил также о том, что некоторые персы писали в Швецию о постройке на Каспийском море «немецких кораблей, крепких и скороходных», так как русские и гилянские суда — бусы — «ненадежные» и в них «нарочитые товары покласть и куда ездить опасно». Если шах ничего не будет иметь против, из Швеции пришлют корабельных мастеров «и вся потребная». Фабрициус просил разрешения проехать в Гилян посмотреть лес для постройки кораблей. Узнав об этих переговорах, гонец Христофоров заявил шахскому правительству, что вопрос о транзитной торговле через Россию и о кораблестроении должен быть предварительно согласован с царем и утвержден им. [3]

Какой был дан ответ шведскому послу, мне неизвестно; он вернулся из Персии в 1686 г. В Москве Фабрициус хлопотал о разрешении

[1] ГАФКЭ, Книга Персидская, № 20, лл. 126—146; Столбец Шведский, № 2, 1680—1682 гг.; Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч., IV, стр. 197, 199, 200.

[2] Там же, Книга Шведская, № 115, 1683—1687 гг., лл. 47—85.

[3] Книга Персидская, № 20, лл. 80—125; Столбец Персидский, №№ 2 и 3, 1683 г.

армянским купцам ездить в Европу через западную границу: «А сие его королевское величество за соседскую дружбу восприемлет и при таких же случаях такими жь мерами воздаст». Таким образом, видя нежелание России установить прямую торговлю шведских и персидских подданных, Фабрициус рассчитывал на свободный пропуск в Швецию армянских купцов, которые, как мы увидим далее, пользовались формальным правом торговли с Западной Европой через Россию.[1] Эти хлопоты увенчались успехом: с 1686 г. армян начали пропускать через Новгород и Нарву. Полагаю, что разрешение это было дано именно в результате хлопот Фабрициуса.

В последнем десятилетии XVII в. сношения Персии с Швецией продолжались. Детали переговоров нам неизвестны. В 1700 г. началась Великая Северная война, и не могло быть больше и речи о дипломатических сношениях Швеции с Персией. Не удивительно, что в 1701 г. не был пропущен в Швецию шахский посланник Ароб Гарлю.[2]

Итак, в XVII в. Швеция настоятельно добивалась получить право транзита в Персию, но все ее попытки окончились неудачей. Персидский вопрос в русско-шведских отношениях XVII в. можно разделить на два периода. Первый из них начинается еще со второй половины XVI в. и тянется до 1674 г. В течение этого периода Швеция, хотя и получила формальное право вести дипломатические сношения с восточными странами через территорию России, но фактически (насколько мне известно) не пользовалась им или, вернее, не допускалась к этим сношениям. После 1674 г. шведские посольства неоднократно отправлялись к шаху и вели переговоры о союзе против турок, а также об установлении транзитной шведо-персидской торговли.

Второй период русско-шведских отношений тесно связан с турецкой войной, грозившей России. Мы видели, как этот момент отразился на сношениях с другими странами, особенно с Польшей и, как мы увидим дальше, с Персией (Армянская компания). В такой напряженный момент Москва ничего не имела против дипломатических сношений Швеции с Персией, потому что в разрыве персидско-турецкого мира она и сама была крайне заинтересована и усиленно стремилась к тому через своих посланников и гонцов. Кроме того Швеция помогала союзникам России (в последней трети XVII в.) — Польше и Австрии. Наконец, само царское правительство было заинтересовано в поддержании мирных отношений с Швецией, в виду опасности на южных границах. Ведя переговоры с шахом официально — о выступлении его против Турции, Швеция имела в виду, главным образом, свои экономические интересы — установление транзитной торговли через Россию. Москва была прекрасно осведомлена об этих планах, но не налагала veto на персидско-шведские отношения вследствие войны с Турцией; она лишь в вежливой форме отклоняла такие требования. В случае получения активной помощи в борьбе с турко-татарами Москва, может быть, и пошла бы на некоторые уступки (например, разрешение хотя бы частичного транзита). Но Швеции незачем было активно вмешиваться в борьбу с отдаленной Турцией, она хотела лишь использовать эту борьбу для расширения своих экономических связей. А за один лишь благожелательный нейтралитет царское правительство безусловно не могло пойти на такую важную экономическую уступку, как транзит на Восток, в ущерб своему купечеству. Тем не менее

[1] Книга Шведская, № 115, лл. 164—165; Столбец Шведский, № 3, 1687 г.

[2] Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч., IV, стр. 204, 205, 207; Столбец Шведский, № 5, 1695—1696 гг.; Книга Шведская, № 125, 1697—1698 гг.; Книга Персидская, № 7, лл. 171—174.

шведы не были совершенно изолированы от торговли с Персией. В результате хлопот Фабрициуса с 1686 г. персидских армян начали пропускать через Новгород и шведские владения на Запад; проезд армян через Архангельск с тех пор почти совсем прекратился.

Мы говорили выше, как царское правительство относилось к вопросу о балтийском и беломорском путях. Здесь мы наглядно видим, как, вопреки своей заинтересованности поддерживать архангельское направление, Россия в то же время разрешает армянам транзит через западную границу. Вероятно это было сделано в качестве уступки. Действительно, для Армянской компании, следовательно в интересах Персии, было ближе сноситься с Западом через Новгород, чем через Архангельск. Путем такой экономической уступки можно было надеяться на выступление шаха против султана или, по крайней мере, на его благожелательный нейтралитет. Точно такой же политики царское правительство придерживалось и в отношении Швеции: не разрешая шведским купцам проезжать в Персию, оно в то же время допускало проезд армянских купцов. И здесь можно видеть некоторую уступку шведам ради их благожелательного нейтралитета и в целях поддержания мира на западной границе, а также в расчете на их активную помощь в борьбе с Портой. Причины, побудившие Швецию проникнуть на персидский и вообще на восточные рынки, лежат в стремлении приобрести новые рынки для развивающейся шведской промышленности и для использования выгод транзита. Из переговоров с шведами в 1655 г. видно, что крупные торговые фирмы в Ревеле, Нюене и Риге готовы были вложить в это дело свои капиталы. [1]

Бранденбург (Пруссия). В результате Тридцатилетней войны Германия оказалась разоренной. Она потеряла ряд областей и превратилась в конгломерат самостоятельных государств, лишь номинально связанных в одно целое под названием империи. Война повела к укреплению княжеского абсолютизма. С упадком Западной Германии ее значение перешло к Австрии и Пруссии, где выросло крупное хозяйство помещиков-крепостников и с конца XVII в. начался медленный экономический подъем.

Прусское государство возникло в 1525 г. из владений Тевтонского ордена, и до 1660 г. оно было в ленной зависимости от Польши. В 1618 г. Пруссия объединилась с курфюрстом Бранденбургским под общей властью Гогенцоллернов, а с 1701 г. стала королевством. По Вестфальскому миру 1648 г. курфюрст Фридрих-Вильгельм добился значительных территориальных приобретений и положил начало прусскому абсолютизму.

В 1670 г. в Москву приехал персидский подданный армянин Якуб Самокутли с письмом от курфюрста бранденбургского, где говорилось, что он принят к курфюрсту на службу в качестве агента для привоза в Пруссию шелка и других персидских товаров. Из расспросов Самокутли выяснилось, что он выехал из Персии в 1668 г. и через Турцию проехал в Пруссию для закупки янтаря. Самокутли договорился с курфюрстом о доставке ему персидских товаров (шелка-сырца и др.) через территорию России. По указанию одного документа, Самокутли пропустили в Персию «и он де восприяв то объявление, ездил с тем х курфистру и великого государя милость и волной проезд чрез Московское государство в Персиду объявлял. И курфистр выслушав [это]... зело обрадовался». [2] Не ясно, дан был ему постоянный пропуск или же единовременный. Однако объяснить

[1] Г. Форстен. Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII в., стр. 231—238.

[2] Столбец Персидский, № 3, 1668—1670 гг.

этот случай правом армян ездить через Россию на Запад невозможно. Приезд Самокутли относится ко времени до заключения второго договора с Армянской компанией (1673 г.), т. е. когда она еще фактически не начала функционировать. Да и после 1673 г. армяне долгое время не пропускались через западную границу и принуждены были ездить через Архангельск. Лишь в 1686 г. их начали пропускать через Новгород.

Общим между Россией и Пруссией была политическая заинтересованность в борьбе с Турцией. Уже в 1672 г. царь обратился к курфюрсту с предложением совместно действовать против турко-татар, напавших на Польшу и угрожавших России. В дальнейших переговорах с Пруссией вопрос об оказании помощи Польше и России в борьбе с Турцией играл видную роль, и на Пруссию возлагались большие надежды. Пруссаки не забывали, однако, и своих экономических интересов. В 1689 г. они получили право торговли с Россией.[1] Итак, очевидно, в силу политической заинтересованности в Пруссии, в виду отсутствия трений и благожелательного отношения курфюрста к России и ее союзникам, у царского правительства не было основания отказывать торговому агенту курфюрста в праве транзита в Персию. Это предположение тем более вероятно, что в 1697 г. с Пруссией был заключен дружественный договор, и прусским купцам разрешили транзит в Персию и Китай с условием уплаты пошлин.[2] На просьбу курфюрста об установлении транзита царское правительство хотя и согласилось, но заметило, что идет на этот шаг только «для любви и приятства его пресветлейшества», так как другим государствам «не была позволена в России такая свобода, хотя об оной и многое было домогательство».[3]

Можно ли поставить это право транзита, данное пруссакам в 1697 г., в связь с турецкой войной, которая и была причиной царского посольства, заключившего упомянутый договор с Бранденбургом? Не является ли пункт о транзите экономической уступкой или поощрением с целью получения военной помощи от Бранденбурга? Хотя царское правительство и вело с курфюрстом переговоры об оборонительном союзе против врагов, но заключить такой союз не удалось: Бранденбург желал заключить общий союз, главным образом, для обеспечения себя от шведов и поляков, а Россия была заинтересована преимущественно в борьбе с Портой и для нее несвоевременно было обострять отношения с Польшей и Швецией. Поэтому в результате переговоров было решено статью о взаимной защите от всех врагов (для Пруссии — от поляков и шведов) в трактат не включать.[4] Хотя Петр и не достиг своей цели (заключение союза против турок), прусским купцам все же разрешили ездить через Россию в Китай и Персию. Такое разрешение нельзя поставить в прямую связь с турецкой войной, как это не раз имело место раньше. Правда, из показаний Фоккеродта видно, что «этот договор никогда не был приведен в исполнение; когда же в 1725 г. барон Мардефельд наведывался о нем у русских коммерции советников по случаю приготовленной поставки прусского сукна, они по-прия-

[1] Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч., IV, стр. 11—21; С. Соловьев. История России, кн. III, стр. 1024.

[2] Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч., IV, стр. 22—24; С. Соловьев. История России, кн. III, стр. 1160—1169.

[3] И. Голиков. Указ. соч., IV, стр. 270, 272, 288.

[4] Н. Устрялов. История царствования Петра В., III, стр. 38—42, СПб., 1858; Письма и бумаги Петра В., I, стр. 174—178; СПб., 1887—1918; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, VIII, стр. 823. СПб., 1851—1871.

тельски посоветовали ему не затрагивать этого условия, потому что на него нельзя согласиться без разорения всех торгующих граждан в России. Со всеми своими настойчивыми просьбами он ничего не добьется больше, кроме того, разве, что сделают ненавистной прусскую торговлю, у которой и так уж довольно врагов».[1] Как бы то ни было, но важен самый факт подписания договора с разрешением транзита. Кроме того, возможно, что показания Фоккеродта не совсем точны, и хотя бы незначительное число прусских купцов проникало на Восток. Да и вообще прусская торговля с Персией не могла в это время принять большие размеры и нанести серьезный ущерб русскому купечеству: роль Пруссии в мировой торговле второй половины XVII в. была неизмеримо меньше, чем роль Англии и Нидерландов, а в персидской торговле она до тех пор совсем не участвовала.

Повидимому в последнем десятилетии XVII в. произошел некоторый поворот во взглядах на внешнюю торговую политику. Напомню переговоры с Голландией (проект Витзена и благожелательное отношение к нему царского правительства), тогда как еще в 1676 г. фан Кленк не мог добиться права повсеместной торговли с восточными купцами на территории России. Правда, в 1698 г. голландцам отказали в ряде экономических льгот, в том числе в праве повсеместной торговли с восточными купцами, не говоря уже о транзите; но это стоит в прямой связи с нежеланием нидерландского правительства оказать военную помощь России. Из сопоставления проекта Витзена и переговоров 1698 г. видно, что право транзита предоставлялось только тем государствам, которые оказывали России помощь в борьбе с Турцией и Крымом. Государству же, отказывавшему в военной помощи, Россия безусловно не могла давать разрешения на проезд через свои земли на Восток.

Моя догадка о переменах в вопросе о транзите подтверждается мероприятиями Петра и последующих императриц, направленными к развитию армянской торговли через Россию. И это в то время, когда не могло быть и речи о политической заинтересованности России в Персии на почве борьбы с Турцией, так как Персия была тогда в состоянии упадка и подвергалась нападению извне. Следовательно льготы в отношении армян в первом десятилетии XVIII в. носили чисто экономический характер. В 1734 г. право транзита дается англичанам (хотя еще в 1716 г. им было отказано в этом).[2] Не буду развивать этот вопрос, поскольку он подлежит специальному изучению на материале XVIII в., что выходит за рамки настоящей работы.

Австрия. Австрия XVII в. была экономически отсталой страной, населенной конгломератом национальностей. В стране господствовало крупное помещичье хозяйство, обслуживаемое трудом крепостных. Во внешней политике одной из важнейших задач являлась охрана границ от наступавшей Турции, которая в 1529 и 1683 гг. осаждала самую Вену.

Во второй половине XVI в. Австрия имела частые дипломатические сношения с Персией, стремясь организовать союз против турок (эта попытка потерпела неудачу). После 1613 г вопрос об австро-русско-персидском союзе против Турции, насколько мне известно,

[1] И. Фоккеродт. Россия при Петре В. («Чтения в общ. ист. и древн. росс.»' кн. II, стр. 60—61, 1874).

[2] Ф. Соймонов. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний («Ежемесячные сочинения», октябрь, 1763, стр. 328); И. Фоккеродт. Указ. соч., стр. 60.

не поднимался, хотя Австрия и продолжала враждовать с Оттоманской Портой. Посольства императора, приезжавшие в Россию в XVII в., постоянно осведомлялись о ходе русско-персидско-турецких и персидско-турецких отношений. В наказах царским дипломатам, отправляемым в Австрию, предусматривался вопрос о союзе против турок.[1] Австрия не рассчитывала, повидимому, получить материальную помощь от России в конце XVI и начале XVII вв. (в виду истощения России после Ливонской войны и польско-литовско-шведской интервенции). Возможно, конечно, что австро-персидские сношения велись, но другими путями.

В последней трети XVII в., когда турецкий вопрос приобрел особую важность для России и Австрии, опять начались интенсивные переговоры о русско-австрийском союзе против турок. Не будем останавливаться на этом вопросе — он достаточно изучен в литературе.[2] Попрежнему рассчитывали на выступление шаха. Например, в 1673 г. через Москву проехали доминиканцы Азарий и Антон с шестью грамотами от шаха, одна из которых была адресована германскому императору. Это было ответное посольство шаха на предложение папы римского, короля французского и других государей выступить против турок.[3] В 1683 г. гонец Христофоров застал в Персии императорского посланника, приехавшего, без сомнения, для организации союза против турок вместе с другими посланниками — от папы, короля польского и шведского. Переговоры о транзите через Россию в Персию не начинались.[4] Повидимому одной из главных причин была та, что ближайший путь из Австрии в Персию вел через Турцию, а не через Россию.

Армянская компания. Прежде чем говорить об Армянской компании и торговой деятельности армян вообще, нам необходимо вкратце остановиться на русско-персидской торговле XVII в.

Начало экономических отношений России с Персией можно отнести ко второй половине XVI в., когда было завоевано Поволжье и установлен прямой торговый путь (до этого сношения с Персией носили случайный характер). В XVII в. эти сношения значительно развились вследствие сильного экономического роста Персии и России, побед шаха над Турцией и отторжения от турок ряда персидских областей, политической заинтересованности обоих государств в борьбе с общим врагом — Портой, и других причин. Торговля носила монополистический характер: в России значительная ее часть была сосредоточена в руках царской казны, оградившей себя привилегиями и монополиями, а также в руках высшего купечества; в Персии во главе торговли с Россией стоял шах, за ним шло крупное армянское купечество и знать (вроде шемахинского и других ханов). Районом коммерческой деятельности персов и армян в России были Астрахань, Поволжье и Москва, а русские сосредоточили свои торговые операции преимущественно в северной Персии (Шемаха, Гилянская область, Тавриз, Кашан и другие места).

---

[1] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, чч. II и III.

[2] С. Соловьев. История России, кн. III; Е. Жигарев. Русская политика в восточном вопросе, I, М., 1896; Driault. La question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jours, Paris, 1909; И. Голиков. Дополнения к деяниям Петра В., IV—V, М., 1790—1797; его же. Деяния Петра В., I; Н. Устрялов. Указ. соч., II—III; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, II—III.

[3] Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч., IV, стр. 22, 24.

[4] Там же, стр. 36; Столбец Персидский, № 1, 1697 г., № 2, 1697—1699 гг., № 3, 1673 г., № 3, 1683 г.

Главным экспортным товаром из России в Персию были соболя, сукна и другие предметы, а из Персии шли в Россию шелк-сырец, всякого рода шелковые и хлопчатобумажные ткани, драгоценные камни, сафьяны, селитра и др. Во второй половине XVII в. замечается некоторый упадок русско-персидской торговли, что стоит, вероятно, в связи с начавшимся экономическим упадком Персии и укреплением русско-европейских связей. Русско-персидская торговля была менее значительна, чем торговля Персии с Турцией, Индией и Европой. Из сохранившихся цифровых данных видно, что экспорт и импорт в перечисленные государства в XVII в. был повидимому более значительным, чем торговые обороты с Россией. Это подтверждается наличием многочисленных торговых путей, соединявших Персию с Турцией, Индией и другими странами, а также тем обстоятельством, что европейские путешественники в своих описаниях уделяют главное внимание торговле с Европой, Турцией и Индией. Московские гости и торговые люди в своих «скасках» также утверждают, что главная часть персидского шелка вывозилась через Турцию морем.

В дипломатических сношениях России с Персией XVII в. преобладали экономические вопросы, политические же дела играли второстепенную роль. Главной целью дипломатических сношений являлось поддержание и укрепление русско-персидской торговли, столь выгодной для обеих сторон. Почти все вопросы, рассматриваемые при переговорах — бесчисленные дела о притеснениях и ограблении купцов, вопрос об ограничении беспошлинной торговли, о монополизации казной торговли дорогими товарами, о казаках, грабивших купцов, и т. д. — прямо или косвенно были связаны с нуждами торговли. В самом начале XVII в. политические дела еще играли известную роль, поскольку Персия вела войну с Турцией. Затем наблюдалось почти полное исчезновение политических вопросов, если не считать вопроса о Грузии и Дагестане, не игравших, впрочем, большой роли в общем ходе русско-персидских сношений. В последней трети XVII в., как мы уже видели из ранее приведенных материалов, политические вопросы опять всплыли наружу. Опасность со стороны Турции заставила царское правительство смотреть на Персию как на дружественное государство, могущее оттянуть часть турецких сил от русских границ. [1]

Перейдем теперь к Армянской компании. Еще задолго до ее возникновения армяне приезжали и торговали в России наравне с другими восточными купцами. Маленькое армянское селение Джуга (Джульфа), вследствие своего выгодного географического положения и перемещения направления торговых путей, начиная со второй половины XV в. становится пунктом, связывающим рынки Персии со странами Запада. Здесь вырос значительный слой купечества. Взятие Константинополя турками в 1453 г. и присоединение в 1475 г. к Турецкой империи Крыма, где в XIII—XV вв. армянский капитал играл видную роль, содействовало усилению торговых оборотов джульфинских армян. Уже в первой половине XVI в. джульфинцы господствовали не только в восточном Закавказье (Шемаха), но и в Персии (Гилян, Казвин, Тавриз), торгуя главным образом шелком-сырцом. Переселенные шахом Аббасом I в Исфаган, они находились под особым его покровительством, и шах выгодно использовал их для своих торговых операций. Армяне завели оживлен-

[1] Все приводимые мною данные о русско-персидской торговле и дипломатических отношениях XVII в. являются выводами из работы, написанной мною на основании документов Посольского приказа и других источников (записки путешественников, издания западноевропейских архивов и пр.).

ные торговые сношения с европейскими государствами и со странами Востока. [1]

Компания возникла по инициативе исфаганских армян. Основателями ее были Степан Ромодановский и Григорий Лусиков. При переговорах в Москве они сообщили, что армяне возили шелк-сырец через Турцию, где причинялись большие убытки «от воровских людей и от изменников... турецкому царю». По дороге из Порты в Европу «на море воровские арапы на кораблях нас побивают и товаришки наши грабят же. А проезд нам далней и убытки многие нам чинятца». [2]

В 1667 г. с Компанией был подписан договор на условиях вывоза всего персидского шелка исключительно в Россию. Главным местом привоза шелка и других товаров считалась Астрахань. Если армяне не распродадут его там, разрешалось везти его в Москву и дальше до пограничных городов (Новгорода, Смоленска и Архангельска) и даже на Запад, при условии обязательного возвращения через Россию. За все это уплачивались различные пошлины. В Москве Компания имела право держать своего агента — Томаса Брейна. [3]

Чем объясняется такая уступчивость со стороны московского правительства? В 1667 г. русско-польская война окончилась заключением договора, направленного против Турции и Крыма. С этих пор турецкий вопрос занял первостепенное место в русской внешней политике. Польское и русское правительства деятельно хлопочут о выступлении шаха против турок. В такой момент покровительство персидской торговле приобретало особый характер. Это могло привести к двойной выгоде: увеличить доходы казны и побудить шаха выступить против турок. Не случайно, что договор с Компанией совпал с русско-польским перемирием и что привилегия армянам была дана без созыва комиссии московского купечества, как это обычно делалось в таких случаях. Между тем купечество, как мы увидим дальше, было недовольно договором. Политический характер договора с Армянской компанией подчеркивается и в царской грамоте, отправленной к шаху в 1668 г. с посланником Брейном, который был в то же время агентом этой компании в России. Посольство Брейна имело целью побудить шаха выступить против турок. Царь сообщал о союзе с Польшей, направленном против Оттоманской Порты, и о заключении договора с армянами, благодаря которому персидский экспорт направится не через Турцию, а через Россию, в ущерб султану, который богатеет и беспокоит соседние государства. [4]

Со второй половины XVII в. шахских купцов в отдельных случаях пропускали через Россию на Запад, что раньше никогда не наблюдалось. [5] Это, вероятно, стоит в связи с желанием втянуть шаха в турецкую войну.

После восстания Разина произошло некоторое охлаждение в русско-персидских отношениях. Недовольство шаха отказом царского правительства компенсировать понесенные персами убытки повлекло временное прекращение присылки персидских послов в Россию, не-

---

[1] С. Тер-Аветисян. Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джульфинских купцов XV—XVII вв., стр. 1, 2, 8, 22, 24, 26 и др., Тбилиси, Груз. филиал АН СССР, 1937; Дневник осады Испагани афганами, веденный Петросом ди Саргис Гиланенц в 1722 и 1723 гг., перев. и объясн. К. Патканова, стр. XII—XIX, СПб., 1870.

[2] ГАФКЭ, Столбцы Армянские, № 1, 1666—1667 гг., лл. 10—12, № 2, 1675 г.

[3] Собр. госуд. грамот и договоров, IV, № 56, стр. 204—208; ПСЗ, I, 1649—1675 гг., № 410, стр. 695—697.

[4] Столбец Персидский, № 3, 1665—1671 гг.

[5] Там же, № 3, 1659 г. и № 5, 1678 г.

смотря на то, что царь продолжал отправлять своих посланников и гонцов. Это опять-таки стоит в связи с турецкой войной и стремлением втянуть Персию в борьбу с Портой.

Итак я полагаю, что заключение договора с Армянской компанией было вызвано не только экономическими мотивами, но в значительной степени и политическими. Договор этот не мог быть сразу приведен в исполнение по ряду причин: восстание Разина, ограбление персидских купцов казаками, небезопасность проезда из-за разбоев, разногласия в Компании и смерть Аббаса II. В 1672 г. созвали московских купцов, чтобы узнать их мнение о привилегиях Компании. Как и раньше, они отнеслись отрицательно к праву армян торговать с иноземцами и ездить на Запад, мотивируя свое отношение убыточностью как для казны, так и для купечества.[1]

В 1673 г. в Москву приехал Лусиков в качестве шахского посланника и представителя Армянской компании для возобновления и подтверждения договора 1667 г. и решения некоторых других дел. Новый договор, под влиянием упомянутого выше мнения («скаски») гостей и торговых людей, был подписан на менее выгодных для армян условиях: пришлось сделать уступку русскому купечеству. В тексте договора предусмотрено, что проезд армян на Запад допускается только в том случае, если с этими государствами нет ссор. По мнению Костомарова, «эта оговорка была поставлена только для вида, сущность же дела быта та, что правительство, настроенное гостями, хотело ограничить их проезды за границу и собирать их товары в Россию». Царское правительство, не желая формально препятствовать транзитной торговле, по упомянутым мною политическим соображениям, фактически стремилось сконцентрировать всю персидскую торговлю в России, где европейская конкуренция была не так страшна в виду ограничений иноземной торговли во второй половине XVII в. Компания дала обязательство «в немецкие государства через Турцию и никаким другим путем с шелком-сырцом и другими товарами ни компанейщикам, ни другим подданным персидским не ездить; если иноземцы приедут в персидское государство для покупки шелку, то армяне не должны его продавать; весь шелк идет в Россию».[2]

В 1673 г., в год заключения второго договора с армянами, русско-персидская торговля была ограничена одной Астраханью, под предлогом ограбления и притеснения русского купечества в Персии. Во второй половине XVII в. проводились ограничения иноземной торговли в России. Как же обстояло дело в отношении Персии? Если мы вникнем в сущность дела, то увидим, что указ 1673 г. очень мало затронул персидскую торговлю. Во главе торговли стояли шах и крупное купечество. От указа 1673 г. ни шахская казна ни Армянская компания, объединявшая богатейшее купечество страны, не пострадали; армян продолжали пропускать в Москву, а с шахской казны попрежнему не брали пошлин, несмотря на то, что право беспошлинной торговли было официально отменено. Переговоры, которые велись по этому вопросу, ни к чему не привели: шах категорически отказался платить пошлины со своих товаров или же ограничить свой экспорт в Россию определенной суммой (как предлагали в Москве). Царское правительство уступило, так как не в его интересах было ссориться с шахом, в виду осложнений с Портой. Вся тяжесть

[1] С. Соловьев. История России, кн. III, стр. 565; Собр. гос. грамот и договоров, IV, № 81, стр. 277—279; Книга Армянская, № 2, л. 271.

[2] Н. Костомаров. Указ. соч., стр. 260—263; С. Соловьев. История России, кн. III, стр. 565—567; Собр. госуд. грамот и договоров, IV, № 83, стр. 280—283.

запрета 1673 г. ложилась на мелких торговцев — тезиков, удельный вес которых в русско-персидской торговле был не велик. Следовательно, ограничение 1673 г. не идет вразрез с высказанным мною мнением о стремлении покровительствовать персидской торговле по политическим соображениям.

Договор 1673 г. с Компанией не сильно повлиял на развитие русско-персидской торговли, по крайней мере в первые годы. По словам гостей (1676 г.) армяне не исполняли условий трактата, «но прежними путями весь лучший шелк и ныне отпускают». Например, в 1673 г. ими было привезено всего 24 пуда шелка, в 1674 г. — 72 пуда, в 1675—1676 гг. — 1170 пудов, и то плохого качества (и это вместо предполагавшихся 48 тысяч пудов в год!). Гости жаловались, что «и тем малого числа шелком с рускими торговыми людми... не торгуют, а желают торг иметь с иноземцы, по совету галанцов».[1] Одной из главных причин ненормального развития армянской торговли были злоупотребления и притеснения местных властей в России: «И слыша о том задержании и иные армяне из Персиды в Астрахань с шолком сырцом не поехали».[2]

В 1676 г., по ходатайству голландского посла фан Кленка, иностранцам разрешили торговать с армянами в Архангельске в расчете на то, что большая часть привезенных ими товаров будет распродана царской казне и русским купцам. Обещали также беспрепятственный пропуск армян в Европу, главным образом в Нидерланды. Быть может, в данном случае решающую роль сыграло не ходатайство голландского посла, а внешнеполитическая ситуация России: турки и татары начали поход на Украину, Польша принуждена была подписать Журавинский мир с Турцией. В такой момент помощь шаха была особенно желательна для России.

По вычислению одного поляка, в случае успешного развития торговли с Персией, «у того шолку будет прибыли и с пошлинами 772 800 рублев, кроме иных персицких товаров».[3] Таковы были экономические возможности. На самом же деле сумма дохода никогда не достигала такого размера, и царскому правительству неоднократно приходилось принимать меры к поднятию армянской торговли. Русское купечество было против привилегий армян и на комиссиях, созывавшихся для обсуждения торговых дел (например, 3 января и 10 июня 1679 г. и в 1681 г.), высказывалось за ограничение торговли армян, жалуясь на невыполнение ими условий договора (шелк вывозился в другие страны и пр.). Царское правительство выдвигало различные проекты для развития персидской торговли, включительно до того, чтобы на один — два года разрешить европейским купцам посещать Персию, а русским войти с ними в компанию. Московское купечество не одобрило этих проектов, предостерегая царское правительство от убытков казне и купечеству, так как «заморские иноземцы и армянья и кизылбаши люди богатые и торги имеют великие, а они люди маломочные...»[4] Несмотря на многочисленные жалобы русского купечества, армянская торговля продолжалась.

Со времени заключения второго договора (1673 г.) армяне ежегодно приезжали в Россию, обыкновенно группами (иногда до 21 чел., но обычно не более 10). В течение года приезжало несколько таких групп с шелком-сырцом и другими персидскими товарами. Из Европы,

[1] Собр. госуд. грамот и договоров, IV, № 105, стр. 337—342; Столбец Армянский, № 1, 1679 г., л. 45; № 2, 1675 г.

[2] Столбец Армянский, № 1, 1679 г., лл. 47—52.

[3] Там же, № 2, 1675 г.

[4] Там же, № 1, 1679 г., лл. 8—25, 53—58; Столбец Персидский, № 2, 1681 г.

через Россию, в Персию армяне вывозили главным образом сукна разных сортов, не считая многих предметов роскоши и домашнего обихода.[1] До 1676 г., несмотря на формальное право, армяне не ездили через Россию на Запад и не пропускались дальше Москвы. С 1676 г., по ходатайству фан Кленка, их начали пропускать сначала в Архангельск, а с 1686 г. более коротким путем — через Новгород, откуда они разъезжались по всей Европе, главным образом в Голландию, а также во Францию, Англию, Данию, Швецию, Германию, Польшу, Италию и другие страны. После получения такого права некоторые армяне продолжали ездить в Архангельск, а многие ограничивались торговлей в Москве.

Опуская подробности, отмечу, что царское правительство не достигло своей цели: армяне продолжали вывозить основную массу шелка старыми путями, через Турцию.[2] Таким образом мотивы, побудившие Россию заключить договор с Армянской компанией, были и экономического и политического характера. С одной стороны, хотели увеличить русско-персидскую торговлю, а с другой — такой привилегией надеялись побудить шаха к выступлению против Турции в виду надвигавшейся войны. Желание царского правительства направить всю персидскую торговлю исключительно в Россию и нанести этим удар Турции, лишив ее значительных доходов, а также стремление сделать Россию посредницей в персидско-европейской торговле, не увенчались успехом: персидско-турецкая торговля не была уничтожена, мир между шахом и султаном не нарушался, а европейцы продолжали торговать в Персии. Русско-персидская торговля XVII в., несмотря на большие экономические возможности, не заняла первого места во внешней торговле Персии.

* *
*

Итак, персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. заключался в стремлении западных держав завести транзитную торговлю с Персией и другими восточными государствами, а также в желании вести дипломатические переговоры с шахом для побуждения его к войне с турками. Почти для всех стран, интересовавшихся Персией, вопрос шел только об установлении транзитной торговли для получения шелка-сырца, шелковых и хлопчатобумажных тканей, и только для меньшинства имели значение, кроме экономических, и политические мотивы. Для Англии, Нидерландов, Франции, Голштинии и других стран все дело было только в транзите. Послы этих стран хотя и указывали на политическую выгоду для России от направления всей персидской торговли через территорию России, но все же для них вопрос о борьбе с Турцией не играл существенной роли: это была простая дипломатическая хитрость, чтобы склонить царское правительство к уступке. Польша и Австрия, непосредственные соседи турок, были заинтересованы в Персии в первую очередь как в стране, могущей оттянуть часть оттоманских сил от их границ. Политический мотив в переговорах с шахом имел для этих государств исключительно важное значение. Персидский вопрос в русско-

[1] Столбцы Армянские за последнюю четверть XVII в., в частности, №№ 1 и 6 за 1691 г., № 5 за 1689 г., № 3 за 1689 г., и др.; Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, II, стр. 287—289, 291 и др., М., 1833—1838.

[2] Еще в 1692 г. при переговорах с шахом опять встал вопрос о воспрещении экспорта шелка в Турцию и другие страны (Книга Персидская, № 7, Столбец Персидский, № 1, 1690—1692 гг., №№ 1 и 2, 1692 г.).

австрийских отношениях и свелся в конце концов к вопросу о союзе против турок. Польша же не забывала и своих экономических интересов — установления регулярных торговых отношений с Персией.

Московское правительство, как правило, отрицательно относилось к вопросу о транзите в Персию, считаясь с интересами казны и мнением своего купечества. До 1667 г. почти все попытки получить транзит на Восток заканчивались неудачей. Голштинская компания получила транзит, но на таких невыгодных условиях, что не смогла воспользоваться договором.

Что касается дипломатических переговоров с Персией, то царское правительство обычно ничего не имело против проезда туда посольств даже враждебных государств, вроде Польши, если они вели переговоры о выступлении шаха против Турции, в чем была заинтересована и сама Россия. После Андрусовского договора 1667 г. наступила перемена во внешней торговой политике России по отношению к Персии. В связи с надвигавшейся турецкой войной были сделаны некоторые экономические уступки тем странам, которые могли быть полезны в борьбе с турками и татарами, в первую очередь Персии и Польше. Мотивы заключения договора с Армянской компанией и предоставления других льгот армянам, как мы видели выше, имели экономический и политический характер. По тем же причинам делались всяческие уступки и шахской торговле с Россией. Такая же (правда, меньшая) экономическая уступка была сделана и Польше.

В последнее десятилетие XVII в. наметилась, повидимому, новая перемена во внешней экономической политике России — свобода транзита. Правда, вопрос о транзите попрежнему был тесно связан с политическими отношениями с рядом стран. Этот последний вопрос (о свободе транзита) остается не разрешенным, как и многие другие, возникающие в связи с рассмотренными переговорами о Персии между Россией и другими европейскими странами. Нужны еще специальные исследования, главным образом на основании западных архивов, чтобы более углубленно осветить эту проблему.

Наконец, из приведенных фактов предоставления транзита отдельным государствам, в которых по тем или иным политическим соображениям была заинтересована Россия, видно, что стоявшие у власти феодалы-крепостники не всегда считались с интересами торгового капитала, а временами даже действовали во вред ему.

К. А. ПАЖИТНОВ

РЕМЕСЛЕННОЕ УСТРОЙСТВО В МОСКОВСКОЙ РУСИ И РЕФОРМА ПЕТРА

Были ли в Московской Руси организации ремесленников, аналогичные западноевропейским цехам, — вот вопрос, который до сих пор не может еще считаться решенным в исторической науке.

Уже давно В. Лешковым была высказана мысль о том, что в древней Руси ремесло было организовано на корпоративных началах, напоминающих цеховой строй Западной Европы. «Корпорации ремесленников, — говорит он, — были известны в России с самых древних времен. Если бы не имели письменных свидетельств о существовании у нас цехов, мы были бы принуждены предполагать их по свойству самых ремесл. Ремесла требуют изучения, передачи; предполагают при своем распространении существование мастеров, учителей, подмастерьев, учеников; при этом рождают продолжительные отношения между старшими и младшими, повелевающими или начальниками и их подчиненными. Не говорю уже о взаимных выгодах, которые всегда должны были соединять и связывать мастеров одного и того же ремесла в союз и общество. Но предположение о существовании цехов в древней России подтверждается прямыми показаниями летописей. Одна из них рассказывает в числе событий XIV в., что Новгородский епископ Василий повелел расписывать церковь греку Исаию с други; другая, повествуя о подобном предприятии в другом месте, но в том же XIV в., именно делает различие между старейшинами, начальниками иконописцев, и их дружиною. Вот слова последней летописи: «початы быша подписывати на Москве две церкви каменны — св. богородицы подписывали Грецы — митрополичьи писцы, а св. Михаила — русские писцы в. кн. Симеона Ивановича; в них же старейшины и начальницы иконописцем Захария, Иосиф, Николай и прочая дружина их...» Эта дружина русских иконописцев получила впоследствии времени для ремесл название артели и имела ту особенность, что при всем своем дружинном начале навсегда сохранила свободу вступления, выхода и перехода наравне с другими русскими общинами и никогда не была замкнутою, исключительною корпорацией Запада[1].

Как видим, начав с утверждения, что объединения ремесленников в древней Руси были аналогичны западноевропейским цехам, автор в конце концов сам приходит к установлению резкой разницы между ними, ибо характер взаимоотношений между членами артели и цеха существенно различен.

Кроме того, как правильно было отмечено еще И. Дитятиным в полемике с Лешковым, из всех свидетельств об артелях, которые сохранились от XVI—XVII вв., ни одно не говорит об артели ре-

---

[1] В. Лешков. Очерк древних законов о ремесленной и заводской промышленности, стр. 7—8, М., 1852.

месленников в тесном смысле этого слова, занимающихся своим ремеслом дома, у себя в избе. Все артели, о которых упоминается в наших исторических и юридических памятниках, были не чем иным, как артелями отхожих промыслов — охотников, плотников, каменщиков и т. п.[1]

Вопрос о характере ремесленного устройства в древней Руси был снова поднят М. Довнар-Запольским, который разрешает его примерно в духе Лешкова, хотя и в более осторожной форме.

«Московские (ремесленные) организации, — пишет Довнар-Запольский, — не могут быть признаны совершенно аналогичными с цехами в период их полного развития, но в них есть ряд элементов, сродных цеховому строю и характеризовавших цеховой строй в период его развития. Нет нужды предполагать, что ремесленники каждой профессии представляли собой замкнутую корпорацию, однообразно построенную. Мы, повидимому, наблюдаем только период развития корпорации, период развития корпоративных стремлений, причем в некоторых ремеслах корпоративная обособленность достигает таких форм, которые роднят ее с цехами. Но московские корпорации, при большом сходстве с цехами, имели от них и существенные отличия, из коих существеннейшим было объединение ремесленников и торговцев и административно-полицейские функции, навязанные организациям московскими приказами и очевидно уже позднейшего происхождения».[2]

Можно согласиться с автором в том, что смешение ремесленников с торговцами в одной организации чуждо цеховому строю. Утверждение же, что ему чужды также административно-полицейские функции, нужно считать ошибочным, ибо, как правило, цехи выполняли — конечно в известных пределах — и судебные, и полицейские, и административные функции.

Но самое главное заключается в том, что автор затушевывает здесь сущность проблемы. Можно ли говорить о существовании особых организаций ремесленников в городах Московской Руси, как достаточно оформившегося и имевшего более или менее широкое распространение института? Единичный случай, на который ссылается Довнар-Запольский, именно организация серебрянников Москвы, конечно не решает вопроса, тем более что природа этой организации, как увидим дальше, отнюдь не оправдывает далеко идущие выводы автора.

В сохранившихся памятниках допетровской Руси не содержится ни малейших признаков существования такого института. Записки же иностранцев, дошедшие до нас в большом количестве и нередко касающиеся вопросов промышленной жизни, или хранят молчание по данному пункту или могут быть истолкованы как доказательство отсутствия среди русских ремесленников сколько-нибудь прочной организации.

Сюда относится, например, сочинение ученого хорвата Юрия Крижанича, который посетил Москву в промежуток времени от конца 1659 до начала 1661 г. и изложил затем результаты своих наблюдений, а также предположений по части реформ в «Политичных думах», написанных уже в ссылке. По его словам, ремесла являются для государства более выгодными, чем наилучшие рудники и золотые прииски. В Венгерской и Хорватской земле имеются, например, богатейшие золотые россыпи, а в Брабантской — нет никаких рудников. И тем

[1] И. Дитятин. Устройство и управление городов России, I, стр. 272, СПб., 1873.

[2] М. Довнар-Запольский. Организация московских ремесленников в XVII веке, «Журн. мин. нар. просв.», 1910 г., сентябрь.

не менее последняя гораздо богаче и обильнее, чем первые, ибо «Брабанцы преуметельно справляют ремества и торгование».

Крижанич рекомендует перевести на русский язык иностранные книги, посвященные ремеслу, чтобы поднять уровень технических знаний. Он советует выписывать на время искусных ремесленников из других стран, чтобы они обучили русских своему мастерству. Описав строение и особенности цехов на Западе, автор советует завести и в Московском государстве подобные же уставы, а также создать думу или приказ для наблюдения за тем, сколько имеется ремесленников и чем они занимаются. Для развития ремесл Крижанич рекомендует также предоставить право зависимым людям, имеющим двух или более сыновей, отдавать одного из них в обучение сложным мастерствам, т. е. изготовлению шапок, платья или сапог, замков, сукон, кос, стекла, бумаги и т. п. Если юноша обучится мастерству в совершенстве, его следует освободить от холопства; в противном же случае он должен оставаться в холопстве или откупиться от своего господина.[1]

Весьма показателен в этом отношении также труд Ив. Посошкова «Книга о богатстве и скудости», который вышел в 1724 г., но начат был, вероятно, несколькими годами раньше. В главе о художестве он жалуется на плохое состояние ремесла в России и причину этого усматривает в его неустройстве. Развивая свои взгляды, Посошков прежде всего отмечает недостаток обучения ремеслу. Ученик, «отдавшись в научение лет на пять или на шесть, и год или другой пожив, да мало-мало понаучась, прочь отойдет, да и станет делать собою, да и цену спустит — и мастера своего оголодит, а себя не накормит, да так и век свой изволочит — ни он мастер, ни он работник».

Развитию усовершенствований и изобретений, — продолжает Посошков, — мешает также отсутствие их охраны: мастера «не смеют вымыслов своих объявить, понеже вымышляя и деючи пробу, изубыточится, а егда достигнет, другие, увидя у него, начнут делать тоя ж дела и цену спустят и тако корм отнимают». Для предотвращения этих явлений и поднятия ремесленной промышленности на большую высоту Посошков предлагает ввести клеймение мастером всех изготовляемых их вещей, а также упорядочить по иноземному образцу обучение мастерству.

«А сказывают про иноземцев, — пишет Посошков, — что у них учинен о сем гражданский указ такой твердый, что буде кто не дожив до сроку хотя единого дня, да прочь отойдет, то уж тот человек не будет добрым человеком никогда, а буде и доживет до сроку, а письма от мастера своего не возьмет отпускного, никто де его не примет в наймиты, ни в ученики никто де его не возьмет и того ради мастеры у них добры и похвальны. А у нас такого запрещения гражданского нет.., и того ради и быть мастерам добрым у нас невозможно».[2]

Все это позволяет нам утверждать, что в Московской Руси не было ничего подобного цеховому устройству Западной Европы.

Наказы 1613 и 1679 гг., на которые ссылается Довнар-Запольский, говорят только о введении клеймения серебряных изделий в целях пресечения различного «воровства» и о запрещении серебрянникам отлучаться из Москвы без особого разрешения, чтобы быть всегда готовыми «без ослушания к государеву делу». Мероприятия эти говорят не об организации серебрянников, а лишь об отдаче их под

[1] В. Пичета. Юрий Крижанич. Экономические и политические его взгляды стр. 34—40 и 98, М., 1914.

[2] И. Посошков, Указ. соч., гл. V, СПб., 1842.

надзор полиции. Правда, в указе 1700 г. появляются уже иные ноты, но его нельзя хронологически связывать с предшествующими актами, ибо он относится уже к другому периоду — к деятельности Петра. О других же «корпорациях», к сожалению, ничего неизвестно.

Ближайшее изучение промышленной политики московского правительства еще более подтверждает отсутствие в Московском государстве корпораций. Если и были зародыши таких корпораций, если и были стремления их создавать, то все же они так и остались неоформленными.

Практика правительства сводилась или к найму нужных ему людей на казенную службу, или к привлечению их в порядке обязательной повинности. Мысль же о том, чтобы организовать ремесленников, создать условия, которые благоприятствовали бы количественному и качественному росту, была правительству совершенно чужда.

Что касается ремесленников и работных людей, занимавшихся частными промыслами, то по отношению к ним московское правительство также придерживалось различной политики, в зависимости от местных условий. В одних случаях оно применяло систему откупов, в других — допускало артель, в третьих — поддерживало принцип полной свободы найма.

Так, в 1691 г. астраханский откупщик извозного сбора Мишка Телегин с товарищами подал жалобу следующего содержания: «Откупили мы... ваш великих государей извозный откуп, а в наказной памяти у нас написано: мимо нас, холопей ваших, ни московским, ни казанским, ни астраханским конным и пешим стрелцом, и иным астраханским жителям всяких чинов, и гулящим людем, на своих лошадях и на себе и на телегах одноколках, изб с берегу и дров, и того всякого лесу, и мехового запасу возить и носить из найму не указано; а ныне... московские и казанские и астраханские конные и пешие стрелцы, и иные всяких чинов разные и гулящие люди наймуются на лошадях и на телегах одноколесках, с берегу избы, и лес, и дрова, и меховой всякой запас из гостина двора, возят и носят наймуючи, и в том у нас, холопей ваших, в извозном сборе чинится великой недобор... Пожалуйте нас, холопей своих, великие государи, о том полковником и головам стрелецким по приказом послать из приказной палаты памяти, и в Астрахани по гостиным дворам и в рядех и на берегу кликать бирючю кличи, чтобы всяких чинов люди, на лошадях и на себе, на телегах и на колесах, изб и дров и всякого лесу и мехового запасу из найму не возили и не носили, и на быках не возили ж, чтобы нам, холопям вашим, в ваших великих государей казне, в извозном откупу, в недоборе, на правеже замученым не быть и с дворишками не разоритися». На челобитной была наложена резолюция: послать память и кликать клич по торгам, чтобы всяких чинов люди для продажи и промысла на наемных и ссудных лошадях никому ничего не возили, за исключением того, что нужно «привезть самому про себя на своих подводах». [1]

На откуп отдавался иногда промысел корабельных вожей (лоцманов), возникший в районе Архангельска со времени открытия в нем порта. Но здесь же откупному принципу пришлось столкнуться с артельным началом, которым издавна пользовалось местное население.

15 апреля 1671 г. в связи с жалобой семи корабельных вожей, Пронки Ефимова с товарищами, был послан указ, предписывавший «у Архангелского города в корабелных вожах быть охочим людем, которым морской ход за обычай..; а про прежних корабельных вожев,

[1] АИ, IV, № 209.

про Ивашка Хабарова и про Ермолку Рокитина... велено допросить... и будет по допросу скажут, что от них Ивашка и Ермолки посадским людем в корабелном воженье бывает теснота, и кораблей водить мимо своей артели никому не дают, и тем у городских посадских людей промысл отнимают: и им Ивашку Хабарову и Ермолке Рокитину в корабелных вожех быть не велено, а велено быть Пронке Ефимову да Ермолке Дяткину, а с ними быть охочиим посадским и уездным людем, по прежнему, без нашего великого государя жалованья и без мирской подмоги, из одного немецкого найму, чтобы от корабелных вожей кораблям простою не было».[1]

Со своей стороны иноземные торговцы также подали челобитную следующего содержания: «торгуют де они иноземцы в Российском государстве изстари, многие годы, и приезжают к Архангелскому городу из разных своих государств многими кораблями и привозят всякие розные товары; а у Архангелского города, для прихода кораблем с моря в устье и от города назад в море, велено быть корабелным вожам, немногим людем и за тем бывает на море кораблям застой и от морских волн и погод, за тем застоем, бывают кораблям шкоды и гибель; а у Архангелского города есть многие знающие люди, которые корабелное воженье знают, и те сторонние знающие люди для воженья кораблям... наймоваться не смеют: и нам великому государю пожаловати б их иноземцов, велеть у Архангелского города для воженья с моря кораблям в устье и от города в море, ныне и впред всяких чинов людей наймовать поволно, которые корабелное воженье знают и кого они иноземцы похотят».[2]

Правительство пошло им навстречу, и царскою грамотою от 19 июня 1671 г. торговым иноземцам разрешалось «наимовать охочих людей для воженья кораблей поволно, которые корабелное воженье знают и кого они иноземцы похотят».

В западноевропейской практике этот вопрос, выдвинутый различными группами, заинтересованными в развитии деятельности приморского города, нашел бы естественное разрешение в форме образования цеха лоцманов, состоящего из лиц, желающих заниматься этим делом и удовлетворяющих известным требованиям. Но здесь об этом никто не заводит и речи — лишнее доказательство того, насколько идея цеховой организации была чужда тогдашней жизни. Московское правительство не отвергало артелей, но и не защищало их. Оно терпело их, поскольку их деятельность не сопровождалась какими-либо осложнениями. Если же дело доходило до столкновений с интересами влиятельных лиц, то, вопреки идиллическому представлению Лешкова, правительство поддерживало не столько принцип артельного объединения трудящихся слоев населения, сколько принцип свободы труда с запрещением устраивать «заговоры».

Пребывание Петра за границей дало ему возможность наглядно увидеть, насколько выше там городская промышленность и культура сравнительно с русской. Поэтому преобразовательная деятельность Петра коснулась и этой стороны жизни наравне с прочими отраслями государственного управления. Первым актом, в котором слышатся — хотя еще и в слабой степени — некоторые новые мотивы, необычные для прежней московской практики, является указ 11 февраля 1700 г. относительно ремесленников и торговцев серебряного ряда. К соображениям фискально-полицейского характера, типичным для старых наказов, теперь присоединяется стремление к усовершенствованию

[1] АИ, IV, № 222.
[2] Там же.

самого промысла и к упорядочению внутренних отношений между ремесленниками, так что в общем организация серебряного ряда стала уже приближаться к цеху. Предлагая переписать в серебряном ряду все лавки и в них торговых, а также золотых и серебряных дел мастеровых людей, указ предписывает вместе с тем выбрать трех старост для наблюдения над мастеровыми людьми и клеймения товаров. «Для лучшего же укрепления и ремесл познания» мастеровые люди должны также иметь у себя клейма с обозначением своего имени. На мастеров возлагается обязанность научить своему мастерству поступающих к ним в обученье и выдавать им соответственное свидетельство, которое они должны предъявлять старостам. Лицам, не записанным в состав ряда, запрещалось заниматься производством и торговлей под угрозой штрафа в 25 рублей.[1]

В 1704 г. появился новый указ, по которому все ремесленники, занимавшиеся по городам промыслами, должны были быть записаны поименно в Москве в Семеновской канцелярии, а в прочих городах у воевод; записанным выдавались годовые паспорта на свободное жительство и занятие ремеслом. За эту ежегодно повторявшуюся регистрацию каждый раз приходилось платить по 2 гривны. Лица, занимавшиеся промыслами без регистрации, укрывавшие ремесленников и державшие их без записей, подлежали строгому наказанию.[2]

После этого наступает длительный перерыв, объясняемый, быть может, тем, что все внимание Петра было обращено в сторону поощрения строительства фабрик и заводов, как главного средства подъема производительных сил страны. И только после того как практика выяснила, что плоды этой политики оказались не столь быстро созревающими, как это предполагалось, Петр с удвоенной энергией, и как бы торопясь наверстать потерянное время, принялся за переустройство ремесл.

16 декабря 1720 г. появляется указ, предписывавший «учинить немедленно форму правления здешнего города (Петербурга) как о магистрате, так о посадских и цехах и о всей полиции каждого чина с их должностью, дабы с той формы и другие города расположить было возможно». Месяц спустя, 16 января 1721 г., был уже опубликован регламент главному магистрату, на который возлагалось: 1) выяснить относительно всех жителей в городах, «кто какой промысел имеет и сколько которых городов из посадов и слобод купецких и ремесленных людей куда выбыло и по каким указом»; 2) разделить всех городских обывателей на две гильдии, включив в первую, кроме банкиров, знатных купцов, делающих большие обороты, также докторов, аптекарей, шкиперов, живописцев, серебрянников и т. п., — словом всех тех, которые «или первостатейные состоят или от другого подлого гражданства привилегиями и преимуществами суть отменны»; ко второй же гильдии приписать всех тех, которые «мелочными товарами и харчевыми всякими припасами торгуют, также рукомесленные, резчики, токари, столяры, портные, сапожники и сим подобные. Прочие же все подлые люди, обретающиеся в наймах и черных работах, нигде между знатными и регулярными гражданами не считаются»; 3) по каждому ремеслу и художеству образовать «особливые цунфты или собрания ремесленных людей, над оными поставить алдерманов (старшин) по величеству города и числу художников; каждому ремеслу и художеству иметь свои книги, в которых регулы или уставы, права и привилегии ремесленных людей содержимы быть должны».

---

[1] ПСЗ, № 1752.
[2] Там же, № 1972.

В заключение же говорится, что «хотя судные дела во всех губерниях и провинциях подлежат юстиц-коллегии, однакоже понеже купецкие и ремесленные тяглые люди во всех городах обретаются не токмо в каком призрении, но паче от всяких обид, нападок и отягощений несносных едва ли не все разорены, отчего оных весьма умалилось, того ради, милосердуя об оной, яко разсыпанной храмине.., всех купецких и ремесленных людей во всех делах судом и расправою и татинными и разбойными и убийственными делами ведать (кроме великих государственных дел) в Главном магистрате и городских магистратах».[1]

Год спустя, указом 19 января 1722 г. обер-президенту магистрата предлагается ускорить порученное ему дело и делается предупреждение, что «ежели в Петербурхе сих двух дел (т. е. магистрата и цехов) не учините в пять месяцев или полгода, то ты и товарищ твой Исаев будете в работу каторжную посланы».

В апреле того же года Петр повелел купцу Дмитрию Соловьеву, долго жившему в Амстердаме, «учинить с иностранных учреждений о цехах известие и внесть в Сенат», и Соловьев обещал сделать это к следующему дню. Действительно, 27 апреля последовал дополнительный указ о цехах, содержавший очень важные разъяснения. По этому указу, записи в цехи подлежали «ремесленные всяких художеств и гражданские жители как из Российских всяких чинов и из иноземцев завоеванных городов, так и чужестранных людей, которые похотят вечно или временно, а в неволю не принуждать». Всякий, желающий «делать какие художества», должен явиться к старшине соответственного цеха и записаться у него. Крестьяне при этом должны предъявлять отпускные письма от своих помещиков или их приказчиков. При записи производится испытание всем цехом; выдержавшие его получают письменные удостоверения. Всякое ремесленное изделие, изготовленное как для продажи в рядах, так и по заказам, должно иметь клеймо своего мастера и старшины цеха. Продавать неклейменые вещи строго воспрещалось; при первом нарушении налагался штраф, вдвое превышающий заработок, во второй — вчетверо, а в третий применялось телесное наказание с отстранением от мастерства; неклейменые же изделия отбирались в казну.

Цеховому старшине предоставлялось право уничтожать негодные изделия и заставлять переделывать их. За клеймение же негодного изделия старшина подвергался строгому наказанию: за первую провинность он платил штраф вдвое против назначенного мастеру, за вторичную подвергался телесному наказанию и ссылке на каторгу. Всем мастерам, «гражданские» ли они жители или пришлые мастеровые люди, разрешалось держать у себя сколько угодно подмастерьев и учеников, но при условии наличия удостоверения, что ученики не беглые.

Подмастерья и ученики, как и пришлые мастеровые, могли жить в тех местах, где они работали, но гражданами города они не числились. Ученикам запрещалось уходить от своих хозяев ранее семи лет; по истечении же этого срока они должны были по примеру чужих стран подвергаться испытанию, в чем им выдавалось удостоверение. В указе вновь подтверждалось предписание составить цехи в первую очередь из ремесленников, находящихся в Петербурге и в Москве, а затем включить в них и ремесленников из других городов.[2]

16 июля того же года Сенат постановил, что записи в цехи подле-

[1] ПСЗ, №№ 3690 и 3708.
[2] Там же, № 3980.

жали из синодальных, архиерейских и помещичьих крестьян только те, которые работают на продажу или на посторонних людей. Крестьян же, занимающихся ремеслом в архиерейских, монастырских или помещичьих домах только для домашних нужд, а также не имеющих отпускных писем, не разрешалось записывать в цехи; им даже запрещалось изготовлять изделия на сторону.[1]

20 декабря 1723 г. Сенат заслушал донесение полковника Вельяминова о том, что на посадах обнаружены мастеровые люди разных ремесл, пришлые из-за рубежа и живущие или у себя дома или в чужих дворах, причем некоторые из них даже не знают, откуда их отцы родом. Сенат постановил, что эти мастеровые люди должны быть записаны в цехи и находиться в ведении Магистрата, для платежа же подушных денег их следует числить с другими посадскими.

Так было положено начало новому, не обычному для русской жизни ремесленному устройству. Эта реформа, конечно, лишь с большим трудом воспринималась совершенно не подготовленными к ней ремесленными людьми. По мнению Шторха, она будто бы вообще оказалась нежизненной. Описывая состояние тогдашнего ремесла в Петербурге, Шторх утверждает, что «сами цехи не имели никакого законного устройства, никаких уставов; каждому предоставлялось вступать в них, причем не требовалось представления доказательства, знает ли действительно данное лицо свое искусство. Это отсутствие правильного законного устройства отвлекло от земледелия много рабочих рук, не обогащая города искусными ремесленниками.[2] Крупные города кишели кропалами (Pfuschern), которые брались то за одно, то за другое ремесло и записывались в цехи только для того, чтобы избавиться от тяжелой работы возделывания земли».[3]

С этим свидетельством Шторха никак нельзя согласиться. Утверждение, будто вновь созданные цехи не имели уставов, должно быть признано ошибочным. В делах Комиссии о коммерции сохранились подробные «инструкции», составленные при Петре I Главным магистратом для цеха мастеров золотых и серебряных дел и для портных, а при Петре II — для столяров, гончаров и фельдшеров. Нет оснований думать, что до нас дошли все документы такого рода. Сохранившиеся же инструкции по существу представляют не что иное, как уставы, ибо в них подробно излагаются устройство и функции цехов.

Неправильно также мнение, будто в провинции цехи не были организованы. Когда в июле 1722 г. псковский магистрат донес, что пополнение цеха в этом городе идет туго, ибо псковичи предпочитают заниматься ремеслами без записи в цех, то Главный магистрат предписал запретить заниматься мастерством тем, кто не записался в цехи. В этом же году был основан прядильный цех в Орле, причем в состав его вошло 29 человек. Имеются также сведения о существовании цехов в 20-х годах XVIII в. в Белоозере, Дмитрове, Твери, Саратове.[4]

Что касается обеих столиц, то положение дел в них рисуется в следующем виде. 19 мая 1731 г. Сенат срочно затребовал справку из московской ратуши, распределены ли записавшиеся в цехи мастеровые люди по гильдиям, назначены ли старосты и имеется ли над ними надзор. В своем ответе московская ратуша сообщила, что в Москве за время с 1722 по 1726 гг. записалось в цехи 6885 человек

---

[1] ПСЗ, № 4054.

[2] Автор намекает здесь на то, что в цехах было немало крепостных крестьян, отпущенных помещиками в город на оброк.

[3] H. Storch. Gemälde von St.-Petersburg, S. 150, 1794.

[4] А. Кизеветтер. Посадская община в России XVIII ст., стр. 147—152, 1903.

разных ремесл. По выбору мастеровых в 70 мастерствах назначены старшины и десятские, фамилии и имена которых были при этом приложены. Старшины «имеют смотрение над мастерами и бывают в нарядах в разных делах» по распоряжению правительства; кроме того, в случае порчи мастером материала заказчика, старшины обязаны «свидетельствовать» в ратуше.

Представленные в сенат ведомости о записавшихся в цехи мастеровых людях разного звания за время с 1722 по 1726 гг. содержат следующие наиболее существенные данные об их числе и составе. Всего упомянуто 153 цеха, в которых записано было 6885 человек. Из них московских посадских числилось 758, городовых посадских — 693, разночинцев — 1460, боярских людей и монастырских служек — 420 крестьян — 3189, иностранцев — 348 и иноземцев — жителей завоеванных городов — 17 человек. Большинство записавшихся состояло в следующих цехах: сапожном — 1416, портняжном — 885, скорняжном — 389, серебряном — 267, маркитанском — 215, рукавичном — 202, крашенничном — 201, калачном — 186, шапочном — 168, плотничном — 150, каменном — 139, шляпном — 135, иконописном — 132, седельном — 97, медном мелочном — 95, позументном — 84, оловянничном — 84, квасном — 78, сусальном — 72, оконничном — 61, медно-котельном — 51 и т. д.[1]

В Петербурге по ведомостям 1724 г. записавшихся в цехи разных наименований значилось 1284 чел.

Все эти данные служат доказательством, что реформа Петра в области ремесленного устройства не оставалась только на бумаге, но деятельно проводилась в жизнь, по крайней мере при жизни Петра и в первые годы после его смерти.

Остановимся теперь на вопросе, имело ли русское цеховое устройство какие-либо особенности, отличающие его от заграничного. Как показывают термины, употреблявшиеся в документах (цунфт, алдерман, гезель), образцом послужили именно немецкие цехи. В архиве Комиссии о коммерции сохранился перевод устава «достохвального» цеха сапожников г. Бауска в Курляндии, который мы сравним с инструкцией петербургского цеха портных, имеющейся в том же деле.[2] В первом из них заключается 37, а во второй — 50 статей. Сопоставление их позволяет установить, что инструкции петровских цехов не были простой копией немецких, а составлялись на основе переработки их применительно к новым условиям.

В русские цехи принимались не только лица свободного состояния, не исключая иностранцев, но и крепостные. Между тем статья 7 устава цеха сапожников г. Бауска гласит: «Кто женится на женщине незаконнорожденной, или которая не немецкого происхождения, или крепостного состояния, или опороченного поведения, тот, если он не состоит еще мастером, лишается права получения звания мастера, а если состоит мастером, то лишается этого звания».

Точно так же ученики могли быть приняты и внесены в цеховые книги не иначе как по представлении свидетельства о рождении в законном браке и доказательства, что они немецкого происхождения и не состояли в крепостной зависимости (статья 20).

Мастера русских цехов делились на два разряда в зависимости от того, записывались ли они вечно или временно; последние, как пришлые, не входили в состав городского общества. Значение этого разделения оставалось тогда еще не ясным и вполне определилось

[1] УЦГАЛ, Архив Комиссии о коммерции, св. 5, д. № 89.
[2] Там же, св. 8, д. № 152.

только позднее, когда одни вечно записанные мастера стали считаться действительными членами цеха, имеющими право решающего голоса на собраниях.

Ничего подобного мы не находим в немецком уставе. Статья 8 говорит, что получивший звание мастера немедленно должен получить и право гражданства, а по статье 10 выборы старшины производятся «всеми мастерами».

Русское цеховое устройство допускало существование ремесленников, которые могли в некоторых случаях заниматься в пределах города своим ремеслом, не будучи записаны в цех. Правда, статья 8 инструкции петербургского цеха портных предписывает «усматривать и разведывать прилежно, чтоб посторонние и в цех не записные мастеры на продажу или из платежа за работу в обиду тем мастерам, которые мастерами удостоены и в цех записаны, ничего не работали». Но далее поясняется, что главным образом нужно смотреть за тем, чтобы эти лица «наипаче знаков мастерства своего на улицах не выставливали под опасением конфискации, что у них в работе обретено, или платежа денег, чего то стоить будет».

Это добавление впоследствии оформилось в виде пункта о дозволении не записываться в цех лицам, которые занимаются своим ремеслом «ради дневного пропитания», не имея вывески.

Между тем немецкие цехи гораздо строже относились к ограждению своих членов от посторонней конкуренции. «Кропалы и нецеховые сапожники во всякое время могут быть выгоняемы сапожным цехом, но только при судебной помощи, из черты города Бауска и из прилегающей княжеской территории на расстоянии одной мили около города, с конфискацией найденных у них сапожных изделий и инструментов, которые у них сейчас же отбираются, доставляются цеховому старшине и им продаются с публичного торга, из вырученных же денег одна половина поступает в цех, а другая в пользу бедных города Бауска. Кроме того, кропалы и нецеховые, смотря по обстоятельствам, подвергаются еще особому штрафу, налагаемому на них цеховым судьей в пользу сапожного цеха» (статья 25).

Русские цехи, дозволяя некоторой части ремесленников (на практике оказавшейся очень значительной) заниматься своим делом без записи в цех, вместе с тем не стремились ограничивать размеры ремесленных предприятий. Мастерам разрешалось держать у себя сколько угодно учеников и подмастерьев.

Немецким же цехам свойственно стремление регулировать размеры производства, удерживая его в пределах, предусматривавших необходимость личного труда самого мастера; ему разрешалось иметь у себя одновременно не более двух учеников и трех подмастерьев (статьи 21 и 28).

Русское цеховое устройство совершенно не предусматривало странствования подмастерьев, которое широко практиковалось за границей. «Каждый отбывший свое время учения у мастера и признанный от цеха подмастерьем, — гласит статья 29 устава сапожного цеха г. Бауска, — должен, как следует подмастерью, странствовать три года по чужим краям. Но если он будет уличен в том, что во время своего странствования он работал у нецеховых или кропал, то он имеет подвергаться такому взысканию, какое наложило на него, смотря по обстоятельствам, собрание, при чем однако (надлежит) не выходить из пределов справедливости».

С другой стороны в этом уставе мы не находим предписания об обязательном клеймении ремесленных изделий, что занимает столь видное место в петровских инструкциях. Ответственность за плохую

работу возлагается на подмастерья, ее выполнявшего: по жалобе мастера он приговаривается цехом к дисциплинарному штрафу и сверх того обязан взять обратно испорченную работу и заплатить за нее мастеру (статья 31).

Срок ученичества в русских цехах определяется в семь лет, а для пребывания в звании подмастерья устанавливался срок не менее двух лет.

В уставе же немецкого цеха г. Бауска срок ученичества не определялся, а относительно подмастерьев говорилось, что для получения звания мастера они должны доказать свое пребывание на действительной работе у цехового мастера в городе три года подряд, либо уплатить шесть рейхсталеров. Если же принять во внимание, что подмастерье должен был еще проработать три года в чужих краях, то выходит, что для получения звания мастера требовался обычно шестилетний стаж, и только при уплате известного денежного взноса этот срок сокращался наполовину. При этом требовалось еще выполнение пробной работы, в данном случае — изготовить пару высоких сапог, мужских башмаков и туфель, а также пару женских ботинок, причем вся эта работа должна была производиться на квартире старшины и закончиться в восьмидневный срок.

В уставах же русских цехов предписывалось только старшине со своими товарищами и другими мастерами цеха «прилежно освидетельствовать» испытуемого гезеля (подмастерья), а в чем это «освидетельствование» должно состоять и как производиться — не пояснялось.

Согласно устава немецкого цеха, размер оплаты труда подмастерьев точно определяется — надо полагать, на общем собрании мастеров. В инструкциях же русских цехов говорилось лишь о записи в книге условий найма подмастерьев — «на сколько времени и из какой платы». Сами же мастера должны назначать за работу «достойную цену», чтобы «непристойной зависти, а в мастерстве небрежения отнюдь против другого в работе и от того в пропитании обиды, а наипаче между мастерами в художестве охулы не имелось быть».

На таких основаниях было завершено при Петре ремесленное устройство. Реакция, наступившая после его смерти, распространилась и на эту область хозяйственной жизни. Но этот вопрос заслуживает особого рассмотрения.

А. В. ПРУССАК

ЗАВОДЫ, РАБОТАВШИЕ НА ПУГАЧЕВА

Во время Пугачевского восстания Пугачев и его ближайшие помощники делали попытки наладить работу на армию в некоторых захваченных ими заводах: Ижевский завод они пытались приспособить для обслуживания кавалерии, Воскресенский завод Твердышева и Авзяно-Петровский — для артиллерии. Рассмотрим, какова была судьба этих заводов во время Пугачевского восстания и в последующие годы, насколько оправдали эти заводы возлагавшиеся на них Пугачевым надежды и что нового вносит ознакомление с их историей в изучение Пугачевского восстания.

I. ИЖЕВСКИЙ ЗАВОД[1]

В 1759 г. графу П. И. Шувалову было поручено устройство Камских заводов — Ижевского и Воткинского. Постройка Ижевского завода относится к 1760 г.; выстроен он был на р. Иже, притоке р. Камы; место это было очень удобно с точки зрения использования воды как движущей силы. Непосредственно с рудными разработками завод не был связан — чугун привозился с Гороблагодатских заводов. На вновь выстроенном заводе заработало 17 молотов; ковалось при открытых горнах и ручных мехах не только железо, но и якоря — по нарядам Адмиралтейств-Коллегии. К Ижевскому и Воткинскому заводам было приписано 18 тысяч крестьян, из которых годными для заводской работы было признано 8851, причем, по определению Горной канцелярии, предписывалось «негодных в работы приписывать к годным». Иными словами, трудоспособные должны были работать не только за себя, но и за нетрудоспособных. Приписанные

---

[1] Об Ижевском заводе до восстания Пугачева непосредственно вошли в мою статью данные из следующих книг: Столетие Вятской губернии. Сборник материалов по истории Вятского края. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии. Составили Н. Бахтерев, Л. Андреев, Н. Спасский, I, стр. 223; С. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 5, стр. 1178, СПб., 1899; Ф. Полунин. Географический лексикон Российского государства, стр. 99, М., 1773; P. Falk. Beyträge zur topographischen Kenntnisse des russischen Reiches, I, стр. 163, СПб., 1785; К. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, I, стр. 31, Л., 1925, изд. 2; А. Савич. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVII—XX вв., стр. 22, М., 1931; Его же. Прошлое Урала (Исторические очерки), стр. 76, Пермь, 1925; В. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, II, стр. 343—348, 431—432, СПб., 1901; Полное собрание законов, XVI, № 11790, 1763 г., 9 апреля, стр. 214—219; Н. Чечулин. Очерки по истории русских финансов в царствование императрицы Екатерины II, стр. 22—23, СПб., 1906; Н. Чупин. Член Екатеринбургской горной канцелярии М. И. Башмаков и действия его во время пугачевщины (Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части «Губернских ведомостей» в период 1842—1881 гг., вып. I, стр. 171, Пермь, 1882; М. Чулков. Историческое описание Российской коммерции, VI, кн. 2, стр. 552—553, М., 1786; В. Максимов. Первичный союз рабочих и крестьян, Ижевск, 1932; Зеленцов. Рабочие Ижевского завода в докапиталистическую

крестьяне по указу 12 февраля 1761 г. были закреплены за этими заводами «неотъемлемо», и Шувалову даже было разрешено по своему усмотрению переселять их из деревень на завод, комплектовать ими кадры мастеровых. Таких привилегий не имел ни один заводчик, получивший право пользоваться трудом приписных крестьян.

На свое прикрепление крестьянство ответило волнениями и отказом ходить на заводскую работу. Чтобы подавить волнения, Сенат распорядился отправить 500 драгун с пушкою. Обычно по усмирении крестьян предписывалось приступать к расследованию их жалоб, но на шуваловских заводах не было поручено правительственной комиссии рассмотрение жалоб. В указе 25 августа 1761 г. читаем: «Буде же крестьяне будут иногда приносить на прикащиков... какие либо жалобы и неудовольствия, то в таком случае им объявить, чтоб они о причиненной им обиде с ясным изъяснением, в чем и от кого именно та обида и когда им учинена, то все на письме объявили ему (т. е. Шувалову), который по рассмотрению справедливым удовольствием их не оставит».

К марту 1762 г. волнения крестьян были подавлены. Но лишь только из сел увели расположенных на постой драгун, волнения начались вновь. Среди крестьян циркулировало воззвание, написанное в форме манифеста, якобы изданного по поводу восшествия на престол императрицы Екатерины, где говорилось, что приписанные к заводам крестьяне могут на заводах не работать. В именном указе Екатерины на имя Берг-Коллегии читаем: «нашлися такие бездельники, которые... манифест, сами сочинив, между крестьянами публиковали, и крестьяне, как простой народ, тому легкомысленно поверив, не токмо пришли в непослушание, но и некоторое возмущение». Манифест этот, по словам Екатерины, заключал в себе «самые пасквильные речи». Составителем лжеманифеста был приписной к шуваловским заводам крестьянин Куликов и свияжский дьячок Козьмин.

На подмогу заводским и губернским воинским частям для подавления волнений на Ижевском и соседних с ним заводах были отправлены Екатериной две карательные экспедиции, вооруженные пушками, под начальством Вяземского и Бибикова. Первому дана была инструкция, согласно которой он по прибытии «прежде всего должен привести крестьян в рабское послушание и усмирить, потом сыскивать подстрекателей и, исполнивши это, исследовать насчет притеснений, которым они подвергались».

эпоху (1759—1866 гг.). История пролетариата СССР, кн. 4, стр. 74, 1934; Сборник Русского Исторического Общества, CXV, стр. 260—264, 363, 448—449; Ташкин. Инородцы Приволжского и Приуральского края, стр. 108, Казань, 1892; Центрархив. Пугачевщина, II, стр. 79, 384, М.—Л., 1929; Н. Попов. Хозяйственные описания Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию, I, стр. 222, СПб. 1811.

Об Ижевском заводе во время Пугачевского восстания данные взяты из следующих книг: Центрархив. Пугачевщина, I, стр. 13, 43, 133—134, 204—205, Л., 1926; То же, II, стр. 111, 133, 229, 377, 432—433, М.—Л., 1929; То же, III, стр. 43—44, 169, М.—Л., 1931; Д. Кашинцев. Горнозаводская промышленность Урала и крестьянская война 1773—1774 гг. («Историк-марксист», 1936 г., кн. I, стр. 134); С. Тхоржевский. Пугачевщина в помещичьей России. Восстание на правой стороне Волги в июне—октябре 1774 г., стр. 149, М., 1930; М. Покровский. Русская история с древнейших времен, III, стр. 157, М., 1925; А. Дмитриев-Мамонов. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири, стр. 135, СПб., 1907; Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, III, стр. 73—74, СПб., 1884; Зеленцов. Рабочие Ижевского завода в докапиталистическую эпоху (1759—1866 гг). История пролетариата СССР, кн. 4, стр. 78—79, 1934.

Обилием найденного мною свежего архивного материала по истории Ижевского завода объясняется больший объем отведенного ему по сравнению с другими заводами места в данной работе.

Исполнив данное ему поручение, Вяземский представил императрице «обстоятельное доношение», где подробно выяснялись тяготы крестьян, прикрепленных к Ижевскому и Воткинскому заводам. По мнению Вяземского, на этих заводах «обстоятельства» были таковы, «что не могли иного произвести в крестьянах, как крайнее огорчение». Им был «налог усмотрен столь велик, что работник этого в день заработать отнюдь не может ни пеший, ни конный, что на него полагается». При этом со времени указа 1724 г. оплата не изменилась, подушные же сильно увеличились, вследствие чего возросло и число дней, которые крестьянину пришлось отрабатывать на заводе. Помимо легализированного законом «отягощения» крестьян, Вяземский вскрыл страшные злоупотребления со стороны администрации: недоплату жалованья, вымогательство взяток, непомерные штрафы, жестокие наказания, зачастую ведшие за собою увечье и даже смерть наказанного.

Екатерина, ознакомившись с доношением Вяземского, согласилась, что «на Ижевском и Воткинском заводах графа Шувалова... крестьянам неудобь носимая тягость и разорение нашлися. Отягощение крестьянам столь велико, что уравнение между работою их и платою совсем потеряно». По ее распоряжению, было составлено «учреждение, учиненное на Ижевском и Воткинском заводах покойного генерала-фельдмаршала графа Шувалова». Рассматривая это «учреждение», видим, что оно больше охраняло интересы завода, чем облегчало участь «отягощенных». Смысл всех предлагаемых мероприятий сводился к тому, чтобы «к дорабатыванию припуждать усиленно, дабы конечно в каждом годе положенные... работы выработаны были без недостатка» и «главнейше всего смотреть, чтобы крестьяне все без изъятия в точном послушании заводам и их управителям были». Единственно, что было разрешено в целях защиты интересов работающих, это — «если от управителя какое непристойное мучение или же удержка в заработанной плате происходить будет, то бить челом в судебных местах от миру.., самим же ни малейшего ослушания в заводских работах, своевольства, не делать и ждать решения из того места, куда прошение послано, под наижесточайшим штрафом».

К этому времени на заводе наблюдается развитие вольнонаемного труда за счет наиболее разоренного крестьянства.

В 1764 г. Ижевский завод за двухмиллионный долг, образовавшийся из-за плохого хозяйничанья, был изъят от Шувалова и передан в ведение Берг-Коллегии. Начальником Гороблагодатских и Камских заводов был назначен полковник Ирман. 13 марта 1764 г. ему была дана инструкция по управлению означенными заводами, предписано учредить «Гороблагодатское горное начальство» и вменено в обязанность «сбережение» приписных крестьян, «дабы они не были отягощены и обижены».

В первые годы перехода завода в ведение Берг-Коллегии при прежнем техническом оборудовании завода, при том же количестве молотов и работных людей, что и в 1761 г., наблюдалось увеличение количества продукции. Так, в 1766 г. было изготовлено 98954 п. 7 ф. полосового железа — на сумму 20 409 р. 29 к.; в 1767 г. — 137437 п. 16 ф., на сумму 28 346 р. 46 к. Хотя к этому времени число мастеровых и увеличилось (к 1770 г. их было уже около 450), все же рост продукции приходится отнести главным образом за счет усилившейся эксплоатации горнозаводского населения.

О том, что ни составленное по распоряжению Екатерины «Учреждение», ни инструкция, данная Ирману, ни на иоту не улучшили положения «отягощенного» приписного крестьянина, свидетельствуют

наказы в екатерининскую Комиссию для сочинения нового уложения, данные крестьянами Ижевского и Воткинского заводов. Наказы эти рисуют жизнь работного человека, и особенно приписного крестьянина, еще более мрачными красками, чем доношения Вяземского. По данным наказов, основными рабочими на заводе были квалифицированные мастера, находившиеся в привилегированном положении, мастеровые и работные люди, жившие при заводе. Работным людям «пашни иметь» или «торгами торговать» было «не велено ни под каким видом, опасаясь за то немалого штрафа и телесного наказания»; «кормиться» же полагалось «определенным жалованьем», которое было настолько ничтожным, что крестьяне, отправляя на завод односельчан в качестве «работных людей», снабжали их деньгами «на одежду и хлеб». Так же «неотлучно» работали и задолжавшие заводу крестьяне, которым из-за долга пришлось забросить пашню, «чрез что и домов своих лишились», «чрез что не токмо плата подушных денег в состоянии, но иной пропитать себя на тех заводах с великою нуждою может». Основная масса приписных крестьян, живших по деревням, исполняла на заводе работы «самой малой платой» по «плакатной» расценке 1724 г. В виду того, что многие крестьяне жили в 400 верстах от завода, им приходилось нанимать за себя заместителей, отчего «претерпевали изнеможение». Заместителям платить приходилось много дороже, чем платил завод. Так, за подвоз угля из куреней, находившихся в 15 верстах от завода, платили по казенной расценке 6 коп. с короба, нанятым же частным образом заместителям платили 50 коп. с короба. Нанимать за себя заместителей крестьянам приходилось потому, что посылались они на работу «в самую деловую пору», и таким образом были лишены всякой возможности «исправлять крестьянскую земледельческую работу»; случалось даже, что снять посеянный хлеб «не допускала заводская работа». Помимо возки земли для починки плотины, производства ремонтных заводских работ, доставки на завод топлива, чугуна с Ослянской и Гольянской пристаней, доставки готовой заводской продукции вверх по Волге до Рыбинска, крестьяне были обложены значительными натуральными поборами: например, крестьяне каждой сотни давали ежегодно заводу 7000 ведер дегтя, который за отсутствием подходящего леса покупали сами по 25 коп. за ведро, завод же уплачивал им по $3\frac{1}{2}$ коп. Крестьяне в своих наказах указывают, что из-за приписки к заводам «половина большая (из них) пришла в крайнее раззорение и нищету». Администрация завода заметно стремилась к ликвидации крестьянского хозяйства, к пролетаризации крестьянства, чтобы иметь постоянные рабочие руки при заводе: она «за правило почитала, дабы заводские крестьяне совсем домоустройства не имели, а единственно от заводской работы питались».

Особенно тяжелым было положение приписных к заводам удмуртов. При постройке Камских заводов гр. Шувалов захватил у них лесные дачи, пашни, покосы; заводское же начальство вымогательством незаконных поборов чинило им «обиду» еще больше, чем русским крестьянам.

Приписные к заводу крестьяне, строившие свое благополучие на сельском хозяйстве, засылали ходоков в Петербург с просьбой «отбыть от заводских работ», стремились добиться освобождения от работы путем непрерывных волнений. Приходится учитывать также и то обстоятельство, что прикамская деревня переживала период усиливающейся товаризации. С увеличением гнета заводских работ поднимаются хлебные цены, что заставляло крестьян особенно дорожить доходами от сельского хозяйства. Умножение количества заводов содействовало

образованию большого хлебного рынка. В рапортах, отправленных зимою 1775 г. П. И. Панину, читаем, что на Урале «имеется множество мастеровых при заводах, покупным хлебом питающихся». До постройки заводов жители Прикамского края были богаты скотом и хлебом, но «часто при сем изобилии не в состоянии были заплатить подати, потому что некому было продавать избытков своего земледелия и скотоводства». Теперь же хлеб и скот стали нужны заводу, что послужило стимулом для товаризации прикамской деревни.

Крестьянское хозяйство, где прежде господствовали натуральные отношения, быстро стало перестраиваться на новый лад. На этой почве выросли крестьяне богатеи, первостатейные, запашки которых доходили до 33 десятин и больше: они пользовались наемным трудом для обработки земли, им были нужны рабочие руки, которые они оплачивали лучше, чем завод. Кама превращалась в важную транзитную артерию края, по которой проходили огромные суда, нагруженные не только железом и медью, но и прикамским хлебом. В своем доношении Вяземский учел это обстоятельство. Он считал повышение доходности крестьянского хозяйства одной из причин волнений приписных крестьян, так как за заводские работы «положена столь малая плата, что она не только не сравнительна с выгодами, получаемыми ими самым легким трудом по доброте обитаемых ими земель от изобильного хлебопашества и великого скотоводства, но еще нарочито уменьшена». И зажиточные и бедные слои приписных крестьян были заинтересованы в освобождении от невыгодных, тяготевших над ними заводских работ. Предшествующие волнения подготовили почву для успешного развития восстания Пугачева в Прикамском крае.

Уже в конце октября 1773 г. в Прикамский край стали проникать слухи о появлении под Оренбургом государя Петра III. Крестьяне жадно ловили эти слухи, причем подлинность царя не столь уж сильно их интересовала. Показателен такой случай: в конце октября на базаре в Мензелинске возник горячий спор о Петре III, во время которого приписной крестьянин Лебедев сгоряча бросил фразу: «Нам все цари, кто бы ни были». Подобное настроение отнюдь не было случайным. В массе своей заводское крестьянство знало, что Пугачев из казаков, но «как уже положили в сердце своем произвесть злодейство, то оному и следовали, говоря для прославления наиболея Пугачева государем, — как де казаку принятца за такое великое дело?» Наиболее близкие к Пугачеву люди, как Зарубин и Караваев, с самого начала полагали: «Это де не государь, а донской казак, и вместо государя за нас заступит; нам де все равно, лишь быть в добре». Да и сам Пугачев на допросе показал, что яицкие казаки «точно знали, что он не государь; но они желали сим ево злодеянием получить себе помочь, ибо он сам от Шигаева настоящего своего имени не таил».

Под влиянием слухов, что новоявленный царь обещает «всякую вольность» и «от заводских работ свобожение», крестьяне «чинили несравнимое против прежнего огурство», «льстили себя надеждою быть от заводских работ навсегда свободными». Количество вырабатываемой на Ижевском заводе продукции начало падать, но работа, хоть и слабыми темпами, все же еще продолжалась.

В первой половине декабря 1773 г. пугачевский отряд из татар, башкир, удмуртов и марийцев, возглавляемый старшиною Бакеем Абдулловым, пробрался из-под Уфы на р. Тулву и поднял там восстание среди башкир, которое перекинулось в район р. Ижи. Руководство восстанием сосредоточилось в руках штаба, находившегося под Уфой в с. Чесноковке; штаб этот во второй половине декабря

возглавил Зарубин. По приказу пугачевского правительства была прекращена доставка на Ижевский завод чугуна и топлива. Рабочие прекратили работу. Начальник завода полковник Венцель и управитель Алымов спешно уехали в Казань, передав завод в руки низшей администрации — выслужившегося из рабочих унтер-шихтмейстера Алексея Губанова и канцеляриста Калганова. Отряды пугачевцев стали заезжать в ближайшие к Ижевскому заводу селения, поднимая крестьян на восстание. Так, во второй половине декабря 1773 г. в село Шильну приехал пугачевский разъезд «от злодейской толпы, состоящей под городом Мензелинском в деревне Кулюковой». В отряд входили приписные к Авзяно-Петровскому Демидовскому заводу крестьяне с. Малой Шильны, а также татары и удмурты; предводительствовал новокрещенный татарин есаул Григорий Артемьев. На сельском сходе они «объявляли крестьяном всякую вольность», свободу от заводских работ и попутно поинтересовались: «не чинили ли прежде кто им каких обид?» Ряд крестьян во главе с Логином Филипповым «начали тем злодеям объявлять» жалобы на своего односельчанина Филиппа Волкова: «Прежде сего де от нас посылан был в Санкт-Петербург для просьбы о отбытии от заводов гр. Шувалова, а как видно, что он, Волков, нас на те заводы продал», помимо того он «с пугачевской толпой быть не желает». «За брань, непослушание и за всегдашнее проклятие» Пугачева крестьяне хотели Волкову и священнику Герасиму Ершову «отсечь головы, чтобы впредь не приводить крестьян в такое противление». Жизнь им оставили, но Волкова жестоко избили и забрали его имущество: 7 лошадей со сбруей, носильное платье, 21 конец тонкого льняного холста, серебряные кресты, серьги и кольца, 15 руб. деньгами, всего на сумму 175 р. 55 к. После этого отряд, пополненный примкнувшими к нему крестьянами с. Шильны, уехал на «Шильненский медеплавильный заводчика Василия Красильникова завод».[1]

Здесь заводские мастеровые и работные люди, собравшись перед хоромами заводчика, «учинили великое с руганием роптание» за задержку жалованья. В это время на завод нагрянул вооруженный копьями, стрелами и саблями пугачевский разъезд, побывавший уже в с. Шильне. Среди приехавших были и «села Шильны приписс-

[1] Артиллерийский Исторический Музей, Архив (далее обозначаю сокращенно — АИМ), фонд сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское», 1775 г., январь 11 — апрель 19 — Дело о разграблении пугачевским разъездом имущества села Шильны крестьянина Филиппа Иванова Волкова, лл. 167—167 об., 169—169 об., 170 об., 171 об. — 174 об., 176 об. —177 об., 194—194 об. Аналогичные случаи разграбления имущества богатых крестьян, правда, относящиеся к несколько более позднему времени, были повсеместно: например, в Краснослободском уезде Симбирской губернии в дворцовом селе Гумнах у крестьянина Петра Лиховидова его односельчанами было разграблено имущества на 446 руб. 60 коп. (С. Тхоржевский. Пугачевщина в помещичьей России. Восстание на правой стороне Волги в июне—октябре 1774 г., стр. 149). Допросные речи крестьян показывают, что пугачевские разъезды принимали меры к выявлению мироедов; например, Дмитрий Степанов, крестьянин деревни Ключи Пензенской вотчины князей Куракиных, в допросе показал, что приехала к ним «воровская шайка, в которой было до 50 человек. Из тех злодеев начальник, сидя верхом, у крестьян спрашивал: нет ли у вас каштанов, мироедов и других каких съедуг, коих де тотчас велю под застрехом повесить». Ленинградская Государственная Публичная Библиотека им. Салтыкова-Щедрина, рукописное отделение (далее сокращенно обозначаю ПБ), Собрание Тихонова, № 75, лл. 87 об.—88 об. Не только в приписных к Ижевскому заводу селениях, на что я указывала выше, богатым крестьянам «за брань и за всегдашнее проклятие» Пугачева грозили отсечь голову; и в других местностях зачастую их силой заставляли примыкать к Пугачевскому восстанию. Например, в находившейся поблизости от Саратова слободе Малыковке пугачевцы «чинили в хороших крестьянских домах разбои» и угрозами «привлекали малыковских первостатейных к питью вина и к поздравлению якобы Петра Федоровича» (С. Тхоржевский. Указ. соч., стр. 149).

ные к Ижевскому казенному заводу крестьяне.., да деревни Шильны приписные ж к Авзяно-Петровскому дворянина Демидова заводу крестьяне». Собравшимся заводским крепостным мастеровым и работным людям было объявлено, что «они отныне имеют быть вольными». После этого приехавшие избили приказчика, разграбили хоромы заводчика, заводский архив — «все дела без остатку в той же конторе в печи сожгли», но изготовленную штыковую медь и 456 готовых штыков не тронули. Забрав имущество заводчика и приказчиков, «деньги и весь пожиток положа в имеющиеся сани пошовни», отряд уехал.[1]

В конце декабря Бакей Абдуллов поднял восстание в Терсинской волости. Заволновался Варзино-Алексеевский медный завод, принадлежащий Тефкелеву; перепуганная владелица поспешно покинула дом и уехала в Казань. В деревне Ахуновой состоялось совещание татарского старшины Бакей Абдуллова с татарским мурзой Юской Кудашевым, находившимся на службе у секунд-майора Тефкелева. Абдуллов предъявил Кудашеву полученный им от Пугачева «лжесоставной воровской указ, чтобы разбивать Тефкелева дом и все его имение, также где есть какие заводы обирать и отослать в село Чесноковку к называемому того самозванца графу Чернышеву». Кудашев совместно с шестью татарскими старшинами присоединились к Абдуллову и «во многолюдстве» татар, башкир и мишари разбили завод и дом Тефкелева, находившийся в деревне Терсе.

После разгрома Варзино-Алексеевского завода к Абдуллову и Кудашеву явилась депутация из двух человек от Ижевского завода; один из депутатов был заводский крестьянин Сивинской волости Андрей Носков. Они «подзывали» ехать на Ижевский завод «без всякой опасности»: «мастеровые де люди все ждут и хотят встретить с честию с хлебом и солию, чего ради и послали»; «главной де командир полковник Венцель со всей командой уехал в город Казань, а заводский управитель Алымов находится в бегах, а денежной казны при заводе имеется немалая сумма». Кудашев и Абдуллов, «не уверясь на тех мастеровых, ехать не смели» и устроили военный совет. В совете принял участие старшина Вялит Яфаров, имевший в своем распоряжении отряд в 300 человек из крепостных крестьян Тефкелева и служилых мишари. Татарские сотники Сапар Бакеев, Ибраш Килеев «по спросе» подтвердили, что «те мастеровые показывают правду», и выразили согласие принять «со своими командами» участие в походе.

Поход на Ижевский завод был решен в благоприятном смысле. Во главе экспедиции против завода поставили Кудашева: «ты де по русски говорить умеешь и на заводе увещевать можешь». В число командного состава экспедиции вошли «подзыватели», присланные с Ижевского завода. Численность отряда простиралась до 800 человек. В деревне Агрыз Кудашев приказал отряду остановиться; началась подготовительная работа. По соседним деревням вербовались крестьяне в казаки «к злодейскому старшине Юске мурзе» — прочитывали указ Пугачева и спрашивали крестьян: «Веруете ли государю»? Усердно наводились справки о настроении на Ижевском заводе: «Приклонны ли государю или нет и есть ли на заводе ружья?» В село стали съезжаться «из ближних и из дальних жительств» новокрещеные татары и удмурты с жалобами на некоторых «Ижевского завода жителей», которые впоследствии, по взятии завода, были казнены. Агитация и вербовка среди крестьян шли успешно. Кудашев перенес свою ставку в село Юски. На завод он отправил подьячего Ивана

---

[1] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское», 1775 г., марта 4 — Допросные речи села Шильны крестьянина Ивана Бещокова, лл. 176 об. — 177 об.

Иванова Казанского, для охраны которого выделил часть своего отряда. У ворот Ижевского завода образовался своего рода митинг. Подьячий прочитал «под именем императора Петра III лжесоставной злодея Пугачева воровской указ» «о всякой вольности», о том, что «заводские жители как от работ, так и от платежа подушных денег могут быть свободными».

Заводская администрация в лице Губанова выступила было против пугачевского агитатора, но встретила резкий отпор со стороны заводских людей: «Когда де у тебя брюхо цело, так и противься, а нам противиться нечему».

Примкнуть к Пугачеву стремились главным образом те, кто был «худого состояния» — приписные крестьяне, удмурты и недавно набранные мастеровые. Между тем «лучшие и зажиточные» люди были «весьма склонными» защищать завод от пугачевцев. Позиция их объясняется привилегированным положением на заводе. Как заводовладельцы, так и правительство, заинтересованное в развитии горнозаводской промышленности, принимали энергичные меры, чтобы создать кадры рабочих, опытных в горном деле, и освободиться от дорого стоящего труда иностранцев. Мастеровые люди, обученные всем тонкостям сложного производства, были выделены в особую группу. Они получали сравнительно высокое жалованье, были освобождены от рекрутчины, подушной подати и оброков и имели при заводе дома.

Верх взяла антиправительственная партия. В село Юски с хлебом и солью, в сопровождении толпы рабочих, отправились заводской конторы канцелярист Калганов и унтер-шихтмейстер Губанов, Кудашев принял депутацию и «разговоры чинил». 1 января 1774 г. Кудашев рано утром с частью своего отряда отправил на Ижевский завод Андрея Носкова. И вот «злодейская под предводительством заводского крестьянина Андрея Носкова партия на завод вступила; оного завода мастеровые при священниках встретили тое злодейскую толпу со звоном; а потом, по собрании злодеями всех мастеровых в церковь, приводили их при оных же священниках, не читаючи ничего, ко кресту, якобы за покойного императора Петра 3-го». Вслед за отрядом Носкова подъехал к заводу Кудашев со своим отрядом.

События пошли быстрым ходом. В заводской тюрьме «сняли железа с ног» и освободили содержавшихся там по распоряжению администрации провинившихся рабочих, остановили «молотовые и прочие фабрики», сожгли контору и находившийся в ней архив, где хранились заводские дела, списки штрафных рабочих и недоимщиков-крестьян, разгромили дома Венцеля, Алымова и некоторых «партикулярных людей», разбили «кладовую», где хранились деньги. Но деньги разграблены не были; заводская казна в сумме 8223 р. $11^3/_4$ к. была отправлена в село Чесноковку к Зарубину. При отправке казны были соблюдены надлежащие формальности; Калганов пересчитал деньги, составил акт. Сопровождать казну в Чесноковку был назначен Алексей Губанов с капралом и восемью солдатами, вооруженными ружьями и шпагами. Из уехавших для сопровождения денежной казны в Чесноковку восьми солдат шестеро вернулись на завод, двое же поехали под Уфу, где и остались в войске Пугачева пушкарями. Вместе с денежной казной в Чесноковку было отправлено 20 заводских лошадей с хомутами и санями, две медных пушки на лафетах. Зарубин в получении денег выдал нижеследующую расписку: «Граф Иван Чернышев выдал 22 января квитанцию в получении от надзирателя Ижевского завода Губанова и помощника его Киселева денег 9000 и приказал им заготовлять для армии е. в.

все, что прежде готовилось на заводе, седла, кожу и протч.»[1] К Зарубину приехал отряд из 170 мастеровых, записавшихся в казаки.

Всем работавшим на заводе было разрешено уезжать «куда кто похочет», причем отъезжающим выдавались особые «вольные» билеты за подписью Кудашева. Уезжающим приказывали, «чтобы они прочих всякого звания людей к таковому подданству приводили». Получив «вольные» билеты, крестьяне немедленно разъехались по родным деревням и селам, разнося весть об освобождении от ненавистных заводских работ. Сначала местные деревенские власти с большой осторожностью относились к пришедшим с заводов крестьянам; староста Рождественской волости снял даже с билетов копии и послал их в Казань. Но агитация сделала свое дело. В середине января Вятская провинциальная канцелярия доносила казанскому губернатору фон Брандту, что крестьяне Рождественской волости, «заразясь ядом известного государственного злодея и самозванца Пугачева, сделались тому последователями». Между тем Губанов, привезший в Чесноковку к Зарубину заводскую казну, сумел войти к нему в доверие и был назначен управителем Ижевского завода, который предполагалось превратить в базу кавалерийского снабжения. В то время Зарубин особенно нуждался в кавалерии для борьбы с правительственными отрядами, наступавшими на Уфу. В указе, данном Зарубиным Губанову, говорилось, что мастеровым людям надлежит быть Губанову «в послушании» и для «делания... на армию... старание непременное б имели.., и по зделании присылать... с надежными и верноподданными рабами в сию ж армию». Оставшимся на заводе мастеровым было выдано из казенных магазинов хлеба и соли на 998 р. 63½ к.

Уход с завода освобожденных от заводских работ приписных крестьян и почти всех настроенных против правительства мастеровых ослабил позицию пугачевцев на заводе. Кто мог работать, тот не хотел; кто хотел, тот не мог, так как был к требуемой работе «не заобычен».

Ушедшие с завода работные вербовали отряды для Пугачева. Завод был объектом особенно острой ненависти, и главным лозунгом отрядов было «искоренение завода». Так, действовавший в окрестностях Ижевского завода отряд Стрельникова, куда входило много бывших работных с завода, выступал под лозунгом прекращения работ на заводах — «чтобы фабрики все запечатали». Стрельников со своим отрядом не был одинок. Г. Р. Державин отмечает, что за «искоренение заводов» агитировали Алексей Подьячев и Гаврило Коновалов. Ссылаясь на билеты, выданные крестьянам башкирскими старшинами, они «разглашали вредные слухи, и что на заводах уже работать не будут», так как завод, мол, прекратит свое существование... «Они, — продолжает Державин, — суть с Ижевского завода мастеровые люди, взятые на оные из уроженцев села Сущей». Далее Державин указывает на формировавшего отряды приписного к Ижевскому заводу крестьянина Федора Корюкова, делавшего «возмущение» и бывшего «главным в бунте в селе Дербоневе».[2]

---

[1] АИМ, ф. сборный, св. 5944, № 11. «Дело по указу Гороблагодатского горного начальства об усмирении бунтующих в Сивинской волости людей и об исправлении плотины, прорезов и сливных мостов и о протчем»; 1775 г. марта 10 — Рапорт Ижевской заводской конторы Гороблагодатскому горному начальству с изложением содержания допросов татарина Юски Кудашева, лл. 18—20 об.; Архив Академии Наук (далее обозначаю сокращенно ААН) — Бумаги Дубровина, 182/2, стр. 19, 22—23; Гос. Архив, VI, дд. 422 и 426.

[2] ПБ, F. IV, № 668, Сборник документов, касающихся истории Пугачевского восстания — «Алфавитный список, веденный рукою Державина по пугачевскому бунту», лл. 8, 17.

В освобожденной от заводских работ деревне началась борьба с деревенскими богачами. В январе 1774 г. в приписных к Ижевскому заводу селениях наблюдались случаи, когда беднейшие крестьяне, «которые злодейской толпе согласны были.., наводили злодеев... на домы» своих богатых односельчан и им «грабительства чинили». Остро проходила борьба в селе Шильне. Позднее, в 1775 г. шесть крестьян этого села, по распоряжению полковника Ю. Б. Бибикова, были в Мензелинске наказаны плетьми за то, что «со злодеями самоохотно уехав в ту злодейскую толпу и двоекратно на оное село Шильну наводили из той толпы злодеев для разорения села Шильны обывателей» — первостатейных крестьян.[1]

Уже на этом этапе развития Пугачевского восстания первостатейные крестьяне начинают сознавать, что их пути не совпадают с пугачевскими. Они начинают отходить от восставших, переходить в лагерь борющихся против пугачевцев. Такие крестьяне после подавления Пугачевского восстания получили от Ижевской заводской конторы аттестаты, в которых отмечалось, что такой-то крестьянин «показал себя верным е. и. в. слугою» и его надлежит «почитать за честного и добродетельного человека».[2]

У удмуртов, помимо стремления к «искоренению заводов», наблюдается желание вернуться к «идолопоклонной вере», в чем можно видеть протест против проводимой политики насильственной христианизации как средства обрусения. В феврале 1774 г. сотник Архип Козьмин, «новокрещен из вотяков», собрав в селе Сретенском (Юски) новокрещеных удмуртов своей сотни, выступил с речью, в которой убеждал их послать к Пугачеву депутацию с просьбой «об искоренении» Ижевского завода и о разрешении «вотякам быть попрежнему в своей идолопоклоннической вере». В результате к Пугачеву были отправлены выборные от всего мира «с письменным приговором».[3]

После взятия Ижевского завода Андрей Носков, исполняя предписание Зарубина, приступил к формированию крестьянских команд. Но положение, создавшееся на Ижевском заводе, потребовало его личного присутствия. Носкову пришлось спешно отправиться на Ижевский завод, чтобы уладить конфликт между рабочими и Губа-

[1] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское», 1775 г. марта 4 — Допросные речи села Шильны крестьян Логина Филиппова и других, лл. 173—193; Там же, 1775 г. января 27 — Рапорт Шильнинской сотни сотника Алексея Гурьянова в Ижевскую заводскую контору с приложением именной росписи крестьян, примкнувших к Пугачевскому восстанию, лл. 25—27.

[2] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское», л. 56. Державин использовал первостатейных крестьян для подавления восстания. В ордере Державина по «малыковским экономическим и управительским делам» читаем: «выбрать... самых первостатейных мужиков, чтоб прилагали все усердие и, не щадя жизни своей, злодеев, хотящих укрыться, ловили и искореняли, также ежели услышат от кого вредные [речи] к разврату народа от бунтовщика Пугачева, то чтоб не медлив нимало доносили» (ПБ, Бумаги Державина, VIII, л. 14).

[3] Пугачев, после взятия Ижевского завода, приказал повесить в селе Сретенском весь причт, а церковь отдал удмуртам на разграбление (Н. Добротворский. Пугачев на Каме. «Исторический Вестник», 1884 г., № 12, стр. 737); АИМ, ф. сборный, св. 5944, № 11 — Дело с утраченным титульным листом, 1775 г. февраля 4 — Рапорт Ижевской заводской конторы Гороблагодатскому горному начальству об отправке в Казань в секретную комиссию удмурта Захара Матвеева, обвиняемого в поездке к Пугачеву с письменным «мирским приговором» от удмуртов села Сретенского Казанского уезда «об искоренении Ижевского завода» и о возвращении их «к идолопоклонной вере», лл. 4—5; Там же — «Дело по указу Гороблагодатского горного начальства об усмирении бунтующих в Сивинской волости людей и о исправлении плотины, прорезов и сливных мостов и о протчем», 1775 г. марта 10 — Рапорт Ижевской заводской конторы Гороблагодатскому горному начальству с изложением содержания допроса удмурта Захара Матвеева, лл. 21 об. — 22.

новым, который, получив широкие полномочия от Зарубина, решил действовать «неослабно» и прекратил выдачу хлебного довольствия неповинующимся ему. Эта мера вызвала озлобление, работа не шла. Мастеровые жаловались Носкову на Губанова. Жаловались Носкову на своих «обидчиков» и крестьяне. Под караулом был приведен на завод крестьянами деревни Шипанихи Иван Коробейников; крестьяне, помня «прежнюю на него злобу, которая была еще при Вяземском генерале», повезли Коробейникова на Ижевский завод, прослышав, что Носков «едет на Ижевский завод и хочет вешать».[1]

Распорядившись не задерживать выдачу рабочим хлебного довольствия и разобрав крестьянские жалобы, Носков с вооруженной крестьянской командой, пополненной вновь набранными крестьянами, двинулся к Воткинскому заводу. Взятие пугачевцами Ижевского завода немедленно отозвалось и на Воткинском заводе. Управитель Клепиков попробовал было собрать работающих и прочитать им правительственный указ о Пугачеве, но чтение прерывалось шумом и криками. Михаил Кривилев, «Вотчинского завода из мастеровых плотник», кричал «при публикации всемилостивейшей государыни манифеста: читайте де его под нос».[2] Клепиков, чувствуя свое бессилие защитить завод, уехал на север к Строгановским вотчинам, где и начал формировать отряд для борьбы с пугачевцами. Строгановская вотчина со своими торгующими мужиками стояла в стороне от Пугачевского восстания. После отъезда Клепикова заводские люди «между собою советовали, что им делать тогда, когда и к ним команда (Пугачева. — *А. П.*) на завод приедет, и положили встретить ее с честью». Не возражал против этого и унтер-шихтмейстер Ефим Бекишев, которому перед отъездом Клепиков поручил управление заводом.

27 января Носков занял Воткинский завод; встречен он был колокольным звоном, хлебом и солью. Ближайшим его помощником был есаул, приписной крестьянин Федор Шмота. Носков спешно организовал защиту завода, чтобы завод «с живущими при оном мастеровыми и работными людьми обижен и разорен не был» Клепиковым, который двигался к заводу с воинским отрядом, подкрепленным крестьянами Строгановских вотчин. Носков решил принять бой. Он организовал отряд в 1700 человек; с частью отряда он сам двинулся в деревню Полозову. Федор Шмота, которому Носков поручил командование остальной частью отряда, «пробирался вотскими жительствами в Вотское село Дебесы, а оттоль в приписное село Ильинское и намерен был, чтоб ему нападение на управителя учинить с тылу в одно с Носковым время. Однако Носков, упредя его приходом в деревню Полозову, где он управителем с толпою разбит был и многое число побрано в полон. Что услыша, реченный Шмота тогда бежал вотскими ж жительствами к Ижевскому заводу». 3 февраля Клепиков занял Воткинский завод и начал укреплять его, «ожидая нового нападения плута Носкова с крестьянином Шмотою».

Перед лицом грозной опасности Губанов растерялся и решился на измену. Руководила им также боязнь ответственности перед Зарубиным, поручения которого он не выполнил: работа на заводе не шла, было выковано лишь несколько сабель. Губанов отправился к Клепикову на Воткинский завод с повинной. Тот предложил ему вернуться в качестве управителя на Ижевский завод и организовать

[1] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское» — Именные списки приписных к Ижевскому заводу крестьян с обозначением степени участия каждого из них в пугачевском движении, л. 143.

[2] ПБ, F. IV, № 668, Сборник документов, касающихся Пугачевского бунта, л. 17.

там производство сабель для екатерининских войск. Губанов согласился. Едва только он выехал с Воткинского завода, как сразу же был арестован и отправлен в Казанскую секретную комиссию.

Предательство Губанова открыло дорогу на Ижевский завод бывшему управителю завода Алымову, двигавшемуся туда с воинским отрядом. 25 марта завод без боя был занят Алымовым. Вслед за Алымовым на завод приехал Венцель, которому еще 27 февраля из Берг-Коллегии был послан указ, где предписывалось Ижевский завод «привести в действие», а «крестьян и мастеровых к должному повинению». Рабочих заставили принести присягу на верность екатерининскому правительству. Завод заработал, хотя и слабо, на старых запасах сырья и топлива[1]. Венцель приступил к расправе над пугачевцами, был наказан кнутом Неприятнов и, по приказу Алымова, стали составлять списки мастеровых, участников «злодейских толп». Списки эти показывают, что наименее обеспеченные и менее квалифицированные группы мастеровых и работных людей дали из своей среды наибольшее количество лиц, участвовавших в восстании (от 45 до 47% рабочего состава), между тем как наилучше обеспеченные группы участвовали в восстании в меньшем количестве (от 29 до 38%).

Потерпев поражение от Клепикова, Носков не пал духом. Он обратился за помощью к Зарубину и получил предписание «обще с атаманами города Осы Степаном Кузнецовым и Сарапуля Яковом Зылевым во всем вспоможения друг другу давать единодушное без всякой фальши и измены». Носков и Шмота объехали удмуртские селения и провели спешную мобилизацию местного крестьянства. Отряды Носкова и Шмоты объединились в селе Сайгатке. Остро ощущалась нехватка оружия. Зарубин помочь не мог; 24 марта его штаб в Чесноковке был разбит, а 26 марта он сам был арестован. Отряд Носкова и Шмоты состоял из 350 человек; кроме ограниченного количества ружей, сабель и пик в их распоряжении была одна пушка. «Для устрашения» неприятеля сделали вторую, деревянную, выкрасив ее черною краскою «на подобие чугунной». Вокруг села расставили пикеты, село огородили жердями. 31 марта к селу Сайгатке подошел отряд ижевского управления Алымова. Бой длился четыре часа и закончился поражением пугачевцев. Носков и Шмота «по разбитии... с бывшими с ними мастеровыми и крестьянами неведомо куда бежали».

Для характеристики отряда Носкова представляют интерес составленные в 1775 г. Ижевской заводской конторой ведомости. Из них видно, что, например, из крестьян, мобилизованных Носковым в Сивинской волости в деревне Забегаловой шли с ним от Ижевского к Воткинскому заводу и принимали участие в битве с Клепиковым 45 чел., из них было захвачено в плен 33, бежали 16, но четверо вернулись в войско Пугачева и участвовали в сражении под Казанью против Михельсона. Из 34 мобилизованных Носковым крестьян деревни Кулюшевой той же волости шли с ним от Ижевского завода к Воткинскому, принимали участие в битве против Клепикова и были захвачены им в плен 9 чел., бежали после поражения Носкова — 19, с Воткинского завода и по пути к нему бежали трое, сразу бежали с Ижевского завода трое.[2]

---

[1] АИМ, ф. сборный, св. 5944, № 30. «Дело по указу Гороблагодатского горного начальства о расположенных в возку с Гороблагодатских заводов на Ослянскую пристань чугуна крестьян», 1775 г. января 9 — Указ Гороблагодатского горного начальства Ижевской заводской конторе о принятии мер к скорейшему восстановлению завода, лл. 530—531.

[2] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское», 1774 г. декабрь — 1775 г. август — Дело по составлению согласно распоряжению Ижевской заводской кон-

Пугачев, двигаясь на Казань, должен был обеспечить себе тыл взятием Ижевского и Воткинского заводов, находившихся в руках представителей екатерининской администрации. Венцель, ожидая новых боев и опасаясь за судьбу подчиненных ему заводов, вооружил мастеровых и приписных крестьян, в количестве 1300 человек, среди которых, разумеется, было немало сторонников Пугачева. Командирами отряда Венцель назначил Алымова и Клепикова. На подмогу им из Екатеринбурга были спешно посланы солдаты. Известие о том, будто Пугачев двигается к Сарапулю, заставило Венцеля сосредоточить все силы у Ижевского завода и произвести дополнительный набор крестьян «для обережи» завода. Получив сообщение, что Пугачев находится у Рождественского завода, Венцель приказал Алымову и Клепикову перебросить отряд к Воткинскому заводу.

Пугачев их опередил: он успел занять Воткинский завод и зажег его. Все заводские корпуса, церкви, конторы, кроме одного магазина, который отстояли старшие мастера, сгорели. Увидев зарево пылающего Воткинского завода, отряд стал отступать к Ижевскому заводу. Крестьяне, предназначенные «для обережи» этого завода, «все в домы свои бежали».[1] Началось массовое дезертирство из отряда Алымова и Клепикова. Для усиления отряда Венцель выслал под командою отставного секунд-майора Николая Алымова и регистратора Гаврилы Брянцева 9 солдат, 200 мастеровых и три пушки. Отряд этот в битве под селом Завьяловым, находившимся в 12 верстах от Ижевского завода, был разбит, и 27 июня 1774 г. Ижевский завод был вновь занят пугачевцами.

Дубровский записал следующее предание о взятии Ижевского завода. Пугачев был принят с великим почетом. У церкви были настланы холсты, на столе расставлены хлеб-соль. Священники со всем причтом вышли навстречу Пугачеву с крестом и иконами, зазвонили колокола. Толпа при его приближении опустилась на колени. Пугачев, слезая с лошади, сказал: «Вставайте, детушки, я ведь не воевода». Затем он потребовал, чтобы «перед его ясные очи» привели администрацию завода, и стал расспрашивать работающих, на кого у них имеется жалоба. Потекли жалобы на полковника Венцеля: он заставляет работать по праздникам без дополнительной оплаты, за каждый проступок бьет кнутом. Венцель бросился бежать и спрятался у себя дома под крышей «на подволоке». Его вытащили и по приказу Пугачева четвертовали. Тело полковника зарыли у ручья, который с тех пор стал называться Полковничьим.[2]

Убили Венцеля крестьяне деревень Карлутки и Подборной — Александр Артемьев, Емельян Андреев, Иван Пестов и Кирилл Сомов, который еще «во время приезду Юски Кудашева писался в казаки и жить не желал при заводе».[3]

торы именных списков приписных к Ижевскому заводу крестьян с обозначением степени их участия в Пугачевском движении, лл. 139—202.

[1] АИМ, ф. сборный, св. 5944, № 9, «Дело по указам из Казанской губернской канцелярии о мастеровых Ижевского завода, бунтующих в Рождественской волости» — Рапорта сотников сотен Шипкинской, Тавельской, Шильнинской, Авелинской Ижевской заводской конторе о крестьянах, примкнувших к пугачевскому движению, с приложением именных росписей крестьян, мобилизованных Венцелем для защиты завода, но или бежавших с завода или сдавшихся в плен Пугачеву, лл. 17—17 об., 19—27, 30.

[2] П. Добротворский. Указ. соч., стр. 736—737.

[3] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское» — «Роспись живущих при Ижевском заводе в деревне Карлутке и Подборной крестьян, колико в тех деревнях имелось наличных при заводе во время злодейской толпы, кого не было и где находился», лл. 150—164.

Были повешены Алексей и Николай Алымовы; расстреляли почти весь административный персонал, лишь части низшей администрации удалось спастись. Например, назначенный вместо Губанова унтер-шихтмейстером Овчинников счастливо бежал от погнавшихся за ним с саблями башкир и «жизнь свою спасал в лесах». Бежал также копиист Андрей Катков и скрывался в лесах «в разных дворцовых деревнях у небывших в склонности к злодеям крестьян». [1]

После расправы с администрацией начался разгром заводской территории. Была испорчена плотина, выпущена вода из бассейна; деревянные части плотины, обнажившиеся от воды, были изломаны и изрублены. Основным средством разрушения стал огонь. Впоследствии, при восстановлении завода, производственные установки — печи, горны, молоты и др. — почти не нуждались в ремонте: как огнеупорные, они смогли противостоять пожару, да и изломать их под горячую руку было не так просто. Энергетическое же хозяйство завода — плотина, вешняки, колеса, передаточные механизмы — были снесены начисто. Огонь с подожженных производственных зданий и заново отстроенных помещений для администрации перекинулся на дома живших при заводе рабочих; сгорели почти все жилые дома. Нельзя упускать из виду, что в глазах приехавшего на завод Пугачева рабочие, возобновившие по приказу правительственной администрации у него в тылу работу на заводе, были изменниками его делу.

Для характеристики участников боев большой интерес представляют упоминавшиеся уже нами ведомости 1775 г. Ижевской заводской конторы. Из них мы узнаем, например, что из мобилизованных Венцелем для защиты Ижевского завода и в отряд Ивана Алымова 53 крестьян Рождественской волости убито было трое, без вести пропал один, бежало двадцать, присоединились к пугачевскому войску и приняли участие в битве против Михельсона под Казанью двадцать семь, причем из них Михельсоном было взято в плен одиннадцать, после поражения Пугачева под Казанью бежало домой шестнадцать; кроме того, после взятия завода был отпущен Пугачевым один, не принимал по болезни участия в сражении один. Из деревни Забегаловой Сивинской волости были взяты в отряд Алымова 64 крестьянина: из них сдались в плен Пугачеву, с его войском пришли на Ижевский завод, получили от Пугачева 12 руб. жалованья, участвовали в битве с Михельсоном под Казанью и были взяты им в плен двадцать два, остальные разбежались. Той же Сивинской волости деревни Кулюшевой из 77 крестьян, взятых в отряд Алымова, сдались в плен Пугачеву, вместе с ним пришли на Ижевский завод, получили от Пугачева 15 руб. жалованья, принимали под Казанью участие в битвах против Михельсона двадцать семь, остальные разбежались. [2]

II. АВЗЯНО-ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД [3]

Верхний и Нижний Авзяно-Петровские заводы были расположены на реке Авзяне, правом притоке реки Белой, в 330 верстах от Орен-

[1] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское», 1775 г. января 29 — Рапорт унтер-шихтмейстера Дмитрия Овчинникова в Ижевскую заводскую контору о пропаже казенной лошади, оставленной им на сохранение у удмуртов Кондратия Павлова и Игнатия Григорьева, когда он спасался от башкир, преследовавших его после взятия Ижевского завода, л. 122.

[2] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское», 1774 г. декабрь — 1775 г. август. — Дело по составлению согласно распоряжению Ижевской заводской конторы именных списков приписных к заводу крестьян с обозначением степени участия каждого из них в Пугачевском движении, лл. 139—154, 197—202.

[3] Об Авзяно-Петровских заводах до Пугачевского восстания вошли в мою статью данные из следующих книг: В. Семевский. Крестьяне в царст-

бурга и в 250 верстах от Уфы. Верхний Авзяно-Петровский завод был основан в 1753 г., Нижний — в 1756 г. гр. И. И. Шуваловым и его «компанейщиком», коллежским асессором Козьмою Матвеевым.

Верхний Авзяно-Петровский завод был расположен в ущелье Авзяна, в 9 верстах от устья. Площадка завода, не превышавшая 2 десятин, была крайне тесна. Оборудование завода состояло из доменной печи, шести кричных молотов, якорной фабрики и молота для досчатого железа. Железными рудами пользовались из трех собственных рудников: Кухтурского — в 22 верстах, Ашверского — в 6 верстах и Красноредкого — в 3 верстах от завода. Чугуна из руды выходило несколько более 50%. Огнеупорный камень привозился из окрестных с Табынской крепостью гор, находившихся в 55 верстах от завода; белая огнеупорная глина подвозилась из-под Белорецка за 67 верст, известь добывалась за 4 версты. Заготовка угля и леса производилась в радиусе не свыше 10 верст. Земля под завод была «кортомлена» у башкир «на вечные времена» в количестве около 18 тысяч десятин за ничтожную арендную плату — 20 руб. в год, т. е. за $^1/_9$ коп. за десятину.

Основную рабочую силу на самом заводе составляли собственные шуваловские крестьяне, переселенные из Калужской и других центральных губерний; на их обязанности лежала выплавка чугуна и ковка железа. Тяжесть положения переселенных усугублялась недостатком годной для земледелия земли.

Для вспомогательных заводских работ к заводу было приписано в 1763 г. 33 ясачных и черносошных крестьянских селения с 480 дворами, в которых насчитывалось около 1900 мужчин рабочего возраста. Так как более близкие селения были почти все уже приписаны к различным заводам, к Авзяно-Петровскому заводу были приписаны крестьяне, жившие по нижнему течению реки Вятки — в Сибирской и Оренбургской губерниях чрезвычайно далеко от завода (самые дальние жили в 688 верстах от завода). На обязанности приписных лежали рубка леса, жжение угля, подвоз на завод топлива, руды, извести, глины, камня. Шувалов получил также право переселять приписных крестьян на завод «для обучения заводским рукоделиям» и для «укомплектования мастеров».

Волнения среди приписных начались сразу же после приписки

вование императрицы Екатерины II, II, стр. 322—328, 376, 378—381, 515—516, СПб., 1901; Памятная книжка Уфимской губернии, ч. 2, стр. 137—138, 1873; М. Чулков. Историческое описание Российской коммерции, VI, кн. 2, стр. 594, 621; И. Лепехин. Дневные записки путешественника по разным провинциям Российского государства, ч. 2, стр. 50, 114, 119, 123, 130, СПб., 1802; А. Савич. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVII—XX вв., стр. 16, 19—20, М., 1931; Сборник Русского Исторического Общества, CXV, стр. 220—254; И. Сизов. Народ и посессионные владения в Урале, кн. 3, стр. 183: С. Симанов. Пугачевщина, стр. 60, М., 1931. В. Белов. Исторический очерк Уральских горных заводов, стр. 35, СПб., 1896; Записка Крамаренкова, Архив по истории труда, 1921 г., стр. 94—95; Ю. Гессен. История горнозаводских рабочих в России до 60-х гг. XIX века, стр. 80, Л., 1926.

Об Авзяно-Петровских заводах во время Пугачевского восстания — М. Ж. Допрос пугачевского атамана Хлопуши от 10 мая 1774 г. в Оренбурге («Красный Архив», 1935 г., I (LXVIII), стр. 162—171); А. Дмитриев-Мамонов. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири (Исторический очерк по официальным документам), стр. 200, СПб., 1907; Его же. Пугачевщина в Сибири («Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1898 г., кн. 3, отд. 4, стр. 9—10); А. Анучин. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара («Военный сборник», № 6, стр. 151, 163, 1869); Д. Кашинцев. Горнозаводская промышленность Урала и крестьянская война 1773—1774 гг. («Историк-марксист», 1936 г., кн. I, стр. 149); Центрархив. Пугачевщина, I, стр. 32—33, 176, М.—Л., 1926; Там же, II, стр. 386, 1929; В. Семевский. Указ. соч., II, стр. 504; Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, II, стр. 84—91, 114, СПб., 1884; там же, III, стр. 14, 16.

их к заводу. Присланный из Казани Ревельский драгунский полк долго не мог их «унять от той противности». После подавления волнений наиболее «виновные» крестьяне по распоряжению Берг-Коллегии были сосланы с семьями на завод, где должно было «употреблять их без очереди в самонужные и тягчайшие заводские работы, чтобы, на то смотря, другие противности чинить не дерзали». В 1758—1759 гг. волнения вспыхнули вновь. В августе 1670 г. от Шувалова завод перешел к Евдокиму Демидову, при котором завод как по техническому оборудованию, так и по количеству вырабатываемой продукции выдвинулся на одно из первых мест среди южноуральских предприятий. К 1770 г. Верхний завод имел две «изрядных» домны, двенадцать кричных горнов и столько же молотов, якорную фабрику с одним молотом, два горна для производства стали и один для железа; кроме того он располагал несколькими вспомогательными цехами — кузницей с десятью горнами, слесарной. Энергетическое хозяйство состояло из пятнадцати водяных колес.

Нижний завод, являвшийся в сущности железоделательным цехом, постройка которого была выдвинута необходимостью и возможностью еще раз использовать силу многоводного Авзяна ближе к пристани отправления, имел к этому времени двенадцать молотов. Кричный передел производился в «обыкновенных» кричных горнах, четырехугольных, длиною 5 четвертей, шириной 4 четверти, глубиной 12 дюймов, сложенных из чугунных досок — четырех боковых и одной донной. На троих работников при одном «огне» при 12-часовой смене отпускалось 11 пуд. чугуна, из которых следовало выковать 8 пуд. железа, «в каком бы оно звании не было». В смену изготовлялась обычно одна крица, но «при счастливом на хорошем установе сходит от 2 мастеров по 3», т. е. в полтора раза больше. За невыполнение установленной нормы мастер подвергался штрафу за излишний угар чугуна и перерасход угля — из расчета 30 коп. за пуд чугуна и 50 коп. за короб угля.

О количестве вырабатываемой продукции на Верхнем Авзяно-Петровском заводе свидетельствуют следующие цифры: в 1766 г. чугуна было выработано в штыках 147 тыс. пуд., в припасах 8 тыс. пуд., железа выковано 130 тыс. пуд.; в 1767 г. соответственно — 146 тыс. пуд., 5600 пуд., 96 тыс. пуд.; в 1769 г. — чугуна в общей сложности было вылито 285 тыс. пуд. На Нижнем Авзяно-Петровском заводе было выковано железа в 1766 г. 130 тыс. пудов, в 1767 г. — 96 тыс. пуд. Число рабочих возросло. В 1770 г., по данным И. Лепехина, на заводе работало 3708 приписных государственных крестьян, 1002 государственных черносошных крестьянина, приписанных для «обучения заводским рукоделиям», 32 вечно отданных, 274 собственных «покупных и переведенных» — всего 5016 человек.

Несмотря на улучшение технического оборудования и увеличение числа работающих на заводе, рост количества продукции приходится относить за счет систематически увеличивающейся эксплоатации работающих, что и дало Лепехину повод говорить «о тягостях, которые крестьяне, будучи к заводу приписаны, противу других крестьян сносить должны».

Переход завода от Шувалова к Демидову произошел далеко не в мирной обстановке. Заслышав о покупке завода Демидовым, крестьяне послали ходоков в Петербург хлопотать, чтобы приписных крестьян от завода «отрешить и в заводские работы впредь бы не употреблять». Вскоре же после посылки челобитчиков на заводе вспыхнули волнения среди крестьян и мастеровых. Мастеровые прекратили работу; молотовые, якорная и другие фабрики стали. Крестьяне, как сослан-

ные на завод, так и приписные, стали разбегаться с завода целыми партиями. Не на шутку встревожившееся правительство снова прибегло к военной силе. При усмирении много крестьян было забито на смерть; 245 приписных крестьянских семейств были сосланы на жительство на завод; уехать им пришлось, «оставив дома и скот и посеянный хлеб в поле без прибору».

Восстание 1762 г., охватившее весь горнозаводский Урал, нашло немедленный отклик на Авзяно-Петровских заводах. После приведения восставших «в рабское повиновение», Вяземский, руководивший карательной экспедицией, приступил к обследованию положения работающих на заводе. Он обнаружил «мучительство крестьян на Петровском Демидова Евдокима заводе»: провинившихся посылали на работу в рудники в цепях, причем не снимали оков даже с больных, забивали на смерть кошками и плетьми. На заводе широко применялось вымогательство взяток: так, приказчик Кулалеев в страдную пору посадил под караул крестьянина, продержал его два месяца и отпустил за 15 рублей. Нечего и говорить о том, что часто крестьянам выдавали не все деньги за работу; тот же приказчик Кулалеев присвоил 700 рублей крестьянского жалованья.

«Учреждение», введенное князем Вяземским, не улучшило положения крестьян, как не улучшило оно положения приписных крестьян на Ижевском заводе. В наказе в Екатерининскую комиссию крестьяне пишут: «в домах наших остаются старые и малолетние; токмо оные снять хлеба не могут, который и пропадает без всякого снятия. И оттого мы несем себе немалое отягощение и великую скудость». Крестьяне жалуются на непосильные заводские «уроки», приводящие их «во всеконечное разорение и нищету». Насколько низки были заводские расценки, говорят следующие факты: за выработку одной куб. сажени дров приписные крестьяне получали по 35 коп., рыночная же цена, за которую приписные, случалось, нанимали за себя заместителей, была 70—80 коп.; за жжение кучи угля крестьяне получали с завода 6 руб., рыночная же цена этой работы равнялась 15—18 руб.; за ящик добытой руды завод платил 35 коп., рыночная цена этой работы была 60—70 коп. Демидов, как, впрочем, и другие заводчики, стремясь выжать из крестьян как можно больше прибылей, намеренно и систематически разорял крестьянское хозяйство. По его мнению, хороший земледелец был плохим работником завода. Оренбургский губернатор Волков в 1765 г. писал в Горную комиссию: «Заводчики, стремясь к тому, чтобы крестьяне выковали побольше железа, на домашние исправления крестьян не оставляли ни малого времени. Я многих знаю, кои за правило почитают, дабы их заводские крестьяне совсем домоустройства не имели, а единственно от заводской работы питались; и сего правила тем прилежнее держатся, что в то ж время и сугубую от того пользу получали... Заводчики не токмо хлеб, но и обувь и одежду сперва на себя покупали, а потом крестьянам своим с возвышением цены продают, которой великой прибыли они совсем не имели бы, если б у их крестьян собственное хлебопашество и домостроительство было».

Когда на Авзяно-Петровских заводах стало известно, что на Яике вспыхнуло восстание, некоторые смельчаки стали пробираться в пугачевские отряды, призывая их на завод. Пугачев решился попытать счастья. Но в его расчеты входило не «искоренение завода», как о том просили, а приспособление его для нужд армии. Призвав Хлопушу, он приказал ему: «Возьми двух казаков да вожатого с Авзяно-Петровского завода крестьянина Дорофея Иванова и поезжай туда. Объяви заводским крестьянам указ, и когда будут согласны мне

служить, то осмотри тут, есть ли мастера лить мортиры». По свидетельству Рычкова, к моменту посылки Хлопуши на заводы у Пугачева «не оставалось более 30 ядер». Пугачев правильно учел, что на Верхнем Авзяно-Петровском заводе имелись домны, и производство военного снаряжения можно было организовать из основного пушечного металла — чугуна. Организатором производства Пугачев назначил Хлопушу, которого он считал «человеком весьма проворным» и ценил его знание положения и настроений заводских рабочих.

Вечером 22 октября пугачевский отряд под предводительством Хлопуши появился на заводе. 23 октября башкиры, разосланные Хлопушей «во все около того завода прикосновенные места», собрали на завод крестьян и работных людей. Хлопуша предъявил приказчику Копылову пугачевский указ, и приказчик изъявил согласие повиноваться Хлопуше. Затем указ был прочитан собравшемуся народу. Когда «указ вычли, а как в оном написаны были все крестьянские выгоды, то крестьяне закричали: рады ему, государю, служить. И набралось охотников в казаки Пугачеву служить 500 человек». Хлопуша обратился к собравшимся с речью, в которой подтвердил, что «государь будет всех жаловать великою вольностию, а также землею, лугами и рыбными ловлями и на 7 лет от податей освободит». Осмотрев заводские пушки (их было сорок), Хлопуша отобрал шесть лучших; кроме них он конфисковал 120 заводских лошадей, 77 быков и 2 пуда серебряной посуды из господского дома. 300 баранов Хлопуша роздал на прокорм мастеровым; из 2 тыс. рублей, конфискованных в заводской конторе, «несколько роздал тутошним заводским за работные дни». Затем Хлопуша стал выяснять, кто чинил работавшим на заводе «обиды». Тех, на кого поступили жалобы, Хлопуша тут же арестовал, обещав представить их на суд Пугачева.

Исполнив первую часть приказа Пугачева, Хлопуша приступил ко второй. При «осмотре» выяснилось, что «мастера лить мортиры» не найти, но лить снаряды можно было. Объявив о приказе Пугачева работать на его армию, Хлопуша со своим отрядом 7 октября покинул завод, захватив с собой добычу и арестованных. В Бердах Пугачев, выслушав доклад Хлопуши, дал ему чин полковника, а арестованных распорядился повесить. Повешены были «Авзяно-Петровского Демидова завода приказчик Федор Копылов, конторщик Набатов и четверо заводских служителей».[1]

На заводе выполнение приказа Хлопуши было поручено малоквалифицированным работникам. Выливаемые «разных препорций» ядра и гранаты были очень плохого качества — «весьма с гребнями и со свищами»; даже дробь «разных препорций круглая чугунная», к изготовлению которой приступили, была «не очищена и с гребнями».[2] Однако боевые запасы были изготовлены в таком количестве, что они сослужили свою службу. Кар в донесении в Военную Коллегию свои неудачи объяснял тем, что «толпа злодея Пугачева до такого усилия дошла, что имеет у себя до 70 орудий артиллерии, пороху же и ядер из крепостей и заводов побрала премножество, а сверх того бомб и ядер на Авзяно-Петровском Демидова заводе налив довольное число провезли в сию же злодейскую шайку».[3] Об этом же пишет генерал-майор Фрейман в своем доношении от 22 ноября 1773 г. на имя астраханского губернатора Кречетникова, где он

[1] ПБ, Бумаги Бильбасова, В. 21, «Пугачевский бунт» — Реестр убитым от самозванца людям, л. 68.

[2] АИМ, ф. ШГФ, св. Iа, Россыпь — Ведомость орудиям и снарядам, отбитым у Пугачева в Бердах, лл. 80 об.—81 об.

[3] Д. Анучин, Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара, стр. 151, 163.

так характеризует положение под Оренбургом: «Толпа имеет у себя более 70 орудий артиллерии, пороху и ядер из крепостей и с заводов набрали великое множество; а сверх того бомб и ядер на помянутом Авзяно-Петровском заводе, палив, привезли в их же злодейскую толпу». Об «изрядном» числе снарядов, отлитых на Авзяно-Петровском заводе для «бездельника и государственного злодея» Пугачева, говорит в своем рапорте на имя генерал-фельдцейхмейстера Г. Г. Орлова генерал-поручик Н. Баннер.[1] Позже в Бердах было захвачено Михельсоном и привезено в Оренбург ядер и гранат «злодейского литья» — 390, дроби «злодейского литья» — 16 пуд.; «сверх же оного в той слободе Бердинской еще имеется литья злодейского бомб и ядер немалое число.., но оные за неимением при команде лошадей в Оренбург не перевезены».[2]

Совершенно непонятно, на основании каких данных М. Н. Покровский писал, что «уже в октябре 1773 г., через месяц после выступления Пугачева, на Авзяно-Петровском заводе лили для восставших пушки и ядра, которые Кар тщетно пытался перехватить при перевозке их в пугачевский лагерь, и что благодаря этому уже к ноябрю Пугачев имел до 70 орудий». На основе этих «данных», Покровский считал Авзяно-Петровский завод «технической базой восстания».[3] Приняв на веру слова Покровского, представители его «школы» уже безоговорочно утверждали, что «кроме ряда мелких заводов Пугачевская Коллегия отвела крупный Авзяно-Петровский завод для литья пушек», не приводя в доказательство этого положения ни одного документа.

Страстная жажда бросить тяжелые заводские работы и уйти домой, где ожидали сравнительно легкие крестьянские, близкие уму и сердцу работы, брала верх над желанием выполнить указ Пугачева. Приписные крестьяне потянулись домой. Возвращаясь в свои деревни, они разносили весть о милостях «императора». По словам Казанского горного начальства, эти крестьяне «за закон почитали разглашение известного злодея». Боясь, что «сей легкомысленный народ» может сделать «какое-либо возмущение», и стремясь предохранить оставшееся на местах население от «пугачевского яду», горное начальство предупреждало население, чтобы оно не верило возвратившимся с завода, и угрожало жестокими наказаниями.

После поражения в марте 1774 г. под Татищевой крепостью и под Каргалом Пугачев с небольшим отрядом двинулся к Авзяно-Петровскому заводу. В отряде было несколько крестьян с завода, которые и провели отряд малоизвестными горными дорогами. 8 апреля Пугачев пришел на завод. Население устроило ему торжественную встречу с хлебом-солью и колокольным звоном. Он пробыл здесь три дня, деятельно готовясь к новым походам. Из заводских магазинов был забран хлеб, у крестьян были взяты лошади, причем Пугачев обещал выслать им за взятых лошадей двойную цену. Объявленный набор добровольцев для пугачевского отряда дал пополнение в 360 человек. Отсюда Пугачев двинулся на Белорецкий завод.

Уход с завода наиболее преданных Пугачеву людей ослабил позицию пугачевцев на Авзяно-Петровском заводе. Из крепости Табынск, занятой в начале апреля генералом Фрейманом, был прислан правительственный манифест, и группа оставшихся на заводе ма-

---

[1] Центрархив. Пугачевщина, II, стр. 386; АИМ, ф. ШГФ, св. 16, лл. 28—28 об.

[2] АИМ, ф. ШГФ, св. Iа, Россыпь — Ведомость орудиям и снарядам, захваченным в Бердах, лл. 80 об. — 81 об.

[3] М. Покровский. Русская история с древнейших времен, III, стр. 150, М., 1923; Центрархив, Пугачевщина, I, Предисловие, стр. 7.

стеровых, заслушав его и «уверившись», что Пугачев «сущий обманщик, склонились его не слушать». К Фрейману была отправлена депутация, призывавшая его на завод. Не успела депутация уехать, как приписной крестьянин Мещеряков направился вслед отряду Пугачева, догнал его и сообщил о происходящем на заводе. Пугачев, опасаясь, что Авзяно-Петровский завод станет оперативной базой для правительственных войск, приказал сжечь его «до пошвы». Фрейман подступал к заводу. Чтобы задержать его отряд, приписные крестьяне во главе с крестьянином Кунгуровым подрубили мосты. Пока наводились новые мосты, спешно разрушали и жгли завод. Разрушение это производилось не сгоряча, как па Ижевском и Воскресенском заводах; в основе его лежало стремление окончательно уничтожить завод. Домна была погашена «необычайным способом»: в ней образовались такие «козлы», что задуть ее вновь смогли лишь в 1784 году. 8 мая, когда Фрейман во главе 4-тысячного войска вступил на Авзяно-Петровский завод, он нашел одни развалины. На Верхнем Авзяно-Петровском заводе молотовые фабрики были «все без остатку сожжены, а осталось только 2 домны, 8 горнов да куча чугуна»; вешняки и все надворные части плотины были истреблены огнем, меха молотовой фабрики изрублены; убыток составлял 88 538 рублей. Нижний завод «весь без остатку был превращен в пепел, а остались только одни горны»; деревянные части плотины сгорели; убыток составлял 28 568 руб. Уцелели только жилые дома.

Заняв завод, Фрейман приступил к расправе. Он приказал повесить Мещерякова и Кунгурова, бить плетьми разрушителей завода. От жестокой расправы население бежало в горы, где многие скрылись еще при приближении отряда Фреймана. Учитывая, что его войску не выдержать напора приближающихся башкирских отрядов, Фрейман покинул завод, предварительно заклепав и бросив в воду найденные им исправные тринадцать пушек. Оставшимся на заводе своим сторонникам, «как людям весьма усердным», он приказал ехать в Табынск, «чтобы их здесь не убили». 26 мая на завод явились башкиры и сожгли покинутые «заводские обывательские избы», отчего было «преужасное пламя огня и курение дыма».

III. ВОСКРЕСЕНСКИЙ ЗАВОД [1]

Руководитель карательной экспедиции 1730 г. против башкир Кириллов, усмирив восставших, приступил к промышленной эксплоатации края. С этой целью он заложил близ нововыстроенной Табын-

[1] О Воскресенском заводе до восстания Пугачева вошли в мою статью данные из книг: И. Боголюбский. Опыт горной статистики Российской империи, стр. 62, СПб., 1878; П. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского Государства, ч. 1, стр. 654—656, СПб., 1809; А. Пушкин. История Пугачевского бунта, Соч., V, Приложение, стр. 132, изд. Брокгауз-Эфрон; И. Лепехин. Дневные записки путешественника по разным провинциям Российского государства, ч. 2, стр. 50, СПб., 1802; И. Герман. Описания заводов под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих, стр. 82, Екатеринбург, 1802; Ю. Гессен. История горнорабочих в России до 60-х годов XIX века, стр. 97, М., 1920; Сборник Русского Исторического Общества, IV, стр. 106—107; В. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, II, стр. 354.

О Воскресенском заводе во время Пугачевского восстания: Г. Плотников. Далматовский монастырь в 1773—1774 гг., «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1859 г., кн. I, стр. 20; Н. Чупин. Пугачевщина («Русская Старина», 1875 г., XII, стр. 540—544); А. Дмитриев-Мамонов. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири, стр. 17, 49; Центрархив, Пугачевщина, I, стр. 39, 54, 59—63; Там же, II, стр. 135, 279, 318, 437—438; А. Пушкин, История Пугачевского бунта, Соч., V, Приложение, стр. 284; Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, II, стр. 82, 91, 115, СПб., 1684.

ской крепости медеплавильный Воскресенский завод. Во время башкирского восстания 1737 г. завод был разрушен. Остатки завода приобрел купец Твердышев. Найдя избранное Кирилловым место неподходящим, Твердышев оставил его и заложил в 1745 г. Воскресенский завод в 90 верстах к югу от прежнего, на более многоводной реке и ближе к рудникам. Новый завод был расположен в 60 верстах к югу от Стерлитамака по реке Тор, притоку Нигуша, впадающей с правой нагорной стороны в реку Белую. Твердышев купил у башкир четыре отвода площадью около 50 тысяч десятин, заплатив за землю 400 руб., т. е. в среднем около $^3/_4$ коп. за десятину. В контракте на постройку Воскресенского завода находим один любопытный пункт, рисующий обстановку, в которой производилась постройка завода: «ежели от башкирцев и киргизцев предвидимо будет какая от замешательства или бунта опасность», правительство обязано оказать заводу военную помощь. Внешне завод напоминал крепость. Паллас, побывавший там в 1768 г., писал: «Заводское строение, при котором находится несколько сот жилых домов и церковь, обнесено... деревянною крепостию из лежащих бревен наподобие неправильного многоугольника с башнями и батареями». Оборудование завода состояло из семи первичных плавильных печей. Дальнейшие операции по очистке производились на соседнем Верхоторском заводе. Выплавка меди на заводе в среднем за пятилетие 1769—1773 гг. определялась в 11738 пуд.

Крепостной труд на Воскресенском заводе имел широкое применение. Твердышев в различных губерниях купил для завода около 300 дворов. Кроме того здесь работало 135 человек из «непомнящих родства и помещиков», которые добровольно пришли на завод, но происками Твердышева были зачислены как «вечно отданные на завод», находившиеся «в вечном владении» завода. Вольнонаемных рабочих на заводе было около 25%. В работники шла крестьянская беднота. В Вятской провинции, где расслоение крестьянства достигло довольно значительных размеров, беднейшие крестьяне, отдав участки своей земли «за малые деньги зажиточным крестьянам и оставя сей полезный для общества промысел и собственные свои жилища», искали «себе пропитание, нанимаясь в работники на завод». Поставщиком рабочей силы являлись также и внутренние провинции, куда Твердышев засылал своих приказчиков, снабдив их на выдачу задатков «довольным числом денег». Твердышев закабалял приходящих на завод крестьян на год или больше, давая им вперед деньги, помимо того, снабжая их продовольствием, одеждой и обувью по вздутым ценам, он приводил их «в такой неоплатный долг, который они во всю жизнь заработать не могут». В 1762 г., когда волновался весь горнозаводский Урал, взбунтовались и работавшие на Воскресенском заводе; их усмирила карательная экспедиция Вяземского.

К Пугачевскому движению Воскресенский завод примкнул одним из первых. 5 октября 1773 г. Пугачев расположился станом в нескольких верстах от Оренбурга, а в ночь на 12 октября его отряд уже подошел к Воскресенскому заводу. Завод сдался без сопротивления. По словам Бибикова, «зло последовало» из-за того, что «заводские жители не токмо от бунтовщиков не оборонялись, но еще их к себе призывали». Управляющий заводом был убит, дом его сожжен, а имущество разграблено; сожжен был и заводский архив, причем с особенной яростью уничтожались долговые книги. Пушки, порох, снаряды были вывезены в Оренбург; всего захвачено было 3800 руб. денег, четыре пушки, 40 пуд. пороху и большое количество снарядов. Все это помогло Пугачеву при осаде Оренбурга; пригодились даже захваченные лопаты. Современники пишут: «Сказывали, что послан-

ные на Твердышевской завод без всякого там сопротивления получили и прислали к нему, злодею, более 3000 зарядов с ядрами, и заряды де были все из самого лучшего пороху. Тут же взяли они себе заводских многих служителей, в том числе несколько довольно обученных пушечной стрельбе, о коих сказывали, якобы они добровольно к ним склонились».[1] Пугачевцы «готовили у себя туры на подобие щитов. из за коих им безопасно стрелять было и имели у себя до 300 железных лопаток, кои достали они с Твердышева заводу».[2]

Значительная часть работавших на заводе были поверстаны в казаки и ушли с пугачевцами, часть разошлась «по своим жительствам», часть, главным образом вольнонаемные, осталась на заводе. Ушедшие с пугачевцами сражались под стенами Оренбурга; некоторым из них давались ответственные поручения. Так, 8 января 1774 г. в Челябинск от полковника Грязнова приехал крестьянин Воскресенского завода Микеров с воззваниями на имя тсварища Исетского воеводы Свербеева и к «жителям и всякого звания людям». Пугачевский отряд не повредил завода: здания и производственные установки уцелели. 8 ноября на завод был прислан указ Пугачева, предписывавший лить орудия для нужд пугачевской армии. Но назначенный начальником завода унтер-шихтмейстер Беспалов не сумел наладить работу, и Пугачев командировал на Воскресенский завод из-под Оренбурга Шигаева «для понуждения лить скорее пушки». Приехав на завод и увидев, что к литью пушек еще не приступали, Шигаев сообщил об этом Пугачеву. На завод был прислан Зарубин с двумя яицкими казаками Ильею Ульяновым и Яковом Почиталиным «для литья пушек, где он и был с неделю; и по приказу его тутошние зачели лить пушки, вылили 2 чугунные гаубицы, которые и отправили в Берду».[3] Наладив дело, Зарубин и Ульянов уехали под Уфу в село Чесноковку; руководить заводом было поручено Антипову, произведенному в чин полковника, обычно присваивавшийся начальнику большого завода. Для защиты завода в середине декабря был послан «государев верный слуга» башкир Аиса с командою. Ему был дан указ, «чтоб он под командующим своим, равно и окольным башкирцам, мещерякам и татарам предъявил, чтобы они находились в его повелении, ибо известно учинилось, что верноподданным, которые служат и впредь служить намерены е. и. в., чинят некоторые обиды и притеснения, от которых бы поступков всемерно утвердились.., а если и впредь кто найдется противником, с таковым поступать по воински».

Под руководством Антипова и под охраной Аисы на заводе вольнонаемные рабочие продолжали налаженную Зарубиным работу. За свой труд рабочие получали жалованье из уцелевших сумм и хлебное довольствие из «заводских магазинов». Завод выполнял заказы Военной Коллегии Пугачева, которая требовала от завода интенсивной работы. Указы Военной Коллегии от 27 января и 1 марта 1774 г. дают любопытные подробности о посылке Коллегией на завод образцов, по которым отливались орудия «по моде» Пугачева. С марта Пугачевская Военная Коллегия начала предъявлять заводу непосильно большие требования.

[1] ПБ, F. IV, № 35— «О начале яицких неспокойств и ежедневная записка во время Оренбургской осады 1773 г.», лл. 22 об. — 23.

[2] Там же, № 11 — «Ежедневная записка во время бывшей от злодея Пугачева Оренбургской осады, веденная в 1773 и 1774 годах надворным советником Обуховым», лл. 32, 40 об.

[3] ПБ, Бумаги Шильдера, двойной шкап, лев. ст., III, I, карт. 33, «Дело об яицком казаке Иване Зарубине Чике, названном от Пугачева гр. Чернышевым» (копия) — Допросы в Секретной комиссии Ивана Зарубина и Ильи Ульянова, лл. 17, 20 об.

Запасы сырья на заводе быстро истощились, подвоз же нового не был налажен. С завода стали спешно увозить в Берды деньги и хлеб. Вольнонаемные рабочие, получив расчет, расходились по домам. Антипов и Аиса уехали к Пугачеву. 8 июня покинутый пугачевцами завод был сожжен башкирским отрядом под предводительством знаменитого Салават Юлаева. По заключению правительственной комиссии, обследовавшей в 1775 г. состояние уральских заводов, Воскресенский завод был «весь без остатку превращен в пепел», на самом же деле уцелели печи и сохранился вешняк, так как плотина была расположена более чем на версту выше цехов. В своих допросных речах Салават Юлаев показал, что «он, Салават, с 2-мя полковниками выжгли заводчика Твердышева состоящий близ отца его деревни завод, под который насильно Твердышевым на земле отца его поселены деревни». Не лишено интереса, что разошедшиеся с завода в октябре 1773 г. крепостные крестьяне сами подговаривали башкир сжечь завод; в рапортах и допросных речах сообщается, что население само «допустило башкирцов до сожжения завода».

17 октября 1774 г. оренбургский губернатор фон Рейнсдорп доносил Панину, что 9 октября Твердышев подал прошение о выдаче ему находящихся в Оренбурге на Артиллерийском дворе орудий, вылитых «злодеями» на Воскресенском заводе из его меди. Хотя гр. Паниным и было предписано «опознанное из пограбленного всякому возвращать, но, как сии орудия воинские, губернатор счел за должность запросить главнокомандующего и снабдить резолюциею, повелено ль будет те орудия ему, Твердышеву, как его имущество, для переплавки в штыки отдать». Оренбургская артиллерийская команда, сообщал Рейнсдорп, представив по его запросу ведомость «орудиям злодейского литья красной меди», находящимся в Оренбурге на Артиллерийском дворе, высказала мнение, что «без генеральной тем орудиям апробации годности их узнать не можно». Повидимому, оренбургские артиллеристы были поставлены втупик неизвестными им типами орудий, отлитых «по моде» Пугачева. Орудия эти в декабре 1774 г. согласно указу, присланному Рейнсдорпом, «с прописанием его сиятельства генерал-аншефа и всех российских орденов кавалера графа Петра Ивановича Панина повеления из Оренбургского артиллерийского цейхгауза заводов директору Твердышеву с распискою отпущены были». [1]

К ведомости о количестве выпущенных при осаде Оренбурга снарядов и о понесенных потерях орудиями и людьми, отправленной при рапорте от 12 июня 1774 г. генерал-поручиком Баннером генерал-фельдцейхмейстеру Орлову, приложен список отбитых у Пугачева под крепостями Изберской, Татищевой и в Бердах орудий «злодейского литья». Орудия эти следующие: «злодейского литья непропорциональных мортир» (т. е. таких, при литье которых не были соблюдены установленные пропорции) — три; дробовиков — два; орудий, «фигуру имеющих в дуле раздавленный циркуль или на подобие мушкатона» — семь. Описание Баннера показывает, что раструб имел в поперечном сечении не окружность, а овал. [2] Здесь мы видим развитие идеи

[1] АИМ, ф. ШГФ, св. 1а, Россыпь, 1774 г., декабря 18 — Рапорт генерал-поручика П. Баннера генерал-фельдцейхмейстеру Г. Г. Орлову о передаче пушек «злодейского литья», отбитых у пугачевцев в сражениях под крепостями Изберской и Татищевой, на завод Твердышева, л. 113.

[2] Там же, 1774 г., июня 12 — Рапорт генерал-поручика П. Баннера генерал-фельдцейхмейстеру Г. Г. Орлову о потерях в орудиях и людях, понесенных при осаде Пугачевым Оренбурга, с приложением ведомости пушкам, отбитым у Пугачева в Бердах, лл. 80 об. — 81 об.

секретной гаубицы Шувалова, но у последней только канал овальной формы, здесь же и ствол имеет такой же профиль. В этом отступлении от общепринятых образцов и заключалась «мода» Пугачева.

Показания Подурова и Почиталина наводят на предположение, что изобретателем «моды» мог быть сам Пугачев. Из допросных речей Подурова узнаем, что пушки и прочие орудия большею частью наводил сам Пугачев. Почиталин на допросах показывал, что Пугачев «лучше всех знал правила, как в порядке артиллерию содержать»: «и все при артиллерии были русские люди, а иностранного ни одного человека я не видал, да и быть не можно для того, что Пугачев жестоко просвещенных отличным разумом людей подозревал».[1] Отзывы командного состава екатерининских войск рисуют нам Пугачева хорошим артиллеристом. В битвах под Татищевой крепостью в марте 1774 г. распоряжения Пугачева удивляли князя Голицына, «не ожидавшего от него таких сведений в военном искусстве».[2] Пугачев так умело направлял осадные операции, что перепуганный Рейнсдорп сравнивал его со знаменитым французским инженером Вобаном, а жившие в России иностранцы полагали, что Пугачев развил военный талант на службе у прусского короля.[3] Народная память сохранила образ Пугачева как знатока артиллерийского дела. По народным преданиям, Пугачев «один управлял батареей из 12 орудий: он успевал и заправлять, и наводить, и палить, и в то же время войску приказания отдавать».[4]

* * *

Изучение положения на заводах, работавших на Пугачева, где, казалось бы, мы скорее могли встретить рабочего, более близкого к современному пониманию этого слова, убеждает нас, что рабочего класса, который мог бы возглавить движение крестьян и угнетенных царизмом народов, во время пугачевского восстания еще не было. Совершенно необоснованным является положение Покровского, высказанное им в предисловии к первому тому «Пугачевщины». «Совместная борьба уральских горнорабочих и крестьян напоминает нам о той политической смычке пролетариата и крестьянства, которая в тех же местах в 1919 г. помогла нам отбить и разбить Колчака».[5] Родственный этому взгляд высказывал Жижка, когда писал о заводских крестьянах, «уже в то время представлявших собою самую передовую социальную группу», принявших «активное участие в этом движении, успехи которого и зависели главным образом от участия и помощи крепостных рабочих».[6]

«Когда было крепостное право, — писал В. И. Ленин, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями.., крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли».[7]

Все три завода, которые работали на Пугачева, ни в каком случае

---

[1] Центрархив, Пугачевщина, II, стр. 111, 187.

[2] А. Пушкин. История пугачевского бунта, стр. 51, СПб., 1881, изд. Ефремова.

[3] Д. Мордовцев. Политические движения русского народа. Исторические монографии, I, стр. 281, СПб., 1871.

[4] А. Лозанова. Предания и легенды о Пугачевщине (Научно-исследовательский институт речевой культуры. Язык и литература, VIII, стр. 49, Л., 1932).

[5] Центрархив, Пугачевщина, I, стр. 13. Предисловие М. Н. Покровского.

[6] М. Жижка. Атаманы Пугачева («История в средней школе», 1935 г., № 6, стр. 60).

[7] В. Ленин. Соч., V, стр. 311 («К деревенской бедноте»).

не были, как полагает Покровский, технической базой Пугачева.[1] Продукция их ничтожна по сравнению с тем количеством орудий и снарядов, какое имелось в распоряжении Пугачева. Остальные захваченные Пугачевым заводы вовсе не представляли для восставших интереса как производственные единицы. Вот почему Пугачев не сделал даже попытки обеспечить сырьем и топливом завод Твердышева, работавший, правда с грехом пополам, на его армию. Ведь для нормальной работы завода необходимо было обеспечить рабочих хлебом, чего пугачевское правительство сделать не могло. От недостатка продовольствия, случалось, страдал даже штаб. Пугачевский ураган захватывал заводы. Деньги, провиант, запасы готовой продукции, хранившиеся в арсеналах заводов, становились добычею пугачевцев. На Златоустовском заводе было взято сорок орудий, на Саткинском — двенадцать, на Уткинском — тринадцать и т. д. Заводское население, денежные и натуральные ресурсы немедленно использовались для комплектования и снабжения пугачевской армии, но попыток опереться на заводы как на производственные единицы, кроме трех описанных случаев, повидимому не было. Однако конфискованного на заводах и отбитого в боях оружия было вполне достаточно, чтобы армия «известного внутреннего спокойствия вредителя» была хорошо вооружена.[2]

Англичанин сэр Роберт Гуннинг в своем письме графу Суффольку из Санкт-Петербурга в Лондон (от 6 декабря 1773 г.) сумел правильно оценить одну из причин успехов Пугачева, заключавшуюся, по его мнению, в том, что «большое количество медных пушек, отлитых на казенных литейных заводах, достались в руки мятежников, разрушивших несколько железных заводов, крепостные и крестьяне которых присоединились к бунтовщикам». Того же мнения придерживались и русские современники событий, когда писали: «Хлопуша, как великий злодей, плут и прошлец, зделався самозванцевым любимцем, рассказал ему и сообщникам его все места и способы, откуда что получить им можно, а потом и послан был от него с немалолюдными партиями... на заводы, где причинил великие грабительства и раззорения, важнея же всего переслал он к нему немалое число имевшихся на заводах пушек, ядер и пороху, да и людей годных ко употреблению с лопатами, кирками и другими годными инструментами к великому того злодея усилованию».[3]

Правительственные же войска, «гарнизонная негодница», испытывали острый недостаток в снарядах. Даже в Казани не было должного комплекта снарядов к орудиям, нехватало картечной дроби «для пресечения бездельника самозванца Пугачева».[4] Из-за захвата местных заводов «бездельником», орудия и снаряды приходилось с большими затруднениями доставлять из Петербурга. Захват Пугачевым заводов лишил екатерининское правительство возможности использовать их

---

[1] М. Покровский. Новые данные о Пугачевщине («Вестник Комакадемии», 1925 г., № 12, стр. 233).

[2] АИМ, ф. ШГФ, св. Iа, Россыпь, 1774 г. августа 7 — Рапорт генерал-поручика П. Баннера генерал-фельдцейхмейстеру Г. Г. Орлову об отправке подполковника Норова в Оренбург для наблюдения за исправлением испорченных в сражениях орудий, л. 101.

[3] Сборник РИО, XIX, стр. 393, СПб., 1876; ПБ, F. IV, № 36, «О злодействах и бунте разбойника и самозванца Пугачева. Сочинено статским советником Петром Рычковым. Списана 1785 г. в Санкт-Петербурге», л. 26; там же, F. IV, № 11, «Ежедневная записка во время бывшей от злодея Пугачева Оренбургской осады, веденная в 1773 и 1774 гг. надворным советником Обуховым», л. 138 об.

[4] АИМ, ф. арсенальный, св. 149, № 170, 1773 г. декабря 16 — Рапорт капитана Сергея Бабаева из Казанской артиллерийской канцелярии в канцелярию Главной артиллерии, лл. 156—157.

как техническую базу для снабжения своей армии в борьбе с Пугачевым. Именно в этом и заключается смысл захвата Пугачевым заводов, а никак не в стремлении превратить эти три завода в базу снабжения своей армии.

Когда заводы как источник пополнения пугачевской армии деньгами, орудиями и снарядами были использованы, когда стала ясна невозможность превратить их в базу снабжения армии, они перестали представлять интерес для пугачевского правительства. Сохранение их могло быть опасно в стратегическом отношении. С этой точки зрения сожжение заводов бывало часто необходимо. Пугачев старался обеспечить себе тыл; сохранив заводы в целости, он создал бы противнику удобный опорный пункт для преследования его войска. Кроме того, на отбитых у Пугачева заводах, как, например, на Ижевском, правительство иногда налаживало работу. Все это вызывало необходимость уничтожить заводы.

Заслуживает особого внимания и то обстоятельство, что горнозаводское население в первую очередь жаждало освобождения от ненавистного заводского ярма. На примере заводов, работавших на Пугачева, мы видим, что в массе своей оно стремилось осесть на землю «для своего лакомства». В районе заводов приписное крестьянство повсеместно встречало пугачевцев как избавителей от заводских работ. В рапорте пугачевского полковника Бахтиара Кащеева в Военную коллегию Пугачева читаем: «При походе моем по сю сторону рек Камы и Вятки в Казанском уезде всякого звания люди вседушно весьма охотно в. и. в. желают в службу, стари и маловозрастни спешно ко мне текут, каждое жило русское и татарское встречает за версту и более хлебосольне.., дабы от тяжких заводских работ и даней облегчение тобою прияли».[1] По мнению полковника Бибикова, «убыток во многих местах последовал от собственного заводских жителей зла, которые не токмо от бунтовщиков не оборонялись, но еще их к себе призывали.., предательствуя защищающих их людей».[2]

Заводское население, издавна рассматривавшее заводы как орудие своего закрепощения, ненавидело их не меньше, чем помещичьи крестьяне помещиков. По мнению Бибикова, был опасен не Пугачев, а «всеобщее негодование». «Всеобщее» же «негодование» было таково, что у подавлявших восстание, повидимому, явилась мысль о необходимости итти на некоторые уступки. В письме сэра Роберта Гуннинга к гр. Суффольку от 17 июня 1774 г. читаем: «Мне передавали, что из бумаг генерала Бибикова оказывается, что по его мнению невозможно подавить этот мятеж одной только силой оружия, но что необходимо отыскать какое-либо средство удовлетворить народ, имеющий справедливые основания к жалобам».[3]

После разгрома Пугачевского восстания правительство приняло меры к тому, чтобы заставить итти вновь на ненавистную работу «заводских мужиков», которые, по выражению Пушкина, «возмущенные Хлопушей, вместе с башкирами были грозными фигурами на Урале». Хотя 29 октября 1774 г. граф Панин и писал, что «вся чернь находится в таком подобострастном подданническом законной власти повиновении, какого она прежде не имела», а 19 ноября доносил, что, по его мнению, «тишина и безмолвственное повиновение вос-

---

[1] Центрархив, Пугачевщина, III, стр. 207.

[2] Н. Чупин. Член Екатеринбургской горной канцелярии Башмаков и его действия во время пугачевщины (Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части «Губернских ведомостей» в период 1842—1881 гг., стр. 544, Пермь, 1882).

[3] Сборник Русского Исторического Общества, XIX, стр. 418.

становились»,[1] на деле было далеко не так. Почти все заводы еще были «заражены» «духом бунта»; в частности, продолжались волнения на Ижевском и Авзяно-Петровском заводах.

В приписной к Ижевскому заводу Рождественской волости молотовой подмастерье этого завода Егор Слотин поднял восстание. После июньского разгрома завода Слотин с группой мастеровых ушли в Рождественскую волость, где они жили у своих родственников. Во второй половине сентября 1774 г. унтер-шихтмейстер Дмитрий Бегинников послал в Рождественскую волость угольного мастера Егора Литвинова, которому было поручено на сходе в с. Рождественском прочитать крестьянам правительственный манифест «о злодее и самозванце» Пугачеве и совместно с сотником Лыковым произвести набор рабочих для восстановительных работ на Ижевском заводе. Но «весь народ, крестьяня, на работу не поехали». Мало того, они избили Литвинова и возили его, избитого, по деревням. Со стороны крестьян были даже попытки убить Литвинова; в Пещерском починке крестьянин Ермило Семенов грозил отсечь ему топором голову за то, что он крестьян «бивал палкою довольно». После неудачи Литвинова сюда был послан гитенфервальтером Клепиковым молотовой мастер Иван Чемесов. Вместе с сотником Лыковым и старостами он пытался «наряжать» мастеровых работных людей и крестьян на работы по восстановлению завода, «но оные явились все непослушны и в работу не поехали». Тогда Чемесов отправился в объезд по починкам для сбора крестьян на заводскую работу. В починке Леденцове его настиг отряд Егора Слотина, в столкновении с которым Чемесов был ранен. Крестьяне вооружились копьями, чтобы отбиться от заводских посланцев, и Чемесов вторично был ранен копьем. Его спасли сотник Лыков и молотовой мастер Верхотуров.

В декабре 1774 г. с Ижевского завода вновь был послан молотовой мастер Опалев и уже знакомый нам сотник Лыков. В с. Рождественском на мирском сходе они «всенародно объявили» манифест Екатерины о Пугачеве и стали сзывать крестьян на заводские работы. Под влиянием Егора Слотина крестьяне единогласно «усоветывали» не ехать на завод. Толпа мастеровых и крестьян, под руководством Слотина, не удовлетворившись постановлением схода, вооружилась копьями, саблями, стрелами, рогатинами, кольями и камнями, разогнала понятых, разбила дома Лыкова и Опалева, а их самих, избив, повезла по заводским деревням Рождественской волости. Восставшие призывали крестьян этих деревень примкнуть к ним, убеждали их не повиноваться указам губернской канцелярии, «искоренить» сотников и старост, не ходить на заводские работы, не платить подушных денег и не давать рекрут. Крестьян, отказывавшихся примкнуть к восстанию и соглашавшихся итти на завод, запугивали, угрожая сжечь их дома, а их самих по дороге на завод перебить.

Указом Гороблагодатского горного начальства от 31 декабря 1774 г. Ижевской заводской конторе было предписано для «Рождественской волости бунтовщиков усмирения требовать вспоможения от состоящих по близости Ижевского завода воинских команд». Отряд во главе со Слотиным, окруженный прибывшею с Ижевского завода командою, пытался было защищаться, но, убедившись в бесполезности своих усилий, бросил копья и сдался превосходящему его силами противнику. Вместе со Слотиным были захвачены и его сообщники. 15 января 1775 г. из Казанской губернской канцелярии в Ижевскую завод-

[1] Д. Анучин. Граф Панин, усмиритель пугачевщины, «Русский Вестник», 1869 г., № 6, стр. 367.

скую контору был прислан указ о ссылке «в тяжкую заводскую работу» на Ижевский завод молотового подмастерья Егора Слотина после наказания его 50 ударами кнутом и отрезания уха. В указе говорилось также о возвращении на завод после наказания плетьми мастеровых и крестьян, «бывших с ним в непотребных мерзостях». Впоследствии наказание Егору Слотину было усилено. В ноябре 1778 г. вступивший в исполнение должности обер-гитенфервальтера Аврамов распорядился о точном применении к Егору Слотину постановления Генерального регламента об ошельмованных, согласно которому прочие приписные крестьяне обязаны были Слотину «мерзить», «в компанию к себе не допущать» и его не посещать, «выключая то, ежели кто для его скудости дать что похочет.., чтобы не был он со своею братиею в равенстве».[1] Нарушавшие это постановление подвергались жестокому наказанию.

Несколько позже, в июне 1775 г., произошли волнения на Авзяно-Петровском заводе. Приписные к заводу крестьяне большой толпой встретили приехавшего к ним для сбора работников капитана Степанова. Степанов заявил, что «такие их сборы непристойны и что, конечно, они имеют намерение к сопротивлению». На требование выдать зачинщиков крестьяне отвечали «с великим криком», что у них нет зачинщиков, что они все «одной думы в том», чтоб не итти на заводы. Крестьяне говорили: «Воля де всемилостивейшей государыни! Хотя всем нам изволит указать на месте здесь рубить головы, а на заводы не идем».[2]

В 1776 г. на Воскресенском заводе рабочий Юрин «разглашал среди крестьян, что Пугачев снова идет из Яицкого городка на Оренбург».[3]

Там, где дело не доходило до открытого восстания, крестьяне ограничивались пассивным сопротивлением отправке на заводские работы. Очень упорным было сопротивление на Авзяно-Петровском и Ижевском заводах. В рапорте от 7 июля 1775 г. казанского губернатора Мещерского гр. Панину читаем: «Авзяно-Петровского завода приписной Низовой сотни крестьяне, будучи посланы на заводскую работу, отошед полтораста верст, паки возмутясь, возвратились в домы».[4]

Приписные крестьяне Ижевского завода упорно не желали «для своего лакомства» покидать деревенские хозяйства. В указах Ижевской заводской конторы сотникам различных сотен читаем, что посланные ими крестьяне, «не хотя положенных по раскладу работ отправлять с дороги, бегут обратно в свои жительства». Случалось, что все посланные крестьяне разбегались. Так, по определению Ижевской заводской конторы от 16 декабря 1774 г. был наказан батожьем ряд крестьян Тавельской сотни за то, что на заводе не оказалось «крестьян к возке угля в присылке ни одного человека»; все посланные вместе со своими «отводцами»-конвоирами бежали с дороги.[5] Присланные

---

[1] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское», 1775 г. февраля 3—10 — Допросные речи Ижевского завода молотовых работников, крестьян, как поселенных при Ижевском заводе, так и в приписной к данному заводу Верхне-Рождественской волости, обвиняемых в соучастии бунту, возглавляемому Ижевским молотовым подмастерьем Егором Слотиным, лл. 25—65; там же, № 9— «Дело по указам из Казанской канцелярии о мастеровых Ижевского завода, бунтующих в Рождественской волости, Егоре Слотине с товарищами. 1775 г.», лл. 2—3 об., 5—6, 8, 13—13 об.

[2] Центрархив, Пугачевщина, III, стр. 417.

[3] К. Юдин. К истории пугачевщины («Русский Архив», 1896, кн. 2, стр. 176).

[4] Центрархив, Пугачевщина, III, стр. 414.

[5] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское», 1774 г. декабря 16 — Определение Ижевской заводской конторы об отправке Тавельской сотни крестьян на

на строительство завода крестьяне Арской дороги, лишь только были доставлены на место работы, сразу же разбежались и стали «жить праздно», укрываясь у удмуртов.[1] Чтобы не «чинить напрасно огорчения» крестьянам, «сохранившим верность» во время Пугачевского движения, было приказано, «не упущая отнюдь нынешнего зимнего пути и не принося никаких отговорок», доставлять чугун на завод, главным образом, силами крестьян, «кои вору бунтовщику Емельке Пугачеву способниками были, а своей команде не в послушании находились»,[2] так как «огорчение по успокойствию и нынешней уже тишине более приличествует понести бывшим в приклонении в злодейскую толпу».[3]

Чтобы заставить крестьян итти работать на завод, прибегали к жесточайшим мерам. Например, Ижевская заводская контора указом от 9 января 1775 г. распорядилась не являющихся на заводскую работу крестьян Рождественской волости деревни Кулюшевой доставить на заводскую работу «заклепав в смыки».[4] Если не удавалось поймать бежавших, то вместо них на завод отправляли их ближайших родственников.[5] На сотников, повинных в недостаточно энергичной отправке крестьян на работы, сыпались кары: сотника Тавельской сотни было приказано доставить на завод для объяснений закованным в шейную цепь.[6] Тойминской сотни сотника и писаря «за слабую ими по посланным от здешней Ижевской конторы приказам крестьян в заводские работы высылку, дабы от них впредь того происходить не могло», наказали батожьем.[7]

Случалось, что заводские служители, посылаемые для взыскания недоимок с крестьян, в порыве усердия прибегали к мерам, вызывавшим неудовольствие даже со стороны заводской администрации. Например, в Тавельской сотне перестали высылать на заводские

завод для возки угля и о наказании батожьем «отводцев», бежавших совместно с конвоируемыми ими посылаемыми на заводскую работу крестьянами данной сотни, л. 478.

[1] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское», 1775 г. марта 16 — Приказ Ижевской заводской конторы Арской дороги сотнику Василию Иванову о запрещении удмуртам держать у себя в работниках не имеющих отпускных билетов крестьян и извещении удмуртов о выдаче конторою награды за доставку бежавших с заводских работ, л. 302.

[2] Там же, № 30, «Дело по указу Гороблагодатского горного начальства о расположенных в возку с Гороблагодатских заводов на Ослянскую пристань чугуна крестьян», 1775 г. февраля 10 — Указ Гороблагодатского горного начальства Ижевской заводской конторе, лл. 524—524 об.

[3] Там же, № 11, «Дело по указу Гороблагодатского горного начальства о усмирении бунтующих в Сивинской волости людей и о исправлении плотины, прорезов и сливных мостов», 1774 г. декабря 31 — Указ Гороблагодатского горного начальства Ижевской заводской конторе о мерах для «Рождественской волости бунтовщиков усмирения», лл. 2—3.

[4] Там же, «Дело Пугачевское», 1775 г. апреля 9 — Указ Ижевской заводской конторы служителю Ивану Курочкину о поимке крестьян Рождественской волости, бежавших с заводской работы, лл. 438—439 об.

[5] Там же, № 12, «Дело по промемории Екатеринбургской 2-й роты от ратных дел о воинской команде», 1775 г. июнь — Рапорт Рождественской волости выборных Осипа Холкина с товарищи в Ижевскую заводскую контору о посылке на Ижевский завод на работу починка Ворсика Якова Кузьмина Чермных на место бежавшего с завода его брата якорного молотобойца Михея Чермных, л. 24.

[6] Там же, «Дело Пугачевское», 1776 г. февраля 22 — Наказ Ижевской заводской конторы капралу Луке Алаторцову о «наикрепчайшем» принуждении крестьян Тавельской сотни к исполнению полагающихся с них заводских работ и об отправке в Ижевскую заводскую контору закованным в шейную цепь сотника Тавельской сотни, не выславшего на работу требуемого количества крестьян, лл. 273—273 об.

[7] Там же, «Дело Пугачевское», 1775 г. сентября 18 — Указ Ижевской заводской конторы по делу о наказании Тойминской сотни сотника Кузьмина и писаря Сапожникова за слабую высылку на работу крестьян означенной сотни, л. 408.

работы крестьян, за которыми числились недоимки, впредь до погашения задолженности. Администрация велела высылать «без нетов», не делая исключений для неисправных плательщиков; задолженность же, «доимочные деньги», распорядилась «взыскивать с оставших», т. е. с крестьян, очередь которых была оставаться дома, хотя бы они исправно вносили полагавшиеся с них подати.[1] Пользуясь данными им широкими полномочиями, сотники допускали большие злоупотребления: за взятки не посылали тех, чья очередь была ехать, не возвращали уехавших с завода без письменных отпусков, причем за «нетчиков и огурщиков» приходилось ехать их односельчанам, и т. д.[2] Допускала злоупотребления и заводская контора. Гороблагодатскому горному начальству неоднократно приходилось указывать, что Ижевская заводская контора в отношении причастных к пугачевскому восстанию «чинит не по ведомству своему в противность законного порядка», «оная контора имеет впредь того остерегаться и поступать на основании закона непременно».[3]

Старосты и сотники не могли справиться с крестьянами, уклоняющимися от работы на заводе. Заставить их явиться на работу удалось лишь с помощью солдат Екатеринбургской 2-й роты и воинской команды секунд-майора Юшкова, стоявшего в Сарапуле с Владимирским пехотным полком.[4] Для отправки на работы «нетчиков и огурщиков» Ижевская заводская контора привлекла также первостатейных крестьян, озлобленных разорением их «имения» пугачевцами. Так, в Рождественскую волость были посланы отряды, возглавленные первостатейными крестьянами Сивинской волости Григорием Гладковым и Михаилом Лоханиным. Им вменялось в обязанность «наикрепчайше всем обывателям раствердить, чтоб всеянную от Пугачева прелесть отразили от своих легкомысленных сердец» и прекратили «то гнусное производство». Они должны были также изловить «плутцев», которые, придерживаясь «легкомысленной Пугачевской прелести», «разъезжаючи по жительствам оной Рождественской волости, крестьян паки прельщают к бунту», отправить 147 конных крестьян для возки на Ижевский завод угля и лесных припасов, взыскать в

---

[1] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское», 1774 г. декабря 16 — Определение Ижевской заводской конторы о незадерживании до уплаты недоимок отсылки на заводские работы крестьян недоимщиков, л. 478.

[2] Там же, «Дело Пугачевское», 1775 г. сентября 16 — Рапорт служителя Матвея Глушкова в Ижевскую заводскую контору о злоупотреблениях при отправке на заводские работы крестьян Тойминской сотни и допросные речи сотника и писаря означенной сотни, лл. 403—403 об., 406—406 об.; 1775 г. декабря 3 — Доношение Рождественской волости Пятериковского починка крестьянина Козьмы Клементьева Обухова Ижевской заводской конторе о неправильном зачислении убитого сына его Давида в число беглых и требовании представить вместо убитого заместителя для заводских работ, л. 206; там же, ф. сборный, св. 5944, № 11, «Дело по указу Гороблагодатского горного начальства об усмирении бунтующих Сивинской волости людей и о исправлении плотины, прорезов и сливных мостов», 1775 г., февраля 18 — Ведение маркшейдера Василия Раздеришина Ижевской заводской конторе о доставлении «новокрещенными» людьми 59 руб. в пользу пострадавших от Пугачева, л. 16.

[3] Там же, № 11, «Дело по указам Гороблагодатского горного начальства о усмирении бунтующих в Сивинской волости людей и о исправлении плотины, прорезов и сливных мостов», 1775 г. июля 3 — Указ Гороблагодатского горного начальства Ижевской заводской конторе об обязательном затребовании воинской команды при изъятии у «посторонних ведомств» крестьян увезенного с Ижевского завода казенного имущества, лл. 45—45 об.

[4] Там же, № 12, «Дело о промемории Екатеринбургской 2-й роты от ратных дел о воинской команде» — Переписка Ижевской заводской конторы с Гороблагодатским горным начальством и с квартировавшим в Сарапуле Владимирского пехотного полка секундмайором Юшковым о присылке на Ижевский завод воинских команд.

двухнедельный срок числящуюся за крестьянами недоимку в размере 2830 р. 46 к. Рекомендовалось, «буде же оные бунтовщики не будут даваться, то со оными поступать вооруженною рукою по всякой строгости».[1]

Гладков и Лоханин «с малою командою бунтующих мастеровых и крестьян» привели «в надлежащее е. и. в. повиновение и бунтовщиков всех переловили». За это Гладков получил из Ижевской заводской конторы похвальный аттестат, в котором сказано, что он «во всех порученных ему должностях оказал себя верным е. и. в. слугою. Того ради господином команду имеющим по объявлении сего его Гладкого благоволено б признавать за добродетельного и честного человека».[2] Письменную благодарность от Ижевской заводской конторы получил также Михаил Лоханин, ездивший с командою в 12 человек «в новокрещенские и татарские жительства».[3] По исполнении данного поручения Гладков был вновь послан в Рождественскую волость с наказом произвести набор крестьян для возки чугуна с пристаней Гольянской и Докшинской. Послать крестьян следовало в «самоскорейшем времени, а не так, как ныне при посланных старостах только именные одне росписи присланы, а крестьян по тем росписям малое число в завод явилось». Помимо того надлежало собрать числившиеся за крестьянами за 1774 г. подушные деньги в размере 5713 р. 35½ к.; с наличного числа крестьян взыскивались подушные деньги за всех убитых во время Пугачевского восстания.[4]

О количестве чугуна, который надо было перевезти силами приписных крестьян, можно судить на основании указа Гороблагодатского горного начальства в Ижевскую заводскую контору от 26 декабря 1774 г., в котором извещалось, что «потребного для действия завода чугуна на 1775 г. будет прислано с Басарчинского завода 160000 пуд., с Кушвинского 80000 пуд.».[5] Оплата была низкая — работавшим по сплаву коломенок с железом от Гольянской пристани до пригорода Лаишева платили по установленной в 1767 г. еще Ирманом расценке.[6]

О количестве чугуна, которое должен был вывезти каждый крестьянин, можно судить по росписи, приложенной к рапорту от 8 февраля 1775 г. Шипкинской сотни сотника Лукьяна Попова в Ижевскую заводскую контору.[7] 81 крестьянину полагалось доставить на Ослян-

[1] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское», 1774 г. декабрь— Наказ Ижевской заводской конторы Сивинской волости первостатейному крестьянину Григорию Гладкому, лл. 25—26 об.

[2] Там же, «Дело Пугачевское», 1775 г. января 18 — Аттестат, выданный Ижевской заводской конторой Сивинской волости первостатейному крестьянину Григорию Гладкому, лл. 56—56 об.

[3] Там же, Приказ Ижевской заводской конторы Сивинской волости первостатейному крестьянину Михаилу Лоханину, лл. 57—58.

[4] Там же, «Дело Пугачевское», 1774 г. декабрь — 1775 г. январь — Дело о посылке Ижевской заводской конторой Сивинской волости первостатейных крестьян Григория Гладкова и Михайла Лоханина с отрядами в Рождественскую волость для приведения бунтующих крестьян и мастеровых «в прежнее повиновение», лл. 25—65.

[5] Там же, № 30, «Дело по указу Гороблагодатского горного начальства о расположенных в возку с Гороблагодатских заводов на Ослянскую пристань чугуна крестьян», 1774 г., декабря 16 — Указ Гороблагодатского горного начальства Ижевской заводской конторе, лл. 500—501.

[6] Там же, «Дело Пугачевское», 1775 г. января 22 — Указ Гороблагодатского горного начальства Ижевской заводской конторе о выдаче заработной платы работающим по сплаву коломенок с железом, лл. 560—560 об.

[7] Там же, «Дело Пугачевское», 1775 г. 8 февраля — Рапорт сотника Шипкинской сотни Лукьяна Попова в Ижевскую заводскую контору о посылке крестьян на Ослянскую пристань для возки чугуна на завод, лл. 509—523.

скую пристань 12803 пуда чугуна. Доставить чугун на пристань крестьянам разрешалось наймом: «буде сами возить не похотят», могут нанять вместо себя. Повидимому, это было значительной льготой, которой крестьяне охотно пользовались. Так, нанять заместителей для возки чугуна на Ослянскую пристань изъявили желание крестьяне Тавельской, Азелинской и Шильнинской сотен.[1] В некоторых сотнях дело с транспортом обстояло прямо-таки катастрофически. Например, сотник Азелинской сотни Сидор Корюков рапортовал в Ижевскую заводскую контору, что за неимением лошадей смог отправить на работу лишь пеших крестьян с топорами: «лошади пали все без остатку».[2]

Много усилий прилагалось и к возвращению беглых. За то, что «поверив Пугачеву из домов своих бежали», предписывалось Ижевской заводской конторе по своему усмотрению, не теряя времени на переписку с Казанской секретной комиссией, публично наказывать беглых плетьми и затем направлять на работу. В Казань в Секретную комиссию надлежало отправлять лишь «пущих противников», которых после следствия посылали на казнь по месту преступления.[3]

Для устрашения крестьян были расставлены виселицы по селам и деревням, особенно сильно охваченным движением. С 12 января по 22 марта 1775 г. велась переписка между Казанской губернской канцелярией и Ижевской заводской конторой об установлении виселиц, колес и глаголей в селениях, приписанных к Ижевскому заводу. В первую очередь были поставлены четыре виселицы в ближайших к Ижевскому заводу деревнях (в деревне Подборной, находившейся в 1 версте от завода, и в деревне Карлутке, находившейся в 2 верстах), принимавших деятельное участие в разгроме завода. Затем были поставлены виселицы в деревнях Сивинской волости Кулюшевой и Забегаловой, где крестьяне «в происходящее от злодея возмущение единогласно и, словом сказать, что все были к злодею усердны и из них немало находилось со злодеем в толпе до Казани»; в Рождественской волости — в починках Ерлобанском, Микулинском, Петриковском, Костневом, Язевском, Ворсике, Пещерском, Хорошихинском, Малом Городище, Латужском, Синегубах, Леденцове, Зоринском и селе Рождественском, где «мастеровые и их сродственники чинили бунт»; в Шильнинской сотне — в селах Шильне, Боровецком и в деревнях Ичиме, Каране, Тимиргане за то, что они «злодейских толп башкирцам фураж, подводы и харчевые припасы давали, а в с. Шильне разбили дома священника Герасима Андреева и первостатейных крестьян Филиппа Волкова и Данилы Артемьева». Виселицы требовалось ставить «не дале, как 100 сажень от жила»; тела казненных снимать с виселиц не разрешалось.[4]

Руководителей движения искали не только по приписным селам

---

[1] Там же, № 30, «Дело по указу Гороблагодатского горного начальства о расположенных в возку с Гороблагодатских заводов на Ослянскую пристань чугуна крестьян», лл. 499—542.

[2] Там же, «Дело Пугачевское», 1774 г. декабрь — 1775 г. май — Рапорты сотников приписных к Ижевскому заводу сел и деревень о невозможности отправить на завод на работу конных крестьян из-за падежа лошадей с приложением списков палых и заболевших лошадей, лл. 248—251, 254—255.

[3] Там же, 1774 г. декабря 31 — Указ Гороблагодатского горного начальства Ижевской заводской конторе о принятии мер к скорейшему приведению в действие завода и о поимке беглых мастеровых и крестьян, лл. 530—531.

[4] Там же, ф. кригсрехтный, св. 1059, № 10, «Дело по указу Казанской губернской канцелярии о поставлении виселиц и о протчем», лл. 9—11, 13—13 об., 17, 20—20 об.

и деревням. 22 января 1775 г. из Ижевской заводской конторы был послан служитель Павел Попков в Уфу для поимки Федора Шмоты, укрывавшегося «около тамошних мест». Попков получил предписание «крайне стараться поймать, а по поимке, заковав, возвратиться с ним (Шмотой) обратно на Ижевский завод».[1] Ижевская контора прилагала особое старание к поимке «вящих злодеев». Был пойман Юска Кудашев и, после допроса в Ижевской заводской конторе, отправлен в Секретную комиссию в Казань.[2] На ряду с подавлением восстания, согласно указу Гороблагодатского горного начальства от 1 ноября 1774 г., Ижевская заводская контора прилагала особое старание «к изысканию» пограбленного заводского имущества. Когда у удмуртов стали отбирать увезенную ими с завода медь, они оказали энергичное сопротивление. Посылаемые с завода мастера и подмастерья ездили чрезвычайно неохотно в подобные экспедиции, «убоялся побой». Зато решившиеся ехать сопровождали свои поездки страшными «утеснениями» удмуртов. Те жаловались, что сотники и пятидесятники «сильно» забирают у них сено и овес, всего забрали на 192 р., денег же не отдают.[3]

Для лучшего «изыскания и возвращения грабленного казенного заводского имения» рекомендовалось разослать «по всем окольным жительствам чрез нарочного публикации, чтоб все те люди, кои казенные деньги, железо и протчия припасы ...грабили, без всякого опасения грабленное, привозя, объявляли в Ижевскую и Воткинскую заводскую конторы...; если же кто сам грабленного не объявит, а сыщется оное по доносу, с таковыми поступлено будет, как с сущими ворами и разбойниками».[4] 7 июля 1775 г. Гороблагодатское горное начальство послало в Ижевскую заводскую контору указ о прекращении, согласно манифеста от 4 и 9 апреля 1775 г., розысков «пограбленного казенного заводского имения».[5]

Восстановление завода шло чрезвычайно быстрыми темпами. 15 января 1775 г. маркшейдер Ижевского завода Василий Раздеришин получил от главного командира Гороблагодатских и Камских заводов Оболиянинова письменную благодарность за успешную работу по возобновлению Ижевского завода «со обнадеживанием», что «о попечительном его старании представлено быть имеет к главной команде»; за свою работу он был назван «исправным и ревностным офицером».[6]

На Авзяно-Петровском заводе заводские крестьяне также про-

---

[1] АИМ, ф. сборный, св. 5944, «Дело Пугачевское», 1775 г. января 22 — Наказ Ижевской заводской конторы служителю Павлу Попкову о поездке в Уфу для поимки крестьянина Федора Шмоты, лл. 194—194 об.

[2] Там же, № 11, «Дело по указу Гороблагодатского горного начальства о усмирении бунтующих в Сивинской волости людей», 1775 г. марта 10 — Рапорт Ижевской заводской конторы Гороблагодатскому горному начальству с изложением содержания допросов Юски Кудашева, лл. 8—21 об.

[3] Там же, «Дело Пугачевское», 1775 г. марта 19 — Указ Слободской воеводской канцелярии Ижевской заводской конторе об уплате удмуртам Слободского уезда Дарубежского конца за насильно взятые от них заводскими служителями провиант и фураж, лл. 127—130 об.

[4] Там же, № 11, «Дело по указу Гороблагодатского горного начальства о усмирении бунтующих в Сивинской волости людей», 1774 г. декабря 31 — Указ Гороблагодатского горного начальства Ижевской заводской конторе о «изыскании и возвращении пограбленного казенного заводского имения», лл. 2—3.

[5] Там же, № 11, «Дело по указу Гороблагодатского горного начальства о усмирении бунтующих в Сивинской волости людей», 1775 г. июля 7 — Указ Гороблагодатского горного начальства от 7 июля 1775 г. Ижевской заводской конторе о прекращении согласно манифестам от 4 и 9 апреля 1775 г. розысков пограбленного казенного заводского имения, лл. 46—46 об.

[6] Там же, «Дело Пугачевское», 1775 г. января 15 — Приказ главного командира Гороблагодатского и Камских заводов Я. Оболиянинова маркшейдеру В. Раз-

должали борьбу и после подавления восстания. Предельные операции возобновились частично в начале 1780 г., а домна, как уже было упомянуто, была задута лишь в 1784 г. Но производительность завода в течение почти ста последующих лет не могла подняться до предпугачевского уровня. На Воскресенском заводе работы возобновились только летом 1776 г., количество же вырабатываемой продукции превысило предпугачевскую лишь в 1805 г.

дерифину с изъявлением благодарности за успешную работу по возобновлению Ижевского завода, лл. 538—538 об.

А. Г. ПИРЦХАЛАЙШВИЛИ

К ИСТОРИИ ВЫСТУПЛЕНИЯ ТБИЛИССКИХ АМКАРОВ в 1865 г.

Вопрос о положении ремесленников в закавказских городах, о возникновении среди ремесленников так называемых амкарств (цехов), об их роли в общественно-политической жизни городов, в развитии местной промышленности и т. д. до сих пор остается малоисследованным. Даже в таком крупном городском центре, как Тбилиси, где амкарства наиболее прочно сложились и особенно ярко оформились, они являются мало изученными.

Между тем жизнь тбилисских амкарств, взаимоотношения их между собою, отношение к правительственной власти и организованному ею городскому управлению Тбилиси, борьба амкарств за свои традиционные права, участие их в массовых народных выступлениях против национально-колониального гнета царизма — все это глубоко интересные вопросы, требующие изучения и исследования. Чрезвычайный интерес вызывает также все углублявшееся расслоение внутри амкарств и постепенное падение местного ремесленного производства в результате того, что русский капитализм, втянув Закавказье в мировое товарное обращение, «нивеллировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик».[1]

Существующие исследования об амкарствах, за исключением обширного и весьма обстоятельного, но в значительной степени устаревшего, труда буржуазного ученого проф. Е. А. Егиазарова[2] и небольшой работы З. Чичинадзе,[3] основываются в большинстве случаев исключительно на официальных докладных записках об амкарствах,[4] а также на журнальных статьях и отдельных заметках в закавказской повременной печати, главным образом в газете «Кавказ» и других местных периодических изданиях. Бедность и явная односторонность дореволюционных исследований об амкарствах вытекает еще из того, что дореволюционные публикации источников по истории царских колоний подчинялись требованиям социально-политического заказа российского самодержавия. Царское правительство, как известно, не поощряло изысканий по истории колониальных народов России, допуская лишь те, которые ставили своей целью исто-

---

[1] В. Ленин. Соч., III, стр. 464.

[2] Городские цехи. Организация и внутреннее управление Закавказских амкарств, Казань, 1891 («Записки Кавказск. отдела Русск. Геогр. общ.», кн. XIV, вып. 2).

[3] Сандала, Эпоха амкарств (на груз. яз.), Тифлис, 1880.

[4] Эти записки были составлены со специальной целью информировать высшую кавказскую власть об институте амкарств в то время, когда правительство поднимало вопрос об их судьбе. К числу таких записок в первую очередь следует отнести исследование Ю. Ахвердова «Тифлисские амкарства». Записка эта была составлена в 1856 г. для наместника Кавказа кн. Барятинского, а в 1883 г. издана в Тбилиси отдельной книгой.

рическое оправдание и обоснование военно-феодальной экспансии царизма.

Настоящая работа не является исчерпывающим исследованием о тбилисских амкарствах. Она ставит своей целью воспроизвести в подробностях и дать научное освещение почти не исследованного и крайне интересного периода из жизни тбилисских амкарств, явившегося как бы заключительным аккордом многолетней борьбы амкарств за свои права.

Июньские события в Тбилиси в 1865 г. получили официальное определение как «бунт амкаров». Но в этом «бунте» приняли участие не только тбилисские ремесленники и мелкие торговцы, объединенные в амкарства. Как мы увидим далее, выступление это захватило широкие народные массы не одного лишь города Тбилиси. Для подавления «бунта» царскому правительству пришлось ввести осадное положение, прибегнуть к вооруженной силе и огнестрельному оружию.

Для воспроизведения и освещения июньских событий 1865 г. одним из источников, несомненно, должны были служить относящиеся к этим событиям дела Тбилисского городского управления. Но, к сожалению, дела эти сгорели во время пожара 1875 г., когда огнем был уничтожен архив Тбилисской городской управы. Нам пришлось поэтому ограничиться неопубликованными материалами, хранящимися в центральном архиве Грузинской ССР, рукописями Тбилисского Руставелевского музея и появившимися до настоящего времени в печати (на русском и грузинском языках) документами, воспоминаниями и другими материалами. [1]

Перечисленные источники дают возможность достаточно полно восстановить картину событий, происшедших 26—28 июня 1865 г. в Тбилиси. Чтобы правильно понять эти события и дать им вполне объективное освещение, с учетом всего исторического своеобразия условий, в которых они происходили, необходимо хотя бы кратко ознакомиться с институтом тбилисских амкарств и тем положением, в котором они находились накануне июня 1865 г.

I

В 1799 г., накануне присоединения Грузии к России, Тбилиси, несмотря на пережитое им в 1795 г. страшное разорение полчищами Ага-Магомет-Хана, был весьма крупным торгово-промышленным центром не только Грузии, но и всего Закавказского края. Ремесленное производство здесь было очень распространено, и ремесленное сословие являлось одним из главных элементов тбилисского городского насе-

---

[1] Здесь мы имеем в виду: 1) Фонды особо важных дел Центроархива ГССР № 87, дд. №№ 138, 160 и 165; д. № 2458, 1848 г. — Отчеты начальников Закавказских губерний; д. № 2, 1865 г.— Департамента судебных дел главн. управл. Наместн. Кавказск.; д. № 215 — Восстание амкаров в Тифлисе в 1865 г.; 2) фонд рукописей Руставелевского музея в Тбилиси, дд. №№ 2471, 2503, 2838; 3) Архив ГССР, д. № 97 Тбилисского муниципального архива; 4) Гос. музей Армении, д. № 594, 1892 г. и литер сектора, фонд Ю. Ахвердова (рукопись), № $\frac{4937-12}{399}$; 5) опубликованные в печати воспоминания современников и др. цитируемые нами в каждом отдельном случае материалы и статьи о «бунте» амкаров (среди них: статья Рио-Нели (Николадзе), напечатанная в издававшемся в Лондоне А. И. Герценом «Колоколе» за 1865 г., «Моя жизнь»—воспоминания проф. П. Меликишвили («Картули Мцерлоба», на груз. яз., 1927 г., кн. 5); Ф. Махарадзе. Грузия в XIX ст. («Закавк. книга», 1933) и др.

ления. В письме генерал-майора Лазарева главнокомандующему в Грузии ген. Кноррингу от 8 марта 1801 г. говорится, что тбилисские «ремесленники никаких прав, кроме свободного жития в городе не имеют, и сей класс — самый обширнейший — разделен на цехи и имеет изрядный достаток».[1]

Но, лишенные прав, установленных писаными законами, тбилисские ремесленники, подобно всякому мелкому товаропроизводителю, который «чувствует, что его интересы в противоположность интересам остального общества, требуют сохранения этого монопольного положения, и потому он боится конкуренции»,[2] употребляли «всяческие усилия, как единоличные, так и коллективные, чтобы задержать конкуренцию, чтобы «не пустить» соперников в свой район, чтобы укрепить свое обеспеченное положение мелкого хозяйчика, имеющего определенный круг покупателей».[3]

У тбилисских ремесленников начала XIX в. мы наблюдаем не только цеховой дух, но и прочно сложившуюся цеховую организацию — деление на амкарства, т. е. союзы ремесленников определенной специальности в феодальном городе, как определяют цехи К. Маркс и Ф. Энгельс.[4]

Не вдаваясь в историю возникновения амкарств в Тбилиси и других закавказских городах, не ставя перед собой вопроса, являлся ли этот институт чисто местным по своему происхождению или же он сложился под влиянием подобного рода институтов, существовавших в смежных с Грузией государствах (напр., в Персии (ныне Иране), куда амкарства могли быть занесены из Египта, в Турции и т. д.), мы должны установить, что причины, породившие амкарства в Грузии, были те самые, какие способствовали возникновению цехов всюду при феодальном строе государств. Классическую по краткости, ясности и полноте формулировку этих причин дают Маркс и Энгельс: «Необходимость объединиться против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в эпоху, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны стекавшихся в расцветавшие города беглых крепостных, феодальный строй всей страны — все это породило цехи».[5]

Иного объяснения происхождения тбилисских и других закавказских амкарств не может быть, и всякие попытки изобразить возникновение амкарств как результат целого ряда сложных и специальных факторов, что делает, между прочим, проф. Егиазаров,[6] только запутывают вопрос. Еще в 1850 г. один анонимный автор, пытавшийся разрешить этот вопрос на страницах правительственного официоза «Кавказ», приходит к правильному выводу. «Горожане, — пишет он, — чувствуя свое ничтожество и бессилие в сравнении с могущественными феодалами, старались соединиться в отдельные общества, связанные между собой различными постановлениями, чтобы придать своему сословию какую-нибудь значительность и иметь возможность в смутных обстоятельствах бороться с аристократами».[7]

Действительно, если проследить отдельные детали из жизни и быта тбилисских амкарств, как они зафиксированы в сохранившихся документальных описаниях этого института, составленных официаль-

---

[1] Акты Кавказск. Археогр. Комиссии. I, № 419, стр. 330—331, Тифлис, 1866.
[2] В. Ленин. Соч., III, стр. 257.
[3] Там же, стр. 257—258.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., IV, стр. 14—15.
[5] Там же, стр. 14—15.
[6] Указ. соч., стр. XXI (введение).
[7] Газета «Кавказ», 1850 г., № 95, ст. «О тифлисских ремесленниках».

ными лицами,[1] то окажется, что тбилисские амкарства мало отличались от западноевропейских цехов.

Как писаные статуты цехов в городах Западной Европы, так и не писаные, но твердо установившиеся обычаи тбилисских амкарств неизменно преследовали одну и ту же цель — организовать мелкое феодальное производство и охранять мелкого производителя. Цеховые статуты в интересах мелкого производства, как известно, регламентировали количество рабочих станков, число подмастерьев и учеников, которое разрешалось иметь одному мастеру, способ приобретения им сырья для переработки, количество и место продажи изделий, нередко даже цены их, детали производственного процесса и т. д. С этой целью цеховые статуты строго отстаивали принцип обязательной принадлежности к тому или иному цеху всех занимающихся данным ремеслом и вели беспощадную борьбу с внецеховым производством. Цехи охватывали не только экономическую деятельность своих членов, но и остальные стороны их жизни, главным образом общественные отношения. Они обеспечивали взаимопомощь членам цеха; каждый цех имел своего небесного покровителя (какого-либо чтимого церковного святого), свой герб и знамя, а при организации городского ополчения составлял особый военный отряд.

Все эти типовые признаки в той или иной мере мы наблюдаем и в тбилисских амкарствах. Каждое из них охватывало не только экономическую деятельность объединяемых им членов, но и все стороны их общественной и многие стороны частной жизни.

Для взаимного контроля действий членов амкарств, для удобного сбыта производимых ими товаров, а также по фискальным соображениям — для удобства распределения между членами амкарства налогов и разного рода повинностей (государственных и в пользу города) — каждый вид ремесла или торговли в Тбилиси сосредоточивался обычно в строго определенном ряду особого караван-сарая, на определенном рынке города, улице или переулке. Отсюда происхождение исторических названий торговых рядов, улиц, переулков и некоторых площадей Тбилиси, как, например, Башмачный ряд, Ватный ряд, Винный подъем, Угольная, Гончарная ул., Ювелирный пер., Саманная площадь и т. п.

Для устранения конкуренции и поддержания экономического равенства между своими членами амкарства нередко прибегали к совместной заготовке и закупке необходимого сырья и других товаров для своих членов, распределяя затем закупленное по жребию.[2] Через избранных представителей (устабашей) амкарства регламентировали качество изделий своих членов, строго преследовали их за продажу недоброкачественной продукции, следили за правильностью мер и веса и устанавливали таксу не только на свои изделия, но, совместно с базарными старшинами, и на привозимые на городские рынки продукты первой необходимости.

Амкарства имели кассы взаимопомощи, которые выдавали ссуды и пособия своим членам, пострадавшим от бедствий. В случае смерти амкара вся его семья переходила под покровительство амкарства: оно воспитывало на свои средства сыновей умершего, а дочерям при выходе замуж давало приданое. Когда при царизме в числе наказаний за преступления стала применяться ссылка в Сибирь и другие отда-

---

[1] За отсутствием писаных статутов у тбилисских амкарств эти официальные описания можно рассматривать как своего рода записи цехового права или писаные цеховые статуты.

[2] Гос. музей Грузии, ф. рукописей, д. № 2838, стр. 43—44; Ю. Ахвердов. Указ. соч., стр. 22.

ленные места, семья сосланного члена амкарства получала из амкарской кассы пособие до совершеннолетия наследника сосланного или до возвращения последнего из ссылки.[1] Во время похорон своего товарища все члены амкарства в знак траура закрывали свои мастерские и лавки и участвовали в похоронной процессии.

Амкарства обслуживали потребности своих членов в отношении культа. Ежегодно, в день своего «небесного патрона» каждое амкарство устраивало корпоративный праздник.[2] На знамени каждого амкарства был изображен его «небесный патрон» или какое-либо событие из библейской истории, связанное по преданию с возникновением того или иного ремесла. С этими знаменами амкарства выступали во всех торжественных процессиях, а также в военных походах.

Внутри амкарства существовала своя социальная иерархия, отражавшая иерархию феодального общества, с типичными для западноевропейских цехов ступенями: ученик (шагирди), подмастерье (каргали) и мастер (остати). Патриархальный уклад и чисто семейные отношения между мастером и его подмастерьями и учениками всегда вдохновляли буржуазных историков на изображение идиллического благоденствия объединенной в цехи ремесленной среды. На деле же — и мы наблюдаем это в тбилисских амкарствах — они предоставляли мастеру неограниченное поле для самой широкой, почти бесконтрольной эксплоатации своих подмастерьев и учеников. Помимо работы в мастерской, ученики должны были полностью обслуживать домашнюю квартиру мастера, применявшего за каждое ослушание «отеческие» внушения и нередко побои, которые подчас были очень жестоки.[3] Традиции каждого амкарства устанавливали сроки для прохождения ученического стажа, а также необходимые профессиональные знания и навыки, которыми должен был овладеть подмастерье для перехода в разряд мастеров. Но патриархальный уклад и то обстоятельство, что наблюдение за выполнением традиций вверялось избранникам мастеров, заботившимся, конечно, больше всего об интересах мастера, ставили учеников и подмастерьев в зависимость от доброй воли мастера.

Начальствующие лица амкарства — устабаши (голова), агсахкали (помощник головы, в буквальном переводе — «белая борода», «старик»), игидбаши (рассыльный или исполнитель), хазинадари (казначей) — избирались на общем собрании полноправных амкаров. Таковыми считались только достигшие высшей ступени ремесленной социальной иерархии — мастера. Подмастерья и ученики на общих собраниях мастеров участвовать не могли. Понятно, чьи интересы защищали органы управления амкарств и высший орган их — общее собрание всех устабаши и всех агсахкали во главе с избираемым (в некоторых городах) постоянным председателем, устабаши устабашей.[4] Защита интересов амкарства в целом и мастеров, наблюдение за «отеческим» попечением мастера над бесправными подмастерьями и учениками, внедрение в них привычки к безропотному повиновению мастерам — таковы главнейшие задачи органов управления амкарств.

Церковь, всегда связанная с государством эксплоататорских классов, освящала своим учением патриархальный уклад тбилисских амкарств. В своих наставлениях, которые преподносили амкарам

---

[1] Гос. музей Грузии, ф. рукописей, д. № 2503, стр. 19; Ю. Ахвердов. Указ. соч., стр. 9.

[2] Е. Егиазаров. Указ. соч., стр. 209; Ю. Ахвердов. Указ. соч., стр. 9—11.

[3] Е. Егиазаров. Указ. соч., стр. 74.

[4] Центрархив Грузии, ф. 160, д. № 231, стр. 71—72, 48, 153 и др.

служители культа (чаще всего армянские тертеры, так как по национальности, как мы увидим далее, тбилисские ремесленники были по преимуществу армяне) во время религиозных церемоний в амкарские праздники, во время торжеств, устраиваемых по случаю «посвящения» подмастерья в мастера и т. п., церковь неизменно проповедывала беспрекословное выполнение учениками и подмастерьями воли мастеров, как «добрых», так и «строптивых», утешая их тем, что за незаслуженные обиды они будут вознаграждены в царстве небесном.

Таким в общих чертах представляется внутренний уклад тбилисских амкарств. Как видим, он чрезвычайно близко подходит к типичным чертам уклада западноевропейских цехов.[1] Это сходство обусловило, между прочим, полное совпадение причин внутреннего расслоения амкарств и западноевропейских цехов, а также аналогию между явлениями, которые мы наблюдаем в дальнейшей судьбе тбилисских амкарств и западноевропейских цехов в период их разложения и упадка.

Но при общности основных черт уклада всех ремесленных объединений тбилисские и другие закавказские амкарства в силу исторического своеобразия имели ряд чисто местных особенностей. Эти особенности необходимо учесть, чтобы правильнее осветить, как подготовлялись и постепенно развертывались июньские события 1865 г. в Тбилиси.

II

Тбилисские амкарства объединяли ремесленников и торговцев столицы б. Грузинского (вернее Карталино-Кахетинского) царства. Царство это составляло часть некогда обширного и могущественного государства Грузинского, но в последние столетия своего существования окончательно обессилело, с одной стороны, под непрерывными ударами соперничавших между собой из-за обладания Кавказом Турции и Персии, с другой — вследствие окончательно восторжествовавшей в Грузии феодализации общественного строя, приведшей к раздроблению единого государства на целый ряд постоянно враждующих между собою царств и княжеств. Стремясь всеми мерами восстановить в разоренных городах и селениях Карталинии и Кахетии промышленность и торговлю, цари Карталинского и Кахетинского царств широко применяли заселение разрушенных городов выходцами из провинций б. Армянского царства, знакомыми с разными видами ремесл и предприимчивыми в торговых операциях.

В результате этой политики города Карталинии и Кахетии, и в первую очередь Тбилиси, в XVIII в. были в зачительной степени заселены армянами.[2] Преимущественно в их руках сосредоточивались торговля и промышленность Грузии. «Владея денежными капиталами, армянские купцы и промышленники нередко выдавали ссуды царям, членам царской фамилии и владетельным феодалам под залог селений или городской земельной собственности, устраивали займы на нужды государства, обеспечиваемые поступлением податей».[3] Поскольку городские ремесленники и торговцы в Грузии

[1] Об условиях приема в амкарства, о составе амкарств и основах амкарского устройства очень подробные сведения (вместе с сопоставлением со строем западноевропейских цехов) даны у Е. Егиазарова на стр. 27—266 его исследования.

[2] М. Владыкин. (Сборн. «Братская помощь армянам», стр. 553, М., 1898, 2 изд.).

[3] А. Хаханов. Положение армян в Грузинском царстве (там же, стр. 552); С. Какабадзе. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в восточной Грузии в XVIII ст., стр. 183—185.

были, главным образом, армяне, тбилисские амкарства в лице своих рядовых членов и должностных лиц состояли в большинстве случаев из армян.

Однако среди ремесленников и мелких торговцев Тбилиси, несомненно, всегда была известная прослойка коренного грузинского населения. Официальные документы свидетельствуют, что помещики и монастыри Грузии направляли в Тбилиси своих крестьян учиться ремеслу, а последние, записываясь в амкарства, упрочивали свое положение и приобретали даже звание мокалаков.[1] Но верхушка амкарств, их устабаши и другие выборные лица были по преимуществу армяне.

Амкарства не только устанавливали порядок ремесленного производства и сбыта изделий, но и вмешивались в общественные и семейные отношения своих членов, чинили над ними суд и расправу, не отдавая при этом отчета даже городскому мелику или высшему представителю городской власти в Тбилиси.[2] Все это убедительно показывает, какой автономией пользовалось торговое и ремесленное городское население в Грузии при грузинских царях. Широте прав, присвоенных амкарствам, немало способствовали крайне ослабленное положение центральной правительственной власти в стране, полное оскудение источников государственных доходов и все возраставшая материальная зависимость царей и феодалов от сосредоточившейся в городах Карталинии и Кахетии городской буржуазии.

Когда в самом конце XVIII в. присоединение Грузии к России было решенным делом и в 1801 г. начато было «освоение» Грузинского царства (оно было обращено в губернию Российской империи), крупная и мелкая городская буржуазия Тбилиси очень скоро определили свою ориентацию. Присоединение Грузии к «обширнейшей в свете и могущественнейшей» империи сулило тбилисским купцам, помимо широких перспектив в начинавшейся уже тогда через Дарьяльское ущелье торговле с Россией, безопасность торговых сношений по закавказским торговым путям в Турцию и Персию. Приход же в города Грузии русских войск и множества чиновников сулил выгоды не только крупной буржуазии от возможных казенных подрядов и поставок, но и мелким торговцам и ремесленникам, так как с увеличением потребителей в городах должен был возрасти и спрос на продукты местного ремесленного производства.

Царизм очень хорошо учитывал, что крупная и мелкая буржуазия Тбилиси будет на его стороне. Чтобы закрепить этот союз, еще Павел I внушал высшим представителям царской власти в Грузии «соблюдать ее привилегии» и заинтересовывать буржуазию в сближении «для торгу и торгом».[3] Александр I тоже указывал главнокомандующему в Грузии Кноррингу: «К особенному же наблюдению вашему предоставляем привлекать к себе нацию армянскую всякими обласканиями».[4]

На этом основании и после оккупации Грузии царскими войсками привилегии торговцев и ремесленников, существовавшие при грузинских царях, сохранились. Порядок взимания всех государственных доходов, бывших при грузинских царях на откупе у купцов, оставлен без изменения[5] с сохранением откупов. Тбилисские мокалаки

---

[1] ЦАУ Грузии. Копии стар. документов; С. Какабадзе. Указ. соч., стр. 190—191.

[2] Е. Егиазаров. Указ. соч., стр. 284; Ср. Г. Натадзе. К вопросу об экономическом положении Грузии в конце XVIII ст., стр. 148, Тбилиси, 1938.

[3] Акты Кавк. Археогр. Ком., I, № 522, стр. 414.

[4] Там же, № 548, стр. 436.

[5] Там же, № 583, стр. 482.

сохраняют все привилегии по закону Вахтанга, в том числе право иметь и покупать необходимые имения и крестьян. За ними оставалась свобода от личной службы в военное время, им было обещано право иметь свой сословный суд.[1] Купечеству разрешено было торговать без объявления капиталов и выборки гильдейских свидетельств, а ремесленникам и мелким торговцам дозволено было управляться своими устабашами, совершенно не касаясь при этом издавна сложившихся обычаев и установлений.[2]

Следует учесть и то обстоятельство, что в период первых десятилетий оккупации Грузии, когда царизм вел наступательные войны против Персии и Турции, царскому правительству приходилось по необходимости использовать услуги знающего край и расположенного к царизму тбилисского городского буржуазного элемента.

Только в дальнейшем, когда царизм стал в Закавказье твердой ногою, когда Грузия и другие закавказские провинции были объявлены российской колонией, политика в отношении местной крупной и мелкой буржуазии постепенно меняется, и привилегии буржуазии, основанные на обычае, одна за другой теряют силу. В программе царизма было указано, что он стремится к овладению закавказским рынком в пользу российской промышленности и к устранению соперничества иностранцев в сбыте российских произведений в Персию.[3]

Программа колониального режима в Закавказье была особенно четко разработана еще в 1830—1831 гг. ревизовавшими край сенаторами Кутайсовым и Мечниковым. В отношении управления краем она сводилась к учреждению правительственного порядка, существующего в России (учреждение о губерниях), и к колонизации края русскими. Вообще же цель была «при введении новых учреждений распорядиться так, чтобы нравы, обычаи народов были приноровлены к российскому законоположению, а учреждения приноровлены к ним. Во всех этих порядках должно иметь один предмет, чтобы обрусить край, или, говоря аллегорически, спаять его с Россией, связать его с ней гражданскими и политическими узами в единое тело и заставить жителей тамошних говорить, мыслить и чувствовать по русски».[4]

Разработанное в соответствии с этой программой «Учреждение для управления Закавказским краем» было утверждено 10 апреля 1840 г.[5] Одновременно было издано «Положение о городском общественном управлении»[6] для города Тбилиси (кстати, царизм занимался этим вопросом чуть не 40 лет).

К участию в этом управлении призывались, как сказано в законе, «три главные сословия: владельцы недвижимой собственности, торговцы и ремесленники», т. е. в сущности не сословия, а отдельные группы городской буржуазии, из которых одна базировалась на владении в городе недвижимою собственностью, а две остальные —

[1] Там же, № 593, стр. 497.

[2] Ср. Акты Кавк. Арх. Ком., VI, ч. II, № 986, стр. 619; VI, ч. I, № 12, стр. 9—12; № 100, стр. 63. Последние два документа особенно интересны, так как помимо статистических данных о составе населения Тбилиси в 1817 г., они наглядно показывают, как широко и с какими злоупотреблениями использовала свое привилегированное положение верхушка мокалаков — особенно в части раскладки податей и повинностей на проживавших в Тбилиси граждан.

[3] Акты Кавк. Арх. Ком., VII, № 97, стр. 169—174; ср. П. Зубов. Картины Кавказского края, стр. 8, СПб., 1834.

[4] Колониальная политика российского царизма в Азербайджане, ч. I, стр. 232—280, М., 1936.

[5] II ПСЗ, XV, № 13368.

[6] Там же, № 13369.

на профессии или занятиях. Перечисленные группы выбирали из своей среды городского голову и шесть членов городского управления или гласных, по два от каждой группы. В состав городского управления входил также представитель правительства, назначаемый по усмотрению главноначальствующего края из среды правительственных чиновников и фактически направлявший всю работу городского управления.

Чтобы беспрепятственно проводить свою политику через организованное таким образом городское «общественное» управление, царизм наделил тбилисского городского голову значительно большими полномочиями, по сравнению с полномочиями, предоставленными городским головам губернских городов России. Городской голова Тбилиси, помимо обязанностей, которые возлагались на него общим положением о городских головах, ведал «порядком делопроизводства и канцелярией (на русском языке), оценкой недвижимых имуществ, установлением такс на продукты, извозным промыслом и т. д.»

Возглавляя по существу чисто правительственное учреждение, прикрытое лишь вывеской «общественного управления», тбилисский городской голова и шесть гласных с первых же шагов своей деятельности становятся ревностными прислужниками правительства и проводниками политики царизма. На этой почве, и особенно в связи с возраставшими год от году городскими налогами и сборами, всей своей тяжестью ложившимися на трудовое городское население, между городским головой и общественным управлением, с одной стороны, и тбилисскими ремесленниками и торговцами, с другой, очень скоро возникли конфликты. Осложненные рядом других мероприятий, направленных против трудовых масс, как постепенное отстранение от городских дел ремесленных и торговых устабашей, стремление правительства нормировать цены (введение такс) и учреждение с этой целью в 1847 г. специальной торговой полиции, эти конфликты нередко переходили в открытые выступления организованных в амкарства ремесленников и мелких торговцев. Рядовой городской обыватель относил ответственность за все возраставшую тяжесть налогового бремени, за стеснительные новые базарные порядки на счет вновь созданного «общественного» управления. По его адресу он направлял все свое недовольство, а тбилисские мелкие уличные торговцы (кинто), славившиеся своим остроумием, слагали песенки и анекдоты о деятелях нового городского управления. Эта устная, полная юмора критика народных масс являлась хорошей агитацией против городских властей.

Одновременно с внедрением новых порядков в управление Закавказьем и городом Тбилиси царизм повел экономическое наступление на Закавказскую колонию. «Сбыт мануфактуры и других российских произведений был бы гораздо живее, — докладывал Государственному совету русский министр финансов гр. Канкрин еще в 1827 г., — если бы Грузия и новоприобретенные ханства не имели возможности с выгодой заменять потребление многих российских произведений иностранными, и если бы персидская торговля приняла выгодный для нас ход..»[1] Государственный совет вполне разделял точку зрения Канкрина, и мы видим, что уже в 30-х годах XIX в. начинаются энергичные попытки сорганизовать мощную закавказскую компанию из российских капиталистов, которые взяли бы в свои руки всю оптовую торговлю по снабжению Грузии и Закавказья русскими промышленными товарами и по вывозу отсюда сырья. Сюда начинают

[1] Акты Кавк. Арх. Ком., VII, № 102, стр. 122.

проникать отдельные русские капиталисты, как, например, шуйский фабрикант Посылин, начавший свои операции не только в городах Закавказья, но и в Персии и Турции.[1] Во второй половине 40-х годов в Тбилиси, под давлением московских мануфактуристов, правительство всеми мерами содействует устройству оптовых складов российской мануфактуры и других товаров; русские торговцы имеют намерение завладеть здесь даже розничной торговлей.[2]

Начав столь настойчивое экономическое наступление на Закавказье, царизм не считал уже необходимым продолжать политику «обласкания» местной буржуазии. Она сделала свое дело и в ней уже не было той необходимости, как в первые десятилетия после оккупации Закавказья. Даже ходатайства со стороны главноначальствующих в Грузии о необходимости считаться с интересами местного купечества не встречали сочувствия в центральном правительстве.[3] А в 1847 г. кавказский наместник кн. Воронцов на поданное ему тбилисскими купцами прошение об ограждении их интересов от проникавшего в Грузию российского торгового капитала (в Тбилиси были открыты два оптовых депо русских мануфактурных изделий) счел возможным заговорить с тбилисской буржуазией таким тоном: «Не могу понять, как армянское купеческое сословие и многие почетные лица, подавшие прошение, могли полагать меня в праве принять просимые меры. Запретить лицу или компании завести магазин и продавать в нем, что кому угодно, превышает власть всякого начальства».[4]

Массовое появление на тбилисском рынке московских фабрично-заводских изделий, сбываемых организованными здесь оптовыми депо, ущемляло интересы не одного местного купечества. Оно непосредственно отражалось на тбилисском ремесленном производстве, и некоторые амкарства, — ткачей, набойщиков, рабочих, изготовлявших местные бумажные ткани, — должны были сокращать свое производство, увеличивать рабочий день, снижать цены на кустарные изделия, лишь бы сохранить свои ремесленные мастерские от неминуемого закрытия.

Еще большие убытки терпели коренные тбилисские ремесленники вследствие колонизации города пришлым ремесленным элементом. Уже в 40-х годах XIX в. в Тбилиси насчитывалось до 700 русских солдат-ремесленников, которые изготовляли разные изделия, выполняли работы портняжные, сапожные, шорные, столярные и т. п.[5] Эта армия мастеров, конечно, ни с какими амкарскими организациями не хотела считаться и помимо материальных убытков наносила амкарствам моральный ущерб, подрывая среди ремесленного ученичества и подмастерьев авторитет иерархической верхушки. Нужно иметь в виду, что амкарское производство не удовлетворяло в то время многих потребностей спроса, так как не было рассчитано на вкоренявшиеся среди горожан европейские вкусы и использовало примитивные орудия и инструменты. Чтобы найти из этого выход, а главное, чтобы создать для громадной армии военных и чиновников в Закавказье условия службы и быта, не слишком отличающиеся от условий в России, правительство начало усиленно привлекать к переселению в Тбилиси и другие города края ремесленников из внут-

---

[1] Там же, VIII, № 90, стр. 152; Обозр. русск. владений за Кавказом, IV, стр. 77.
[2] Там же, X, №№ 189—191, 200, стр. 186—195.
[3] Там же, VIII, № 95, стр. 165—167 и №№ 97—98, стр. 169—174.
[4] Там же, X, № 194, стр. 193.
[5] Там же, X, № 52, стр. 53—54.

ренних губерний и даже из-за границы. Переселяющимся по вызову выдавались подъемные деньги (по 100 р. семейным и 75 р. холостым), обеспечивалась бесплатная врачебная помощь, квартира (в течение трех месяцев), выдавались пособия на постройку домов.[1]

Появление в Тбилиси каждого такого мастера с большим удовлетворением отмечалось на страницах местной официальной прессы. В 1846 г. правительственная газета «Кавказ» объявляла: «В скором времени ожидаем мы сюда из Одессы целую колонию ремесленников, которые должны выехать с первым пароходом. Говорят, что в числе их будет и портной француз. Прибывший же из Одессы портной Руар имеет теперь порядочную практику».[2] Через некоторое время та же газета извещала население Тбилиси о прибытии 60 мастеров, причем заметка заканчивалась таким рассуждением: «тем благодетельнее для Тбилиси прибытие такого множества искусных мастеров, что они гораздо дешевле тех, которыми до сего времени мы пользовались за неимением лучших... и должны были платить им дорого за посредственную работу».[3] С особенным, видимо, удовольствием газета «Кавказ» отмечает в своей хронике такие новости: «В Тбилиси прибыл первый русский мужичок, который открыл лавку на Армянском базаре».[4] В 1849 г. правительство дало разрешение поселиться в Тбилиси и заняться своими ремеслами иностранным мастерам, прибывшим из Германии, Венгрии, Франции и Австрии.[5]

Вполне понятно, что местные ремесленники не могли оставаться равнодушными к появлению в городе нового, конкурирующего с ними ремесленного элемента, находившегося к тому же под особым покровительством правящей бюрократии. Антагонизм между амкарами и вновь приезжими ремесленниками (по местной терминологии — ахалмосули) был вполне естественен и неизбежен. Амкарства, сильные своей сплоченностью и строгой дисциплиной, поддерживаемой устабашами, старались чинить всяческие препятствия прибывшим в Тбилиси ремесленникам. Они надеялись таким путем принудить их вступить в амкарские объединения и подчиниться традициям последних. Правительство, покровительствующее ахалмосули, чтобы защитить новопоселенцев-ремесленников, проводит в 1852 г. специальный закон «об управлении пришлыми ремесленниками в Тбилиси», не распространяя его на местные амкарства. Согласно этому закону, пришлые ремесленники не подчинялись амкарствам, и для них учреждалось в Тбилиси особое ремесленное управление или управа, состоявшая из избираемых ими из своей среды ремесленного головы и шести старшин.[6] Правда, закон этот, как несколько преждевременный (переселившихся в Тбилиси ремесленников было тогда не так уж много, чтобы нужно было создавать особое управление), был задержан. Но он все же развязывал руки прибывшему из России и других стран ремесленному люду в отношении обязательности подчинения их амкарским организациям (прибывшие могли входить в них только на добровольных началах, что, между прочим, больше всех использовали ремесленники из немцев-колонистов), а это, конечно, вносило дезорганизацию в работу амкарств.[7]

[1] Акты Кавк. Арх. Ком., IX, №№ 514 и 528, стр. 614, 624—625.
[2] Газета «Кавказ», 1846 г., № 16.
[3] Там же, 1846 г., № 20.
[4] Там же, 1847 г., № 37.
[5] ЦАУ Грузии, д. тифл. ген.-губерн. за 1849 г.; см. также дело тифл. воени. губерн. за 1859 г.
[6] II ПСЗ, XVII, № 26238.
[7] Акты Кавк. Арх. Ком., XII, № 153, стр. 233—234; II ПСЗ, XXXIV, отд. II, № 35013.

Тбилисские коренные ремесленники с испокон веков были и продавцами своих изделий. Часть их мастерских, выходящая на улицу, представляла собой лавку, где помещались готовые изделия и принимались заказы. Особенностью тбилисских амкарств, как нам уже приходилось говорить, было еще то, что членами их были не только ремесленники: они объединяли самые разнообразные категории трудящихся, занятия которых часто не имели ничего общего с ремесленным производством — мелких торговцев (главным образом продающих продукты питания), извозчиков, водовозов (тулухчи), музыкантов (зурначи), разносчиков (продающих мелочные и галантерейные товары) и т. д. В виду наличия в тбилисских амкарствах большого процента чисто торгового элемента, сосредоточивавшего в своих руках почти всю розничную торговлю в городе, между организованными в 1840 г. тбилисским городским общественным управлением (на обязанности которого было регулировать рыночную торговлю и предотвращать повышение цен на продукты первой необходимости) и амкарствами, естественно, сразу же возникли острые конфликты.

Ревностные исполнители воли правительства, новоявленные «отцы города» считали целесообразным вовсе уничтожить амкарства. Это было вызвано отчасти стремлением укрепить свой авторитет, подвергавшийся резкой критике в песенках и анекдотах кинто, отчасти опасением влияния сплоченных дисциплинированных амкарств на политику рыночных цен: амкарства имели возможность повышать продажные цены и тем удорожать жизненные условия в Тбилиси. Коренной мокалак Измиров в 1850 г. представил кавказскому наместнику кн. Воронцову мотивированную записку о необходимости упразднения амкарств, как вредных организаций, наносящих ущерб потребителям. Свои доводы против амкарств Измиров подкреплял еще тем, что устабаши притесняют пришлых мастеров и торговцев и присваивают себе правительственные права, устанавливая разные поборы. Но Измиров забегал вперед. Опытный администратор, каким был Воронцов, признал огульное уничтожение амкарств делом вредным, так как «всякое потрясение старых обычаев и привычек может, кроме других последствий, возбудить общее неудовольствие в лицах, веками заинтересованных в таких учреждениях».[1] У всех в памяти было грандиозное выступление амкарств в Тбилиси в 1829 г., когда правительство, по случаю войны с Турцией, объявило обязательный набор среди ремесленников и крестьян Грузии. Памятны были и грандиозные демонстрации и забастовки амкарств в 1849 г., когда правительство предприняло ряд мер по урегулированию базарных цен на мясные продукты. Для успокоения амкарской массы, за которой шло все недовольное колониальным гнетом население Тбилиси и ближайших к нему деревень, правительству пришлось тогда пойти на уступки.[2]

В такой исторической обстановке протекала деятельность тбилисских амкарств в начале второй половины XIX в. Эти патриархальные организации с их устарелыми способами ремесленного производства не могли уже удовлетворять потребностям времени, а своим архаическим укладом они лишь тормозили развитие местной промышленности, ибо стесняли свободную конкуренцию более квалифицирован-

---

[1] Арх. Главн. Упр. Нам. Кавк., Журн. Совета от 23 февраля 1851 г., № 5; Е. Егиазаров. Указ. соч., стр. 19 и 352.

[2] Акты Кавк. Арх. Ком., VIII, №№ 284—285, 290—292; Гос. Музей Армении, Литературный сектор, ф. Ю. Ахвердова (рукопись), $\frac{4937-12}{399}$; А. Пурцеладзе. Наши общественные дела. «Закавказская Речь», № 176, 1912.

ных пришлых ремесленников. Поэтому на амкарства одновременно наступали прислуживавшее правительству тбилисское «общественное» городское управление, российский «отечественный» промышленный капитал, внедрявший среди местного населения продукцию своих фабрик и заводов, и, наконец, пришлые ремесленники, не желавшие подчиняться традициям амкарств.

К этому же времени относится и процесс внутреннего расслоения в тбилисских амкарствах. Патриархального равенства между амкарствами, как это изображали буржуазные исследователи, идиллического благоденствия среди ремесленников, конечно, не было и в помине. Не было согласия и между амкарской верхушкой (устабаши, агсахкали и пр.) и рядовыми мастерами, между этими последними и зависящими от них подмастерьями и учениками. Среди тбилисских амкарств на первое место по своему влиянию выдвигаются наиболее мощные организации, являвшиеся зачастую поставщиками сырья для ряда других (таковы, например, кожевники, снабжавшие сырьем сапожников, башмачников, седельников, шорников; лабазники и зависевшие от них хлебники, пурщики и т. д.). Одновременно, в связи с ростом производства, которому сопутствовало большее разделение труда между членами одного и того же ремесленного объединения, происходит дробление амкарств и увеличение числа их. По обследованию, произведенному в 1865 г., в Тбилиси насчитывалось не менее 100 амкарств против 68 в 50-х годах XIX в., в пять раз более, чем в 20-х годах XIX в.[1]

Расчленение амкарств и рост их количества влекли за собой соответственное расширение амкарской верхушки (устабашей и других должностных лиц) и увеличение расходов на ее содержание, что сильно отягощало положение рядовых мастеров. Расслоению внутри амкарств немало способствовал также процесс «замыкания цеха», стремление амкарств подавить всякую конкуренцию извне, что влекло

[1] Приводим перечень амкарств: 1) кожевники и связанные с кожевенным производством, 2) сапожники азиатские, 3) башмачники европейские, 4) подковщики грузинских сапог, 5) башмачники азиатские, 6) починщики обуви (пиначи), 7) седельщики, 8) литейщики принадлежностей сбруи, 9) сбруйщики, 10) виноторговцы, 11) смоляры бурдюков, поршники, 12) харати (грузинские токари, приготовляющие трубочки-краны для бурдюков), 13) выделывающие меховые папахи, 14) шубники, 15) маркитанты, 16) трактирщики, 17) ликерщики, 18) харчевники, 19) шапочники, 20) эполетчики, 21) переплетчики, 22) торговцы старым платьем, 23) бакалейщики и кинто, 24) татарские бакалейщики, 25) садовники, 26) портные азиатские, 27) продавцы готового платья, 28) лабазники (алапы), 29) хлебники, 30) пурщики, 31) булочники и кондитеры, 32) портные европейского платья, 33) мясники, 34) требушечники, 35) продавцы живой и битой птицы, 36) маклеры и браковщики скота, 37) мелочные торговцы, 38) продавцы стеклянных и хрустальных изделий, 39) свечники, 40) торговцы бакалеей и сахаром, 41) торговцы железными и скобяными изделиями, 42) мыловары, 43) мешечники, 44) сапожники, 45) пильщики, 46) столяры, 47) токари европейские, 48) каменщики, 49) водопроводчики, 50) серебренники, 51) бриллиантщики, 52) часовые мастера, 53) менялы, 54) оружейники, 55) мастера кинжальных ножен и футляров, 56) чеканщики золотых надписей на оружии, 57) мастера ружейных лож, 58) табачники, 59) папиросники и трубочники, 60) живописцы, 61) фотографы, 62) торговцы красками, 63) обойщики, 64) маляры, 65) цырюльники, 66) парикмахеры, 67) зубные врачи, 68) медники, 69) лудильщики, 70) каретники, 71) кузнецы, 72) слесари, 73) извозчики, 74) каменотесы, 75) каменоломщики, 76) горшечники, 77) продавцы глиняной посуды, 78) плотники, 79) кирпичезаводчики, 80) кирпичники, 81) обжигальщики, 82) тачечники, 83) продавцы гажи, 84) рыбопромышленники, 85) рыболовы, 86) сеноторговцы, 87) саманоторговцы, 88) тулухчи, 89) паланчи (седельщики для ослиных вьюков), 90) мечустеби (туфельщики), 91) дамские сапожники, 92) подковщики для местной обуви, 93) подковщики, 94) галунщики и шмуклеры, 95) зурначи, 96) сазандари, 97) купцы-мануфактуристы, 98) базазы (торговцы бумажными материями), 99) разносчики, 100) красильщики бумажных материй (ЦАУГ, ф. 87, 138, стр. 55—56; Арх. Наместн. на Кавк., д. 1865 г., св. 4951, д. № 231 (61).

за собой ограничения в возведении в звание мастера не только для посторонних, но и для своих подмастерьев. Отсюда крайне повышенные требования к квалификации мастера, а также рост расходов, связанных с посвящением в это звание (подарки мастеру и должностным лицам, угощения и т. д.). В результате увеличивались кадры вечных подмастерьев, которые мало чем отличались от подлинных пролетариев.

Чтобы держать в полном повиновении массу рядовых мастеров и помогать им эксплоатировать подмастерьев и учеников, амкарская верхушка устанавливает ряд взысканий за неподчинение дисциплине. Здесь фигурируют и денежные штрафы (до 20 р.), и изъятие средств производства (инструментов), и отлучение от амкарской среды с запрещением амкарствам какого-либо общения с виновным. Последняя мера вела к полному разорению и даже «гражданской смерти» непокорного члена амкарства.

В силу этих условий напряженное настроение внутри тбилисских амкарств к июню 1865 г. почти достигло предела. Недовольство, близкое к отчаянию, было результатом тройного процесса — колониального гнета царизма, полицейского гнета городских властей и «отеческого попечения» амкарской верхушки. Амкарские массы, особенно подмастерья и ученичество, все сильнее ощущали свою связь с чисто пролетарским элементом, работающим в невероятно тяжелых условиях на фабриках и заводах Тбилиси, и с крестьянством, неоднократно восстававшим против своих угнетателей — помещиков и царских сатрапов.

Население Тбилиси накануне выступления амкар, согласно официальной статистике,[1] представлялось в следующем виде: коренных жителей в 1863/64 г. насчитывалось 62 318 чел., из них: 1) дворян потомственных и личных — 3704 (5%), 2) духовенства — 1398 (2.2%), 3) купечества (вачари) — 3217 (5%), 4) потомственных почетных граждан («первостатейных мокалаке») — 466 (0.8%), 5) граждан («мокалаке»), среди которых преобладали ремесленники, — 14 928 (24.2%), 6) крестьян — 34 754 (56.5%): в том числе дворовых — 1010, казенных — 27 498, помещичьих — 3014, церковных — 3209 и свободных хлебопашцев — 23, 7) отставных солдат и солдатских детей — 1140 (2%), 8) немцев-колонистов — 709 (1.1%), 9) русских сектантов-поселенцев — 749 (1.2%), 10) прочих категорий — 1257 (2%).

Помимо того в городе, по показаниям полиции, значились 2896 прибывших из других городов, 14 615 военных, 11 200 чел. разных национальностей, временно проживающих, и до 20 тыс. прибывших на сезонные работы из разных районов Закавказья и Персии. Всего же коренного и временно проживающего населения по приведенным данным было не менее 100—110 тыс. (Нужно иметь в виду, что сведения о прибывших из разных мест, как и вообще данные полиции, являются сомнительными.)[2]

В Тбилиси в то время скопилось немало деклассированного элемента. Это, несомненно, являлось серьезной угрозой спокойствию в городе. Недаром еще в 1832 г., когда в Тбилиси был раскрыт заговор грузинских дворян, следственные власти указывали, что «заговорщики в самом Тифлисе могли рассчитывать найти временных пособников в бродячих и черни города, в коем сброд всяких людей естественен и по местным обычаям».[3]

---

[1] Статистическое описание Тбилиси, Кавк. календарь 1865 г.

[2] Так по крайней мере их расценивает редактор Статистического комитета Дункель-Веллинг.

[3] Акты Кавк. Археогр. Ком., VIII, №№ 275—290, «Дело о грузинском заговоре».

В 1865 г. Тбилиси был не только крупным торговым центром (торговый оборот в 1864 г. составлял 11 млн. руб.), но и значительным центром местной промышленности. По данным тбилисского статистического комитета в городе насчитывались 1 казенная, 15 частных фабрик и 119 частных заводов.[1] Правда, все эти предприятия были не крупного масштаба: стоимость производства их определялась не свыше 550 тыс. руб., рабочие кадры едва ли превышали 1000 чел. Но самый факт существования этих предприятий показывает, что в Тбилиси в это время был налицо подлинный пролетарский элемент, пусть еще неорганизованный, но уже окончательно порвавший связь с деревней. И положение этого пролетариата, если припомнить более позднее (1888 г.) описание тбилисских фабрик, данное С. И. Гулишамбаровым, было невыносимо тяжелым.[2]

III

В официальных и полуофициальных сведениях об июньских событиях 1865 г. в Тбилиси, кстати очень скудных, эти события называются «бунтом амкар», а то и просто «неприятным инцидентом в истории городского управления в Тбилиси».

Вот как описывает эти события несменяемый в продолжение четырех десятилетий секретарь Тбилисской городской управы Чрелаев:[3]

«При возрастающих потребностях в отношении подъема городского благоустройства, представители города, после долгих колебаний, остановились на мысли возбудить ходатайство об установлении дополнительного налога на все питейные заведения в Тифлисе в размере 25% против существовавшей нормы. Вслед за Тифлисом такое же ходатайство и с тою же целью было возбуждено и Петербургскою Управою, но в размере 50% свыше нормы. Наместник Кавказский, в. кн. Михаил Николаевич, относившийся с полным вниманием к нуждам города, передал это ходатайство на заключение особой комиссии, под председательством своего помощника кн. Г. Д. Орбелиани с участием наиболее известных представителей торгового мира г. Тифлиса. Комиссия определила размер дополнительного налога в сумме около 10 тыс. р. в год, ходатайство города было уважено надлежащей властью с установлением этого налога с 1865 г. В то время как в Петербурге надбавка налога прошла мирно, в Тифлисе слухи о дополнительном налоге взбудоражили торговцев и ремесленников. Они подавали сначала коллективные просьбы об отмене этого налога, но когда просьба их не возымела надлежащего действия, то ходатайствовали об отсрочке взноса причитающихся с них денег. Однако и это ходатайство признано было не заслуживающим уважения. Городской голова Шермазан-Вартанов сделал надлежащие распоряжения о взимании нового налога, а сборщик податей Бажбеук-Меликов приступил к исполнительным действиям. Торговцы с напряжением следили за этими действиями и в свою очередь обсуждали меры к парализованию приготовлений городской управы.

26 июня 1865 г. было назначено окончательное совещание торговцев и ремесленников амкар города, и на этом совещании было решено закрыть все торговые заведения с утра 27-го июня впредь

[1] Кавк. календарь 1865 г., Отд. статистич., стр. 59.

[2] С. Гулишамбаров. Обзор фабрик и заводов Тифлисской губ., Тифлис, 1888; П. Жуков. О рабочем вопросе в Зак. крае (газ. «Кавказ», 1874 г., №№ 35—49).

[3] С. Чрелаев. Тифлис в XIX ст. (сб. «Весь Кавказ», 1903 г.).

до отмены налога. Наместник Кавказский в то время был в Петербурге, обязанности же его исполнял кн. Г. Д. Орбелиани, который, узнав об упомянутом решении, немедленно пригласил ремесленных старшин и объявил им, что если это решение будет приведено в исполнение, то он сочтет себя вынужденным прибегнуть к военной силе к подавлению бунта. Старшины оказались бессильными успокоить торговцев, и на другой день, 27 июня, все торговые заведения были закрыты, а толпа ремесленников и торговцев, переходя из улицы в улицу, производила беспорядки. Буйства ее, усиливаясь и возрастая, достигли до крайней степени напряжения. Вдруг кто-то подал клич — «бить городского голову с его помощником». Толпа устремилась к домам этих представителей города и разгромила их. Бажбеук-Меликов попал в руки толпы, которая избила его до смерти, городскому же голове удалось спастись. Были вызваны войска, но толпа, сомкнувшись в кучу, продолжала буйствовать и не расходилась, несмотря на предупреждения. Упорство толпы было настолько велико, что войскам дан был приказ стрелять в нее, при чем убито было четыре человека и ранено девять. Лишь после этого толпа наконец разошлась. Администрация решила назначить нового городского голову в лице Я. С. Абесаломова, которому и удалось образумить торговцев. Была выбрана особая депутация, которая дала кн. Г. Д. Орбелиани торжественное обещание подчиниться законным требованиям властей, не нарушать более общественного порядка и обратиться к мирным занятиям.

Вот этот-то неприятный инцидент, в связи с недостаточностью городских средств, — заканчивает С. Чрелаев, — и послужил поводом к возбуждению вопроса о преобразовании действовавшего в то время положения 1840 г. о городском общественном управлении в г. Тифлисе».

Во всем этом до пошлости простом изображении тбилисских событий 26—28 июня 1865 г. одно лишь можно считать за достоверное — это то, что ближайшим поводом к выступлению тбилисских амкарств было распоряжение городского головы Шермазан-Вартанова о взыскании увеличенного на 25% городского сбора с питейных заведений (духанов) и что смена Шермазан-Вартанова и назначение на его место Абесаломова, в связи с проведенной им разъяснительной политикой, содействовали успокоению тбилисских ремесленников и торговцев.

В событиях 26—28 июня приняли участие не одни лишь амкары. Об этом отчетливо свидетельствуют не только принятые правительством меры к локализации выступления, но и описания событий, появившиеся в столичных и заграничных газетах. Вот что писал об этом выступлении издававшийся в Лондоне «Колокол» Герцена: «Тифлисское городское рабочее население подало руку мокалакам, чтобы дать вместе отпор русскому правительству... люди, не имеющие никакого понятия о тактике партий, разделенные между собой бездной общественного и экономического положения, шли тогда рука об руку против «общего врага», забыв, что вчера мокалак обчистил сегодняшнего своего соратника мушу (рабочего) и что завтра повторится та же самая история... Правительство захотело надуть русское общество, напечатав в своих изданиях, что амкары требовали только уничтожения или отсрочки новоустановленных налогов, тогда как мокалаки, а с ними и рабочие требовали, чтобы независимо от отмены налога все дела, касающиеся города, подлежали обсуждению и решению выборных городского общества, чтобы все городские работы производились по соглашению и под надзором тех же

выборных, налоги устанавливались и взимались ими же, словом требовали полной городской самостоятельности».[1]

Впрочем, такая оценка выступления амкаров, при всей ее красочности, не может быть признана научно объективной. Это доказывают не только уже изложенные нами «исторические своеобразия», характерные для описываемых событий, но и сохранившиеся подлинные документы о них, к исследованию которых мы сейчас переходим.

В 1865 г. доходы города Тбилиси исчислялись в размере 306 823 р. 73½ к., а расходы — в 638 502 р. 14 к., т. е. вдвое выше доходов. Ясно, что такое состояние городского бюджета не могло считаться нормальным. Дефицитность тбилисского бюджета выявилась значительно раньше. Еще в 1861 г. городское управление возбудило ходатайство перед губернатором разрешить городу для покрытия долгов и расходов ввести новые виды обложения на гостиницы, рестораны, кофейни, караван-сараи, бани, склады строительных материалов на улицах и площадях, на прописку населения, устраивающиеся в городе лотереи, на лошадей, экипажи и т. д.[2]

В ответ на это ходатайство по распоряжению наместника организована была под председательством тбилисского ген.-губернатора «комиссия по управлению и благоустройству г. Тифлиса». Приступив к работе в начале 1865 г., комиссия изучила финансовое положение города и наметила ряд конкретных мер к ликвидации его затруднительного финансового положения.

Самую несправедливую и обременительную для населения статью расходов в бюджете города составляла уплата квартирных денег расквартированным в Тбилиси воинским частям. В 1862 г. для этого требовалось 82 148 р. 46 к., или свыше 26% городских доходов. Между тем три четверти этой суммы шли не на потребности тбилисского гарнизона, а на содержание в городе главного штаба Кавказской армии.

Комиссия вынесла решение, что войска, не составляющие гарнизон Тбилиси, должны получать квартирное довольствие или из общих земских сумм Закавказского края, или же по государственной военной смете, и проектировала ввести в расход 1865 г. на квартирное довольствие войск вместо 82 148 р. 46 к. только 20 тыс. р. Кроме того комиссия высказалась за необходимость сокращения расходов по уплате долгов Тбилиси с отнесением погашения на строительный вспомогательный капитал, а также наметила другие мелкие мероприятия по оздоровлению городского бюджета.

Что касается приходной части бюджета, то та же комиссия нашла целесообразным ввести следующие новые сборы: 1) добавочную 25%-ную пошлину за свидетельства, выдаваемые на право торговли напитками в разных промышленных заведениях г. Тбилиси и его предместий, 2) сборы с экипажных и верховых лошадей, 3) сборы с добываемых на городских землях глины, извести и гажи, 4) за складку строительных материалов на улицах и площадях и 5) за прописку жителей в обывательскую книгу.

Наместник утвердил все перечисленные положения комиссии, за исключением лишь 75%-ного сокращения расходов по квартирной повинности.[3]

В Тбилиси были введены следующие новые налоги: 1) на питейные заведения в городе Тбилиси и его предместьях — в Немецкой колонии, Новых Куках, Молоканской деревне; в городе питейные

---

[1] «Колокол», 15/IX 1865 г., стр. 1673—1676, ст. Рио-Нели (Н. Николадзе).
[2] Тбилисский муниципальный архив, д. № 97.
[3] Там же.

заведения 1 и 3 разряда были обложены сбором в размере 80 р., 2 и 4 разряда — 40 руб. в год; в предместьях заведения 1 и 3 разряда — 40 руб., 2 и 4 разряда — 20 руб., в год; 2) на экипажных лошадей по 10 руб., верховых — по 5 руб., лошадей биржевых извозчиков и водовозных — по 3 руб., лошадей для перевозки грузов — по 1 руб. в год; 3) за складку строительных материалов на улицах и площадях — по 10 коп. с каждой квадратной сажени в месяц; 4) за право добычи на городских землях глины и извести — более 4 тыс. руб. ежегодно, и 5) за прописку в обывательской книге лиц податного сословия — 50 коп. и прочих граждан — 3 руб.

Одновременно с этим Управление наместника 12 февраля 1865 г. предложило городскому голове оповестить питейные заведения Тбилиси и его предместий об обязательности уплаты новых увеличенных сборов к 1 июля того же года.

Комиссия по управлению и благоустройству г. Тбилиси вела свою работу секретно, не доводя ее до сведения ни выборных городского управления, ни гласных от городских сословий. Но работа эта не осталась тайной. Слухи о ней и о нарушениях традиционных прав мокалаков и амкарских устабашей проникли в массы городских плательщиков и вызвали недовольство среди них.[1]

Тбилисская городская буржуазия решила вступить в борьбу с правительством за попранные права. И раньше правительство вводило новые налоги, но амкары по опыту знали, что иногда достаточно было единодушного и энергичного с их стороны требования, чтобы правительство изменило свои решения.[2]

Во время следствия по делу о выступлении 26—28 июня устабаши Казар Агамалов между прочим показал, что мокалак Григорий Измиров говорил: «Если все амкары закроют свои мастерские и магазины, то победа будет на нашей стороне». К этому устабаши хлебопеков Кациела добавил: «И в Кутаисе правительство установило новые налоги, но торговцы закрыли свои торговые заведения, и правительство отменило налоги». В заявлении следственной комиссии б. городской голова Тбилиси Шермазан-Вартанов припомнил слова, которые якобы произнес мокалак Мнацакан Вартанов: «И при Реуте мы бунтовали, но за это нас никто не наказывал».[3]

Об этих прецедентах помнили не только тбилисские мокалаки и амкары, но и администрация. И. об. наместника Кавказского Г. Д. Орбелиани в своем письме наместнику Михаилу Николаевичу по поводу амкарского выступления счел необходимым напомнить: «При подобном происшествии кн. Воронцов сам своими руками разорвал контракт о продаже мяса, не думая вовсе об уступках. Кн. Паскевич едва ли обратил серьезное внимание на такое же событие, случившееся при нем (в 1829 г.)».[4]

Не успело еще правительство опубликовать постановление о введении новых налогов, как под руководством устабашей оно сделалось

---

[1] Казар Агамалов показал следственной комиссии: «Месяца три назад, т. е. приблизительно в марте—апреле 1865 г., общество маркитантов узнало, что сделан новый налог по 25% с каждого духана» (см. Центрархив Грузии, д. Деп. суд. дел Главн. упр. нам. Кавк., № 2, л. 28).

[2] ЦАУ Грузии, д. № 215, Амкарское восстание в 1865 г., л. 170; Письма Гр. Орбелиани, д. № 174.

[3] Там же, д. Деп. суд. дел Главн. упр. нам. Кавк., № 2, 1865 г.; лл. 55 и 123. (Реут — помошник главноначальствующего в Грузии).

[4] Там же, Письма Гр. Орбелиани, д. № 174, л. 157. Указанный в этом письме случай с кн. Воронцовым имел место, по свидетельству А. Пурцеладзе, в 1849 г. или в 1850 г. (см. его ст. «Грузинские дела и участие в них Вахтанга Тулаева» в газ. «Закавказская Речь», 1912 г., № 136).

предметом самого широкого обсуждения в амкарской среде. С этой целью амкары собирались в различных местах города: на Авлабаре, в Ортачальских садах за городом, на Ходживанском кладбище, в оградах церквей и т. п. На собраниях вырабатывались необходимые, по мнению устабашей, мероприятия для защиты городского населения от незаконно установленных налогов. Свои собрания амкары устраивали открыто, так как с незапамятных времен они имели право собираться для обсуждения своих вопросов без особого разрешения администрации.

Когда официальная газета «Кавказ» объявлениями от 12, 15, 16, 17 и 19 июня оповестила население об установлении новых городских налогов и сроках их взноса, у амкаров были уже готовы решения по этому вопросу. Амкарства маркитантов и виноторговцев Навтлуга и второго участка Тбилиси первыми отказались дать подписку в получении этого объявления; члены этих амкарств, проживавшие в 3-й и 4-й частях города, подписку выдали, но тут же письменно заявили о своем несогласии вносить новые налоги.

Для возбуждения амкарской массы представители городской буржуазии прибегали и к другим мерам. Почти одновременно с объявлением о новых налогах в газете «Кавказ» по случаю жалоб на злоупотребления откупщика городских весов были опубликованы по распоряжению городского головы выписки из контракта о весовом сборе. В этой публикации подробно перечислялись сборы с весов на съестные продукты. Эта публикация была также немедленно использована защитниками амкарских прав. Выписка из нее, отпечатанная на отдельных листках, широко распространялась в массах. При этом говорилось, что, кроме вновь установленных незаконных налогов, якобы вводятся еще новые сборы на съестные припасы, одежду и проч.[1] В связи с этим по городу распространялось множество других волнующих население слухов, что еще более способствовало тревожному настроению, особенно среди чернорабочих и деклассированных элементов населения.

Общее недовольство политикой царизма стремилась в эти дни использовать и крупная городская буржуазия. «Первостатейные» мокалаки и коренное купечество Тбилиси были крайне недовольны постепенным ростом влияния в городе ахалмосули (вновь поселившихся купцов) и предпочтением, которое отдавало им правительство. К этому же времени относится между прочим борьба между коренным купечеством Тбилиси и группой ахалмосули вокруг выборов городского головы. В 1864 г., не без содействия администрации, городским головой был избран Галуст Шермазан-Вартанов, выходец из Персии, сравнительно образованный и, несомненно, очень ловкий человек, который из ахалмосули сумел выдвинуться в городские головы. Это был первый случай, когда во главе городского управления оказался не коренной мокалаке Тбилиси. В самом факте избрания Шермазан-Вартанова мокалаки видели явное нарушение своих традиций и винили во всем правительство, покровительствовавшее ахалмосулам.

Действительно, Шермазан-Вартанов, ничем не связанный с коренным городским населением, являлся наиболее приемлемым для правительства кандидатом на должность городского головы и для проведения колониальной политики. В установлении новых налогов недовольная группа мокалаков усматривала, не без основания, прямое попустительство со стороны нового головы и объясняла это

[1] ЦАУ Грузии, д. Деп. суд. дел Главн. Упр. нам. Кавк., № 2, л. 27.

прислужничеством его к властям. Не удивительно поэтому, что известие об установлении новых налогов было использовано мокалаками для борьбы против Шермазан-Вартанова. В городе распространились слухи, что не только налоги установлены по настоянию Шермазан-Вартанова, но что по его инициативе правительство принимает меры к введению рекрутской повинности среди горожан и к установлению купеческих гильдий для торговцев.

Противники Шермазан-Вартанова использовали и другие средства борьбы. Амбарцум Энфианджианц, владелец типографии, в которой печаталась армянская газета «Мегу Айастан» («Пчела Армении»), поместил в ней перевод из официального издания подробной земской сметы Кавказского края с перечислением новых налогов по Тбилиси. Свою газету он широко распространял среди устабашей амкарств в подтверждение того, что городской голова действует во вред городу. «Посмотрите, — говорил Энфианджианц устабашам, — до Шермазан-Вартанова никогда не было этих налогов, а теперь они возникли». [1]

Другой представитель коренных тбилисских мокалаков, Григорий Измиров, который в 1847 г. сам представил наместнику Воронцову доклад о реорганизации амкарств, теперь входит в сношения с устабашами маркитантов и других амкарств, которые в первую очередь должны были испытать на себе тяжесть новых налогов (трактирщики, харчевники и пр.), и стремится восстановить их против Шермазан-Вартанова, выставляя последнего виновником введения новых налогов. На квартире Измирова маркитанты устраивают совещания, на которых обсуждается поведение членов амкарств, наиболее чувствительно задетых новыми налогами.

В том же направлении действуют и другие «первостатейные» мокалаки. Так, братья Иван и Иларион Поракишвили по вечерам собирали у себя на квартире устабашей и агитировали среди них против Шермазан-Вартанова. [2]

Казар Агамалов, устабаши маркитантов, в своих показаниях следственной комиссии так рисует начало восстания: «Как только узнали об установлении новых налогов, мы тотчас же просили городского голову об отмене их, но после того, как он нам ответил, что это не от него зависит, мы обратились с соответствующей просьбой к Кавказскому наместнику. В ответ на эту просьбу нам скостили налог по 5 рублей с каждого духана. Но так как и это не улучшало нашего положения, то мы обратились к и. д. ген.-губернатора и даже самому Григорию Орбелиани. Так как последние не уважили просьбы, то послали эстафетой в Петербург просьбу, подписанную маркитантам и виноторговцами в числе 60 человек». [3]

В ожидании ответа от правительства амкары не сидели сложа руки. Они устраивали совещания, на которых было принято следующее решение: если правительство не отменит налогов, закрыть лавки, собраться на Ходживанском кладбище и не расходиться оттуда до тех пор, пока правительство не пойдет на уступки. Со всех находившихся на собрании была взята подписка в том, что они будут соблюдать это решение; агсахкалам было поручено заставить тех членов амкарств, которые на собрании случайно отсутствовали, дать свои подписи. [4] При обыске у устабаши Казара Агамалова обнаружили такую подписку, датированную 15 июня 1865 г. Она заканчи-

---

[1] ЦАУ Грузии, д. Деп. суд. дел Главн. упр. наместн. Кавк., № 2, л. 116; там же, д. № 215 — «Восстание амкарств в Тифлисе в 1865 г.», л. 124.

[2] Там же, д. № 2, л. 36 и д. № 215, л. 124.

[3] Там же, д. № 2, лл. 28—29.

[4] Там же, лл. 52—53.

валась следующими словами: «До будущего июля месяца мы имеем срок, а по окончании этого срока мы не можем платить вновь определенные эти налоги, в чем подписуем и согласны». [1]

Амкары прекрасно понимали, что в единении сила. Это подчеркивал и Измиров, уверявший, что если все амкары закроют лавки, победа будет за ними. Впервые мысль о закрытии лавок подал устабаши Давид Джаназизов, и его предложение было принято всеми маркитантами. [2]

В своих показаниях устабаши маркитантов Агамалов говорил: «Не помню хорошо, когда именно было это. Раз Джаназизов пригласил меня в духан Киракозова, где были Иван Топчиев, Минас Кочиков (он же Круашвили), Хечо Макаров, Несо Киракозов и др., и здесь он мне сказал: «Вот мы решили завтра собраться в саду Бастамова поговорить относительно налогов». Во время обеда в том же духане Кочиков упрекнул виноторговцев, что они не поддерживают маркитантов и сказал, что если они не будут действовать вместе с маркитантами, то последние откажутся от уплаты им своих долгов (очевидно за купленное вино. — *А. П.*) и прекратят всякие сношения с ними. Бывшие там виноторговцы не дали согласия на закрытие своих лавок, и на этой почве между Кочиковым и Киракозовым произошла ссора. Джаназизов при Топчиеве говорил, что они предположили пригласить в сад устабашей и агсахкалов других цехов, а именно бакалейщиков, алапов (лабазников. — *А. П.*), пурщиков, хлебопеков и резников, посоветоваться с ними и узнать, не будут ли они согласны закрыть вместе с ними свои лавки... И действительно, я пригласил своих агсахкалов и несколько влиятельных маркитантов, Джаназизов привел своих людей, а также и устабашей и агсахкалов других вышеперечисленных амкарств. Собрались в саду. Джаназизов говорил о новых налогах, что нужно закрыть лавки, и тогда начальство будет вынуждено сложить налоги. Пурщики и агсахкалы Джаназизова согласились с Джаназизовым на закрытие лавок, но остальные отвергли его предложение. В это время в саду появился знакомый уже нам Григорий Измиров со своим товарищем. Он приветствовал собравшихся, и на его вопрос, для чего амкары собрались, Джаназизов ответил, что маркитанты не в состоянии уплатить новые налоги и потому намерены закрыть свои духаны. Измиров оглянулся вокруг, улыбнулся и сказал: «Если лавки закроют одни маркитанты, то из этого ничего не выйдет, а если все амкары закроют лавки, то победа будет на вашей стороне». [3]

Городской голова Шермазан-Вартанов картину, нарисованную Агамаловым, дополняет следующими подробностями: «Приблизительно к 20 июня 30 устабашей, собравшись под предводительством маркитанта Круашвили в ограде армянской церкви, дали клятву по армянскому обычаю, т. е. приложив к церкви правые ладони, что никому не расскажут о происходившем совещании, а потом по два — по три направились в сад, расположенный близ таможни. Григорий Измиров (его брат имел завод около этого сада), заметив, что устабаши и агсахкалы в саду, отправился туда же, обратился к ним с речью и уговаривал запереть лавки и не платить налогов, указывая при этом, что если толпа убьет 100 или 200 человек, то за это никого в Сибирь не сошлют, потому что дело общественное и в таких случаях никто не обвиняется». [4]

---

[1] ЦАУ Грузии, д. Деп. суд. дел Главн. упр. наместн. Кавк., № 2, л. 58.
[2] Там же, лл. 53 и 55.
[3] Там же, лл. 54—55.
[4] Там же, лл. 34—36.

Хотя показания Шермазан-Вартанова против Измирова нельзя считать вполне объективными, нужно согласиться, что Измиров действовал очень энергично и с большим искусством подбивал амкаров на решительные действия.

Выполнение решения, подкрепленного клятвой, было обеспечено. Это подтвердилось последующим ходом событий, а также тем, что ни во время следствия, ни при разборе дела не оказалось ни одного предателя.

Приближалось первое июля — срок взноса новых налогов. Ответа на посланное в Петербург ходатайство так и не дождались. Медлить было нельзя, пора было от слов переходить к делу. 24 июня устабаши амкаров в последний раз обратились к губернатору с просьбой не взыскивать новых налогов, но получили отказ. Из канцелярии губернатора они направились прямо в ограду Ванкского собора и там приняли решение об устранении четырех устабашей (Юзбашева, Арутюнова, Галустова и Кондахсазова) — сторонников Шермазан-Вартанова, которые вместе с ним дали свое согласие на уплату налогов. Здесь же было постановлено 26 июня собраться на Ходживанском кладбище и принять окончательное решение о последующих действиях.[1]

26 июня амкары собрались на Ходживанском кладбище. Здесь единогласно было постановлено: 28 июня закрыть все мастерские и лавки и не открывать их до тех пор, пока не будут отменены новые налоги. Решено было твердо стоять на своем даже в том случае, если со стороны администрации будут приняты самые строгие меры. Подняв руки вверх, собравшиеся поклялись друг другу, что разорят мастерские и лавки тех, кто не подчинится этому решению, и заклеймят проклятием изменников общему делу.

Принятые амкарами решения стали известны и. о. наместника кн. Орбелиани, который, как местный житель, прекрасно понимал силу подобных решений. Он вызвал тбилисского полицеймейстера Рославлева и приказал ему объявить амкарам, что если они проведут в жизнь свое постановление о закрытии лавок и мастерских, это будет рассматриваться как противоправительственный акт, и против амкаров будут приняты строжайшие меры, вплоть до применения военной силы.

В воскресный день 27 июня к 8 часам утра полицеймейстер пригласил к себе устабашей и объявил им распоряжение кн. Орбелиани. В это время на Эриванской площади перед управлением полицеймейстера собралась огромная толпа торговцев, ремесленников, чернорабочих и прочих горожан. Среди собравшихся распространился слух, что вызванные полицеймейстером устабаши арестованы и ссылаются в Сибирь, что их участь разделят многие другие. С особым упорством это известие распространяли смещенные 24 июня по постановлению амкаров устабаши. Слух молниеносно распространился по городу и еще более усилил возбуждение. К управлению полицеймейстера прибывали все новые толпы. Возбуждение росло. Толпа избила устабаши каменотесов Ерешова, видимо вследствие несогласия его с общим настроением. Когда Ерешов попробовал уйти с площади, толпа стала бросать ему вдогонку камни.

Подойдя вплотную к управлению полицеймейстера, толпа стала требовать освобождения вызванных в полицию устабашей и пыталась даже ворваться в канцелярию управления. Полицеймейстер вынужден был выйти к толпе и объявить, что устабаши не арестованы.

[1] Там же, лл. 28 и 29.

В доказательство полициймейстер предложил устабашам выйти к толпе и подтвердить, что они действительно находятся на свободе.

Но устабаши, видимо, вовсе не имели намерения успокоить толпу. На следствии очевидцы показывали, что казначей маркитантов Минас Кочиков (он же Круашвили), выйдя из здания управления, «по приказанию полициймейстера, уговаривал толпу разойтись и в то же время жестами показывал, чтобы народ шел в полицию».[1] Когда же полициймейстер сообщил устабашам о распоряжении кн. Орбелиани и вторично предложил им выйти к толпе и успокоить ее, устабаши отказались это сделать. Они заявили, что толпа может избить их и просили выпустить их поодиночке, чтобы они могли незаметно скрыться.

«Когда полициймейстеру не удалось убедить толпу разойтись, и она все увеличивалась, для переговоров с ней на Эриванскую площадь прибыл и. о. тифлисского гражданского губернатора Николай Чавчавадзе. Но и его увещания ни к чему не привели. Более чем десятитысячная толпа народа продолжала себя вести угрожающе. Помимо разговоров о новых налогах в толпе распространялись нелепые слухи, что с сегодняшнего дня все население обязано носить русские сапоги и что городской голова дал согласие на введение воинской повинности и пр.»[2]

Полициймейстер доложил обо всем кн. Орбелиани, который в 2 часа дня явился сам на Эриванскую площадь.

«Поэту Орбелиани казалось, что его заслуги, происхождение, высокий пост и беседа подслащенным языком будут достаточны для того, чтобы успокоить народ. «Дети мои, — начал он свою речь к собравшимся, — образумьтесь, успокойтесь! Закон для всех одинаков. Вот я — верховный правитель, и все же плачу налог за лошадь», — с такими словами обратился поэт-администратор к народу. «Эх, почтеннейший, — ответил поэту один из толпы: — ваше дело совсем другое. Вы кормите лошадь, нас же лошади кормят. Вот какая разница между нами. Откуда платить такой большой налог, когда нет средств?»[3]

Князь вышел из себя: он стал кричать на толпу, угрожать ей. В ответ на это из толпы раздались ругань, свистки, посыпались камни. Орбелиани с позором покинул площадь.

К 3 часам дня на площадь прибыли жандармы и казаки, которые начали разгонять толпу. Их встретили градом камней, причем одному казаку разбили голову. Толпа пыталась ворваться в управление полициймейстера и разгромить его, но объединенные силы полиции, жандармерии и казаков помешали этому. Тогда толпа повернула на Вельяминовскую улицу и начала громить дом Ходжаминасазова, ошибочно приняв его за дом городского головы. Когда кто-то из толпы крикнул: — «Это не дом Шермазан-Вартанова!», толпа двинулась дальше и, подойдя к дому городского головы, начала громить его. Самого Шермазан-Вартанова в это время не оказалось: узнав о приближении толпы, он поспешил скрыться.

Разгромив дом Шермазан-Вартанова, толпа спустилась вниз к б. Солдатскому базару и двинулась через Михайловский мост в район Чугурети, все разрастаясь на своем пути.

Не обошлось и без комических инцидентов. Один из участников

---

[1] ЦАУ Грузии, д. Деп. суд. дел Главн. упр. наместн. Кавк., № 2, л. 125.

[2] И. Меунаргия. Жизнь и деятельность Гр. Орбелиани (Журнал «Моамбе», V, 1904 г. — на груз. яз.).

[3] Там же.

шествия, некий Похруа (а по официальным данным Тедо Нарндзе) надел на голову цилиндр городского головы и кричал по адресу аристократов, стоявших на балконах своих домов: «Так разорим тех, кто вздумает стеснить и без того угнетенный народ!»[1]

В районе Чугурети толпа остановилась у дома сотрудника городского головы, сборщика налогов Бажбеук-Меликова. Последний решил оказать толпе сопротивление с оружием в руках. Одного из нападавших (Алексея Томазова) он ранил, что привело толпу в еще большее возбуждение. Она ворвалась в дом Бажбеук-Меликова и начала уничтожать обстановку и вещи. Сам Бажбеук-Меликов, спасаясь от толпы, выскочил на крышу своего дома и спрыгнул было на плоскую крышу соседней постройки. Но камни, брошенные из толпы, свалили его с ног. Отдельные лица из толпы нанесли ему смертельные удары, и вскоре его изуродованный труп был сброшен на мостовую.[2]

После этого происшествия тбилисские власти пришли в себя и стали принимать более энергичные меры для усмирения восставших. К дому Бажбеук-Меликова был направлен конный отряд под командой есаула Заридзе. Но Бажбеук-Меликов был уже мертв, а его дом разгромлен. Толпа встретила Заридзе гиканьем и свистом и забросала его камнями; были ранены урядник и два казака. Заридзе с казаками вынуждены были отступить, но у Михайловского моста толпа загородила казакам дорогу. Градом камней из толпы были ранены еще два казака и сам Заридзе. Тогда по приказу Заридзе казаки открыли стрельбу. По официальным данным, выстрелами были убиты неизвестный, ранивший камнем Заридзе, и провизор аптеки Ветцель; был ранен в руку владелец аптеки Керстен. Вскоре на помощь конному отряду подоспел второй отряд казаков, который и разогнал толпу.

К вечеру город как будто несколько успокоился. Ночью, по распоряжению кн. Орбелиани, у обоих Авлабарских мостов, на Татарской и Эриванской площадях, у управления полицеймейстера, были расставлены войсковые части. Была также выставлена охрана у казначейства и у приказа общественного призрения (ипотечный банк). Михайловский мост был закрыт для движения, а в район Куки были направлены две роты солдат с приказом никого в город не впускать.

Видимо, власти опасались, как бы к восставшим городским массам не примкнули окрестные крестьяне. Спешно было вызвано несколько батальонов пехоты из Агбулаха (Белого Ключа), батарея и батальон саперов из Мухровани и казаки из штаб-квартиры Храм.[3]

Но ночь прошла спокойно. На другой день (28 июня) амкары закрыли свои мастерские и торговые заведения. В этот день в Тбилиси негде было купить продукты, извозчики не выехали на биржу, тулухчи не развозили по домам воду. Город замер, жизнь в нем приостановилась. Так как главные улицы и площади были заняты войсками, амкары и все примкнувшие к их движению стали собираться за городом. В город никого не впускали, из города же свободно выпускали всех желающих.

Большие толпы скопились у Махатской горы, на Ходживанском и Бебутовском кладбищах и в других местах. Обсуждался вопрос

---

[1] З. Чичинадзе. Тифлисский бунт 1865 г., стр. 28 (на груз. яз.).

[2] Подробности убийства Бажбеук-Меликова см. в д. № 215, лл. 132—133, 134. В воспоминаниях П. Меликишвили. Моя жизнь (журн. «Картули Мцерлоба» за 1927 г., кн. 5, стр. 146—147) приведены несколько иные подробности, но они не меняют дела.

[3] ЦАУ Грузии, Письма Орбелиани, д. № 174, л. 155.

о создавшемся положении. Ораторы призывали стойко держаться и не отступать от предъявленных требований.

Тогда власти прибегли к старому испытанному маневру — «разделяй и властвуй».

Прежде всего им нужно было вернуть в свое лоно крупную буржуазию, очень недовольную городским головой. По распоряжению кн. Орбелиани, Шермазан-Вартанов был смещен, а на его место назначен коренной тбилисец, «первостатейный» мокалак Соломон Абесаломов, который до этого трижды избирался городским головой (1848, 1849 и 1860 гг.).

Уладив взаимоотношения с крупной буржуазией, Абесаломов и несколько других почетных мокалаков, по поручению правительства, начали переговоры с амкарами. Они уговаривали их прекратить массовое выступление и забастовку торговцев и послать депутацию к Орбелиани с просьбой отменить введенные налоги, а если этого уже нельзя сделать, то, по крайней мере, отсрочить взыскание их до приезда из Петербурга самого наместника. Орбелиани ответил депутации, что он не вправе отменить распоряжение наместника и приостановить взыскание платежей. Депутация просила его все же принять от нее прошение на имя наместника. Орбелиани согласился при одном условии — если будут открыты торговые заведения и мастерские.

Такие результаты переговоров конечно не могли удовлетворить амкарскую массу и всех примкнувших к их движению. На собраниях за городом долго спорили. Городской голова Абесаломов в этот день четыре раза приезжал к собравшимся на Ходживанском кладбище, но не смог убедить их согласиться на условия кн. Орбелиани.

Проф. Меликишвили в своих воспоминаниях рассказывает: «С одним из товарищей я поднялся на место, где восставшие устроили собрание. Вспоминается речь одного молодого ремесленника, который говорил, что амкары не должны соглашаться на новые налоги. «И вот как мы стоим здесь на кладбище, — говорил молодой оратор, — и шлем упреки нашим предкам за то, что они дали согласие на введение сюда русской армии, так и наши дети на этом кладбище будут нас упрекать, если мы согласимся на требование правительства»... Старики говорили обратное: «Русский царь силен, мы не сможем оказать ему никакого сопротивления, лучше согласиться и помириться». [1]

В горячих спорах, которые временами приобретали подлинно политический характер, проводили восставшие время. Лавки были закрыты, и население голодало. Кто имел домашний скот, те организовали убой его и распределяли между собой мясо. [2] Но примкнувшие к восставшим и находившиеся за чертой города не испытывали голода. Женщины этих районов выпекали хлеб и бесплатно раздавали его восставшим против правительственного гнета. Так сильно было сочувствие к ним широких масс населения. [3]

28 июня вечером произошло новое столкновение с войсками. Группа участников собраний, происходивших за чертой города, пыталась вернуться в город. Но у мостов стояли воинские части, никого не пропускавшие. У Авлабарского моста (у Метехского замка) скопилась масса народа, которая пыталась прорвать воинскую цепь. Два ремесленника (Давид Луарсамидзе и Саркис Ходжаев) схватили

[1] П. Меликишвили, Указ. соч., стр. 147.

[2] ЦАУ Грузии, д. Деп. суд. дел Главн. упр. намест. Кавк. № 2, лл. 158—159; З. Чичинадзе. Указ. соч., стр. 29.

[3] П. Меликишвили. Указ. соч.

находившегося в цепи подпоручика Михельсона за руки, чтобы таким образом дезорганизовать распоряжения воинской части. Одновременно с крыш и балконов ближайших домов на солдат посыпались камни. Солдаты ответили выстрелами. Тогда «собравшиеся из более осмысленных и смельчаков, преимущественно спраджи (из амкарства маркитантов), по свидетельству очевидца, бросились за оружием. Моментально составился план: переправиться вплавь через реку Куру, зайти в тыл воинскому отряду, занимавшему Авлабарский мост (у Метехского замка) и разгромить его».[1] Но этот маневр был предупрежден войсковой частью.

По официальным данным, здесь было убито двое и ранено семь человек. В действительности же убитых и раненых было гораздо больше. По свидетельству проф. Меликишвили, одних убитых было несколько десятков человек.[2]

Чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие, Орбелиани командировал к месту происшествия, а оттуда на Ходживанское кладбище тбилисского гражданского губернатора Н. Чавчавадзе и городского голову Абесаломова. На этот раз Орбелиани уполномочил их передать восставшим, что требования амкарств будут удовлетворены, за участие в выступлении никто не пострадает, сбор новых налогов будет приостановлен и в городских делах будут принимать участие выборные представители от народа.

Этому торжественному заявлению поверила прежде всего близко стоявшая к крупной буржуазии и «первостатейным» мокалакам верхушка амкарских организаций. Она стала уговаривать собравшихся прекратить борьбу. Правда, среди амкаров были непримиримые элементы, настаивавшие на продолжении борьбы, но они остались в меньшинстве. 29 июня все лавки и мастерские в городе были открыты. Забастовка амкаров прекратилась. Жизнь Тбилиси на время вступила в обыденную колею.

IV

Таковы подробности происходивших в Тбилиси 26—28 июня событий, как их рисуют сохранившиеся официальные документы и опубликованные воспоминания современников.

Из приведенных нами сведений о колониальной политике царизма в Грузии, об отношении его к городской буржуазии, о положении тбилисских ремесленников накануне выступления амкаров, а также о «социальном лице» Тбилиси того времени и настроении среди трудящихся масс города не трудно понять, какие силы определили в главнейшем ход развернувшихся тогда событий и под влиянием каких причин «июньские дни» именно так закончились.

Выступление амкаров, официально именуемое «бунтом», далеко не ограничивалось одним только ремесленным сословием и мелкими торговцами Тбилиси, спаянными амкарской дисциплиной. Как ни тяжелы были для устабашей и прочей верхушки урезывание традиционных привилегий, новые налоги и распорядки, введенные в Тбилиси городским управлением, как ни ощутителен был материальный ущерб отдельных амкарств от колониальной политики царизма, амкарские устабаши все же решились на открытое выступление и начали деятельную подготовку к нему лишь тогда, когда убедились, что имеют достойных союзников.

Этими союзниками были прежде всего «первостатейные» тбилис-

---

[1] Там же, а также у А. Пурцеладзе. Указ. статья.

[2] То же самое подтверждаст и А. Пурцеладзе (указ. статья).

ские мокалаки и крупная городская буржуазия из коренных тбилисцев. Последняя в то время была сильно ущемлена царизмом: во-первых, ее традиционные привилегии в области городского хозяйства были нарушены; во-вторых, в правительственных сферах обсуждался проект преобразования городского управления крупных городов России на началах большей всесословности. Введение в управления представителей первенствующего в империи сословия — дворянства — должно было перевести именитое купечество на вторые роли. Не по вкусу крупной тбилисской буржуазии пришлись и те привилегии, которые царское правительство оказывало «российскому отечественному» капиталу, постепенно проникавшему в Грузию и сокращавшему прибыли местного купечества. Но особенно недовольны были коренные мокалаки тем, что правительство не только равняло их с ахалмосулами — вновь поселившимися в Тбилиси купцами и промышленниками, но еще содействовало проведению в 1864 г. в городские головы ахалмосула Шермазан-Вартанова.

Интересы крупной городской буржуазии и наиболее влиятельных устабашей амкарств в то время тесно переплетались; многие устабаши были коренными тбилисскими мокалаками. Некоторые амкарства находились в прямой зависимости от крупной буржуазии, особенно амкарства мелких торговцев и маркитантов (последнему между прочим принадлежит наиболее активная роль в выступлении 26—28 июня). Поэтому теперь трудно с уверенностью сказать, где собственно зародилась идея выступления амкаров. Если принять во внимание показания, данные следственной комиссии Шермазан-Вартановым, то инициаторами выступления придется признать коренных тбилисских мокалаков. Бывший городской голова обвинял в организации выступления целый ряд влиятельных «первостатейных» мокалаков и даже некоторых крупных тбилисских чиновников, происходивших из этого сословия.[1]

«Новые налоги были только предлогом к возмущению цеховых (амкаров) против начальства и лично против него, Шермазан-Вартанова, — заявляет он следственной комиссии. — В сущности это возмущение есть результат борьбы двух партий: партии коренных почетных граждан, стремившихся сохранить за собой попрежнему власть в общественном управлении для преобладания над низшим сословием, в видах охранения таким образом своих интересов, и партии новопоселившихся обывателей, отрицающих это преобладание».

По показаниям Шермазан-Вартанова, главным вдохновителем и руководителем июньских событий являлся надворный советник Григорий Измиров, коренной тбилисский мокалаке. Его соучастниками были советник тбилисского Губернского правления известный армянский драматург Гавриил Сундукианц, доктор Ротинианц, Солагов (все трое мокалаки) и член тбилисского Городского общественного управления Амбарцум Энфианджианц. В эту же группу входили почетные мокалаки Иван и Иларион Поракишвили, Даниил Измиров, Артем Байсаголов и Гезо Газалов. Измиров и Сундукианц возбуждали население против Шермазан-Вартанова. Измиров собирал у себя на квартире амкаров и распространял слух, будто Шермазан-Вартанов стремится соединить армяно-грегориан с православной церковью. Как поверенный от общества тбилисских армян, Измиров был послан в Эчмиадзин заявить об этом армянскому синоду.[2] Перед

[1] ЦАУ Грузии, д. № 215, 1865 г., л. 119.

[2] В это время взаимоотношения между представителями царского правительства и патриархом Армении действительно были обострены. Об этом, между прочим, имеются сведения в письмах Гр. Орбелиани (ЦАУ Грузии, д. № 174, л. 152).

отъездом в Эчмиадзин Измиров вместе с б. городским головою Придоновым дважды собирал амкаров (первый раз в ограде Норошенской церкви, второй — на Ходживанском кладбище) с целью восстановить их против Шермазан-Вартанова. За эту агитацию, по показанию Шермазан-Вартанова, Энфианджианц и Симонианц даже получили замечание от губернатора. Приблизительно около 20 июня Измиров в саду Бебутова, близ таможни, произнес горячую речь против введения новых налогов: он нарисовал все вредные последствия этого мероприятия и настаивал на закрытии торговых заведений в виде протеста.

Показания Шермазан-Вартанова, хотя и не лишенные субъективной окраски, несомненно давали вполне определенные указания, откуда исходила инициатива выступления амкаров и кем разрабатывался первоначальный план его. Вот почему следственная комиссия, проверив это показание другими, нашла возможным предъявить обвинение в организации выступлений следующим «первостатейным» мокалакам: Григорию Измирову, помощнику комиссара в городском управлении Моисею Солагову, члену городского управления Амбарцуму Энфианджианцу, почетным гражданам: Назару Назарбекову, Егору Придонову, Даниилу Измирову, Ивану и Илариону Поракишвили, Артему Байсаголову, гражданам Степану Сагинову (он же Колоташвили) и Гезо Газалову. Все они после допроса были арестованы и отправлены в Метехский замок. Что же касается «первостатейных» мокалаков, доктора Ротинианца, редактора газеты «Мегу Айастан» Петруса Симонианца и советника губернского правления Гавриила Сундукианца, то комиссия не нашла необходимым их арестовать в виду недостаточности улик, но продолжала расследование о них.

Заручившись таким влиятельным союзником, как «первостатейные» мокалаки и крупное купечество, устабаши деятельно принялись агитировать членов амкарств за выступление. Тесная сплоченность амкаров и их дисциплинированность давали полную возможность воплотить в жизнь план, разработанный «первостатейными» мокалаками и устабашами. Прекрасным аргументом в пользу действенности принятой меры борьбы — забастовки торговцев и закрытия лавок — служили аналогичные выступления амкаров, известные в истории Тбилиси.

Но амкарская верхушка вкупе с крупной тбилисской буржуазией, решив организовать выступление амкаров, направленное в конечном счете против царизма, ясно сознавала, что выступление это не будет достаточно внушительным, если оно ограничится только ремесленниками и торговцами Тбилиси. Закрытие лавок и прекращение торговли предметами первой необходимости могло повернуть дело в другую сторону, вызвав озлобление против амкарств в городских народных массах, на чем и могла сыграть царская администрация. Поэтому-то амкарства стараются заранее обеспечить себе сочувствие этих масс, привлечь их на свою сторону через свои низы, близкие к массам — подмастерьев и ученичество. С этой же целью амкарства изображают предстоящее выступление как борьбу против гнета правительства, победа в которой может облегчить невыносимое положение трудящихся городских масс.

О настроении этих масс мы уже говорили. Здесь мы считаем необходимым добавить, что июньским событиям 1865 г. в Тбилиси предшествовал ряд крестьянских выступлений в деревнях Грузии против феодального гнета помещиков и колониального гнета царизма. В 1857—1862 гг. в Мегрелии, Карталинии, Имеретии и Гурии происходили значительные крестьянские восстания, из которых первое

отличалось особой внушительностью и заметной организованностью. Эти выступления, без сомнения, не остались без отклика в Тбилиси, куда, как мы уже говорили, стекались на заработки массы крестьян, особенно из Западной Грузии. Среди них было немало крепостных, укрывавшихся от своих помещиков (освобождение крестьян в Имеретии произошло лишь в 1866 г.); были, с уверенностью можно полагать, и спасавшиеся от розыска и преследований полиции участники крестьянских восстаний и подозреваемые вдохновители их. Все они были, конечно, беспаспортные, проживали в Тобилиси без прописки и ютились по городским трущобам, изыскивая средства к пропитанию случайными заработками на городских работах у таких подрядчиков, которые, в погоне за дешевой рабочей силой и возможностью беспредельной эксплоатации, не стеснялись в наборе рабочей силы и, задаривая полицию, не пренебрегали и укрывательством беглых.

Среди подобных элементов, среди городской бедноты, выходцев из тбилисских крестьян (а последних было 56% населения Тбилиси), среди массы чернорабочих, прибывших в Тбилиси из б. Эриванской губернии и даже из Персии, агитация амкаров нашла чрезвычайно благодарную почву.

Из изложенных выше подробностей июньских дней можно видеть, что на призыв устабашей широко откликнулись не только тесно связанные с амкарствами элементы (подмастерья, ученичество), но и многочисленные трудящиеся массы Тбилиси. Громадные толпы народа, присоединившиеся к амкарам на площади перед управлением полициймейстера, расправа, учиненная над Шермазан-Вартановым и Бажбеук-Меликовым, многочисленные собрания, происходившие 27—28 июня за городом и на Ходживанском кладбище, ясно свидетельствуют, что выступление амкаров встретило живой отклик среди угнетенных трудящихся масс Тбилиси.

О сочувственном отношении бедняцкой части тбилисского крестьянства к выступлению амкаров свидетельствует, между прочим, показание, данное следственной комиссии о крестьянине Гиголе Елизбарашвили, игравшем очень видную роль в этом выступлении. Полицейский надзиратель Чхеидзе и секретарь губернского правления Махарадзе показали: «28 июня, при увещании народа отпереть лавки и возобновить торговлю, Елизбарашвили с азартом кричал: «Никто не смеет отпереть лавки и производить торговлю, а если кто осмелится открыть, то лавки у тех будут разграблены». Когда ему ответили, что новые налоги его (Елизбарашвили) не касаются, он ответил: «Все равно, если взыщут с них (с виноторговцев и маркитантов), то и я страдаю».[1]

Амкары широко использовали для агитации против царизма среди широких трудящихся масс увеличение обложения духанов и других питейных заведений. Вообще выступление амкаров в 1865 г. выходило за рамки обычного движения мелких торговцев и ремесленников, направленного к защите своих личных интересов. Об этом красноречиво говорит, между прочим, следующий небольшой диалог русского солдата и тбилисского ремесленника о причинах амкарского движения.

Солдаты спрашивали участников выступления, почему они «бунтуют». На это последовал ответ: «Зачем бунтую? Ва, для тебя: они хочет, чтоб мы тебе дорого брала за водка и табак, теперь хочет, чтоб три шаур (15 коп. — *А. П.*) платил ты за рюмка водки».

[1] ЦАУ Грузии, д. № 2, л. 128.

Получив такое объяснение, русские солдаты задумались: «Что же, ей богу, они правы, зачем несчастный народ обижать?» [1]

Что амкарское выступление вышло за тесные рамки амкарств, проникло в широкие слои трудящегося населения Тбилиси и могло распространиться на окружающие Тбилиси деревни, показывают мероприятия правительства о запрещении въезда в Тбилиси в июньские дни. Правительство не без оснований опасалось, чтобы к амкарам не примкнули крестьяне окрестных сел. Ремесленники и проживавшие в Тбилиси крестьяне нашли бы с крестьянами общий язык.

Об опасности перерастания амкарского выступления в большое политическое движение в Грузии можно судить также из следующих слов кн. Орбелиани: «Потеря одного дня в колебании и нерешительности, — писал он в своем донесении вел. кн. Михаилу Николаевичу, — повлекла бы за собою гораздо более жертв». [2]

Чтобы ликвидировать выступление, царское правительство, помимо принятых военных мер, применило тактику разъединения ополчившихся против него сил. Прежде всего оно вывело из рядов борющихся крупную буржуазию — коренных «первостатейных» мокалаков Тбилиси, сделав им авансом уступку: ненавистный им Шермазан-Вартанов был устранен, а на его место назначен «первостатейный» мокалаке Абесаломов. Через него и других мокалаков правительство повело переговоры с устабашами; были пущены в ход всевозможные, ни к чему не обязывающие обещания, с целью склонить их прекратить борьбу.

В результате рядовые амкары оказались преданными своими же вождями. Амкары сложили оружие, открыли свои лавки и начали торговлю. Что же после этого оставалось делать городским трудящимся массам, выступившим вместе с амкарами, под их руководством? Поскорей разойтись по домам и спасаться от неминуемой и жестокой расправы, которую готовили им власти. Так мелкая буржуазия, которую полупролетарские городские массы и беднейшее крестьянство Тбилиси считали своим вождем в выступлениях против феодально-колониального гнета, оказалась предателем. Сама преданная своими устабашами, она против своей воли предала последовавшие за нею трудовые массы, не связанные с амкарствами. Вождем этих масс мог быть только закаленный в боях организованный пролетариат, но его тогда в Тбилиси еще не существовало.

V

Чем же закончилось выступление тбилисских амкаров в 1865 г.?

Нужно заметить, что местные власти намеренно старались придать этому выступлению как можно более невинный характер. Называя это выступление громким именем «бунт амкаров», местная власть хотела представить его как противозаконное массовое движение ремесленников и мелких торговцев против установленных порядков и распоряжений правительства (в данном случае — против изданного в установленном порядке законодательного акта о повышении городских налогов в Тбилиси). Участие в выступлении, помимо амкаров, сочувствующих им масс населения правительство изображало как случайность и рассматривало участников амкарского движения не из среды амкаров только как громил, которые хотели воспользоваться выступлением в целях грабежа. Вместе с тем власти приняли

[1] Рио-Нели (Н. Николадзе), «Колокол», № 204.

[2] ЦАУ Грузии, Письма кн. Орбелиани, д. № 174, л. 155.

все меры, чтобы успокоить прежде всего самую влиятельную из солидаризировавшихся с амкарами групп населения Тбилиси — крупную буржуазию. Они направили судебно-следственное дело так, что замешанные в выступлениях амкаров представители крупной буржуазии были освобождены от обвинения в организации движения.

Правительство приняло самые решительные меры, чтобы июньские события не получили широкой огласки в местной и кавказской прессе. Но, несмотря на запрещения, об этом событии заговорили в русской столичной и в революционной заграничной прессе. Реакционная газета «Московские Ведомости», редактором которой был известный Катков, обвиняла в связи с этими событиями кавказскую администрацию в слабости при проведении ею русской национальной политики в Закавказье. Выступлениям амкаров в июньские дни Катков придал определенно политический и сепаратистский характер. В заграничном журнале «Колокол» были помещены уже цитированные нами статьи «Из Тифлиса» (от 10 сентября 1865 г.) и «Из Грузии» (от 15 ноября). Эти статьи подвергали убийственной критике политику царского правительства в Закавказье, опровергая необоснованные реакционные измышления Каткова. Против реакционных статей Каткова выступили газеты «С.-Петербургские Ведомости», где было помещено письмо Г. Э., и «Голос», напечатавший письмо Меликова. Все эти статьи гораздо серьезнее отнеслись к выступлению амкаров, видя в нем не проявление слабости русской власти в Грузии, а полное игнорирование ею коренных нужд местного населения.

Внимание, которое уделила июньским дням в Тбилиси столичная и заграничная печать, послужило одной из причин того, что дело о выступлении амкаров не было закончено в административном порядке, «келейно», как того хотелось бы местной высшей администрации, а стало предметом открытого судебного разбирательства в 1866 г. в Тбилисской судебной палате, а затем, по поданной кассации — в Сенате.

К суду было привлечено 86 человек, которые, согласно данным обвинения, были распределены по следующим 12 категориям.

1. Казначей амкарства маркитантов Минас Кочиков (Круашвили) был признан одним из главарей и руководителей восстания. Как мы видели, он был ревностным агитатором и призывал к закрытию торговых заведений и неповиновению властям в дни 27—28 июня. Несомненный агитаторский талант и популярность среди амкаров выдвинули его на одно из виднейших мест. Судебная палата присудила его к каторжным работам на 4 года. Сенат увеличил срок наказания до 6 лет.

2. Устабаши Давид Джаназизов, также признанный обвинением одним из главарей, призывавших население не подчиняться властям, амкар Иосиф Дамбурачев (Тебела) и малолетний Алексей Маградзе за участие в восстании были присуждены: Джаназизов — к тюремному заключению на 1½ года, Дамбурачев (Тебела) — в исправительную арестантскую роту на 1½ года, Маградзе — к тюремному заключению на 1 г. 4 мес. Сенат прибавил Джаназизову 2 месяца, т. е. довел наказание до 1 г. 8 м., Дамбурачеву уменьшил срок наказания на 3 месяца, а Маградзе — на 4 месяца.

3. Устабаши Казар Агамалов и агсахкал Аслан Месропов, амкары Сико Назаров, Симон Симонов, Бегляр Арушанов, Китес Абуладзе, Пиран Чичинадзе, Аветик Аниев, маркитанты Соломон Каджардузов и Соломон Завриев, устабаши Кация Беридзе и Степан Айвазов, агсахкалы Саркис Тер-Маркозов и Сосия Манташев, устабаши Гиго Мирагов, агсахкалы Петрус Грикуров и Георгий Акоев, почетные

амкары Гезо Джаджамагов и Давид Габриелов — всего 19 человек, за противодействие установленному сбору были присуждены Судебной палатой к заключению в тюрьму на 2 месяца. Сенат нашел этот приговор слишком мягким по отношению к первым четырем и присудил их, как зачинщиков, к лишению некоторых прав и преимуществ и к заключению в тюрьму на 1 год 4 месяца; по отношению к остальным Сенат оставил постановление Палаты в силе.

4. Крестьянина Георгия Месхиева за соучастие в убийстве сборщика податей Бажбеук-Меликова Палата постановила лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы на 12 лет; Сенат уменьшил этот срок до 10 лет.

5. Крестьян Тедо Наридзе, Моисея Хитарова, Грикур Саркисова-Похро и отставного юнкера Николая Халатова за участие в разорении дома Бажбеук-Меликова Судебная палата присудила к лишению всех прав состояния и к тюремному заключению на 8 лет; по постановлению Сената Халатов был лишен военных орденов и сослан в отдаленные места Сибири.

6. Несовершеннолетние крестьяне Артемий Бебутов, Моисей Маисов, Пепо Мамулов, Цкалоба Петрусов и Аветик Галенов за участие в грабеже имущества Шермазан-Вартанова и Бажбеук-Меликова (они не прибегали ни к насилию, ни к угрозам) были присуждены Судебной палатой к тюремному заключению на 1½ года; Сенат заменил это наказание лишением всех прав состояния и ссылкой в Сибирь. Ермин Ломидзе, несовершеннолетние крестьяне Габо Георгишвили, Яков Годжадзе, Алексей Двалишвили, Саркис Петрусов, Артем Никогосов, Степан Ягвинов и Иван Яралов за участие в расхищении вещей из домов Шермазан-Вартанова и Бажбеук-Меликова присуждены к ссылке в Сибирь, а по решению Сената — к лишению всех прав и дворянского звания и к ссылке в Тобольскую губернию. Почетный гражданин Михаил Хатисов и казенный крестьянин Николай Сачинели, за покушение воспользоваться награбленным, Палатой были осуждены к тюремному заключению на 1½ года, Сенат же повысил это наказание до двух лет. Несовершеннолетний Ибрагим Асан-Оглы (13 лет) Палатой был осужден к аресту в исправительной тюрьме на 2½ года, Сенат это наказание заменил заключением в монастырь или одиночной тюрьмой на 40 дней. Павел Тевдумадзе был освобожден Сенатом от всякой ответственности по этому делу. О Михаиле Меладзе и Артеме Мхитарове, которые Палатой были осуждены к тюрьме на 1½ года, Сенат в своем решении не упоминает.

7. Крестьяне Цкалоба Кумелов и Тедо Вардзелашвили, обвинявшиеся в укрывательстве похищенных у Шермазан-Вартанова вещей и осужденные за это Палатой к аресту на 1 месяц, Сенатом оправданы.

8. Крестьянка Калия Калантарова, осужденная Палатой на 8 дней, и зять ее Тигран Авальян — на 3 недели за укрывательство вещей, похищенных их родственником Артемом Никогосовым из квартиры Шермазан-Вартанова, Сенатом освобождены от наказания.

9. Крестьянин Давид Луарсамидзе и несовершеннолетний Саркис Ходжиев (18 лет) за сопротивление властям у Метехского замка осуждены Палатой к заключению: Луарсамидзе — на 1 г. 4 м., Ходжиев — на 8 месяцев. Сенат первому уменьшил наказание до одного года, второму — до 6 месяцев.

10. Несовершеннолетние крестьяне Алексей Тамазов, Сосико Гараканидзе и Гигола Елизбарашвили — первый за покушение на грабеж, остальные за противодействие взысканию новых налогов и открытию торговых заведений, — заключены под арест на 8 месяцев.

11. Не числившийся тбилисским жителем Белубеков, который обвинялся в участии в незаконных собраниях амкаров, освобожден от наказания.

12. Остальные обвиняемые, в том числе «первостатейные» мокалаки, правительственные чиновники (по происхождению из мокалаков) и общественные работники из этой группы, привлекавшиеся к обвинению— Григорий Измиров, Амбарцум Энфианджианц, Моисей Салагов, Мнацакан Белубеков, Иван и Иларион Поракишвили, Гавриил Сундукианц, доктор Ротинианц, Петрус Симонянц, Назар Назарбеков, Егор Придонов, Даниил Измиров, Артем Байсаголов, Гезо Газалов, Томаз Нариманов и другие — Судебной палатой и Сенатом оправданы.

Царский суд, выполняя волю правительства, как видно даже из приведенной крайне сумбурной группировки обвиняемых, всячески старался смазать политический характер этого дела. Он видел в обвиняемых лишь нарушителей общественного порядка, действующих скопом, из которых одни были зачинщиками-подстрекателями, другие обвинялись в грабеже частного имущества и, наконец, третьи — в укрывательстве награбленного. Вместо дела о «бунте» амкаров получилось уголовное дело о грабеже имущества Шермазан-Вартанова и Бажбеук-Меликова и убийстве последнего. Судебная палата постановила взыскать с обвиняемых причиненный Шермазан-Вартанову и наследникам Бажбеук-Меликова материальный ущерб, исчисленный в 176 645 р. 75 к. Царское правительство тогда же наградило поставленного им городским головой Тбилиси С. Абесаломова «за проявленную энергию и умелость», в результате чего городская буржуазия и устабаши амкарств перешли на сторону правительства. Правительство украсило его грудь орденом Станислава 2-й степени, дававшим права дворянства. [1]

Стремясь затушевать политическое значение выступления амкаров, правительство прибегло к «гласному разбирательству», чтобы доказать «общественному мнению» уголовный характер выступления. Желая также доказать правильность правительственной системы в Закавказской колонии и предупредить подобные выступления в будущем, правительство вскоре после июньских событий 1865 г. провело две важных реформы, касавшихся Тбилиси и еще более усиливавших административный гнет.

11 августа 1865 г. было введено новое положение о городском управлении Тбилиси, по которому значительная часть дел изымалась из ведения торгового сословия. По новому положению все избиратели органов городского управления Тбилиси делились на четыре разряда: к первому относились потомственные дворяне, владеющие в городе недвижимой собственностью или занимающиеся торговлей и промышленностью, ко второму — личные дворяне и почетные граждане, удовлетворяющие тем же условиям, к третьему — просто граждане (мокалаки и ахалмосулы), владевшие в городе недвижимой собственностью, и к четвертому — «все отбывающие городские повинности». [2] Таким образом, на ряду с известной демократизацией городского управления, что достигалось расширением круга избирателей, к участию в этом управлении привлекался дворянский элемент — опора престола.

Это нововведение было ответом правительства на петиции крупной городской буржуазии, в которых они «с рвением, достойным лучшей

---

[1] ЦАУ Грузии, д. Деп. Общ. дел Главн. упр. нам. Кавк., 1866 г., № 1855.
[2] П ПСЗ, № 43550.

участи, восставали против всесословности городских учреждений»[1] и участия в них «первенствующего» сословия — дворян. Этим правительство значительно урезывало традиционные привилегии «первостатейных» мокалаков Тбилиси. Так правительство наградило тбилисскую крупную буржуазию за ее стремительный поворот от оппозиции и отказ от участия в выступлении амкаров. По новому положению во главе тбилисского городского управления вместо «первостатейного» мокалака был поставлен генерал-майор царской службы Иеремия Арцруни, который в своем первом выступлении горячо благодарил правительство за проведенную реформу, помогающую городскому управлению «развивать нравственные, умственные и материальные силы Тбилиси».[2]

В отношении традиционных прав и привилегий амкаров правительство, во избежание, очевидно, каких-либо выступлений со стороны тбилисских ремесленников и торговцев в будущем, применило более радикальные меры. По утвержденному 5 марта 1867 г. положению, в амкарства могли вступать только ремесленники; торговые и всякие другие амкарства, не связанные с ремесленным производством, как каменщики, извозчики, водовозы, были распущены. Из 100 амкарств осталось только 17. Во главе каждого амкарства оставался попрежнему устабаши, но амкарства подчинялись всецело специальному ремесленному управлению, вошедшему в состав Тбилисского городского общественного управления. Во главе ремесленного управления (управы) был поставлен новый старшина, которому непосредственно подчинялись 17 устабашей, возглавлявших отдельные амкарства.

Так были введены в систему правительственных органов и приведены в полное законопослушание уцелевшие амкарства, хотя цеховой строй производства в Тбилиси в это время уже окончательно изживал себя, являясь тормозом для промышленного прогресса. Реформируя амкарства и ликвидируя окончательно те из них, которые не были связаны с ремесленным производством, правительство раз навсегда пресекало возможность мощных выступлений мелкой буржуазии Тбилиси, подобных событиям в июне 1865 г., грозившим перейти в массовое выступление всех угнетенных трудящихся масс Грузии.

---

[1] И. Дитятин. Городское самоуправление в России, стр. 369—370, Ярославль, 1877.

[2] Д. Чрелаев. Указ. соч., стр. 57.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

ИОАСАФОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Изучение старейших списков Никоновской летописи установило самостоятельное значение первой части (лл. 1—939) списка Оболенского.[1] Этот летописный текст заканчивался известиями, переписанными на л. 940, из которых последнее: «Того же лета (7028) совершиша град камен на Туле и именоваша его по прежнему его имени град Тула, а река под ним Тула же».

Естественно остановиться с особым интересом на рукописи, содержащей летописный текст того же Никоновского типа и кончающейся тем же известием о граде на Туле.[2] Это рукопись Московской духовной академии, которая послужила Археографической комиссии при издании VI тома ПСРЛ и названа была «Троицкой V»,[3] конечно, потому, что на первом листе внизу киноварью обозначено: «иасафа», что указывает на принадлежность рукописи к собранию Иоасафа Скрипицына.[4] Писана она на 196 листах[5] разными почерками, которые, как и водяной знак,[6] указывают на середину XVI в.

На первых шести листах помещены записи о походах под Смоленск в 1513—1514 гг., более обстоятельные, чем читаемые в известных нам сводах и, повидимому, послужившие для них источником.

С седьмого листа[7] (означен 8-м) начинается летописный текст: «О Сидоре митрополите, как прииде из Царяграда на Москву в лето 6945».

До известия о кончине митрополита Ионы (31 марта 1461 г.), до л. 46 об., Иоасафовская летопись дает изложение, которое по редакции, составу и порядку известий почти тождественно с изложением Воскресенского текста (ПСРЛ, VIII, стр. 100—149). Это не значит, что ее в указанной части можно назвать «списком» Воскресенской летописи; ряд отличий придает Иоасафовскому тексту самостоятельное значение, сближая его с рукописями Ростовской и Симеоновской, которые, как показано в исследованиях А. А. Шахматова, сохрани-

---

[1] С. Платонов. К вопросу о Никоновском своде («Изв. Отд. Р. яз. и Сл.», VII, кн. 2; ср. ПСРЛ, XIII, стр. 36).

[2] Иоасафовской летописи посвящена статья А. Шахматова в «Ж. мин. нар. просв.», май 1904 г.

[3] ПСРЛ, VI, стр. 117.

[4] См. Библиологический словарь Строева, стр. 361, № 4. Рукопись эта в каталоге рукописей, собранных в Арх. ком. для издания ПСРЛ; на корешке № Моск. дух. академии — 196а, по описанию Арх. ком. — 169 (на переплете снаружи № 13, внутри еще другие номера). О судьбах этой рукописи см. дело Правления Моск. дух. акад. № 33, 1837 г. На листке под переплетом краткое описание рукописи.

[5] По ошибке при нумерации получилось 199 листов.

[6] Рука (перчатка) в рукавичке со звездою или «цветком о пяти лепестках» над средним пальцем. В альбоме Н. Лихачева («Палеографические знаки», III) ближе всего № 1664, но откуда он взят?

[7] Внизу на поле 6-го (7) листа по-латыни написано: «Hinc sequntur ea, quae 77 annis praeceperant pactenus narratis».

ли более древние элементы московского летописания, чем Воскресенская летопись. Самое сходство Иоасафовской рукописи с Воскресенской летописью А. А. Шахматов справедливо объясняет тем, что эта последняя только распространила и кое-где дополнила древний московский свод, между тем как Никоновская, например, подвергла его более значительной переработке.

Не останавливаясь здесь на соотношении Иоасафовской рукописи с Воскресенским текстом и его источниками,[1] отмечу только ее черты, важные для изучения Никоновского свода и обратившие на себя особое внимание А. А. Шахматова. Черты эти сводятся отчасти к некоторым особенностям текста, отчасти к припискам на полях рукописи, сделанным другим почерком, не тою рукой, которая писала текст. В рассказе о Флорентийском соборе Иоасафовская рукопись дает, как Никоновская, заглавие (на поле) «О Марке Еффесском» и начало его речи (XII, стр. 27), выпущенное в Воскресенской (VIII, стр. 102). Нередко Иоасафовская рукопись вместе с Никоновской сохраняют чтения Карамзинского списка Воскресенской, стоящего, как известно, особняком среди группы ее списков; вообще, в ряде случаев Никоновская совпадает с мелкими вариантами Иоасафовской, когда они отличаются от чтений Воскресенской. В них равно отсутствуют некоторые известия, причем здесь они совпадают с Ростовской и Симеоновской летописями: так, нет известий о знамении в соборной Суздальской церкви в конце 6953 г., о взятии Казани Мамотяком в 6954 г., о набеге казанских князей в начале 6956 г. Под 6954 г. Иоасафовская дает заглавие на поле: «О злом совете на великого князя Василия Васильевича» — ср. Никоновская (XII, стр. 67): «О злом совете Шемякине на великого князя Василья» — и пополняет, как Никоновская и Ростовская, пропуск слов: «иже тогда быша у них костянтиновичи и прочии бояре их» (VIII, стр. 115, пр. 2). Далее Никоновская дает в тексте заголовок перед известием об ослеплении Василия: «Беда зла» (XII, стр. 69), а в Иоасафовской этот же заголовок сделан киноварью на поле. Под 6955 г. Иоасафовская и Никоновская (XII, стр. 73) пополняют, как и другие своды, пропуск в Воскресенской слов: «и тако побежаша к Галичю, а оттоле на Чюхлому». Год 6956 начинается в Иоасафовской согласно с Никоновской (XII, стр. 73): «Князь великий Василей Васильевичь поиде на князя Дмитриа на Шемяку к Галичю». Первая статья 6957 г. — о поставлении митрополита Ионы — в Иоасафовской и Никоновской (XII, стр. 74) согласно отличается от Воскресенской (VIII, стр. 121). Ниже в них (как в Ростовской, Симеоновской и Кирилло-Белозерской) нет имени кн. Марии Оболенской и упоминания о ее снохе Стефаниде и жене Григория Морозова; 6558—6559 гг. тождественны в Иоасафовской и Никоновской в ряде мелких отличий от Воскресенской. Под 6961 г.[2] Иоасафовская знает имя подьячего Беды — Василей, как Никоновская (но не дает известия Никоновской и Воскресенской, что он «оттоле бысть диак»), знает дату кончины арх. Ефрема — 29 марта 1454 г. (как Никоновская, XII, стр. 109). Таковы главные черты текста Иоасафовской рукописи, которые роднят ее с Никоновской, в части

---

[1] А. Шахматов. Указ. ст.

[2] Известие, что «того же лета маиа 29 взят бысть Царьград от безбожных турков от Моамеда Амуратовича», Иоасафовская поставила под 6960 г. перед известием о свадьбе в. к. Ивана; Воскресенская вставила сказание о взятии Царьграда между этим известием и записью о рождении Андрея Васильевича, и Никоновская под 6961 г., после известия о московском пожаре. Не понимаю, о каком «последнем известии в Воскресенской в конце 6961 г.» говорит А. Шахматов на стр. 73 статьи об Иоасафовской летописи.

до 6969 г., именно до известия о «преставлении Ионы митрополита».[1]

К этому надо присоединить указание на приписки и поправки, сделанные на полях другой рукой. Так, к рассказу о спорах Марка Ефесского с царем и патриархом: «ему же к ним жесточайшая словеса глаголющу, Латыною всех нарековая», приписано: «царя и патриарха и всех митрополитов и епископов Греческих»: эти слова в Никоновском тексте лишние против Воскресенского (ср. XII, стр. 31 и VIII, стр. 104), хотя в Никоновской еще: «и философов их, такоже и Сидора, митрополита Русьскаго, единомыслена им суща, дрьзновенно безо всякого стыдениа укоряа всех, не обинуяся, и Латыною называя». Так и ниже, на том же листе 13, к тексту: «и укоряше их и философов их», приписано: «и царевых и патриарховых словес небрежаше, такоже Исидора митрополита Русьскаго и всех митрополитов и епископов Греческих и священноиноков и иноков и всех Греков единомысленых им сущих» (XII, стр. 31); те же варианты Никоновской узнаем в приписке «месяца марта в 17 день» к датировке собора «от Алексеева дни человека Божиа» (XII, стр. 32 и VIII, стр. 104) и в переправке слов: «ничтоже помогоша царю» (VIII, стр. 105) на: «и не покоришася царю, ни убоашася ярости его и прещениа» (XII, стр. 36); в приписках к тексту майской грамоты: «и согласию» — после «И к сему единачеству» (VIII, стр. 108 и XII, стр. 40); «Киевского и» — после «Исидора митрополита твоего» (там же), «Иисуса Христа» — после «превысочайшее в Господа» (VIII, стр. 109 и XII, стр. 41); «со многим» вместо «и з болшим»; «Исидора» — после «сего митрополита»; «его» — после «да приимеши» (там же); к имени царевича Ягупа — «Мамутякова сына» (VIII, стр. 125 и XII, стр. 77); «его Феодосию» — после «сына его и с сестрою» — о рязанском князе (VIII, стр. 147 и XII, стр. 112); «на соблюдение» — после «наместники своя» (там же).[2]

Рассмотренная часть[3] Иоасафовской рукописи представляет большой интерес для изучения московских летописных сводов. По отношению к Воскресенской летописи надо признать, что Иоасафовский текст и по составу и по отдельным чтениям, вместе с другими рукописями (Ростовская, Симеоновская), ведет нас к древним московским сводам, лучше, чем Воскресенская, отражая этот ее источник.

Еще существеннее вопрос об отношении Иоасафовской рукописи к своду Никоновскому, на котором с особым вниманием остановился в упомянутой статье А. А. Шахматов. Те черты, которые были выше указаны, получают особый интерес в виду полного сходства дальнейшей части[4] Иоасафовского текста с Никоновским.

Начиная с известия о преставлении митрополита Ионы (VIII, стр. 149), сравнение Иоасафовской рукописи с Воскресенской становится бесплодным: ее текст тождествен с текстом летописного Никоновского свода (XII, стр. 114) до конца той основной части списка

---

[1] См. Воскресенская (VIII, стр. 149) и Никоновская (XII, стр. 114).

[2] Другие поправки, сделанные тем же почерком, которым писан текст, с означением киноварью места выноски, только восстанавливают случайные пропуски и отступления, сохраняя те же чтения, что в Воскресенской.

[3] Не понимаю, почему А. Шахматов делит Иоасафовскую летопись на части: «с 6961 г., а именно с известия о кончине в. к. Софии Витовтовны», где она «почти тожественна с Никоновскою», и первую — 6945—6961 гг., где «совершенно иное отношение» между ними, хотя сам же отмечает «тожество» текстов Никоновской и Иоасафовской с 6954 г. Для меня существенно сходство — за малыми исключениями — Иоасафовской с Воскресенской до известия о кончине митрополита Ионы 31 марта 1461 г. и «совершенно иное отношение» между ними в дальнейшем изложении.

[4] Напомню, что это деление на «части» совершенно условно допущено ради удобства изложения. Летописный текст Иоасафовской рукописи — текст одного цельного свода.

Оболенского, после которой этот список перестает быть самостоятельным, а начинает копировать список Патриарший, причем именно с этого 1521 г. начинается и тождество Никоновского текста с Воскресенским.

Митрополит Иона умер 31 марта 1461 г., а новый город на Туле выстроен в 1520 г. Эта часть изложения Иоасафовской рукописи, тождественная с изложением основного списка Никоновского текста, подтверждает вывод о самостоятельном значении первой части списка Оболенского.

Сопоставление некоторых особенностей рукописи списка Оболенского с соответственными местами рукописиИоасафовской указывает на близкую связь их текстов.

Под 7017 г. в Иоасафовской рукописи читается рассказ о жалобе Иосифа Волоцкого на князя Федора Борисовича в той редакции, какую читаем в Софийской II (VI, стр. 249), с мелкими вариантами, и которую писец списка Оболенского начал переписывать, но не дописал, а написанное было зачеркнуто и заклеено (см. XIII, стр. 11, пр. 3). Под 7027 г. хронологический порядок изложения также перебит, как в Никоновской (XIII, стр. 30).[1] Конец списка уже отмечен.

Все это как бы подтверждает предположение А. А. Шахматова о том, что мы в Иоасафовской рукописи имеем «основной источник Никоновской летописи в части от 1437 до 1520 года». Приняв этот вывод, мы последовали бы за А. А. Шахматовым и в его предположениях о происхождении Никоновской летописи. Но аргументация А. А. Шахматова для меня не вполне ясна. Центр ее тяжести в доказательстве, что Никоновская[2] использовала приписки, сделанные на полях Иоасафовской. Отличия Никоновского текста сказания о «восьмом» соборе от этих приписок можно объяснить, как это делает А. А. Шахматов, особенностями редакционной работы составителя: то «амплификацией», то перестановкой отдельных выражений; такая механическая мозаичность редактирования не чужда сводам XVI в. Но сравнение текстов, читаемых в Воскресенской, Иоасафовской и Никоновской, дает ту (признаюсь, для меня несколько недоуменную) особенность, что Иоасафовская вообще согласна с первой, представляя отличия, родственные Никоновскому тексту, только в этих приписках, которыми не исчерпываются отличия Никоновской от изложения Воскресенской. Есть ряд других мест, в которых Никоновская расходится с обеими: например, кроме мелких вариантов, тут же ниже: „Послушай папы Евгениа, и благо ти будет и стропотная да не постражеши“. И многа жестокая прещениа Марко от царя и от патриарха приат, такоже и от Сидора митрополита Русьскаго; такоже по сих и сам папа Евгений, Исидором научен митрополитом Русьским, муками претяше ему»[3] (XII, стр. 31).

Конечно, и в приведенных словах нет ничего, кроме «амплификации», стилистической прибавки, на какие вообще щедра редакция Никоновского свода; но ведь и сами приписки носят такой же ри-

---

[1] Ср. С. Платонов. К вопросу о Никоновском своде. К первому известию 7027 г. — о смерти цесаря Максимилиана — на поле приписано: «Избранного цесаря и навышшаго короля римского». Этих слов нет в Никоновской.

[2] Под Никоновской надо тут разуметь текст списка Оболенского, которому, как доказал С. Ф. Платонов, следовал до 7028 г. список Патриарший, но, прибавляет А. А. Шахматов, следовал, «заглядывая в те черновые, которые послужили при составлении этого списка»; вероятно, результатом этого «заглядывания» А. А. Шахматов считает вариант Иоасафовской и Патриаршего — «погребалные», который указан на стр. 74 его статьи. В Оболенском — «погребалные».

[3] В Иоасафовской, как в Воскресенской: «Послушая папы, по сих же и сам папа, Исидором научен, муками претяше ему» (VIII, стр. 104).

торический характер,[1] и притом не объясняют всех отличий Никоновской от текста, который тут можно назвать «основным». Кроме того все приписки, сделанные особым почерком на полях Иоасафовской, столь незначительны и чисто редакционны, что с трудом верится в их самостоятельное значение; это скорее подтверждало бы объяснения А. А. Шахматова, если бы не приходилось для этого допустить, что составитель Никоновского свода, свободно относясь к самому тексту Иоасафовской, при пользовании ею особенно бережно сохранил все ее приписки, сами по себе столь мало значительные.

А. А. Шахматов справедливо рассматривает эти «приписки» не отдельно, а в общей сумме особенностей (сравнительно с Воскресенской) Иоасафовского текста, роднящих его с Никоновской. А можно ли их считать действительными, так сказать индивидуальными, особенностями данного списка, который тут-то и послужил источником Никоновской? Например, А. А. Шахматов указывает на «Слово избранное», которое «в редакции того или другого сборника» послужило составителю Никоновской при дополнениях к повести о Флорентийском соборе; а в «Слове», как мы его знаем, нет чтений, даваемых приписками, и это делает для А. А. Шахматова невероятным предположение, что Никоновская и Иоасафовская в данном месте (т. е. вторая — на полях) воспользовались одним общим источником. Но, как им же указано, в «Слове» нет и начала речи Марка Ефесского, которое поэтому предполагается взятым в Никоновскую из Иоасафовской, на этот раз из ее текста. Но возможно ли считать это начало в каком-либо смысле литературной собственностью Иоасафовского списка? Представляя собою (как показывают между прочим неоднократные поправки случайных пропусков и описок, сделанных тою же рукою, которая писала текст) копию с неизвестного нам оригинала, Иоасафовская рукопись часто сохраняет лучшие и древнейшие чтения, сравнительно хотя бы с Воскресенской, и например текст, повидимому первоначальный сравнительно с Воскресенской,[2] и с Никоновской, и с Софийской II, рассказа о возвращении Исидора в Москву. А между тем запись эта отразилась на изложении Никоновской не более, чем на других сводах.

Все сказанное, конечно, не опровергает соображений А. А. Шахматова, но выражает только сомнение, можно ли придавать им решительное и доказательное значение.[3] Не видя достаточных основа-

---

[1] Ср. хоть повторение: «Латинью всех нарековая» текста в «Латиною называя» первой приписки.

[2] Лист 20: «О Сидоре митрополите. Тоя же зимы прииде из Рима митрополит Сидор, несый крыж перед собою, и глаголя тако, яко съединили есмь на сем соборе въсточныя церкве с западными, и тако восхоте соединити православие с латинством. Не попусти же сему господь бог единому волку погубити бесчисленное множество овчего стада православнаго христианства, и обличися безумие того. Прииде бо на Москву в неделю 3 поста и того дне служил, и рече в первых: «помяни, господи, папу римскаго». Князь же великий слышав то, и все епископи тогда беху ту на Москве Рустии, прочее множество православных христиан, и мнози ведущеи божественное писание, и пакы всем сие богомерзко вменись, понеже прежде сего ниже именовася папы римскаго имя в земли нашей, отнели же и крещена бысть, а се ныне в святей службе поминаем есть. И тако обличивше и истязавше о сем Исидора, поимаша его в среду Крестопоклонную и посадиша в монастыри у Чюда. Он же седе ту лето все». Ср. тот же текст по рукописям Ростовской и Симеоновской в статье А. А. Шахматова (Известия 2-го Отд. Акад. Наук, V, кн. 2, стр. 470).

[3] Не ссылаясь в подтверждение этих сомнений на тождество изложения Иоасафовской и Никоновской под 7027 г., хотя С. Ф. Платонов («К вопросу о Никоновском своде») поставил хронологическую спутанность этого изложения в связь с переменой почерка и чернил в данном месте списка Оболенского Никоновской летописи, заключив отсюда, что «переписчик остановился на имени Юрье

ний, чтобы именно Иоасафовскую рукопись считать непосредственным источником Никоновской, я из предлагаемой А. А. Шахматовым альтернативы о том, что составитель этой последней пользовался «Иоасафовским списком или текстом, близким к этому списку», охотнее повторяю вторую мысль и предполагаю, что изучение Иоасафовского списка ведет нас к представлению об одном из важнейших источников Никоновской в ее первоначальной, основной редакции, представляемой первою частью списка Оболенского, кончая 939 листом. Источник этот — свод, сложный комплекс известий которого много дал позднейшим редакциям московских летописных сводов (Воскресенской и Никоновской), кончился 7028 годом. При этом систематическое изложение обрывалось под 7026 годом и, как отметил С. Ф. Платонов, касалось, по преимуществу, дел правительственных, а под 7027 и 7028 годами давался ряд дополнительных заметок, в начале хронологически перебитых и отличающихся тем, что «внимание летописца обращается на чудеса святынь в равной мере с прежними его сюжетами». Этот ряд «позднейших беспорядочных приписок в законченной стройной работе» обрывался известием о построении нового града на Туле.

Пронского и вернулся к своей работе явно с другим пером и другими чернилами, т. е. через известный промежуток времени». Отмечая далее, что под 7027 г. после хронологической путаницы изменяется самый характер изложения, С. Ф. Платонов даже ставит вопрос: «Не здесь ли окончилась систематическая обработка Никоновского свода и не составляет ли все последующее содержание свода лишь ряд различных дополнений к своду, наросших позже». Если бы было так, то, очевидно, список Оболенского явился бы источником и для Иоасафовской, а не наоборот. Но в указанной особенности л. 933 списка Оболенского можно видеть перерыв не в работе над сводом, а лишь в его переписке.

В. Е. СЫРОЕЧКОВСКИЙ

УСТАВНАЯ ГРАМОТА МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА 1391 г.

Уставная грамота Константиновского монастыря является одним из главных документов для характеристики феодального хозяйства и крестьянских повинностей в конце XIV в. Грамота много раз перепечатывалась, причем все перепечатки повторяли текст ее первого издания в первом томе Актов археографической экспедиции.[1] Подлинной уставной грамоты не сохранилось. Для Актов археографической экспедиции грамота была взята по списку известного сборника митрополичьих грамот Московской синодальной библиотеки № 276.[2] Копией этого сборника является сборник № 1620 И. Д. Беляева,[3] где список грамоты Киприана точно воспроизводит первый список. Обе копии грамоты поздние. По авторитетному мнению А. Викторова, сборник Синодальной библиотеки в основной части составлен не ранее 1574 г. и дополнялся до 1644 г. Сборник И. Д. Беляева составлен в конце царствования Михаила Федоровича.[4]

При напечатании грамоты в Актах археографической экспедиции издатели внесли некоторые сознательные исправления. Правописание грамоты было исправлено согласно с требованиями правил XVI в. или современной издателям грамматики. Так, например, вместо «празник» печаталось «праздник», вместо «занеж» — «занеже» и т. п. Были исправлены и грамматические ошибки «Сборника» в пользовании буквами «е» и «ѣ». Нарушая строгие требования издания документов, эти исправления, разумеется, не мешают правильному пониманию текста.

Но помимо того, при напечатании грамоты были допущены два недосмотра. Слова константиновского игумена Ефрема, ссылающегося на своего предшественника Царько, переданы так: «А здесь, господине, на Москве игумен Царко, тот игуменил у святаго Констянтина перед мене». В обоих сборниках, Синодальной библиотеки и И. Д. Беляева, последние слова читаются: «наперед мене». Этот недосмотр не изменяет смысла текста, но ухудшает стиль грамоты.

Второй недосмотр более серьезен. При перечислении повинностей монастырских крестьян после слов — «а истоки им забивати» — в обоих сборниках оставлен пробел. Он не замечен издателями грамоты, напечатавшими текст ее сплошь.

Что здесь мы на самом деле имеем пропуск переписчика грамоты, становится ясно при сопоставлении текста грамоты по сборникам Синодальной библиотеки и И. Д. Беляева с третьим списком грамоты. Этот третий список находится в «Сборнике № 512» собрания гр. А. С. Уварова, принадлежавшем ранее И. Н. Царскому.[5] П. Строев

---

[1] ААЭ I, № 11,

[2] Сейчас этот сборник хранится в Отделении рукописей Государственного исторического музея в Москве.

[3] В настоящее время хранится в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. Ленина.

[4] А. Викторов. Собрание рукописей И. Д. Беляева, стр. 106, М., 1881.

[5] Сейчас хранится в Отделении рукописей Государственного исторического музея в Москве.

относил этот сборник к началу XVI в.[1] Таким образом, этот сборник был составлен раньше сборников Синодальной библиотеки и И. Д. Беляева. Это позволяет думать, что здесь мы встречаем копию грамоты митрополита Киприана, сделанную независимо от более поздних копий.

В сборнике гр. Уварова после «Слов» Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и др. следует ряд посыльных, жалованных, милостинных, ставленных грамот митрополитов Киприана и Ионы, некоторые договорные и духовные грамоты московских великих князей. Это — обычный для XV или начала XVI в. подбор типичных образцов грамот разного рода. Здесь, среди других, и встречается список грамоты митрополита Киприана.

Сравнивая этот список с двумя другими, мы находим много разночтений. Иногда это — перестановка слов. Переписчик грамоты сборника гр. Уварова допустил и некоторые сокращения, выбрасывая то, что было не нужно для его цели — дать образец уставной грамоты. Таким образом, текст грамоты митрополита Киприана в сборнике гр. Уварова внушает меньше доверия, чем текст других списков. Но важно то, что по списку грамоты в сборнике гр. Уварова восполняется указанный выше пробел. «А исток им забивати Селятин и Вычахорьской» — читается в списке сборника гр. Уварова. При этом чтении исчезает та недоговоренность, незаконченность фразы, которая всегда чувствуется при чтении грамоты во всех ее изданиях. Получает оправдание и поставленный в начале фразы союз «а».

Селятинский и Вычахорский истоки ведут нас к определенным озерам. Елено-Константиновский монастырь принадлежал к числу «извечных» митрополичьих монастырей. Его земли принадлежали к тому комплексу владений, которые перешли к митрополитам при их переезде во Владимир от епископов владимирских и после упразднения Владимирской епископской кафедры при митрополите Алексее стали одной из основ митрополичьего землевладения в северо-восточной Руси. Константиновский монастырь находился на левом берегу Клязьмы, ниже Владимира, между устьями Ирпени и впадающей в Клязьму Нерли. Под самым монастырем лежало монастырское село Доброе или Константиновское; несколько дальше — село Суролма или Суроломское, с деревнями. Земли Константиновского монастыря, по более поздней грамоте 1502 г., были смежны с землями Боголюбовского и Покровского монастырей, стоявших на Нерле. Часть владений Константиновского монастыря лежала за Клязьмой, в Заречье, где были разбросаны также разнообразные угодья митрополичьей кафедры: пожни, луга, потеребки, кулижки. Здесь же были бортные леса и оброчные бортные уходы митрополитов.[2]

На обоих берегах Клязьмы были раскинуты и многочисленные озера с истоками; часть их принадлежала Константиновскому монастырю. Именно рыбою из этих озер монастырь и выплачивал свой оброк митрополитам. По оброчной грамоте 1510 г. монастырь должен был ежегодно поставлять в Москву на митрополичий двор к осеннему Георгиеву дню две бочки щучины, бочку лещевины и бочку «сопы»[3] «добрые осеннего лову».[4]

У монастырских озер была своя судьба. Когда-то П. Строев утверж-

[1] П. Строев. Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому, № 366, М., 1848.

[2] АЮБ, III, стр. 126; ААЭ, I, стр. 111; М. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода, СПб., 1871 г., Приложения.

[3] Сопа, или сапа — рыба породы чебаков.

[4] М. Горчаков. Указ. соч., Приложения, стр. 45—48.

дал, что в течение XVI в. Константиновский монастырь «пустел».[1] Но документы начала XVI в. (времени митрополита Симона), конца его (1590 г.) и начала XVII в. (1602 г.) говорят о росте и преуспевании монастырского хозяйства, сопровождавшихся усилением эксплоатации крестьян.[2] Запустение монастыря было, но оно падает на время крестьянской войны и польской интервенции начала XVII в., когда «Царякостянтиновскаго монастыря архимариты перевелись, а старые старцы померли, а иные без вести разбрелись, и монастырь оскудел и стал безлюден».[3] В это время лучшими озерами Константиновского монастыря завладели игумены соседнего Боголюбовского монастыря: «И то знатно, что боголюбовские игумены з братьею теми озеры учали владеть насильством в смутное время».[4] Возникшее в 1630 г. судебное дело дает нам случай ознакомиться со старинными озерами Константиновского монастыря. При разборе судебного спора в ветхих харатейных книгах митрополита Симона разыскали оброчную грамоту Константиновского монастыря 1510 г., в которой значились все его озера: Вочахро, Тулбаш (или Тунбаш), Некшино, Глушица, Селятино, заводь Услуг, два озера Девятинских (они же Вышехры), озеро Вояхрец, Вояхр, Вопчее, Россохатец и истоки тех озер.[5] Приблизительно можно указать положение некоторых из перечисленных озер. Заводь и исток Услуг лежали за Клязьмою. Там же, на правом берегу реки, было и озеро Селятино; по описи 1645—1647 гг. между ним и рекою Клязьмою находились одна из пожен Боголюбовского монастыря. Может быть, два маленьких озерка, лежащие выше Селятина, — два Девятинских озера. Озеро Глушица, или Среднее, лежало на левом берегу Клязьмы.

Так определяются те истоки — Селятинский, выходивший из озера Селятино, и Вычахорский, выходивший из озера Вочахро, — которые должны были «забивати» крестьяне по уставной грамоте 1391 г.

Самое большое расхождение между списками грамоты в сборниках Синодальной библиотеки и гр. Уварова мы встречаем в конце грамоты, в ее резолютивной части. В списке сборника гр. Уварова она коротка: «И яз, Кипреян, митрополит всея Руси, тако рек игумену и християном маностырьскым: ходите же по сей моей грамоте. А сю грамоту велел блюсти вь церкви прежних деля управлен маностырьскых». Итак, грамота должна соблюдаться и игуменом и крестьянами и храниться для возможных справок в церкви монастыря.

Конец грамоты в сборнике Синодальной библиотеки стремится подчеркнуть обязательность утвержденного митрополитом устава. После слов «ходите ж вси по моей грамоте» добавлено краткое, но сильное поучение: «игумен сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте». Так же подчеркнута обязательность грамоты и на будущие времена: «а хотя кто будет иный игумен по сем игумене, и тот ходит по сей моей грамоте». Приказ хранить грамоту в церкви подкреплен угрозой божьей кары за его нарушение, — угрозой, направленной против одной стороны, игумена: «а никоторый игумен сее грамоты из монастыря да не вынесет; аще ли вынесет, не буди на нем милости божиа и моего благословениа».

---

[1] Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви, стр. 670, СПб., 1877.

[2] М. Горчаков. Указ. соч., Приложения, стр. 41; Описание государственного архива старых дел, сост. П. Ивановым, стр. 237. М., 1850; АЮБ, I, № 43.

[3] М. Горчаков. Указ. соч., Приложения, стр. 46.

[4] Там же, стр. 48.

[5] Этот перечень напечатан у М. Горчакова с ошибками (Указ. соч., Приложения, стр. 45—48). Я привожу перечень озер по Сборнику Синодальной библиотеки № 276, лл. 415—418.

У нас нет оснований считать эти детали грамоты позднейшим добавлением. Скорее в сборнике гр. Уварова переписчик выкинул эти детали, как ненужные для его цели.

На оборотной стороне подлинной грамоты Киприана были две подписи — великого князя и митрополита Ионы. Их нет в списке сборника гр. Уварова. Вторая подпись исправлена стилистически в Актах Археографической экспедиции. В сборнике Синодальной библиотеки она читается так: «Сее грамоты Иона, митрополит всеа Руси, не рушил, а велел. И велел игумен и христианом по старине и по сей грамоте ходити о всем».

Так в середине XV в. нормы крестьянских повинностей грамоты Киприана были еще раз провозглашены как нерушимые. Но мы знаем, что эти нормы изменились уже в конце века в связи с общими изменениями феодального хозяйства во второй половине столетия. «Общая тенденция все яснее обнаруживается к концу XV в. — это замена старой универсальной по пестроте и разнообразию, но по существу не очень тягостной для крестьян барщины натуральным и денежным оброком и барщиной, применяемой, главным образом, к пашне».[1] Монастырская запашка была увеличена и в Константиновском монастыре во время митрополита Симона (1496—1510 гг.), когда было решено, что монастырские крестьяне «пашут на себя много, а монастырские де пашни пашут мало».[2]

Итак, через 50 лет после утверждения грамоты митрополитом Ионою подъем хозяйства и вместе с ним рост эксплоатации крестьянского труда изменили условия старой грамоты. Новые условия новых грамот делали излишним дальнейшее подтверждение грамоты Киприана. Со второю половиною XV в. закончились ее значимость и история, и в митрополичьих сборниках она встречалась лишь как свидетельство «прежних управлен монастырских».

---

[1] Б. Греков. Очерки по истории феодализма в России. («Известия ГАИМК», № 72, 1934 г., стр. 63).

[2] Там же, стр. 64—65.

ОГЛАВЛЕНИЕ

SOMMAIRE

Технический редактор П. А. Савельев — Корректор С. В. Герцман

Сдано в набор 2/XI 1939 г. Подписано к печати 26/III 1940 г. Формат 70×108 1/16. Объем 15 3/4 п. л. В 1 п. л. 58 000 печ. зн. Уч.-изд. л. 24.72. Тираж 10.000 экз. А30372 АНИ № 1493.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“. Москва, Валовая, 28. Заказ № 46:7.

Отпечатано с матриц в типографии „Илутрюк“. г. Тарту ЭССР, ул. 21-го июня 58.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
33	23 св.	78	34
35	8 сн.	доборов	поборов
79	7 сн.	124	80
91	20 сн.	двух	дух
145	22 сн.	мира. [2]	мира. [3]
165	19 св.	богатстве и скудости	скудости и богатстве»
252	7 св.	cief	clef
252	17 св.	l'artisanaf	l'artisanat

ОГЛАВЛЕНИЕ

SOMMAIRE

Технический редактор П. А. Савельев Корректор С. В. Герцман

Сдано в набор 2/XI 1939 г. Подписано к печати 26/III 1940 г. Формат 70×108 1/16. Объем 15 3/4 п. л. В 1 п. л. 58 000 печ. зн. Уч.-изд. л. 24.72. Тираж 10.000 экз А30372 АНИ № 1493.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“. Москва, Валовая, 28. Заказ № 4627.

Отпечатано с матриц в типографии „Илутрюк“. г. Тарту ЭССР, ул. 21-го июня 58.

Цена 13 руб.